

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ

ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Вып. 15, 2016

Владикавказ 2016

**ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ
ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

Научный журнал
Гуманитарные науки

Главный редактор
З. В. Канукова

Редакционная коллегия:
С. А. Айларова, Е. Б. Бесолова,
Э. Ш. Гутиева (ответственный секретарь),
Б.В. Туаева, Р. Н. Абисалова, Е. Б. Дзапарова, И.В. Малиева

Учредитель:

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА "ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК"

Адрес редакции и учредителя:
362040, РСО–Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: soigsi@mail.ru

*Мнения, выраженные в статьях, отражают личные взгляды авторов
и не всегда совпадают с точкой зрения редколлегии
и редакции журнала*

ISSN 2310-578X

© СОИГСИ ВНЦ РАН, 2016

I. ИСТОРИЯ

Ф. С. КИРЕЕВ,
нс Института истории и археологии РСО-А
(Г. Владикавказ)

ИЗ ИСТОРИИ ПРИТЕРЕЧНОГО КАЗАЧЬЕГО ОКРУГА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Статья посвящена изучению опыта автономного самоуправления в местах традиционного расселения казаков и казачьих автономных округах СССР в 20-е годы. На примере казачьего округа на территории Северной Осетии рассматривается структура автономного самоуправления, вопросы кадрового обеспечения, деятельность исполнительных и законодательных властей.

Ключевые слова: СССР, Северная Осетия, казачество, самоуправление, автономия, выборы.

The article is devoted to studying the experience of autonomous self-government in the place of Cossack traditional settlement and Cossack autonomous districts in the USSR in the 1920s. Author considers the structure of the autonomous self-government, problems of peopleware, activity of executive and legislative authorities on the example of Cossack district on the territory of North Ossetia,

Keywords: the USSR, North Ossetia, the Cossacks, self-government, autonomy, elections.

С первых лет своего существования советское государство объявило войну казачеству. Достаточно вспомнить известную Директива Оргбюро ЦК РКП (б) от 24 января 1919 года в которой говорилось что нужно «Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью» [1,101].

25 марта 1920 года был издан не менее известный «Декрет о строительстве Советской власти в казачьих областях». В декрете прямо указывалось: «учредить в казачьих областях общие органы советской власти, предусмотренные конституцией РСФСР и положением всероссийского ЦИК о сельских советах и волостных исполнительных комитетах» [2, 47]. Началась кампания по переименованию станиц в волости, по запрету казакам носить их традиционной, формы и даже по упразднению самого понятия «казак».

Все эти действия, конечно, приводили к острым конфликтам. Во-первых, на казачьих территориях не утихали различные восстания и сопротивления властям. Во-вторых, среди казаков было немало участников борьбы за советскую власть, но которые тоже были недовольны такой политикой нового государства.

Чтобы как-то успокоить казачье население власти пошли на уступки. 30 апреля 1925 года состоялся пленум ЦК РКП (б) на котором среди прочего прошло обсуждение казачьей темы. Вскоре, 9 и 15 мая 1925 года, газета «Правда» публикует резолюцию пленума по вопросу о казачестве, в которой звучат такие высказывания: «совершенно недопустимо игнорирование особенностей казачьего быта и применение насильственных мер по борьбе с остатками казачьих традиций», «пересмотреть вопрос о лишении избирательных прав станичных и хуторских атаманов и писарей, выборных лиц казачества, проявивших лояльность к Советской власти», «в наименовании Советов в казачьих районах должно быть обязательным упоминание: «и казачьих депутатов»», «признать необходимым, чтобы в местных газетах соответствующих районов гораздо больше внимания, чем до сих пор, уделялось освещению положения казачества и нуждам казачества и было уделено должное внимание делу привлечения селькоров из казачьей среды» [3, 391-392].

Но самыми главными были два последних пункта резолюции.

«9. Способы проведения национальной политики в казачьих районах требуют особенного такта. В районах со смешанным национальным составом усилить участие казачества в руководящих органах тех национальных республик и областей, в которых казачество до сих пор мало привлечено к этой работе.

10. Признать допустимым районы с компактным казачьим населением в нацобластях выделять в отдельные административные единицы (например, Оренбургский район)» [2,48].

Таким образом, советское правительство фактически признала казаче-

ство отдельным народом. Правда, напомним, что большевики и ранее относились к казакам как к народу и в органах власти уже существовали различные казачьи комитеты и секции, на равных с аналогичными организациями по малым народам.

Сравнивая с сегодняшней ситуацией, то можно отметить, что если 9 пункт резолюции еще кое-где соблюдается, то о 10-м пункте казаки пока могут лишь мечтать. Более того большинство чиновников утверждают что казачьи районы в принципе невозможны, что казаки это сословие и они могут лишь служить. За долгие годы советской власти, нас действительно приучали к мысли, что казаки это сословие и нужны лишь для службы. Но вот наглядный пример обратного. Ненавидевшая казачество советская власть, признавала казаков народом. Нынешние власти, увы, далеки от этого.

Что же представляли собой казачьи районы, какова их судьба рассмотрим на примере Притеречного района Северной Осетии.

16 ноября 1925 года было издано Постановление № 333 президиума ВЦИК об организации казачьего округа в составе Северо-Осетинской Автономной области. Согласно этому постановлению необходимо было «Организовать в составе Северо-Осетинской автономной области самостоятельный казачий округ (на правах района) с центром в станице Ардонской. В состав нового округа включить станицы (в границах их юртовых наделов): Змейская, Ардонская, Архонская, Николаевская и хутор Ардонский. Новому округу присвоить наименование «Ардонский»» [4,33].

Ранее данные станицы входили в разные районы: Змейская и Николаевская в – Дигорский, Ардонская – в Алагиро-Ардонский, Архонская и хутор Ардонский в Гизельский.

9 декабря 1925 года состоялось заседание президиума ЦИК Северо-Осетинской автономной области (СОАО) который утвердил постановление ВЦИК с небольшим изменением – новый округ было решено назвать не Ардонский, а Притеречный. (Позднее ВЦИК согласился с таким переименованием, о чем 11 ноября 1926 года было издано постановление) [5,62].

На этом же заседании было принято решение о расформировании казачьей коллегии при ЦИК СОАО и об утверждении состава ревкома Притеречного округа.

Состав ревкома Притеречного округа был следующий.

Председатель – Алексей Иваненко (ст. Николаевская)

Заместитель – Михаил Галич (ст. Ардонская)

Члены – Козьма Глива, Стефан Фисенко, Иван Масленников (ст. Архонская), Михаил Попович (ст. Ардонская), Евдокия Савченко (ст. Ардонская).

Кандидаты – Захар Джевелло (ст. Ардонская), Дмитрий Остренко (ст. Николаевская) [6,1].

Ревком должен был существовать до выборов, избрания совета и исполкома. 16 декабря состоялось первое заседание ревкома, где были рассмотрены организационные, текущие вопросы, вопросы предстоящих выборов.

Согласно тогдашнему положению о выборах, избирать и тем более быть

избранными не могли некоторые категории граждан. Среди них были бывшие офицеры, военные чиновники, торговцы, духовенство и др. В станице Змейской таких оказалось 15, на хуторе Ардонском – 1, в станице Николаевской – 14, в Ардонской – 45, в Архонской – 26. В последующем эти число возрастало, так как правила лишения избирательных прав с каждым годом ужесточались.

В начале 1926 года состоялись выборы в станичные советы, а затем и в совет Притеречного округа. Избирателей в возрасте от 18 до 60 лет в округе было 7658. Они распределялись следующим образом [7,9].

	всего	мужчин	женщин	рабочих	батраков
ст. Ардонская	1482	726	756	18	12
ст. Николаевская	1095	516	576	24	32
ст. Архонская	2668	1238	1430	нет данных	нет данных
х. Ардонский	497	257	240	8	25
ст. Змейская	1916	1018	898	56	48

Всего в округе, занимавшем 329 квадратных километров, было около 20 тыс. жителей, из них 95 процентов являлись казаками.

6 марта 1926 года ревком Притеречного округа прекратил свою деятельность и был сформирован окружной исполком. Его председателем стал Алексей Семенович Иваненко. О нем известно, что он из станицы Николаевской, 32 года, член ВКП (б). Его заместитель и он же заведующий земельным отделом – Василий Замотай (ст. Змейская). Заведующие другими отделами: Василий Демин, Иван Масленников и Михаил Попович. Секретарь Макар Джевелло [8,1].

Администрация Притеречного округа по своей структуре была такая же, как у остальных районов Северо-Осетинской области, с той разницей, что почти все должности занимали казаки из станиц округа. Из них же состояла и окружная милиция.

Главное отличие округа от других районов было в том, что он «в виду особых условий имеет право сношения с краевым центром минуя северо-осетинские власти» [9, 63]. Последним, это, конечно же, не нравилось. По этому вопросу шли долгие споры. Власти Осетии опасались, что округ вообще выведут из под их управления. Такие опасения были не беспочвенны. Тем более что политика государства была непредсказуемой. Власть могла, как дать кому-то что-то, так и забрать.

Пока шли споры по вопросу подчинения округа, в самом округе выстраивали вертикаль советской власти – организовывали советы в станицах. Здесь возникли некоторые трудности. Во-первых, была пассивность населения во время выборов. Казаки считали что выборы проходят по дореволюционной системе – женщины не участвуют, двory выбирают выборщиков, которые голосуют. Например, выборы в совет станицы Архонской должны были пройти 31 января 1926 года, но не состоялись из-за низкой явки. Их провели 1 февраля, но опять избирателей было мало – 557 человек. Как со-

общалось «подавляющее большинства избирателей не было. Не было женщин. От двора пришел лишь один человек». В результате решением ЦИК СОАО эти выборы были отменены и назначены новые, по причине того что было лишь 21 процент избирателей, а необходимо не менее 35 процентов [10, 8]. Схожие ситуации были и в других станицах.

Другая проблема была в том, что казаки часто выбирали неугодных властям лиц. Они по-старинке голосовали за уважаемых станичников, а ими нередко оказывались состоятельные казаки, хорошие хозяева. А власть старалась опираться на бедное казачество. Поэтому станичные выборы, которые проходили ежегодно каждый раз были по новым правилам. Все больше было лишенных избирательных прав, вводился имущественный ценз. В общем, делалось все, чтобы избирались лишь удобные, послушные властям казаки.

В январе-феврале 1929 года состоялись очередные выборы станичных советов. Число лишенных избирательных прав в округе было 564 человек (Змейская – 110, Николаевская – 45, Ардонская – 113, Архонская – 268, хутор Ардонский – 28) [11,19].

Трудно сказать, как бы сложилась дальнейшая судьба Притеречного округа, но в начале 30-х годов политика властей в отношении казачества в очередной раз поменялась. Начавшаяся в 1929-1930 гг. сплошная коллективизация в первую очередь ударила именно по казакам: их больше всего раскулачивали, высылали на Север и в Сибирь, а в 1937-1938 гг. бросали в лагеря и расстреливали. В казачьих станицах и городах разрушались церкви. Много делалось для того, чтобы вытравить саму память о казачестве. В официальных документах и анкетах перестало употребляться само слово «казак».

В 1931 году Притеречный округ был переименован в район, тем самым он полностью вошел в подчинение властям Северной Осетии. А в 1933 году Притеречный район полностью ликвидировали [12,121]. Его населенные пункты распределили по разным районам Осетии, чтобы они растворились в общей массе осетинских сел. Что в дальнейшем и произошло.

Хоть судьба Притеречного казачьего округа была непростой и недолгой, но она показала жизнеспособность самой идеи казачьей автономии. И ныне казакам надо стремиться к этой идее. Увы, сейчас повторить этот опыт будет непросто, так уже почти не осталось компактных казачьих поселений. Они были до революции и оставались такими в первые годы советской власти. Затем коллективизация, репрессии и война порушили уклад казачьей жизни и нанесли сильный урон казачьему генофонду. Уничтожение казачества продолжается и в наши дни, потому то и надо казакам стремиться к автономии, иначе им не выжить.

Примечания

1. Губенко О. В. Терское казачье войско в XV-XXI вв. Ессентуки, 2007.
2. Бугай Н. Ф. Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917-90-е годы), М. 2000.
3. Декреты Советской власти. М., 1973. Т.6.
4. Центральный Государственный Архив Республики Северная Осетия-Алания (далее – ЦГА РСО-А) Ф. Р-51. ОП. 1. Д. 3. Л. 33.
5. ЦГА РСО-А Ф. Р-51. ОП. 1. Д. 3. Л. 62.
6. ЦГА РСО-А Ф. Р-51. ОП. 1. Д. 3. Л. 1.
7. ЦГА РСО-А Ф. Р-51. ОП. 1. Д. 3. Л. 9.
8. ЦГА РСО-А Ф. Р-51. ОП. 1. Д. 2. Л. 1.
9. ЦГА РСО-А Ф. Р-51. ОП. 1. Д. 3. Л. 63.
10. ЦГА РСО-А Ф. Р-51. ОП. 2. Д. 6. Л. 8.
11. ЦГА РСО-А Ф. Р-51. ОП. 2. Д. 7. Л. 19.
12. ЦГА РСО-А Ф. Р-61. ОП. 1. Д. 43. Л. 121.

Д. А. ОГУЗОВА,
аспирант СКФИ РАНХиГС
(г. Пятигорск)

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ И ЧИСЛЕННОСТЬ АДЫГСКИХ НАРОДОВ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В данной статье рассматривается географическая локализация и численность адыгских народов в конце XVIII – первой половине XIX века. В качестве основных факторов, их изменивших, мы рассматриваем естественное воспроизводство населения, колониальную политику России, эпидемии.

Ключевые слова: численность адыгов в XIX веке, колониальная политика России, адыги, черкесы в XIX веке.

This article examines the geographic location and the number of Adyghe people in the late XVIIIth – early XIXth century. As key factors to change them we consider the natural reproduction of the population colonial policy of Russia and the epidemic.

Keywords: the number of adygs in the XIXth century, colonial policy of Russia, adygs, Circassians in the XIXth century.

Определение территории и границ расселения горских народов в конце XVIII – первой половине XIX века представляет сложную задачу. Трудности связаны с тем, что достоверных письменных источников мало, а имеющиеся часто противоречат друг другу. К тому же отдельные этнические группы часто перемещались под влиянием внутренних и внешних факторов.

В качестве основных факторов выступают естественное воспроизводство населения и колониальная политика России по отношению к адыгским народам. Значительную роль сыграли также эпидемии, междоусобные столкновения, миграции, которые ежегодно вносили немалые изменения в численность народонаселения [1, 645].

Нередко у исследователей возникает вопрос, можно ли считать «адыгов» единой этнической общностью с единой территорией. Полагаем, что, да, можно говорить без сомнения о том, что адыги имеют единое происхождение, общую территорию, где происходили первоначальные этапы его этногенеза, общую традиционную культуру и близкородственные языковые связи [2, 7].

Серьезным аргументом является самосознание народа, как наиболее важный этнический определитель. Для этноса характерно противопоставление себя другим коллективам людей, различая «своих» и «других» («мы» и «не

мы»). Ключевым моментом этнического самосознания является идентификация индивидов с определенной этнической общностью, которая проявляется в самоназвании «этнониме» [3, 1].

Следует подчеркнуть и то, что адыги не только сами себя воспринимали как единый народ, но так воспринимались посещавшими Кавказ путешественниками, исследователями. Народ, который сам себя называл «адыгэ» во всем мире был известен как «черкесы».

Таким образом, используя термин «адыги» мы подразумеваем все народы, самоидентификация которых подтверждает их принадлежность к одному народу.

В конце XVIII века к ним принадлежали натухайцы, шапсуги, абадзехи, кабардинцы, бесленевцы, темиргоевцы, бжедуги, хегаки, убыхи, жанеевцы, хатукаевцы, махошевцы, егарухаевцы, адамиевцы, мамхеговцы, черченевцы, хамышеевцы, гойе.

Происходивший на протяжении первой половины XIX века в адыгском обществе, процесс консолидации этнических групп, привел к уменьшению этнической раздробленности. В середине XIX века Л. Люлье говорит о десяти народах, это: абадзехи, шапсуги, натухайцы, кабардинцы, бесленевцы, махошевцы, темиргоевцы, хатукаевцы, бжедуги и жанеевцы [4, 173].

В первой половине XIX века адыгские народы занимали территорию, начиная от северо-западной оконечности гор Большого Кавказа по обе стороны водораздельного хребта, а оттуда на юге по Кавказскому хребту на восток до Сунжи и оттуда по Тереку, Малке, Куме, до Кубани [5, 1].

Вот как описывает Хан Гирей границы адыгов в первой половине XIX века: «Черкесские земли простираются в длину на 600 верст, начиная от устья Кубани вверх по этой реке, а потом по Куме, Малке и Тереку до границ Малой Кабарды, которые простирались прежде до самого слияния Сунжи с Тереком. Ширина различна и простирается от вышеупомянутых рек на юг, на полдень, по долинам и по скатам гор в разных кривизнах, имеющих от 20 до 100 верст расстояния, составляя, таким образом, длинную узкую полосу, которая, начиная от восточного угла, образуемого слиянием Сунжи с Тереком, опять расширяется, следуя на запад вниз по Кубани до берегов Черного моря» [6, 53].

Адыгская этнополитическая общность четко делилась на две группы: западную и восточную. Граница между Западной (Закубанской) и Восточной (Кабарда) Черкесией проходила от Эльбруса на север по Пятигорью до верховьев Кумы [7, 8].

М. В. Покровский, применительно к периоду конца XVIII – первой половины XIX века, делит территорию Кабарды на две неравные части: земли от Кумы и Кубани до слияния рек Баксан и Терек назывались Большой Кабардой, Малая Кабарда простиралась по правобережью Терека до станицы Нижний Наур.

Проведенная отсюда на юг к р. Сунжа линия замыкала восточную границу Малой Кабарды. Большая Кабарда занимала северные склоны Кав-

казского хребта от Эльбруса до истоков рек Малка и Терек. Малая Кабарда представляла собой равнинную территорию между левым притоком Терека Урупом и Сунжей. На юге Кабарда граничила со Сванетией, Осетией и Чечней [8].

Вдоль Главного Кавказского хребта и по берегу Черного моря в общем направлении с северо-запада на юго-восток располагались земли натухайцев. По своей форме они напоминали большой треугольник, основание которого упиралось в р. Кубань, а вершина выходила на Черноморское побережье, к югу от Геленджика. К востоку от натухайцев обитали шапсуги, делившиеся на Большой Шапсуг и Малый Шапсуг. Большой Шапсуг был расположен к северу от Главного Кавказского хребта, между реками Адагумом и Афипсом, а Малый – к югу от него и выходил к Черному морю. С востока он был ограничен р. Шахе, за которой жили убыхи и с запада р. Джубгой, отделявшей его от натухайцев. Шапсугская территория была значительно больше натухайской, но она имела много труднодоступных и малонаселенных горных пространств [8].

На восток от Большого Шапсуга, в глубине Кавказских гор и на их северном склоне, находилась область абадзехов. С севера ее отделяли от р. Кубани земли бжедухов, с востока ее границей была р. Белая, а с Юга она упиралась в Главный Кавказский хребет, за которым лежали владения шапсугов и убыхов. Таким образом, абадзехи занимали значительную часть территории Западного Кавказа, от бассейна р. Афипс до бассейна Лабы [8].

Между северной границей абадзехской территории и р. Кубанью располагались бжедухи, подразделявшиеся на хамышеевцев, черченеевцев и жанеевцев. По народным преданиям, хамышеевцы обитали вначале на р. Белой среди абадзехов, но затем были вытеснены ими в верховья р. Псекупс, где жили их соплеменники – черченеевцы. Потом и те и другие под давлением абадзехов передвинулись еще ближе к р. Кубани: хамышеевцы поселились между реками Сулс и Псекупс, а черченеевцы – между реками Псекупс и Пшиш. Большая же часть жанеевцев вскоре слилась с хамышеевцами и черченеевцами, а часть перешла на Каракубанский остров, в пределы Черномории.

Непрерывная междосубная борьба привела к тому, что к 30-м годам XIX в. численность бжедухов значительно уменьшилась. По имеющимся архивным данным, к абадзехам и шапсугам отошло 1200 только одних хамышеевских «простых дворов, плативших дань» хамышеевским князьям.

К востоку от черченеевцев, между реками Пшиш и Белой, обитали хатукаевцы. Еще восточнее, между нижним течением рек Белой и Лабы, находилась область, занятая темиргоевцами или «чемгуй». Несколько дапльше в направлении к юго-востоку жили их соседи – егерухаевцы, махашевцы и мамхеги (мамхеговцы), которые считались родственными темиргоевцам и часто упоминались в русской официальной переписке под общим названием «чемгуй» или «кемгой». Значительным адыгейским народом на Западном Кавказе были бесленеевцы. Их владения граничили на северо-западе с тер-

риторией махашевцев, на юго-востоке доходили до р. Лабы и ее притока р. Ходзь, а на востоке – до р. Уруп. Среди бесленеевцев жили так называемые «беглые кабардинцы», переселявшиеся из аристократических княжеств, во время столкновений с царскими войсками под руководством А. П. Ермолова, и небольшое число ногайцев [9, 72].

К примеру, «племя» гуайе, о котором Л. Люлье пишет: «До образования своей самобытности Натухажцы и Шапсуги, в числе прочих племен черноморского побережья, из коих главное было гоые», не все исследователи выделяют как отдельный народ [10].

Если перейти к вопросу о численности адыгских народов, многочисленные источники, описания и известия дают самые разноречивые сведения. Русский офицер Г. В. Новицкий приводит цифру 1 млн. 87 тыс. 200 человек. По подсчетам Хан-Гирея численность адыгов составляла 265 тыс. 140 чел. Т. Лапинский, проживший в Черкесии около трех лет, насчитывает в ней более 1,5 млн. чел. Опираясь на данные командира Отдельного Кавказского корпуса И. Ф. Паскевича, А. Х. Бижев приводит цифру 1 млн. 700 тыс. человек [11, 196].

К. Ф. Сталь, например, определял общее число темиргоевцев и егерухаевцев всего в 8 тысяч человек, а Г. В. Новицкий утверждал, что одних только темиргоевцев было 80 тысяч. Численность абадзехов, по К. Ф. Сталю, достигала 40-50 тысяч человек, а Г. В. Новицкий насчитывал их 260 тысяч. Общее число шапсугов К. Ф. Сталь определял в 160 тысяч душ обоого пола, Новицкий – в 300 тысяч; М. И. Венюков же считал, что их было только 90 тысяч [12].

Сведения, сообщаемые адыгскими князьями и дворянами о численности подвластного им населения, были еще более разноречивы. Сопоставляя имеющиеся данные, можно лишь приблизительно установить общую численность адыгского населения Западного Кавказа. К середине XIX в. она составляла примерно 700-750 тысяч человек [8].

Численность кабардинцев в начале XIX в. сократилась под влиянием эпидемии чумы, карательных экспедиций царских генералов, массовых миграций кабардинцев в Закубанье и Чечню. Эти события приобрели характер этнодемографической катастрофы. Этнические границы кабардинцев в это время не только значительно сократились, но и стали непроницаемыми. Это усилило экономический кризис в Кабарде на фоне стремительного сокращения территории и численности кабардинцев. Начавшееся еще в 80-х гг. XVIII века разрушение функций этнического воспроизводства, достигает своего апогея в первой половине XIX века [13].

Несмотря на то, что численность населения Кабарды подвергалась более тщательному изучению и здесь амплитуда разброса мнений для конца [1, 735]. По расчетам Дзамихова К. Ф. все кабардинское население к середине XVIII в. составляло до 450 тыс. человек [14]. Кожев З. А. насчитывает 110-135 тыс. человек, Т. Х. Кумыков – 200-300 тыс. [1, 735], В. К. Гарданов – 130-200 тыс., Р. Х. Гугов 260-350 тыс. человек.

Приведенные материалы, хотя и дают нам только приблизительные сведения о численности и естественном движении населения, позволяют го-

ворить об устойчивом демографическом состоянии адыгских народностей практически до конца XVIII века. Устойчивость обеспечивалась двумя факторами: постоянное сокращение численности населения от набегов крымских татар, болезней, голода и стабильное естественное воспроизводство населения. Шел, на первый взгляд парадоксальный процесс: компенсация неестественной убыли населения его естественным приростом. С конца XVIII века, когда адыгская общность подверглась колониальной экспансии российского самодержавия и пережила прежде невиданную эпидемию чумы ситуация изменилась в сторону значительного сокращения численности адыгов [15, 129].

При изучении демографических процессов следует учитывать внутренние миграции, заметно изменившие численное соотношение отдельных субэтносов. В частности массовые переселения в первой половине XIX века крепостных крестьян из княжеских владений в области проживания «демократических адыгов» способствовали увеличению численности абадзехов, шапсугов и натухайцев. В результате удельный вес «демократических адыгов» достиг 2/3 от общего числа адыгов.

Важно отметить, что чума также не обошла стороной западных адыгов, в частности, адамиевцев, махашевцев и бесленеевцев. При подсчете численности населения важнейшим аспектом является изучение вопроса о степени сохранности большесемейной организации и ее количественном соотношении с малосемейной. Опубликованные Думановым Х. М. материалы Я. М. Шарданова свидетельствуют о том, что к началу XIX века в Кабарде больших семей практически не осталось. Также, мы согласимся с мыслью, высказанной Т. Х. Кумыковым о синонимичности семьи и двора, и ее численность будет в среднем 6-9 человек.

Если вести подсчеты в таком русле, численность кабардинцев определяется в цифру 120-160 тыс. человек. Броневский С. М., в 20-х гг. XIX века, пишет: «Число всех жителей в Большой Кабарде простирается до 10, 000 семей или дворов крестьянских и 1500 дворов узденских [16, 89], а жителей Малой Кабарды определяет в 2000 дворов с небольшим.

В итоге мы получаем (13500 x 9) до 130000 кабардинцев. Численность убазехов (абадзехов) он определяет в 15000 семей, что примерно составляет 135 тыс. человек. Относительно махашевцев называет цифру в 670 семей (чуть более 6 тыс.). Бесленейцы, по Броневскому, составляют 1500 семей (около 10-15 тыс.). Относительно закубанских черкесов он дает цифру в 35-40 тыс. семей, при подсчете (40000 x 9) выходит около 360000 человек.

Таким образом, при том, что здесь представлены данные только половины адыгских народов, хотя и самых многочисленных, население к 1803 году составляет более 630 тыс. чел. Учитывая то обстоятельство, что большие семьи (до 20 человек) все таки составляли некоторый процент от общего числа семей, эти расчеты немного занижены. Таким образом, при правильной оценке числа жителей адыгского двора, логично полагать, что к середине XIX века численность адыгов превышала 1 млн. человек. Подобная оцен-

ка подтверждается и тем фактом, что, по официальным данным российских властей, только в 1863-1864 гг. число черкесов, насильно депортированных с Кавказа, достигало около 500 тысяч человек [17], из которых осталось около 160 тысяч.

По данным начала 30-х гг. XIX века, извлеченным В. Кабузаном из РГИА, численность адыгов составляла в общей сложности 531 тыс. душ обоего пола, из них 30 тыс. кабардинцы.

Итак, при сопоставлении данных различных источников, различной временной принадлежности мы имеем возможность наблюдать серьезное сокращение численности адыгских народов уже в первой половине XIX века.

Примечания

1. Кузьминов П.А. Этнодемографическая карта народов Терека: размещение, численность и миграция населения в конце XVIII- первой половине XIX века // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX в. Нальчик, 2004.

2. Адыгская (черкесская) энциклопедия / Гл. ред. М. А. Кумахов. М, 2006. 3. Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в первой половине XIX века: Из истории формирования этнической общности. [Электронный ресурс] URL [http:// adyg19th.mkgtu.ru/page/5](http://adyg19th.mkgtu.ru/page/5) (дата обращения: 1. 11. 2014)

4. Люлье Л.Я. Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми Черкесами (Адиге), Абхазцами (Азеге) и другими смежными с ними. [Электронный ресурс] URL [http:// apsnyteka.org pdf](http://apsnyteka.org/pdf) (дата обращения: 11. 11. 2014)

5. Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев / Сост.Х. М. Думанов, Ф.Х. Думанова. Майкоп, 1997. [Электронный ресурс] URL <http://lab adat.ru/archives/84> (дата обращения: 10. 11. 2014)

6. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992.

7. Дзамихов К.Ф. Адыги: борьба и изгнание. Нальчик, 2005.

8. Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века. Очерк первый. Социально-экономическое положение адыгов в конце XVIII – первой половине XIX в. [Электронный ресурс] URL [http:// www.budetinteresno.info](http://www.budetinteresno.info) (дата обращения: 26. 04. 2014)

9. Гарданов В.К. О расселении и численности адыгских народов в первой половине XIX века // Советская этнография. 1963. Вып. 4.

10. Люлье Л.Я. О натухажцах, шапсугах и абадзехах. [Электронный ресурс] URL http://apsnyteka.org/418-liulie_izbrannye_raboty.html (дата обращения: 24.11.2014)

11. Чирг А. Ю. Черкесия в международных отношениях XVIII века / История Адыгеи с древнейших времен до начала XX века. Том 1. Майкоп, 2009.

12. Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в первой половине XIX века: Из истории формирования этнической общности. [Электронный ресурс] URL <http:// adyg19th.mkgtu.ru/page/5> (дата обращения: 1. 11. 2014)

13. Каншоков М.В. Территориальная динамика Кабарды в 1763-1864 гг. Автореф. дисс. На соискание степени к.и.н. Владикавказ, 2012. [Электронный ресурс] URL <http://www.dissercat.com> (дата обращения: 21. 09. 2014)

14. Дзамихов К. Ф. Адыги (черкесы) в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х гг). [Электронный ресурс] URL <http://adhist.kbsu.ru> (дата обращения: 01.11.2014)

15. Прасолов Д. Н., Губжоков М. Н. Численность населения Черкесии в XVI – первой половине XIX века. Адыгская (черкесская) энциклопедия / Гл. ред. М. А. Кумахов. М, 2006.

16. Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Нальчик, 1999. Т. 2.

17. Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея) полковника и командира польского отряда в стране независимых горцев. Нальчик. Эль-Фа. 1995. [Электронный ресурс] URL <http://www.vostlit.info/>

**Н. В. ВАРИВОДА,
нс КБИГИ
(г. Нальчик)**

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛАВЯН И СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ В XVIII – НАЧАЛЕ XX В.

В статье исследуются некоторые формы взаимодействия славянского населения Северного Кавказа и горских народов в сфере культуры жизнеобеспечения в XVIII – начале XX в. Приводятся многочисленные историко-этнографические свидетельства этого взаимодействия, что демонстрирует динамичность и пластичность традиционных культур переселенцев и местных народов.

Ключевые слова: Северный Кавказ, взаимоотношения, взаимодействие, быт жилище, одежда, питание, горцы, казаки, крестьяне, заимствование

This article examines some forms of interaction between the Slavic population of the North Caucasus and mountain peoples and in the sphere of life support culture in the XVIII – early XX centuries. Numerous historical and ethnographic evidence of this interaction are given here, it shows the dynamism and ductility of the traditional cultures the local people and newcomers.

Keywords: North Caucasus, the interrelation, the cooperation, everyday life, dwelling, clothes, food, the mountaineers, the Cossacks, peasants, adoption

В XVIII в. в связи с активизацией политики Российской империи на Северном Кавказе усиливается русская колонизация региона. С 70-х гг. XVIII в. Россия начинает создавать Кавказскую линию, стремясь тем самым прочно закрепиться в регионе, рассматривая как одну из основных задач создание здесь многочисленного и сильного кавказского казачества. Так, в документах того времени отмечалось, что «единственно надежным средством для прочного утверждения нашего владычества на Кавказе есть занятие горного и предгорного пространства нашим вооруженным казачьим населением» [1, №589]. Появившееся еще в середине XVI в. на Тереке терско-гребенское казачество, становится продуктом антропологического и культурного синтеза и начинает играть посредническо-передаточную роль в цивилизационно-культурном диалоге России и Северного Кавказа. Казачество являлось обществом, для которого был характерен коллективный культурный билингвизм, основанный на постоянных контактах личного уровня [2, 98]. Казаки выстраивали свои отношения с северокавказскими народами на основе практики

взаимодействия. Ведь жизнедеятельность казаков протекала на Кавказской линии, в эпицентре столкновения и взаимодействия культур.

Следы взаимодействия славянских переселенцев и коренного населения региона прослеживаются в быту. Переселенцы сначала старались сохранить этнические традиции в планировке, строительстве жилища, выборе одежды, системе питания. Но многие характерные особенности их системы жизнеобеспечения в новых условиях оказывались не пригодными. В таких случаях использовался опыт и знания соседних народов [3, 24].

У славян происходили перемены в области построек и домашнего обихода. Они проявлялись в самом характере построек, их внешнем виде, технике строительства. В русских селах и хуторах в пореформенный период строили чаще всего турлучные и саманные дома, наподобие распространенных среди кабардинцев. Например, в 1899 г. в селе Новоивановском было всего 6 деревянных домов, 37 турлучных и 189 саманных, в селе Кременчуг-Константиновском – 5 деревянных, 12 турлучных и 337 саманных, в поселке Новополтавском – 1 деревянный, 2 турлучных и 272 саманных [4]. Планировка двора славянского населения не имела сильных отличий от других народов региона.

Горское влияние ощущалось и в интерьерах русских (в меньшей степени – украинских) жилищ. Так, очень популярны стали в селах и станицах настенные ковры, которые покупали у горцев [5, 185]. По словам И. Попко, «по одной стене, иногда по-кавказски украшенной коврами, было развешено оружие и доспехи, в углу горкой возвышались постели и одеяла, сложенные на кавказский манер ровными кипами; ... на полочках красовалась медная посуда...» [6, 122]. В доме сохранялась русская печь, русские лавки, стол, стулья, сундуки, а в красном углу – возвышался киот с образами.

В свою очередь, в постройках коренных народов прослеживается славянское влияние. Еще в документах XVII-XVIII вв. встречаются упоминания о рубленых деревянных постройках на манер восточнославянских, принадлежащих местной знати, влившейся в состав населения русских крепостей на Северном Кавказе (Терки, Моздок, Кизляр и др.) [7, 45]. Дома знати горских народов в конце XIX в. все больше походили на дома русских и украинцев. Так, кабардинцы в конце XIX в. вместо традиционного длинного дома начали строить четырехкамерные дома с русской печью [8, 25]. Горцы шире стали применять привозные строительные материалы, в срубных домах появились большие окна, которых не было в традиционном горском жилище. Крышу стали покрывать черепицей или жстью. Строили такие дома обычно русские плотники, печи клали русские печники, которые приходили на заработки в горские аулы. «Кабардинцы – говорилось в корреспонденции газеты «Кавказ» за 1848 г., – особенно легко принимают у себя в хозяйстве всякое нововведение... Свободные жители губернии, казаки, отставные солдаты, мещане ездят в Кабарду к князьям, богатым узденям на работу, строят им дома, мельницы, конюшни, разводят сады, делают мебель, посуду и разные полезные вещи, жители с любопытством смотрят на их работу и слушают их наставления и замечания» [9].

Живший много лет в Карачае учитель В. Колесников свидетельствует: «Русское влияние уже сильно сказалось на карачаевце... И стал карачаевец думать, как ему построить русский домишко или хоть в своей сакле проделать ненужное до сего времени окно и сделать русскую печь, да поставить столик с табуреткой» [10, 382].

В результате общения с русским населением вместо векового очага, низкого трехножного стола постепенно в доме горца стали появляться русская печь, железная кровать, высокий стол, стулья, самовар, фарфоровая и фаянсовая посуда, зеркала, часы и другие бытовые предметы. У некоторых народов сама комната с печью стала называться «печ». Даже в отдельные районы нагорного Дагестана в середине XIX в. проникла русская мебель и другие предметы европейского быта [11, 88].

В контактной зоне взаимообогащение традиционной славянской и северокавказской культур происходило и в военно-бытовой сфере. По прибытии на Кавказ казаки стали заимствовать горское вооружение и костюм, так как они были лучше приспособлены к местным климатическим и боевым условиям. Заимствуя у горцев форму одежды, казаки прекрасно понимали, что таковая возникла не по произволу, а является следствием векового боевого и жизненного опыта, благодаря чему она столь удобна в походных условиях.

«Рыцарская Кабарда была законодательницей мод и вкуса для всех воинственных адыгских обществ от Сунжи до Черного моря» [12, 110]. Влияние кабардинцев было значительно и выражалось в подражании им окружавших их народов в одежде, вооружении, нравах и обычаях. Не осталось в стороне от этого влияния и славянское население Кавказа. Первыми подверглись кабардинскому воздействию терские казаки, жившие рядом с Кабардой и имевшие отсюда много выходцев в своей среде. Но уже в первой половине XVIII в. донской атаман Савва Кочетов «сказывал», что казаки даже на Дону носят платье и русское, и татарское, и калмыцкое, и черкесское [13, 240].

В. А. Потто писал о казаках: «Тяжелые сабли и длинные неуклюжие пики были ими брошены, кинжал и шашка сделались их любимым оружием. Даже казацкие жупаны, и те отошли в область предания, заменяясь мало-помалу черкесками, которые казаки стали предпочитать за легкость и удобство покроя» [14, 284]. Горский костюм, состоявший из скроенных в талию бешмета, черкески и суживающихся книзу штанов, с высокими мягкими сапогами, действительно был удобен как при верховой езде, так и на дежурстве.

Вот как описывает внешний вид казака Л. Толстой в повести «Казаки»: «Широкая черкеска была кое-где порвана, шапка была заломлена назад по-чеченски, ноговицы спущены ниже колен. Одежда его была небогатая, но она сидела на нем с той особою казацкою щеголеватостью, которая состоит в подражании чеченским джигитам. На настоящем джигите все всегда широко, оборвано, небрежно: одно оружие богато. Но надето, подпоясано и пригнуто это оборванное платье и оружие одним известным образом, который дается не каждому и который сразу бросается в глаза казаку или горцу» [15, 186-187].

Кавказская одежда, первоначально заимствованная казаками стихийно, впоследствии в силу ее удобства была узаконена и стала форменной для терского и кубанского казачьего войска. 16 января 1831 г. в полках и войсках, поселенных на Кавказской линии, впервые устанавливалась форма обмундирования. В принятом в 1845 г. Положении о Кавказском линейном казачьем войске была закреплена форма как офицерской, так и казачьей одежды [16, 121].

Принятая казаками одежда состояла из зипуна с открытой грудиной и черкески с галунной обшивкой, деревянных, украшенных костью или серебром патронников (газырей), которые вначале носились на поясе, подвешенные к нему на длинных шнурках, а позднее прикреплялись на груди. Шапка из черного бараньего меха была двух видов: высокая и низкая, круглая, с узким меховым околышем и с суконным верхом, обшитым галуном. На ногах чувяки из сафьяновой кожи, а также ноговицы или наколенники. Защитой от дождя и снега для головы и плеч был башлык. Бурка, не только защищавшая от ветра и дождя, но и предохранявшая от сабельных ударов и даже пуль, совмещала в себе епанчу, шубу, постель, одеяло и шатер [17, 241].

Вместе с одеждой казаки переняли у горцев и вооружение. Тяжелая сабля и длинные неуклюжие пики были заменены на кинжалы и шашки в тонких сафьяновых ножнах, не производившие ни звона, ни шума. Позднее их вооружение еще более стало похожим на горское. Оно стало состоять из винтовки, одного или двух пистолетов, шашки и кинжала [18, 241-242].

Казаки заимствовали у своих соседей и всю конскую сбрую. Седло и все конское снаряжение были доведены до высшей степени изящества и легкости. «Седелечко черкесское» славилось в казачьих песнях и рассказах [19, 111]. Лошади у казаков, как правило, были кабардинской породы, считавшейся лучшей на Кавказе. Военное воспитание, игры, скачки, выправку и все приемы наездничества казаки заимствовали также у горцев. «Приняв за образец боевое снаряжение от горцев, наше кавказское казачество, – пишет М. Арнольди, – находясь при одинаковых военных потребностях с своими соседями... не отставало от них в военных стремлениях, так и в исправности своего боевого снаряжения. Щегольство лошадьми, одеждою, сбруею и оружием у казаков дошло, наконец, до того, что они в этом отношении перещеголяли черкесов» [20, 241].

Влияние соседних горцев на быт казаков нашло яркое отражение в песенном творчестве этих поселенцев:

*Стены в ней обобью я персидским ковром
Галуном твой бешмет по краям разошью и тебе
Пистолет свой заветный отдам
Дам и шашку тебе с дагестанским клеймом,
И лихого коня с кабардинским седлом [21, 34].*

Русские и украинские крестьяне также заимствовали некоторые элементы одежды народов Северного Кавказа. Так, они носили полушаровидные шапки с низким меховым околышем и выпуклым донышком из ткани, называ-

емые восточными славянами кабардинки, которые были распространены и у многих народов Северного Кавказа. Летом головным убором русского населения была войлочная шляпа с широкими полями, которая также заимствована у коренных народов, в частности у кабардинцев [22, 91].

В начале XX в. в моду у ставропольских крестьян тоже вошли башлыки из тонкого светлого сукна или фланели. Его – принадлежность горской одежды – ставропольские крестьяне заимствовали через казачество [23, 380]. В одежду крестьян Ставрополя прочно вошли заимствованные у местных горских и кочевых народов элементы – бешметы, овчинные меховые штаны, шапки-малахаи, кавказские пояса [24, 382].

На женский костюм горская одежда повлияла больше всего у гребенских казачек, поскольку те нередко были по происхождению из коренных жительниц. Казачки носили платье горского покроя с широкими рукавами, металлическими нагрудными застежками, кавказскую шапочку и большой, спадающий на спину платок [25, 187]. Обувью служили сафьяновые чуваки горского покроя. Зимой носили вязаные шерстяные носки [26, 48].

Примером восточного влияния на женскую одежду русского населения региона был и женский бешмет, сшитый из ситца, распространенный в первой половине XIX в. [27, 95].

Влиянием горского быта объясняется и пристрастие казачек к косметике и металлическим украшениям. Казачки носили серебряные пояса, монисты, кольца, браслеты. По кавказским рецептам готовились косметические средства, казачки красили сурьмой брови и ресницы, отбеливали и румянили лицо [28, 54].

С проникновением в аулы русской культуры начинает трансформироваться и традиционная горская одежда. Во второй половине XIX в. в национальном костюме произошли некоторые изменения. По мере втягивания народов региона в новые рыночные отношения увеличивается ввоз фабричных товаров, в том числе и тканей, готовой одежды и т.д. Фабричные ткани начали шире использовать для изготовления мужской и женской одежды. При сохранении прежнего покроя использовались новые материалы, упрощались некоторые части костюма. В конце века идет сближение горского костюма с костюмом городского фасона. Среди горцев получили определенное распространение новые виды одежды: кофты, юбки, платки, различные шарфы и косынки, туфли, ботинки, мужские сапоги [29, 130]. Однако общий силуэт и стиль национального костюма сохранялся.

Пища является у каждого народа наиболее консервативным элементом материальной культуры, однако и в этой области у казаков, крестьян и горцев было немало заимствований. Казаки научились изготавливать из просяной муки саламату, квашу или кулагу, заменявшую хлеб, и напоминавшую по способу приготовления и использованию пластэ – пшеничную кашу соседних адыгских народов Северного Кавказа [30, 51]. Русские восприняли от горцев также технику и приемы обработки продуктов скотоводства. Так, большой популярностью пользовался соленый и сушеный овечий сыр, а также мучные

изделия с добавлением в пресное тесто соленого творога и сыра. Гребенские казаки позаимствовали и любимое кушанье чеченцев и ингушей «датыкадор» – смесь творога с топленным маслом. У горцев славяне восприняли ряд национальных блюд – чуреки, мамалыгу, хатламу, лепешки с начинкой из сыра, картофеля, свеклы и т.д., хенкал. Из напитков широкое распространение имели приготавливавшиеся казаками виноградное вино, именуемое, как и у соседних горцев, чихиром, и так называемый калмыцкий чай, бытующий у многих народов степной полосы Северного Кавказа [31, 48] Славяне как бы обменялись чайной традицией с кабардинцами, среди которых появились почитатели черного сладкого чая [32, 134].

Этикет стола горца под влиянием общения с переселенцами претерпевал большие изменения – он становился менее грубым и более разнообразным. Местные народы заимствовали у русских способы приготовления различных славянских блюд из рыбы, овощей, теста. Г.А. Кокиев отмечал, что горцы стали употреблять жидкую пищу, бульон стал использоваться для разных супов и в первую очередь борща [33, 135]. Как местное, так и славянское население западало на зиму фрукты и овощи, используя различные способы их хранения – в том числе и типично восточно-славянские квашение, соление, маринование.

Таким образом, тесные взаимоотношения между славянами и коренными народами Северного Кавказа не прошли бесследно для каждой из взаимодействующих культур. Адаптируясь в новом природном окружении и социуме, культура жизнеобеспечения славян претерпела заметные изменения. Это еще раз подтверждает правильность утверждения известного ученого, кавказоведа В.И. Марковина, который писал: «Культура любого народа создается в результате контактов с соседними народами» [34, 76].

Примечания:

1. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией / под редакцией А.П. Берге. Тифлис, 1904. Т.12.

2. Урушадзе А.Т. Взаимодействие культур на Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX вв: дис... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2011.

3. Дзагов Р.Н. Русское население Кабарды: опыт экономической и культурной адаптации и интеграции в XIX – начале XX в. // Вестник Института Гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып. 1 (19). Нальчик, 2012.

4. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики. Ф. И-6. Оп.1. Д.454. Л. 18; Ф. И-6. Д.473. Л. 18; Ф. И-6. Д.478. Л. 19.

5. Невская Т.А. Интеграция культуры жизнеобеспечения славян, горцев и кочевников Северного Кавказа в XIX – начале XX в. // Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России. Материалы заочной научно-практической конференции. Краснодар, 2008.

6. Попко И. Терские казаки со стародавних времен. Вып.1. Гребенское войско. СПб., 1880.

7. Заседателева Л.Б. Культура и быт русского и украинского населения Се-

- верного Кавказа в конце XVI-XIX в. // Кавказский этнографический сборник. Вып. VIII. М., 1984.
8. Дзагов Р. Н. Указ. соч.
 9. Кавказ. 1848. № 22.
 10. Очерки истории Ставропольского края / отв. ред. А. А. Коробейников. Т. 1. Ставрополь, 1984.
 11. История народов Северного Кавказа / отв. ред. А. Л. Нарочницкий. Т. 2. М., 1988.
 12. Попко И. Указ. соч.
 13. Вилинбахов В. Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1982.
 14. Потто В. А. Два века терского казачества. Ставрополь, 1991.
 15. Цит. по: Невская Т. А. Указ. соч.
 16. Омельченко И. Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991.
 17. Вилинбахов В. Б. Указ. соч.
 18. Вилинбахов В. Б. Указ. соч.
 19. Попко И. Указ. соч.
 20. Цит. по: Вилинбахов В. Б. Указ. соч.
 21. Востриков П. А. Песни, поющиеся в станице Наурской Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 38. Тифлис, 1908.
 22. Тхамокова И. Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2000.
 23. Очерки истории Ставропольского края / отв. ред. А. А. Коробейников. Т. 1. Ставрополь, 1984.
 24. Очерки истории Ставропольского края / отв. ред. А. А. Коробейников. Т. 1. Ставрополь, 1984.
 25. Невская Т. А. Указ. соч.
 26. Калоев Б. А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // Советская этнография. 1961. № 1.
 27. Тхамокова И. Х. Указ. соч.
 28. Заседателева Л. Б. Указ. соч.
 29. Дзагов Р. Н. Взаимодействие культур в процессе формирования многонационального населения Кабарды (XIX – начало XX века). Нальчик, 2009.
 30. Заседателева Л. Б. Указ. соч.
 31. Калоев Б. А. Указ. соч.
 32. Дзагов Р. Н. Взаимодействие культур в процессе формирования многонационального населения Кабарды (XIX – начало XX века). Нальчик, 2009.
 33. Дзагов Р. Н. Взаимодействие культур в процессе формирования многонационального населения Кабарды (XIX – начало XX века). Нальчик, 2009.
 34. Цит. по: Кидирниязов Д. С. Из истории взаимоотношений ногайцев с казаками в XVIII-XIX вв. // Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России. Материалы заочной научно-практической конференции. Краснодар, 2008.

Е. Г. МУРАТОВА,
дин, профессор КБГУ им. Х. М. Бербекова
Ж. З. КОНОВА,
магистрант КБГУ им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)

ПОЛИТИКА КНЯЗЯ В. С. ГОЛИЦЫНА ПО УПРОЧЕНИЮ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ В ЦЕНТРЕ КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ В 1842-1846 ГГ.

Статья посвящена административной деятельности князя Владимира Сергеевича Голицына по упрочению российской власти в Центре Кавказской линии в 1842-1846 гг. Показана его роль в сложных политических процессах на Центральном Кавказе в это время. Результаты исследования являются необходимым элементом для формирования эмпирической базы научной реконструкции политики Российской империи на Северном Кавказе в XIX в.

Ключевые слова: Северный Кавказ, XIX в., князь Владимир Сергеевич Голицын, Центр Кавказской линии, административная политика

The article deals with the administrative activities of Prince V. S. Golitsyn to strengthen Russian power in the Centre of the Caucasian Line in 1842-1846. His role in complex political processes in the Central Caucasus at this time is shown. The research results are indispensable for the forming empirical base for the scientific reconstruction of the policy of Russian Imperia in the North Caucasus in XIX-th century.

Keywords: North Caucasus, XIX century, Prince Vladimir Sergeevich Golitsyn, Centre of the Caucasian Line, administrative policies

Имя князя Голицына Владимира Сергеевича (1794-1861 гг.) хорошо известно военным историкам и кавказоведам. С 1842 по июль 1846 г. он занимал должность начальника Центра Кавказской линии, поэтому и получил прозвище «Centre», что означает «Центральный». На этом поприще князь В. С. Голицын проявил себя как талантливый администратор и новатор во многих общественно-политических делах. «Кавказский» этап жизни и деятельности кн. Голицына рассмотрен в работах Е. С. Тютюниной [1, с.3], С. Н. Бейтуганова [2] и Е. Г. Муратовой [3]. Отдельные вопросы взаимодействия начальника Центра с Кабардинским временным судом нашли отражение в исследованиях Х. М. Думанова [4], Ю. М. Кетова [5], А. Х. Абазова [6]. Следует отметить, что в отече-

ственной историографии оценки деятельности кн. Голицына на этом посту носят неоднозначный характер.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы охарактеризовать деятельность кн. В. С. Голицына в должности начальника Центра Кавказской линии, направленную на упрочение российской власти в регионе.

Источниковую базу работы составили, прежде всего, неопубликованные архивные источники, извлеченные из Ф.1268 (Кавказский комитет) Российского государственного исторического архива; Ф.13454 (Штаб войск Кавказской Линии и в Черномории расположенных) Российского государственного военно-исторического архива; Ф. И-16 (Управление Центра Кавказской линии), Ф. И-23 (Кабардинский временный суд), Ф. Р-1209 (Коллекция документов по истории Кабарды и Балкарии) Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики.

Анализ документов показывает, что основные усилия В. С. Голицына в должности начальника Центра Кавказской линии бы направлены на упрочение российской власти на вверенном ему участке. Он всеми силами стремился ограничить всевластие кабардинских князей и проводил политику, направленную на усиление влияния Кабардинского временного суда – административно-судебного органа, учрежденного А. П. Ермоловым еще в 1822 г. в крепости Налчик и подчиненного начальнику Центра. Так, именно В. С. Голицын инспирировал объявление по всей Кабарде новых правил, установленных Кабардинским временным судом и направленных против «пристанодержателей, людей без письменного вида» и тех, кто вершил расправу в обход Кабардинского временного суда и не являлся по его требованию [7].

В 1842 г. В. С. Голицын указывал суду на жалобы кабардинцев, в которых сообщалось о штрафах, налагаемых на них «посторонними лицами» (имелись ввиду кабардинские князья), и требовал от суда прекратить подобный беспорядок [2, с.451]. Все дела, рассматриваемые Кабардинским временным судом, проходили через начальника Центра Кавказской линии и содержали просьбу к князю разобраться в их жалобе. Большинство сохранившихся дел содержат предписания В. С. Голицына: «Прошение это для немедленного разбирательства по обрядам, препровождаю в Кабардинский временный суд; предписание немедленно донести мне как дело это кончите» [8].

Владимир Сергеевич Голицын активно боролся с воровством, которое широко было распространено в Кабарде в этот период, и через Кабардинский временный суд принимал различные меры для борьбы с этим злом. В одном из своих предписании Временному суду В. С. Голицын указывал: «Непомерное воровство, замеченное в Кабарде, где не было ночи, чтобы жители друг у друга не похищали лошадей, скота, баранов или вещей вынудило меня прибегнуть к строгим мерам, вследствие чего предписываю суду к непременно исполнению...». Строгие меры заключались в направлении экзекуторов во все аулы, где были зафиксированы случаи воровства. Кроме того, князь установил штраф «двойным количеством похищенного добра»: часть отдавалась обворованному, а часть отчислялась в Кабардинскую общественную сумму [9].

В период правления Голицына исследователи отмечают интеграцию российских законов в юридический быт кабардинцев. Так, например, внедряются наказания, связанные с лишением свободы. В 40-х годах XIX в. эта мера наказания получила в Кабарде широкое распространение и кабардинские владельцы стали пользоваться содействием царских властей для «исправления поведения своих подвластных» [6, 54].

В конце 30-х годов XIX в. среди членов Кабардинского временного суда обозначилось непримиримое противостояние секретаря суда Я. Шарданова, с одной стороны, и народного кадия У. Шеретлокова, с другой. Борьба завершилась отстранением Я. Шарданова, преданного российской администрации, от должности секретаря Кабардинского временного суда. После вступления в должность начальника Центра Кавказской линии В.С. Голицын приступил к сбору информации о деле Шарданова и занял по этому вопросу вполне определенную позицию. Так, характеризуя кампанию против Шарданова, В.С. Голицын в своем докладе командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории П.Х. Граббе отмечал: «Многие, как обыкновенно водится, подписали акт, не зная, что подписывают», и убеждал далее: «Вражда Кабарды на Шарданова есть вещь гадательная и существующая только на бумаге, т. е. в жалобе, принесенной начальству, и которой основания я имел честь объяснить выше». Начальник Центра добивался возвращения Шарданова домой и уверял: «Пребывание его в ауле на Шалушке не может иметь никаких вредных последствий, особенно если ему при объявлении позволения возвратиться домой... он ни под каким предлогом не брал прямого или косвенного участия в делах, ко мне не ездил, а ежели узнает что, то извещал бы посредством верного человека». Ясно, что В.С. Голицын, как и его предшественники, рассчитывал на содействие Шарданова в деле военно-административного контроля над населением Кабарды. Для начала он предлагал Граббе «позволить Шарданову для опыта прожить дома три месяца, считая от 20 сентября до 20 декабря», полагая, что «опыт этот может вернее указать, было ли удаление это его из Кабарды следствием народного желания или интриг трех лиц». По прошествии указанного срока В.С. Голицын брал на себя обязательство представить на усмотрение начальства «самые тайные сведения о пользе или вреде пребывания майора Шарданова в своем доме» [10]. Тяжба против Шарданова прекратилась в начале 1843 г. благодаря, прежде всего, стараниям Голицына, доносившего уже новому командующему Кавказской линией и Черноморией В.И. Гурко о предании этого дела забвению и необходимости оставить Шарданова в Кабарде [4, 41].

В течение 1843 г. огромная работа была проведена В.С. Голицыным по сбору, систематизации и редактированию обычного права (адатов) народов, находившихся под управлением начальника Центра. В свое время Ф.И. Леонтович, имея возможность сравнить результаты работы по сбору обычно-правовых норм народов Северного Кавказа на различных участках Кавказской линии, высоко оценил роль В.С. Голицына. В частности, он указал, что сборник кн. Голицына как нельзя лучше приспособлен к целям, ради которых он

составлен, в нем нет ни одной статьи исторического содержания или с характером «исследования». «Труд Голицына – весьма удачный опыт систематического описания и кодификации адатов согласно программе, предложенной Горским управлением. Как переработка существующего материала (старых сборников, бывших в употреблении в горских судах) по показаниям местных «стариков» настоящий сборник может действительно считаться «верным изображением сущности адата» [11].

Следует отметить, что введение российской системы управления на Центральном Кавказе проводилось поэтапно, и к 40-м годам XIX века не все присоединенные территории в одинаковой степени были интегрированы в административную систему Российской империи. Так, формально находившиеся в ведении начальника Центра Кавказской линии удаленные и труднодоступные балкарские общества слабо подчинялись администрированию, сохраняли привычный, веками сложившийся строй социальной жизни и самоорганизации. Попытки князя Голицына наладить там русское делопроизводство при оформлении судебных решений натолкнулись на существенные препятствия. В одном из предписаний Чегемским старшинам В. С. Голицын указал: «Вы просили у меня для разбирательства своих тяжёбных дел писаря и переводчика. Вы меня заставили думать, что точно хотите порядка и устройства, но вышло совсем другое, дела не решаются и посланные мои живут по-пустому, умирая с голоду, почему предписываю Вам или переменить с ними обращение, или прислать их назад» [12]. Также этот документ указывает на укрывательство русских пленных в Чегемских горах. «В 1843 г. по распоряжению... князя Голицына из Чегемской Осетии от старшины Кучука Беймурзова вытребован пленный, показывающий себя московским жителем Дементием Хохловым. Этот человек при допросе показал, что он взят в плен еще в 1800 г. хищниками близ г. Пятигорска..., его доставили в Чегемскую Осетию и продали старшине Беймурзову...» [13]. Этот случай был далеко не единичный. В этот период административная власть начальника Центра Кавказской линии на территории Балкарии была в определенной степени номинальной и требовала постоянного укрепления.

Разбор судебных дел, касавшихся жителей отдельного балкарского общества по-прежнему находился в компетенции старшин этого общества и эфенди. Однако теперь для исполнения судебных функций они приводились к присяге в Кабардинском временном суде «о правильном разбирании жалоб» [14] и клялись в том, что будут рассматривать все дела «по справедливости, не делая поправки ни по какому случаю и никакому лицу» [15], о чем Кабардинский временный суд доносил в управление Центра Кабардинской линии.

Вовлечение Балкарии в орбиту политического влияния России на первых порах осуществлялось без особого институционального оформления административных прав империи. Сочетание военного администрирования с формами местного самоуправления, обращение к традициям, подключение существовавших ранее институтов должно было обеспечить более гладкий переход к новой власти и признание ее легитимности.

Помимо Кабардинского временного суда роль посредника для передачи распоряжений кавказской военной администрации на территорию балкарских обществ иногда выполняли представители кабардинской княжеской знати, традиционно покровительствовавшие тому или иному ущелью. В частности, в рапорте начальника Центра Кавказской линии князя Голицына командующему войсками от 17 ноября 1842 года в отношении чегемцев говорилось, что «за неопределением пристава все требования начальства к ним обращались через фамилию Атажукиных, которым они повиновались по привычке, укоренившейся в продолжение нескольких столетий до такой степени, что они долго не переставали платить часть прежней дани, но с некоторого времени прекратилась уплата эта, вместе с ней и влияние Атажукиных над народом, который с тех пор являл неоднократно неповиновение самому правительству. В таковых обстоятельствах я считаю необходимым назначить пристава над малкарским племенем, составленным из Балкарцев, Чегемцев и Хуламцев, присоединив к ним и Урусбиевцев, без чего нельзя надеяться со стороны их совершенного повиновения» [16]. Именно В. С. Голицыну принадлежит решающая роль в учреждении института приставства в Балкарии.

Представление о необходимости установления пристава для горских обществ, находящихся в горах, за Кабардой, подавалось командующему Отдельным Кавказским корпусом еще в январе 1843 года. Полковник Голицын направил главноуправляющему генерал-адъютанту Нейдгардту рапорт, в котором сетовал на то, что балкарцы, хуламцы, урусбиевцы, чегемцы и малкарцы не имеют пристава, «через то затрудняется присмотр за ними центрального управления Кавказской линии» [17]. Малочисленность горских обществ позволяла назначить одного общего для них пристава. Инициатива начальника центра Кавказской линии получила одобрение высокого начальства. Назначение специального пристава «балкарских народов» фиксируется по архивным документам только с середины 1846 года. Этот институт закрепил достигнутые результаты в деле политико-административного освоения горного района и одновременно расширил сферу российского административного влияния, поскольку определенная формализация управления (к этому времени институт приставства уже был введен в Чечне, Ингушетии и Осетии) вела к централизации и, следовательно, упрочению российской власти в этом регионе.

Конец карьеры В. С. Голицына в должности начальника Центра Кавказской линии связан с экстраординарными обстоятельствами. В апреле 1846 года Шамиль совершил поход в Кабарду, но, не добившись успеха, вернулся в Чечню. В. С. Голицын был обвинен в ослаблении управления вверенным ему участком Кавказской линии и смещен с должности начальника Центра в середине июля 1846 г. Однако за четырехлетний период его пребывания в должности несомненно произошло упрочение российской власти на этом участке и ослабление влияния традиционной элиты, которая постепенно инкорпорировалась в состав местных политико-административных учреждений.

Примечания:

1. Тютюнина Е. С. «Центральный» Голицын // Кабардино-Балкарская правда. 1995. 5 января.
2. Бейтуганов С. Н. Кабарда: история и фамилии. Нальчик: Эльбрус, 2007.
3. Муратова Е. Г. Князь Владимир Сергеевич Голицын «Центральный» // Вопросы истории. 2015. № 1. С. 110-119.
4. Думанов Х. М. Якуб Шарданов: Из истории изучения обычного права кабардинцев. Нальчик: Эльбрус, 1988.
5. Думанов Х. М. Кетов М. Ю. Адыгэ хабзэ и суд в Кабарде во второй половине XVIII-XIX вв. Нальчик, 2000.
6. Абазов А. Х. К вопросу о деятельности Кабардинского временного суда // Архивы и общество. Вып. 3. Нальчик, 2007.
7. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф.1268. Оп.1. Д.466 О. Л.4.
8. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (далее ЦГА КБР). Ф. И-23. Оп. 1. Д. 24. Л. 2.; Д. 25. Л. 2.
9. ЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 453. Л. 1-1об.
10. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 1. Д. 14. Л. 4-5.
11. Леонтович Ф. И. Адагы кавказских горцев. Нальчик: Эль-фа, 2002. Вып.1.
12. ЦГА КБР. Ф.16. Оп.1. Д.311. Л.3.
13. ЦГА КБР. Ф.31. Оп.1. Д.2. Л.30. и об.
14. ЦГА КБР. Ф.16. Оп.1. Д.90. Т.1. Л.2об.
15. ЦГА КБР. Ф.16. Оп.1. Д.90. Т.1. Л.47.
16. Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф.13454. Оп.2. Д.296. Л.6об. – 7.
17. РГВИА. Ф.13454. Оп.2. Д.386. Л.15об.

**Р. Р. КАРМУКОВ,
магистрант ДГУ
(г. Махачкала)**

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОМУ ВОПРОСУ В ДАГЕСТАНЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

В статье анализируются правовые основы переселенческой политики царской России в Дагестане и проблемы экономической и этнополитической интеграции национальных окраин в общероссийское пространство в рассматриваемый период.

Ключевые слова: переселенческая политика, царская Россия, губернии, население, колонизация.

The article analyses the legal bases of migration policy of tsarist Russia in Dagestan and the problems of economic and ethno-political integration of national outskirts in all-Russian space during the period under discussion.

Keywords: migration policy, tsarist Russia, provinces, population, colonization.

Во второй половине XIX века в связи с образованием Дагестанской области и окончательным присоединением Кавказского региона к Российской империи царское правительство стало проводить целенаправленную политику по планомерному заселению и хозяйственному освоению земель Дагестана.

Начало переселенческому движению положило постановление российского правительства о переселении в Терскую и Дагестанскую области русского населения из внутренних губерний России, принятое в 1863 г. Оно стало первым законодательным актом царского правительства, разрешавшим крестьянам колонизацию Кавказа, в том числе и Дагестана. В постановлении было сказано: «1) Предоставить наместнику Кавказскому... право раздачи частным лицам участков свободных казенных земель в Терской и Дагестанской областях. 2) Дозволить русским офицерам и лицам гражданского ведомства приобретать в собственность земли от туземцев означенных областей. 3) В штаб-квартирах войск Терской и Дагестанской областей (которые в будущем сохраняют значение населенных пунктов, независимо от военных обстоятельств) отделять некоторое пространство земли для продажи в частные руки, не стесняя, однако, построек военных и принадлежащих чинам войск» [1, 90-91]. Наиболее активно русские крестьяне стали переселяться в Кизляр-

ский, Хасавюртовский и Темирхан-Шуринский округа, однако в 1860-х годах число переселенцев было незначительным [2, 43]. Так, по данным Комарова А. В., в 1867 г. численность русского населения в Дагестанской области составляла 3,8 тыс., т.е. 0,8. % ко всему населению Дагестана [3, 32-45].

Заключительный этап Кавказской войны также был ознаменован массовыми эмиграциями горцев Северного Кавказа в Османскую империю. Первоначально этот процесс охватил Западный Кавказ и привел к настоящей демографической катастрофе и изменению этнической карты этого региона. Как писал о переселенческом движении на Кубани С. Эсадзе правительство по политическим видам не имело причин его сдерживать, когда же оно охватило осетин, чеченцев, кумыков, лезгин, оно «сочло нужным остановить его, не прибегая, однако, к каким-либо стеснительным мерам». Негативный опыт освоения казаками адыгских земель, приведший край в запустение, заставил правительство отказаться от практики выселения горцев с родных земель. Боясь, что та же участь постигнет и остальные регионы Кавказа и в частности Дагестан, царизм предпринял ряд шагов, дабы предотвратить обезлюдение Кавказа. Так, царской администрацией были установлены специальные нормы, согласно которым к переселению допускалось до 250 семейств в год, помимо этого переселенцы обязывались вносить казенную подать за 10 лет вперед. Чтобы окончательно остановить поток переселенцев, царское правительство официально отменило в 1867 г. Постановление Комитета министров 1862 г. о разрешении горцам выселяться в Турцию [4, 1-17].

На рубеже 70-80-х гг. XIX века, в переселенческой политике российского правительства наметился поворот. Согласно Положению от 19 февраля 1861 г. право на переселение признавалось лишь за незначительной частью крестьян, которые не получили надела по реформе 1861 г. однако, несмотря на установленный девятилетний срок, запрещавший крестьянам покидать свои наделы, они на свой страх и риск переселялись в разные районы страны. К концу 70-х гг. XIX века тега крестьян к переселению на свободные казенные земли заметно усилилась. Размеры самовольного переселенческого движения достигли угрожающих размеров, составив до 40 тыс. в год [5, 87]. Волнения крестьянских масс во время второй революционной ситуации в России 1879-1881 гг. и нависшая угроза «черного передела» вызвали тревогу «верхах» за судьбы крупного землевладения, заставив правительство обратиться к переселенческому вопросу, разрешением которого оно надеялось смягчить земельный голод среди крестьян [6, 46].

Не дожидаясь окончательной разработки в Министерстве государственных имуществ законопроекта по переселенческому вопросу, Комитет министров принял «Временные правила» о переселении крестьян, которые были утверждены 10 июля 1881 г. В соответствии с новыми правилами, переселение допускалось только с разрешения министра внутренних дел и министра государственных имуществ. При этом само разрешение выдавалось просителю только в случае, если «его вынуждало к тому экономиче-

ское положение». Такая постановка вопроса открывала широкий простор для произвола властей при переселении. Ограничивались права крестьян и по устройству на новом месте. Участки должны были отводиться лишь в краткосрочное пользование (от 6 до 12 лет) размерами не более 8 десятин на душу [5, 89]. Вместе с тем шла подготовка проекта закона о переселении, согласно которому предусматривалось планомерное переселение беднейшей части крестьян из губерний Центральной России без всякой помощи со стороны государства. «Поощрение переселений не должно входить в планы правительства, вполне достаточно издать закон, который даст возможность недовольным крестьянам переехать на свободные земли окраины России, но на свои средства». Таким образом, проект лишь провозглашал право на переселение, оставляя крестьян на произвол судьбы, как в дороге, так и при устройстве на новом месте. При Министерстве внутренних дел в декабре 1886 г. было создано специальное Переселенческое управление, которое имело целью упорядочение организации переселений, в частности, облегчение выдачи разрешений на переселение и правительственных пособий переселявшимся крестьянам [6, 47].

Царизм пытался проводить переселенческую политику как колониационную. В то же время она была направлена на ослабление классовых противоречий среди крестьян центральных губерний. 15 апреля 1899 г. был издан новый закон, согласно которому переселенцам разрешалось селиться на казенных землях всего Кавказа, в том числе и в областях находящихся в «военно-народном управлении», т.е. и в Дагестане. По указанным правилам переселение направлялось в местности Северного Кавказа и Закавказья до 1905 г. Переселенцы освобождались от подушной подати, арендной платы на 2 года, а следующие 3 года казенные платежи для них должны были быть снижены. Надо обратить внимание на то, что если в 70-х гг. XIX в. политика царизма исходила из задач освоения новых земель, то позже в этой политике намечается принятие ограничительных мер, а с 80-х – переселенческое движение становится чисто крестьянским. В результате военной колонизации и особенно крестьянского и промышленного заселения доля русских в равнинных районах Дагестана оказалась значительной. По данным 1-й Всеобщей переписи населения России 1897 г., в пределах современного Дагестана насчитывалось 44,6 тыс. русских, что составляло 6,3% всего населения (710,5 тыс. чел.), в т. ч. в Дагестанской области – более 16 тыс. чел. (2,8%), в Хасавюртовском округе Терской области – 4,5 тыс. чел. (6,4%) и в восточной части Кизлярского округа той же области – 24,1 тыс. чел. (35,1%) [1, 93].

XX век начинается ужесточением национальной политики в Российской империи. Переселение русских крестьян на территорию Кавказа, в т. ч. и Дагестана, начинает принимать широкий размах. В 1904 г. был принят новый закон – «Временные правила о добровольном переселении...», положивший начало новому политическому курсу правительства в переселенческой политике. Кавказская администрация разрешила сдавать земли исключительно «желательным колониационным элементам», т. е. лицам, которые могли

быть опорой царизма в проведении его политики на окраинах империи. В связи с обострением политической обстановки на Кавказе в 1905 г. были восстановлены Кавказское Наместничество и Кавказский Комитет. Подавив революционно-освободительное движение народов России в 1905-1907 гг., царское правительство взяло еще более реакционный курс в национальном вопросе. «Действуя по принципу «разделяй и властвуй», царское правительство натравливало казаков на горцев, разжигало национальную рознь между самими горцами. Национальный антагонизм, разжигаемый царскими властями, во многом мешал сближению народов, совместному выступлению трудящихся горцев и русских в борьбе против общего врага – царизма» [7,128].

В экономику Дагестана стали проникать элементы капиталистических отношений. В результате соприкосновения с новыми формами хозяйствования и иной этнической культурой к началу XX века наметилась тенденция к сокращению численности инородческого населения России, «обусловленная в первую очередь неприспособленностью к новым условиям и ассимиляционными процессами». В итоге на Северном Кавказе, и в частности в Дагестане, к началу XX века кардинально изменилась этнодемографическая обстановка, изменились ареалы расселения народов. Значительный приток восточнославянского населения и групп мигрантов из европейской России, Турции, Закавказья, Восточной Европы привел к тому, что автохтонные народы Северного Кавказа оказались в меньшинстве на своей исторической родине. Так, к 1913 г. в Дагестанской области русских насчитывалось уже 41,7 тыс. чел. (около 6% населения), причем более 33 тыс. их проживало в городах, т. е. русские составляли почти половину (42,5%) городского населения области. Всего же в границах нынешнего Дагестана к концу 1913 г. проживало до 99 тыс. русских, 11,4% населения [8,18]. Таким образом, численность русских росла быстрее, чем численность всего населения Дагестана.

Таким образом, в рамках государственной стратегии Российской империи, направленной на экономическую и этнополитическую интеграцию национальных окраин в общероссийское пространство, царское правительство разработало и приняло ряд законодательных актов, регулирующих процессы переселения крестьян из внутренних губерний России и планомерного заселения и освоения ими земель Дагестана. При этом, если в начале законы были ориентированы на то, чтобы дать возможность недовольным крестьянам переехать на свободные земли окраины России, но на свои средства, то с 1904 года Кавказская администрация разрешала сдавать земли исключительно лицам, которые могли быть опорой царизма в проведении его политики на окраинах империи.

Примечания

1. Ибрагимов М.-Р.А. К истории формирования русского населения Дагестана (вторая половина XVI – начало XX в.) // Советская этнография. – 1978. – № 2.

2. Далгат Ф. М. Переселенческое движение в Дагестане в пореформенный период (1861-1917 гг.)//Вестник ДГУ. Гуманитарные науки. Вып. 3. 2004.

3. Комаров А. В. Народонаселение Дагестанской области. – «Записки Кавказского отдела Русского географического общества», Кн. VIII. Тифлис, 1873.

4. Абдуллаева М. И. Политика России в переселенческом вопросе в Дагестане во второй половине XIX – начале XX вв. // Россия и Дагестан: история многовековых взаимоотношений и единения. Материалы республиканской научной конференции посвященной окончательному присоединению Дагестана к России. Махачкала, 2009.

5. Шебхузова Ф. Х. К истории законодательства о переселении земледельческого населения России (80-е – начало 90-х гг. XIX в.) //Вопросы теории и методологии истории» Сб. научных трудов. Вып. 9. Майкоп, 2013.

6. Суздальцева И. А. О формировании российского законодательства по переселенческому вопросу во второй половине XIX века. // Известия Дагестанского государственного педагогического университета № 3, 2009.

7. Мужев И. Ф. Очерки истории революционного движения на Северном Кавказе в 1905-1907 гг. Нальчик, 1957.

8. Ахмедова Д. У. Некоторые историко-демографические последствия миграции русского населения в Дагестан в конце XIX – начале XX в.// Вестник Северо-осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. Владикавказ, 2012.

АЛЕКСАНДР ПАНТЮХИН,
кин, с.п. кафедры церковной истории
Ставропольская Духовная Семинария (г. Михайловск)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИБЕРАЛЬНО-МОДЕРНИСТСКИХ ИДЕЙ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ ПРАВОСЛАВНОМ СООБЩЕСТВЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905-1907 гг.

Рассматриваются проблемы формирования и трансформации либерально-модернистских идей в среде части православного духовенства и верующих на Северном Кавказе. Анализируются основные причины формирования данного идейного комплекса и особенности его развития в годы первой российской революции. Особое внимание уделяется проблематике церковно-революционного движения на Ставрополье и Тереке.

Ключевые слова: Верующие. Обновленческое движение. Первая российская революция. Православие. Северный Кавказ. Трансформация. Церковно-революционное движение. Церковь.

The article concerns the problems of the formation and transformation of the liberal-modernist ideas in the environment of the Orthodox clergy and believers of the North Caucasus. The article analyses the basic reasons for the formation of the ideological complex and features of development in the first years of the Russian Revolution. Special attention is sent to problems of church-revolutionary movement on Stavropol region and Terek.

Keywords: Believers. Renovatianist movement. The first Russian revolution. Orthodoxy. North Caucasus. Transformation. Church and the revolutionary movement. Church.

Поиск этнокультурной идентичности, характерный для северокавказского общества рубежа XX-XXI вв., напрямую связан с религиозным фактором жизни. В этом процессе характерно обращение к важному этапу развития самосознания в северокавказском регионе, который пришелся на начало XX в. Православное духовенство и верующие играли в этом процессе важную роль как среди славянского казачьего и переселенческого населения, так и среди ряда горских народов, в первую очередь, осетинского. Общественно-политические процессы, всколыхнувшие северокавказское общество в начале XX в., напрямую коснулись и церковной жизни.

К началу XX в. в двух основных церковных центрах на Северном Кавказе – Ставропольской и Владикавказской епархиях – отмечались некоторые тенденции, направленные на либерализацию церковной жизни, к числу которых

можно отнести, в первую очередь, особенности церковной жизни региона, связанные с социально разнородным и полиэтничным составом духовенства, большим количеством иноверного и сектантского населения. Духовенство казачьего и горского происхождения нередко приносило в приходскую практику многочисленные этнокультурные элементы. В это же время священнослужители из переселенцев стремились к сохранению литургических особенностей той местности, из которой они прибыли на Северный Кавказ. Все это в совокупности составляло определенные различия в приходской жизни разных населенных пунктов Ставрополя и Терека, нередко побуждая духовенство к элементам литургического творчества.

Также к этому времени широкое распространение получила миссионерская деятельность в форме создания религиозно-просветительских и благотворительных братств. Наиболее крупными стали Андреевско-Владимирское братство в г. Ставрополе и Михаило-Архангельское братство в г. Владикавказе, объединившие в своем составе духовенство и мирян, занимающих наиболее значимые должности в системе церковного управления северокавказских епархий и духовного образования [1, л. 1]. Естественно, что приходское духовенство стремилось к созданию подобных организаций на приходах, воспринимая это как признак своего рода «элитарности». Например, в 1915 г. в с. Киевском священник П. Федоровский организовал кружок ревнителей православия, который он ассоциировал с армией борцов за чистоту православия [2, л. 1]. Особое внимание вызывает термин «чистота православия», позволяющий увидеть в мировоззрении П. Федоровского определенную степень увлеченности идеями церковных реформ.

Не оторвавшись от крестьянства, мещанства и казачества социально, духовенство к началу XX в. стало значительно образованнее и стремилось к созданию своего рода слоя новой интеллигенции. По мнению Н. С. Струполевой, на церковно-общественную мысль Ставрополя и Терека существенное влияние оказывали идеи позитивистов о всеобщем прогрессе, а также зарождающиеся глобалистские и социалистические тенденции [3, 164]. Многие священники при произнесении проповедей перед прихожанами давали будущему только положительные оценки. В VI благочинническом округе Ставропольской губернии были распространены заявления о скором объединении всех христиан в одно государство всеобщего благоденствия во главе с Иисусом Христом [4, л.5]. Себе духовенство в этом процессе отводило руководящие роли.

В либерально-модернистской прослойке части духовенства и верующих вся церковная история в среде начала восприниматься как деградация христианства, а начало XX в. мыслилось как точка бифуркации – выбор между историческим коллапсом христианства и церковным возрождением в результате реформ, возвращающих Церковь в первобытное состояние применительно к современным историческим реалиям. Особенностью Северного Кавказа в данном процессе стало распространение церковно-общественной мысли по вопросам церковных реформ преимущественно в форме приход-

ской проповеди, гораздо реже – в епархиальных средствах массовой информации. Реформирование церковной жизни в духе первых христианских общин, по мнению ставропольского духовенства начала XX вв., должно было начаться с повышения духовного и культурного уровня священнослужителей, с желания приносить пользу народу. Священник с. Александровского Полянский считал, что религиозные деятели ничего не делают для народа, но причт их храма хочет «хотя малым послужить народу» [5, л. 1]. Идеал пастыря – вести народ к лучшей жизни, «направить общее развитие непременно к Церкви».

Широкое распространение получила политизация взглядов духовенства и формирование революционного движения православных духовных учебных заведений. Политизированность духовенства Северного Кавказа, наиболее ярко проявившаяся в начале XX в., была обусловлена социальными процессами, происходившими на Ставрополье и Терекe в 1905-1917 гг. Священнослужители и семинаристы, социально близкие крестьянству и мещанству, поддерживали, в отличие от столичного духовенства, левые партии. Наибольшей популярностью пользовалась партия социалистов-революционеров [6, 14]. Общее падение нравственности и бедность белого духовенства и семинаристов детерминировали распространение в их среде социалистических идей, в значительной степени влиявших на поведение как приходского духовенства, так и, особенно, студентов духовных семинарий. Среди семинаристов политизация особенно повлияла на широкое распространение бунтарства, особенно в годы первой российской революции.

Важной составляющей церковной жизни Ставрополья и Терекa стала широкая миссионерская работа, включающая в себя и предложения либерально-модернистски настроенного духовенства, при условии, если они не противоречили каноническим нормам. Примерами таких предложений могут считаться идеи Северо-Осетинского священника А.Г. Гатуева, выступившего за некоторое реформирование церковной жизни в Северо-Осетинских приходах. Он полагал, что укрепить веру в осетинском народе могут помочь формирование осетинской церковной интеллигенции, миссионерская работа среди мусульман, борьба с языческими пережитками, активное развитие образовательной деятельности, рост экономического положения Церкви, материальная поддержка духовенства, перевод богослужения на осетинский язык [7, 3-5, 7-9, 15-16, 20-21, 27, 30, 59-61, 70, 84-85, 105].

Проникли в Ставропольскую епархию и некоторые другие черты демократизации церковного управления, в частности проведение епархиальных съездов духовенства, на которых решались насущные проблемы епархии. Теперь голос приходского священника, изнутри знавшего о проблемах религиозной жизни, а нередко и пути их решения, мог быть услышан, что несколько оздоровило сильно бюрократизированную систему управления Церкви. Например, на Съезде духовенства Ставропольской епархии, состоявшемся в мае 1906 г., было установлено равноправие священнослужителей и низшего клира в решении церковно-приходских проблем (кроме дел, касающихся непосредственно пастырского служения) и при выборах административных

должностных лиц: благочинных, следователей [8, л. 137]. Вводились приходские советы, а также было решено привлечь мирян к заведыванию приходским хозяйством.

На основе философских разработок т.н. «серебряного века» на Ставрополье и Тереке появились высказывания отдельных священнослужителей о необходимости «церковного обновления», «чистоте православия». Священник Николай Веселов высказывался, что «безотлагательно нужны реформы, которые вдохнули бы в истерзанный и поруганный организм отечественной церкви «дух животворящий» [9, л. 80]. Причиной распространения подобных идей в регионе стала нерешенность многих церковных проблем в рамках синодальной системы церковного управления. По мнению расколоведа Н.М. Михайловой, на развитие каждой религиозной группы влияет ее политическая принадлежность [10, 91], т.е. проревOLUTIONная направленность некоторых священнослужителей порождала идеи «церковного обновления» в соответствии с требованиями, выдвигаемыми обществом во время роста революционного движения.

Сразу после издания Манифеста 17 октября 1905 г. на Северном Кавказе началась стихийная революционная борьба духовенства с самодержавными порядками. Широкое распространение получила революционно-демократическая агитация на приходах. Например, 1 ноября 1905 г. священник Спасо-Преображенского храма с. Воронцово-Александровского после Литургии произнес проповедь, посвященную изданию Манифеста 17 октября, и раздал верующим брошюры христианско-социалистического содержания [11, л. 1], которые сообщали об абсолютном праве народа на свободу союзов и собраний. Материал листовок обосновывался тем, что Иисус Христос учил добру и милосердию [12, л. 2об.].

Непосредственно обновленческие религиозно-общественные организации на Северном Кавказе появились в начале 1906 г. В начале января 1906 г. четыре священника – И. Прелатов и Н. Михайлов (с. Рогули), К. Ковалев (с. Митрофановское) и Н. Яковлев (с. Овоци) приняли решение об образовании Ставропольского отдела «Всероссийского союза православного духовенства». Союз ставил перед собой задачу коренного реформирования церковного строя, в том числе путем широкого применения выборного начала на всех уровнях церковного управления [13, л. б]. Для ускорения процесса формирования организации учредители объединились в Организационное бюро, разославшее приглашение вступить в организацию благочиниям и отдельным священно- и церковнослужителям. Организация с самого начала предполагала демократическое устройство – желающие могли высылать на рассмотрение Бюро свои предложения и проекты.

Организация в короткий срок успела развернуть свою деятельность и значительно расширить свое влияние. Уже 12 января VI благочиннический округ Ставропольской губернии решил присоединиться к отделу. Д. А. Головшкин указывает, что от имени Ставропольского отдела «Всероссийского союза православного духовенства» действовал «Союз духовенства Херсонской

епархии», практически захвативший власть в пределах Херсонской епархии и ее церковно-представительных учреждений [14, с. 68]. Так как программа организации выделялась радикальными реформаторскими предложениями, а Бюро отличалось повышенной активностью, и было поддержано духовенством [15, л. 27] епархии, 31 января 1906 г. Ставропольский отдел «Всероссийского союза православного духовенства» был закрыт решением епархиального начальства, а учредители запрещены в священнослужении.

Практически сразу после закрытия Ставропольского отдела «Всероссийского союза православного духовенства» при некоторых приходах Ставрополя и Кубани появились нелегальные и полунелегальные обновленческие общества, как правило, даже не имеющие названия. Наиболее сильная организация была создана при Успенском храме ст. Лабинской Кубанской области, состоящая преимущественно из верующих крестьян-иногородних под руководством священника Василия Наседкина. Программа общества была направлена на защиту завоеваний революции 1905 г. Также в ней содержались требования уравнивания в правах иногородних с казаками, введения жалования духовенству за требы и передачи свободных монастырских земель и денежных средств на крестьянские нужды [16, л. 4-4об.]. Программа была одобрена местными социалистами-революционерами. По делу Лабинской обновленческой организации, признанной рассадником недовольства, было открыто следствие.

В ст. Новопавловской местный священник А. Кулабухов при приходе организовал среди верующих обновленческое социал-демократическое общество, выступавшее за проведение в жизнь свобод, дарованных Манифестом 17 октября 1905 г. и проведение свободных выборов в Государственную Думу. Общество участвовало в революционном митинге в ст. Тихорецкой. 26 января 1906 г. общество было запрещено епархиальным руководством [17, л. 2]. В с. Овоши диаконом Кирилло-Мефодиевского храма Г. Парадиевым было организовано обновленческое социал-демократическое общество, имевшее аморфные формы. Организация выступала за социализацию земли и снижение платы за требы в 2-3 раза [18, л. 7-7об.]. По светским вопросам обновленческие группы ст. Новопавловской и с. Овоши тяготели к программе партии РСДРП.

В с. Белая Глина обновленческой деятельностью занялось местное просветительское общество. Дьякон местного прихода А. Гладышеский от имени общества распространял листовки, выпущенные столичными обновленцами (священником Г. Петровым и А. Федоровым), в которых с христианских и национальных позиций обосновывалась истинность демократии и революционных достижений 1905 г., а также делались христианско-социалистические и панславистско-демократические заявления [19, л. 5].

Духовенство Грозненского округа Терской области на съезде благочиния 6 февраля 1906 г. высказалось о необходимости участия Церкви в политической деятельности и поддержке социалистических партий. При этом подчеркивалось, что священнослужители должны принимать непосредствен-

ное участие в революционной борьбе путем агитации на приходах в форме проповедей и раздачи верующим листовок христианско-социалистического содержания [20, 196]. Главным принципом христианской жизни должно стать благо всего народа. При этом церковно-революционное движение на территории Дагестанской области, в отличие от Ставропольской губернии и Терской области, носило стихийный неорганизованный характер [21, 92, 123, 142-143].

Помимо церковно-общественной деятельности групп духовенства, обновленческое движение включало в себя и церковно-либеральную публицистику, представленную многочисленными статьями в периодической печати. «Ставропольские епархиальные ведомости» и «Владикавказские епархиальные ведомости» содержали неофициальные отделы, направленные на активизацию внеприходской деятельности духовенства и миссионерскую работу. Предлагалось выдвигать полемические темы и обсуждать на страницах газет. Немалую роль в развитии осетинской церковно-общественной мысли сыграл миссионерский журнал «Чырыстон цард» («Христианская жизнь»), издававшийся в 1913 и 1915-1916 гг.

Либерально-модернистская публицистика на страницах «Владикавказских епархиальных ведомостей» развернулась в 1905 г. с рассмотрения насущных вопросов умеренного реформирования церковной жизни: проблемы свободы вероисповеданий, миссионерства, упорядочения богослужбного строя, оживления церковных СМИ [22, 291-292]. Осенью 1905 г. полемика приобрела более острый характер. Священник И. Попов сообщил о желании осетинского духовенства выделить национальные приходы в отдельную епархию и о проведении церковных реформ. Он, подобно ставропольским обновленцам, заявил о необходимости для Церкви «проявить скорее признаки жизни» [23, 344]. Священник И. Попов выступал в защиту Первой российской революции, полагая, что именно духовенство должно привести в равновесие нормальный государственный строй и революционные завоевания 1905 г. [24, 4]. Но, как и на Ставрополье, во Владикавказской епархии, наиболее острые формы обновленчества приняло в самый пик революционного движения в сельской местности Ставрополья и Терека – в 1906 г. Появились сообщения о противоречиях между черным и белым духовенством, архиереями и священниками. Выработан был и проект реформ Владикавказской епархии: проведение епархиальных соборов духовенства и мирян, создание совета священников при правящем архиерее, выборность духовенства, введение всеобщего жалованья, свобода сложения с себя сана и выхода из духовного звания, свобода церковных союзов, новые принципы приходского управления, освобождение священников от административно-хозяйственных обязанностей в храме [25, 5-6]. Как видно, программа реформ соответствовала общероссийским тенденциям.

Священник А. Юрикас выступил с идеей преобразования духовных учебных заведений. Предполагалось ввести демократические свободы в процесс обучения (выборность административных лиц, расширение прав учащихся и

т.д.). Академии должны быть преобразованы в богословские факультеты при университетах. Вся система духовного образования, по его мнению, должна быть перестроена по светским образцам [26, 120].

Примечание

1. Прошение благочинного церковей 5 округа священника Алексия Никольского Его Преосвященству, Преосвященнейшему Гедеону, епископу Владикавказскому и Моздокскому. 25 ноября 1904 г. // Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 143. Оп. 2. Д. 158. Л. 1.

2. Рапорт священника Петра Федоровского Димитриевской церкви, села Киевского, Ставропольской губернии Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Агафодору, Архиепископу Ставропольскому и Екатеринодарскому. 1 февраля 1915 г. // Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 135. Оп. 73. Д. 517. Л. 1.

3. Струполева Н. С. Православные приходы Ставрополя и Кубани в 40-е гг. XIX – начале XX вв.: социальные функции и духовная жизнь: дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2007. С. 164.

4. Покорнейшее прошение трезвенников VI благочиннического округа, Ставропольской губернии Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Агафодору, Архиепископу Ставропольскому и Екатеринодарскому. 1 ноября 1913 г. // ГАСК. Ф. 135. Оп. 71. Д. 1019. Л. 5.

5. Прошение причта Николаевской церкви села Сысоево-Александровского Медвеженского уезда Его Преосвященству, Преосвященнейшему Агафодору, Епископу Ставропольскому и Екатеринодарскому. 21 марта 1913 г. // ГАСК. Ф. 135. Оп. 64. Д. 883. Л. 1.

6. Забелин В.М. Политические партии на Ставрополье и Кубани в 1905-1907 гг. Ставрополь, 1996. С. 14.

7. Гатуев А.Г., свящ. Христианство в Осетии. Владикавказ, 1901. С. 3-5, 7-9, 15-16, 20-21, 27, 30, 59-61, 70, 84-85, 105.

8. Протокол съезда духовенства ставропольской епархии. Май 1906 г. // ГАСК. Ф. 135. Оп. 63. Д. 264. Л. 137.

9. Веселов Н., свящ. Отчет о состоянии 13-го благочиннического округа Кубанской области за 1907 год // ГАСК. Ф. 135. Оп. 66. Д. 624. Л. 80.

10. Михайлова Н.М. Розыск о расколах древних, старых и новых. Историко-канонические очерки. М., 2000. С. 91.

11. Рапорт благочинного церковей 7-го округа Ставропольской губернии, протоиерея Алексея Ржаксинского Его Преосвященству, Преосвященнейшему Агафодору, епископу Ставропольскому и Екатеринодарскому. 10 ноября 1905 г. // ГАСК. Ф. 135. Оп. 63. Д. 813. Л. 1.

12. Брошюра «Братие Христиане!» // ГАСК. Ф. 135. Оп. 63. Д. 813. Л. 2об.

13. Циркуляр Бюро Ставропольского отдела «Всероссийского союза православного духовенства» причту села Ладовской балки. 5 января 1906 г. // ГАСК. Ф. 135. Оп. 64. Д. 659. Л. 6.

14. Головушкин Д. А. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви в 1905-1925 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2002. С. 68.
15. Протокол № 2-й 1906 года, февраля 14 дня, производящий следствие священник Павел Дюков на основании постановления своего допрашивать обвиняемых священников о.о. Михайлова, Прелатова, Ковалева и Яковлева // ГАСК. Ф. 135. Оп. 64. Д. 659. Л. 27.
16. Приговор // ГАСК. Ф. 135. Оп. 64. Д. 676. Л. 4-4об.
17. Циркуляр № 346 епископа Ставропольского и Екатеринодарского Его Превосходительству, Господину Атаману Кавказского отдела Кубанской области. 26 января 1906 г. // ГАСК. Ф. 135. Оп. 64. Д. 677. Л. 2.
18. Рапорт причта Кирилло-Мефодиевской церкви с. Овоци Его Высокоблагословению, благочинному 14 округа Ставропольской губернии священнику о. Александру Енткину. 1 февраля 1906 г. // ГАСК. Ф. 135. Оп. 64. Д. 80536. Л. 7-7об.
19. Рапорт № 164 благочинного церквей 3 округа, Ставропольской губ., священника Ефрема Устиновского в Ставропольскую Духовную Консистории. 9 февраля 1906 г. // ГАСК. Ф. 135. Оп. 64. Д. 1158. Л. 5.
20. Иванов Н., свящ. Несколько слов о съезде духовенства 8 благочиннического округа // Владикавказские епархиальные ведомости. 1906. № 5, 1 марта. С. 196.
21. Данилюк М. Ю. Роль Русской Православной Церкви в политике России в Дагестане во второй половине XVIII – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2008. С. 92, 123, 142-143.
22. Границы веротерпимости // Владикавказские епархиальные ведомости. 1905. № 15, 1 августа. С. 291-292.
23. Попов И., свящ. Окончание войны России с Японией и внутреннее «преображение» России вообще и духовенства в частности // Владикавказские епархиальные ведомости. 1905. № 17-18, 1-15 сентября. С. 344.
24. Попов И., свящ. Внутренняя смута и роль духовенства // Владикавказские епархиальные ведомости. 1905. № 21, 1 ноября. С. 403.
25. Попов И., свящ. С новым годом, отцы – братья, сотрудники – читатели! (Новогодняя политика – церковная программа) // Владикавказские епархиальные ведомости. 1906. № 1, 1 января. С. 5-6.
26. Юрикас А., свящ. К вопросу о реформе духовно-учебных заведений // Владикавказские епархиальные ведомости. 1906. № 4, 15 февраля. С. 120.

Х. А. АТАБИЕВ,
соискатель СОИГСИ им. В. И. Абаева
Э. Ш. ГУТИЕВА,
кин, снс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРАМЫ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается роль православных храмов в годы Первой мировой войны. На основе архивных источников, материалов периодической печати и ряда других, выявлены формы и способы организации церквями Терской области благотворительной деятельности, направленной на помощь фронту, раненым воинам и их семьям.

Ключевые слова: Первая мировая война, Терская область, мобилизация, православные храмы, общественная и частная благотворительность

The article examines the role of the Orthodox churches in the First World War. The forms and methods of Terek region Churches' organizing the charity activities for front aiding, wounded soldiers and their families are identified on archival sources, materials, periodicals and number of other.

Keywords: First World War, Terek region, mobilization, Orthodox churches, public and private charity.

Первая мировая война всколыхнула все слои российского общества. Уже в июле 1914 г. представители духовенства Владикавказской епархии собрались в Архиерейском доме для создания епархиального комитета под председательством Преосвященного Антонина, там же был объявлен сбор пожертвований на нужды войны [1, 382]. Комитет весьма активно занялся возложенными на него задачами, среди которых наиболее своевременными были следующие: возложить на руководителей причтов сбор средств на нужды войны, установить в каждой церкви кружечные сборы для пожертвований, в учебных и иных заведениях служащим предложить сделать отчисления из содержания, а также разослать подписные листы по всей епархии. Все городские храмы пытались оказать посильную помощь. С самого начала войны при церквях стали открываться попечительские советы о семьях запасных, призванных на войну. Комиссия по оказанию помощи семьям запасных, взятых на войну, размещалась во Владикавказской Вознесенской церкви. Ее работой руководил священник Григорий Королев. Комиссия по призрению

семей запасных нижних чинов разместились во Владикавказской Александро-Невской церкви.

Комиссия по оказанию помощи раненым и семьям запасных нижних чинов осуществляла свою деятельность в церкви Владикавказского Свято-Троицкого братства. Руководил деятельностью комиссии товарищ председателя священник А. Никольский. Делили с ним все тяготы повседневной работы члены комиссии: почетный гражданин И. И. Уланов, П. Я. Тимофеев, отставной генерал-майор А. Э. Баумгартнев, купцы А. Т. Кузьмин и Г. Т. Соловьев. Церковь при Владикавказском Духовном училище оборудовала на свои средства лазарет, заботилась о раненых.

Прихожане сочувственно отзывались на призывы духовенства – церковные кружки не пустовали [2, 124].

В июле 1914 года в персидской мечети состоялось торжественное богослужение по случаю начала войны. «В жарких молитвах молящиеся просили о ниспослании победы русскому воинству и многолетия Государю Императору». В октябре 1914 года по случаю объявления Турцией войны России в армянской церкви состоялось торжественное молебствие о даровании победы русскому оружию [3, 21]. В еврейской синагоге по просьбе георгиевского кавалера Исаия Лихтенштейна было отслужено молебствие о здравии врачей города Владикавказа, находящихся на фронте [3, 24].

Осетинские церкви в 1914 году приняли решение воздержаться от устройства национального праздника в честь Св. Георгия и передать собранные для этого средства на военные нужды. По указу Св. Синода от 6 апреля 1916 года Консистерия предписывала Благодичным церквей 1-13-го округов произвести сбор пожертвований на устройство в пользу пострадавших на войне нижних воинских чинов курсов по подготовке волостных писарей, счетоводов и инструкторов.

21 июля в Кафедральном соборе, в присутствии Начальника Терской области и Наказного атамана генерал-лейтенанта С. Н. Флейшера, представителей высших воинских властей, города и общественных учреждений при многолюдном стечении молящихся был прочитан Высочайший манифест, а затем протоиереем А. Нефедьевым в сослужении с духовенством был отслужен молебен о даровании победы российским войскам. Перед многолетием о. протоиерей А. Нефедьев сказал присутствующим речь, в которой заявил, что будущее, конечно, выяснит, кто прав, кто виноват в настоящей войне между Германией и Россией, но беспристрастные современники могут судить об этом и теперь. Мы Германии оказали целый ряд услуг со времени Отечественной войны, мы дали приют и хлеб многим ее сынам. Теперь Германия, ослепленная гордостью и самонадеянностью, стремясь лишь к материальным выгодам, подняла меч на свою блажелательную соседку. Россия исчерпала все способы к мирному разрешению конфликта между Австрией и Сербией. Из всего этого уже можно видеть, на чьей стороне Бог. Мы не наступали. По слову Державного Вождя, вся Россия объединилась; есть одни народы, объединенные вокруг Престола. Наш русский народ пережил нашествия – татар,

поляков, двенадцати языков и вышел несокрушенным. С нами Бог, разумеете языцы и покоряйтеся!» [4].

7 августа состоялся съезд духовенства 1-го Благочинного округа, на котором рассматривался вопрос об участии духовенства этого округа в деле призрения семейств запасных, призванных на войну. Съезд постановил: делать двухпроцентное отчисление с получаемого содержания, учредить приходские попечительные комитеты и установить в церквях кружечный сбор. Также был рассмотрен вопрос об открытии 7-го дополнительного класса при епархиальном училище, причем собрание, находя, что в настоящее время духовенство не располагает свободными средствами, постановило: окончательное решение вопроса отложить до более благоприятного времени [5].

Духовенство 10 Благочинного округа 7 августа постановило отчислять с получаемого содержания по 2% в пользу семейств запасных, призванных на войну; учредить приходские попечительные комитеты; после литургии в праздничные дни совершать молебны о ниспослании победы русскому воинству, а также установить кружечные сборы.

Преосвященный Антонин, Епископ Владикавказский и Моздокский, совершил 15 августа крестный ход в Свято-Троицкий мужской монастырь [6].

24-го августа в местном кафедральном соборе преосвященнейшим Антонином, епископом Владикавказским и Моздокским был совершен благодарственный молебен по случаю победы, одержанной доблестной армией генерала Рузского под Львовым. На молебне присутствовали: начальник Терской области и Наказной Атаман Терского казачьего войска генерал-лейтенант С. Флейшер, старший его помощник генерал-майор Н.И. Степанов, генералитет, офицеры местного гарнизона, представители различных ведомств и учреждений, представители городского общественного управления, сословные представители и масса молящихся. По окончании молебна его преосвященством было возглаголено многолетие Царствующему Дому, Верховному Главнокомандующему и всему российскому победоносному воинству [7].

Высокую активность проявляли и другие церкви, в частности Римско-католический костел. 3-го августа после мессы, совершенной в римско-католической церкви местным ксендзом, прихожанам было прочитано воззвание Августейшего Верховного Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича. Воззвание было выслушано с большим энтузиазмом. 6 августа в местной римско-католической церкви в присутствии Начальника Терской области и других начальствующих лиц, при большом стечении молящихся был совершен молебен о ниспослании победы российскому воинству над общим врагом славянства [8].

Эти усилия дали определенный результат: в течение августа 1914 г. епархиальный комитет перечислил в центральный комитет свыше 1000 руб., чем заслужил одобрение императора. На нужды военного времени владикавказское духовенство отчисляло 2% казенного жалованья и кружечного дохода.

Несмотря на бедность, владикавказское духовенство активно жертвовало на военные нужды. Только за август 1914 г. церковный клир передал в

центральный комитет по сбору пожертвований 1145 руб. 59 коп. [9]. Наряду с денежными суммами, священство и прихожане жертвовали одежду, белье, полотенца, сладости, махорку, чай, обувь. Во Владикавказских епархиальных ведомостях печатались предметы, которые передавались в комитет области. Достаточно привести сведения за 10 декабря 1914 г.: нижнего белья – 420 пар, варежек 130 пар, фуфаяк 135, кисетов с табаком и бумагой 495, портянок 200 штук, башлыков – 52 [10].

Усилиями Владикавказского духовного училища и духовенства Владикавказской епархии был сооружен епархиальный лазарет для раненых воинов в здании духовного училища; подробный отчет об этом опубликован также во Владикавказских епархиальных ведомостях в ноябре 1914 года [11].

Благотворительная помощь государству была отмечена в благодарственном письме военного генерал-губернатора: «Прошу вас принять, – обратился он к съезду депутатов от духовенства епархии, – искреннюю благодарность от лица доблестных защитников Отечества, раненных на войне, и не отказать переждать благодарность духовенству епархии и корпорациям епархиальных учреждений, оборудовавших и содержащих на собственные средства лазарет на 10 кроватей в Духовном училище» [12].

Руководству местных церковно-приходских школ был направлен из Владикавказской консистории циркуляр, который определял основные методы социальной работы среди учащихся. По указу Св. Синода при всех приходах были сформированы попечительские советы для оказания социальной помощи семьям военнослужащих. В августе 1914 г. совет для поддержки семей мобилизованных был создан при епархиальном Кафедральном соборе, в него вошли Преосвященный Антонин, о. Д. Дьяченко, о. И. Андриевский, Е. М. Сергеев. Сразу же был объявлен сбор средств, и в казну поступило 177 р. [13].

Четко была налажена работа по приему раненых, в организации тыловых госпиталей были задействованы приходские священники, которым надлежало отвести под лазареты все свободные помещения, заготавливать «предметы лазаретского инвентаря». Уже осенью 1914 г. в г. Владикавказе была развернута лазаретная сеть: общими усилиями приготовлены к приему раненых 10 лазаретов. Вот данные только по лазарету при Духовном училище: в декабре 1914 г. было затрачено на продовольствие для раненных 113 руб. 22 коп., мыло – 5 руб., за чулки и носки – 19 руб. 95 коп. На средства преподавателей духовного училища поддерживался военный лазарет.

В сентябре 1914 года благочинный церковью 4 округа Владикавказской епархии М. Смирнов обратился к церковному причту ст. Змейской с просьбой о предоставлении сведений по организации сбора пожертвований на врачевание раненых и больных воинов, оказание помощи семьям лиц, призванных на войну, устройство госпиталей. [14, 2] Возможно, что такие запросы были направлены во все причты в связи с тем, что Преосвященному Владикавказской епархии Антонину предстояло сформировать во всех приходах попечительские советы на широкой социальной основе, на которые возлагалась обязанность «вести списки семей, члены коих призваны в ряды армии, выяс-

нять их имущественное положение и оказывать им пособие до тех пор, пока в этом будет надобность». 20 ноября такой совет был создан. Перед ним были поставлены задачи поддержания морального духа раненных, проведение духовных беседований, а также чтения церковной литературы. Например, Владикавказское Михайло-Архангельское братство ассигновало на выпуск брошюр и листовок религиозно-нравственного содержания 50 руб. для рассылки этих изданий в лазареты.

В Грозненском округе также функционировали церковно-приходские советы, которые оказывали помощь воинским нижним чинам. Они были открыты в городе Грозный при Покровской церкви, при Михайло-Архангельской, а также в Косьмо-Дамиановском соборе. Известно, что при таких советах можно было получить пособие до 15 рублей, дрова, помощь в хозяйстве, например, при уборке урожая или обмолоте. Оказывались и другие виды благотворительной помощи.

На фронтах открывались «походные» церкви. Сохранился, например, рапорт священника штаба 1-й Терской льготной казачьей дивизии Павла Урекия о приобретении имущества для походной церкви. А в апреле 1917 года приказом по ведомству Протопресвитера военного и морского духовенства этот священник был награжден камилавкой [13].

В 1915 году, когда по всей стране был отмечен спад благотворительности, Русская православная церковь продолжала эту деятельность. Благодинный церковью 9 округа Владикавказской епархии священник Н. Диомидов обращался к церковным причтам округа с просьбой о проведении сбора пожертвований в пользу «Общества памяти воинов Русской армии», павших в войну 1914-1915 гг. [14,46]. В феврале 1916 года правление Ардонской Александровской духовной семинарии получило благодарность Владикавказского Комитета Красного Креста за сбор пожертвований на оказание помощи пострадавшим на войне и от ее последствий.

Широкий отклик в Терской области получило и обращение Романовского Комитета из Петрограда в апреле 1916 года к средним и низшим учебным заведениям ведомства православного исповедания об организации сбора пожертвований на дело призрения крестьянских сирот и детей воинов. Уже в августе 1916 года Романовский комитет общался с благодарностью на имя ректора Александровской Ардонской духовной семинарии, архимандрита Феодорита за пожертвования на дело призрения детей-сирот воинов, павших на поле брани. Ведомство православного исповедания Г. Петроград обращалось к Епископу Владикавказскому и Моздокскому Антонину об организации во всех храмах сбора пожертвований для оказания увечным воинам трудовой помощи и об устройстве курсов профессиональной переподготовки. Уже 13 октября 1916 года благочинные церковью рапортовали о выполнении этого предписания. Так, подал рапорт о сборе денег на устройство курсов для лиц, пострадавших на войне, благочинный церковью 12 округа Владикавказской епархии священник И. Амбалов, благочинный церковью 9 округа, священник ст. Архонской Н. Диомидов [15].

Продолжалось и проведение молебнов. Так, 4 февраля 1916 года канцелярия Начальника Терской области объявляла о проведении молебна в Кафедральном соборе Владикавказа по случаю взятия крепости Эрзерум. Священство епархии активно включалось в организацию госпиталей, сбор пожертвований, беседы на нравственно-патриотические темы.

Исследование благотворительной деятельности православных церквей и других конфессий в 1914-1917 годах, показало, что они проявляли понимание необходимости поддержки государства и брали на себя большие расходы по содержанию раненых, помощи семьям военнослужащих, поддержанию морального духа населения.

Примечания

1. Церковные Ведомости. СПб, 1914. №30.
2. Канукова З.В. Русское население в этнической структуре Северной Осетии (вторая пол. XIX – начало XX в.) // Роль России в истории Осетии. Сборник научных трудов.Орджоникидзе, 1989. С. 123-138.
3. Канукова З.В. Федосова Е.В. Этнокультурное пространство Северной Осетии. Учреждение Российской акад. наук, Северо-Осетинский ин-т гуманитарных и социальных исслед. им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания. Владикавказ, 2011.
4. ТВ.1914. №158.
5. ТВ.1914. № 171.
6. ТВ.1914. №183.
7. ТВ. 1914. № 184.
8. ТВ. 1914. № 170.
9. Владикавказские епархиальные ведомости (далее – ВЕВ). Владикавказ, 1915, 15 февраля.
10. Хубулова Д.В. Социальное служение священства владикавказской епархии в годы первой мировой войны // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2.
11. ВЕВ.1914. № 20.
12. ВЕВ, 1916, 15 апр.
13. Чеджемов А.Ю., Гутиева Э.Ш. Кавказский фронт и тыл во время Первой мировой войны (на примере Северной Осетии) //Кавказ в годы Первой мировой войны: героика и повседневность Владикавказ, 2014.
14. ЦГА РСО-А. Ф. 143. Оп. 2. Д. 426. Л.46.
15. Гутиева Э.Ш. Осетинская интеллигенция в эпоху пореформенной модернизации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова. Владикавказ, 2009.

Х. А. АТАБИЕВ,
соискатель СОИГСИ В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

МУСУЛЬМАНСКИЕ ПОЛКОВЫЕ МУЛЛЫ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

В статье рассматривается малоисследованный вопрос о полковых муллах – мусульманских священнослужителях, которые воевали в полках Кавказской конной дивизии, выполняя функцию моральной поддержки мусульманских добровольцев. К сожалению, имена многих из них остаются неизвестными. Материалы периодической печати, в частности, газеты «Терские ведомости», позволили уточнить сведения о нескольких полковых муллах.

Ключевые слова: мировая война, Кавказская дивизия, конные полки, мусульманские народы, добровольцы, полковые муллы

The article discusses the scantily explored issue of regiment mullahs – Muslim clerics who fought in the regiments of the Caucasian Cavalry Division, serving as a moral support to Muslim volunteers. Unfortunately, many of their names remain unknown. The materials of the periodical press, particularly the newspaper «Terskie Vedomosti», clarified the information on several regimental mullahs.

Keywords: World War, Caucasian division, cavalry regiments, the Muslim nations, volunteers, regiment mullahs.

По числу всадников и боевым качествам на рубеже XIX-XX вв. российская конница лидировала в мире. С началом Первой мировой войны в 1914 г. командующий Кавказским военным округом граф И. И. Воронцов-Дашков предложил Николаю II «мобилизовать воинственные кавказские народы». Последовало высочайшее повеление, по которому из добровольно прибывших на фронт кавказцев стали формировать полки знаменитой Кавказской Туземной дивизии, вошедшую в историю как «Дикая дивизия». Она была сформирована из шести четырехсотенных полков: Ингушского, Чеченского, Татарского, Черкесского, Кабардинского и 2-го Дагестанского на основании высочайшего указа 23 августа 1914 г. на территории Северного Кавказа. Составившие ее горцы являли чудеса храбрости. Дивизия быстро прославилась на весь мир. Во главе дивизии стоял брат императора, Свиты Его Величества генерал-лейтенант великий князь Михаил Александрович. Состав дивизии был интернациональным. В ней состояли кабардинцы, балкарцы, русские, украинцы, белорусы, осетины, поляки, татары, армяне и грузины [1;6]. Служить в ней почи-

тали для себя за честь представители самой родовитой русской, кавказской и европейской аристократии. По сообщению газеты «Терские ведомости» в феврале 1916 г., всадники поражают всякого, первый раз сталкивающегося с ними. «Их своеобразные взгляды на войну, их легендарная храбрость, доходящая до чисто легендарных пределов, и весь колорит этой своеобразной воинской части, состоящей из представителей всех народов Кавказа, не могут быть никогда забыты» [2]. В истории «Дикой дивизии» нет ни единого случая даже единоличного дезертирства. Около 3500 всадников были удостоены Георгиевских крестов и Георгиевских медалей «За храбрость». Кавказская конная дивизия формировалась в основном, из мусульманских народностей, в штате полков была предусмотрена должность полковых мулл, важную роль которых в поддержании боевого духа и морально-психологического настроения всадников-мусульман хорошо осознавало командование. Оно не скупилось на награды муллам, награждая их боевыми наградами наравне с офицерами. К сожалению, информация о них сохранилась весьма скудная, удалось обнаружить сведения всего о нескольких из них. Самая яркая личность из полковых мулл – Алихан Шогенов – мулла Кабардинского полка. С началом формирования полка сразу решались и вопросы, связанные с назначением муллы. По рекомендации подполковника Клишбиева командир полка граф Воронцов-Дашков предложил возложить на себя эту ответственную должность кади Горского словесного суда Нальчикского округа Алихану Индрисовичу Шогенову, уроженцу Кабардинского селения Атажукино-3 (Куба), носившему среди мусульман почетный титул хаджи, как знак того, что этот человек совершил хадж – паломничество к святыням ислама в Мекку. Это был умный, образованный человек, пользовавшийся большим авторитетом в Нальчикском округе. О широте мышления и культуре Алихана Шогенова весьма красноречиво говорит его выступление 20 октября 1913 года при освящении Кабардино-Горского реального училища в слободе Нальчик, построенного на средства «кабардинского народа и горских обществ», во время его открытия. «Терские ведомости» опубликовали текст его выступления: «Пользуйтесь со рвением всеми предоставленными вам удобствами и учитесь, набирайтесь знания, памятуя, что учение – свет, а знание – сила. Не может быть успеха ни в чем без знания, и непросвещенные народы играют жалкую роль и неизбежно будут в подчинении у других, более культурных. Но, приобретая высокие знания, не забывайте религии, не забывайте о существовании над всем видимым и познаваемым все создавшего Бога. Не поддавайтесь гордыне, которая погубила многих. Религия – это твердая почва под ногами, а без религии человек подобен листку, носимому по воле ветра. Итак, учитесь и растите на радость родным, стараясь быть полезными членами своего народа и всего великого государства Российского, дорога перед вами открыта» [3].

7 сентября в Нальчике народный кади, мулла Кабардинского полка Алихан Шогенов в присутствии полкового командира полковника Воронцова-Дашкова и подполковника Бековича-Черкасского приводит всадников-мусульман к присяге – «Клятвенному обещанию». Клятва ими давалась

на верность военной службе Российскому государству в лице императора Николая II, и давая ее, всадники клялись – находясь на фронте, «не отступить от пролития крови нашей» и если потребуется «жертвовать нашей жизнью до последнего вдоха».

Выслушав клятву муллы, каждый из всадников подписался или приложил окрашенный краской палец под «Присяжным листом», в тексте которого провозглашалось: «Обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом перед Кораном Вал-лаги-Беллаги-Таллаги хранить верность Его Императорскому Величеству Государю Самодержцу Всероссийскому, честно и добросовестно исполнять все обязанности и не превышать предоставленной мне власти и не причинять с умыслом никому ущерба или убытков, а напротив, вверенные мне интересы ограждать как свои собственные, памятуя, что я во всем этом должен буду дать ответ пред законом и пред Богом на страшном суде Его, в удостоверение чего целую преславный Коран. Аминь» [4,28].

Такую же клятву с подписанием «Присяжного листа» на верную службу в российской армии давали в сентябре 1914 года всадники-мусульмане Черкесского, Чеченского, Ингушского, 2-го Дагестанского, Татарского полков.

Алихан Шогенов проявил мужество при обороне деревни Подгорки. Он вместе с всадниками находился под шквальным вражеским огнем и поддерживал их в самые трудные моменты боя. Высоко оценивая мужество муллы, командир полка полковник граф Воронцов-Дашков представил его, как не имевшего офицерского чина, к «солдатскому» Георгиевскому кресту. 29 марта 1915 года командир 2-го кавалерийского корпуса Гуссейн Хан Нахичеванский издал приказ № 28, в котором говорилось: «Кабардинского конного полка полковой кадий Алихан Шогенов награжден Георгиевским крестом 4-й степени – № 184112. Вызвавшись охотником, в бою у деревни Подгорки 13 февраля сопровождал полк и под действительным артиллерийским и ружейным огнем личным примером и словом ободрял нижних чинов» [4,28].

Известно также, что Шогенов геройски проявил себя в бою 2 июля южнее деревни Шупарка. Полковник Бекович-Черкасский собственноручно написал наградной лист: «Ходатайствую о производстве в прапорщики милиции за то, что в бою 2 июля сего года при наступлении полка от деревни Шупарка под артиллерийским и ружейным огнем проходил по наступавшим частям сотни и подбадривал всадников-магометан, вследствие чего всадниками Кабардинцами была проявлена в бою у деревни Шупарка особенно фанатичная храбрость. Влияние муллы еще более возрастет по производстве его, ибо к офицерским погонам горцы привыкли относиться с особым уваясением...» [4,93].

Следующий подвиг муллы Шогенов проявил в бою 10 сентября 1915 года у дер. Доброполе, когда под сильнейшим пулеметным и ружейным огнем сопровождал наступавшие части полка, своим присутствием и речами повлиял на всадников-магометан, проявивших в этом бою необыкновенную храбрость и взявших в плен 300 венгерских пехотинцев». Так писал в наградном листе 27 марта 1916 года командир полка полковник Воронцов-Дашков, представляя муллу Алихана Шогенова к производству в чин прапорщика. «Производство

Шогенова в офицерский чин прапорщика, – продолжал он, – будет иметь огромное значение для дела, так как уважение и любовь к делу всадников увеличатся с получением им чина прапорщика милиции» [4,131].

Представление на Шогенова подавал еще раньше полковник Бекевич-Черкасский, после июльского боя у деревни Шупарка. Но тогда из вышестоящего штаба ответили, что мулла Шогенов, «как не имеющий звания юнкера милиции права на производство в прапорщики не имеет», а 28 декабря 1915 года командующий Юго-Западным фронтом присвоил ему чин юнкера милиции. Второй раз Шогенов был произведен в прапорщики.

С боевыми заслугами Алихана Шогенова связаны и еще два документа, относящиеся к осени 1915 года.

31 октября временно командующий полком подполковник Гавриил Алексеевич Бертрэн обратился к командующему Кавказской конной дивизией генералу Багратиону с рапортом, в котором говорилось: «Мулла Шогенов, участвуя во всех делах полка, до сих пор имеет только Георгиевский крест 4-й степени, в то время как муллы других полков получили офицерские награды. Было бы бесконечно приятно для всех чинов полка внимание, оказанное нашему мулле, и ходатайствуем о награждении его орденом св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. Прошу содействия Вашего Сиятельства об утверждении награды командиром корпуса». Отвечая Бертрэну, начальник дивизионного штаба Юзефович написал: «Мулла Шогенов за бой 10 сентября представлен к ордену св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. Наградное представление направлено командиру 2-го кавалерийского корпуса 30-го минувшего месяца». Известно, что Командующий 9-й армией генерал Лечицкий наградил муллу Кабардинского конного полка этим орденом.

Другой яркой личностью был полковой мулла Хаджи Таубот Горбаков – мулла Ингушского полка. 16 сентября 1915 года великий князь Кирилл Владимирович при награждении офицеров Кавказской конной дивизии пожаловал ему орден св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. «Терские ведомости» опубликовали такую информацию:

«Награждение муллы.

За отличную и усердную службу при обстоятельствах военного времени награжден орденом св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом военный мулла Ингушского полка хаджи Таубот Горбаков» [5].

Известно также имя полкового муллы Хаджи Мишост Набоков – мулла Черкесского полка. К ноябрю 1915 года, как видно из полкового списка офицеров и чиновников, он уже имел ордена св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. В феврале 1917 года мулла Набоков будет произведен в чин прапорщика [7].

В национальных конных полках муллы служили не только моральной поддержкой, но и принимали участие в сражениях, врачевали раны. Главная функция, которую они выполняли – молитва, обращенная к всевышнему о ниспослании победы над врагом.

Примечания:

1. Марзоев И.Б. Т. Осетины Кабардинского конного полка//Кавказ в годы Первой мировой войны: героика и повседневность Владикавказ, 2014.
2. Терские ведомости, 1914. № 176.
3. Марзоев И-Б. Т. Осетинская феодальная знать в системе взаимодействия этнических элит Северного Кавказа. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук /Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М. 2006.
4. Опрышко О.Л. Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914-1917: Возвращение из забвения. Нальчик: Эль-Фа, 2007.
5. Терские ведомости, 1915. № 191.
6. Чеджемов А.Ю., Гутиева Э.Ш. Кавказский фронт и тыл во время Первой мировой войны (на примере Северной Осетии) //Кавказ в годы Первой мировой войны: героика и повседневность Владикавказ, 2014.
7. Гутиева Э.Ш. Осетинская интеллигенция в эпоху пореформенной модернизации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова. Владикавказ, 2009.

**А. Ю. СЕНОВА,
магистр КБГУ им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)**

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ СТАТУС, СТРУКТУРА ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ МАЛОЙ КАБАРДЫ С 1918-1935 ГОД

Статья посвящена вопросам административно-территориального статуса, структуре власти и управления, произошедшие в Малой Кабарде в 1918-1923 гг. Важной составляющей указанной проблемы является формирование территории. Особое внимание уделяет изменениям наименований сельских поселений. Автор раскрывает причины, последствия и особенности административно-территориальных преобразований в Малой Кабарде в исследуемый период.

Ключевые слова: *Малая Кабарда, Георгиевский округ, Сунженский отдел Терской области, Нальчикский округ Терской области, Горская республика, Кабардинскую автономная область РСФСР, Кабардино-Балкарская автономная область, Ганжумово – Раздольное, Муртазово – Дейское, Абаево – Неурожайное, Булатово – Терекское, Хапцево – Хамидие, Астемирово – Акбаш, Бороково – Арик, Бекович – Кизлярское, Исламово – Верхне-Курпское, Ахлово – Нижне-Курпское.*

The article is devoted to administrative-territorial status, the structure of power and control that occurred in Malaya Kabarda in 1918-1923. An important component of this problem is the formation of the territory. Pays special attention to the changes of names of villages. The author reveals the causes, consequences and peculiarities of administrative-territorial transformations in Small Kabarda in the period under study.

Keywords: *Small Kabarda, St. George district, Sunzhensky Department of the Terek region, the Nalchik district of the Terek region, Gorskaya Republic, Kabardin Autonomous oblast of the RSFSR, the Kabardino-Balkar Autonomous oblast, Ganzhurova – Rozdolne, Murtazova – Deyskoye, Abaeva – Neyrozhaingnoe, Bulatova – Terekskoye, Koptevo – Hamidie, Astemirova – Akbash, Barakovo – Arik, Bekovich – Kizlyarskoye, Islamov – top-Kurpsai Ahlovo – bottom-Kurpskoye.*

Административно-территориальное деление до октябрьской революции строилось без учета их национального состава, экономических, географических и бытовых особенностей населения [1, 57].

Становление Советской власти на Северном Кавказе было сопряжено с большими трудностями. Сложилось очень сложное положение в этот период на Тереке, и нужно было создать демократическую власть, опирающуюся на

трудоустрой народ. Моздокский съезд, проходивший с 25 по 32 января 1918 года, обсудил вопрос об организации революционной власти на Тереке. Высшим органом власти съезд объявил Терский Народный Совет, а исполнительным органом власти – Терский Народный Комиссариат.

После провозглашения Советской власти в Кабарде и Балкарии в 1920 году окружком стал уделять много внимания административно-территориальному устройству и установлению границ округа [5, 62].

В мае 1920 года Кабардинское организационное бюро было переименовано в Нальчикское окружное бюро.

В Кабардино революционные комитеты (ревкомы) действовали с конца 1919 по июль 1920 года. Для подготовки и разработки предложений, связанных с федеративным устройством России, а также со строительством автономных национальных государств и автономных национально-государственных образований, ВЦИК 15 февраля 1920 года принял постановление «Об образовании Комиссии по выработке вопросов федеративного устройства РСФСР». Практически решением вопроса об образовании автономии горских народов непосредственно на месте руководило Кавказское бюро ЦК РКП (б) и Терская областная партийная организация [1,65].

По распоряжению земельного отдела Нальчикского окружного ревкома от 1 мая 1920 года все частновладельческие земли были взяты на учет земельными комитетами сельских ревкомов и распределены среды нуждающегося населения таким образом, чтобы обрабатывалось, возможно, большее количество земли [3, 96].

Было принято решения о переименовании сел, называвшиеся ранее по фамилиям своих бывших владельцев. Сельские ревкомы обязаны были до 15 мая 1920 года представить список новых названий. Это решение касалось и Малой Кабарды. По приказу Нальчикского окружного ревкома о переименовании селений № 72 от 8 июля 1920 года селения получили новые названия: Ганжумово – Раздольное, Муртазово – Дейское, Абаево – Неурожайное, Булатово – Терекское, Хапцево – Хамидие, Астемирово – Акбаш, Бороково – Арик, Бекович – Кизлярское, Исламово – Верхне-Курпское, Ахлово – Нижне-Курпское.

В дальнейшем создаются условия для перехода от системы ревкомов к постоянным выборным органам – Советам. В конце июля 1920 года состоялся Первый Нальчикский окружной съезд Советов. Он избрал окружной исполнительный комитет, заменивший ревком.

Руководители региона искали правильные формы и методы работы по вовлечению жителей для решения задач стоявших перед ними в области развития государственности, хозяйства и культуры.

Опыт существования Горской республики показал необходимость перехода к более высокой форме советской автономии – к территориальной областной автономии, которая теснее и непосредственнее связала бы трудящихся Кабарды с центром РСФСР, давая в то же время возможность учитывать национальную специфику в строительстве социализма [3, 106].

Сельские советы и исполкомы, впредь до Учредительного съезда Советов Кабардинской автономной области, распускаются, а взамен их должны быть окрещены назначены сельские ревкомы в составе: председателя сельского ревкома, его заместителя и трех членов ревкома, в число которых входит и секретарь. В сельских ревкомах остаются: в должности председателя и его заместителя соответственно – председатель бывшего исполкома и его заместитель и членами ревкома два члена бывшего исполкома или совета, исполнявшие до сего времени должности доверенных, и секретарь. Организация сельских ревкомов, в указанном составе, возлагается на окрещенные, путем объезда всех селений.

Все же должностные лица, имеющие в настоящее время в селениях, а равно и сельская милиция, остаются на местах в прежнем составе [5, 77].

В состав сельских комитетов обычно входили от 5 до 15 человек в зависимости от числа дворов в селении. В задачи сельского комитета входило:

- 1) учет посевной площади, семян, рабочей силы, живого и мертвого инвентаря в каждом хозяйствующем дворе;
- 2) установление размера посева и площади основных культур для каждого хозяйствующего двора;
- 3) создание сельского фонда и т.д. [2, 94]

1 сентября 1921 года Постановлением ВЦИК Кабарда была выделена из состава Горской республики и стала именоваться Кабардинской автономной областью. В Кабардинскую автономную область входили: Баксанский, Нальчикский, Урванский и Мало-Кабардинский округа с включением в ее состав казачьих станиц Пришибской, Котляревской и Александровской с хуторами и с населением в 8609 человек и земельной площадью в 26124 дес. Облисполкому Кабарды предоставлялись права губернского исполкома [3, 106].

Вся власть в Кабардинской автономной области, до созыва I Съезда Советов области, принадлежит Ревкому.

Малокабардинский окружной ревком находился в сел. Муртазово, предокрещенком был назначен Хажумар Карашаев, а членами: Мажид Кошковых и Ахмедхан Богатырев.

Кабардинская автономная область просуществовала не долго. 16 января 1922 года была образована объединённая Кабардино-Балкарская автономная область, но реально образование произошло к сентябрю.

Однако процесс создания Кабардинской автономной области был чрезвычайно сложным. Пришлось преодолеть немало ошибок и заблуждений [1, 77].

Кабардино-Балкарская автономная область являлась административной формой советской автономии. Эта форма находит свое выражение в специальном акте, устанавливающем ее правовой статус.

Общие основы правового положения автономной области определены Конституциями РСФСР 1918 и 1925 годов, а также Конституцией СССР 1924 года; в них данное национально-государственное образование признано автономной областью. Более подробно правовой статус автономной обла-

сти устанавливался в Положении о Северо-Кавказском крае, утвержденном ВЦИК 26 января 1925 года, а также в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 29 октября 1928 года «О взаимоотношениях между автономными областями, вошедшими в состав краевых (областных) объединений, и органами краевой (областной) власти» [1, 81].

Этими актами были установлены: система государственных органов автономной области; территориальное верховенство, право определять свое внутреннее административно-территориальное деление; право представительства в высших органах государственной власти Союза ССР и РСФСР; право самостоятельно разрабатывать Положение об автономной области. Все это свидетельствует о значительной самостоятельности автономной области и определяет ее особое правовое положение.

11 июня 1923 года произвели новое внутреннее районирование с выделением из Урванского округа в Мало-Кабардинский селения и станицы: Урухское, Змейскую, Александровскую, Котляревскую и Пришибскую, как близко соприкасающихся и связанных в административном отношении с Мало-Кабардинским округом, нежели с Урванским [5, 110].

Характерной особенностью образования органов государственного управления Кабардино-Балкарской автономной области, в частности облисполкома, является то, что он избирался на паритетных началах. Этот порядок полностью соответствовал принципу, который был положен в основу организации Совета национальностей в составе ЦИК, а затем и Верховного Совета СССР [1, 82].

4 марта 1925 года ст. Александровская была присоединена к Мало-Кабардинскому округу. 10 марта того года поселок Пришибский был переименован в Майское с организацией там административного аппарата.

10 июня 1925 года были определены границы округов со входящими в них селениями. Мало-Кабардинский округ заключался между р. Терек, Сунженским автономным округом, Ингушской авт. областью, Северо-Осетинской автономной областью и из Затеречной части в него входит весь надел ст. Александровской.

28 июля 1925 года Мало-Кабардинскому округу было предоставлено автономное самоуправление в пределах области. Из состава Мало-Кабардинского и Прималкинского округов был выделен район с казачьим населением, с центром в с. Майском, который напрямую подчинялся Центральному Исполнительному Комитету. Казачий округ состоял из станиц: Александровская, Пришибская, Котляревская. Внутри Мало-Кабардинского округа автономное самоуправление было предоставлено с. Кизлярскому, который был заселен кумыками, и дан самостоятельный бюджет.

18 февраля 1926 года постановлением президиума ВЦИК КБАО станция Муртазово было переименовано в Дейское, и председателем местного совета был избран Кокожев Ахмедхан.

12 августа 1926 года на основании постановления большого президиума Северо-Кавказского Крайсполкома о внутреннем районировании Кабар-

дино-Балкарской Автономной области было утверждено, взамен прежнего, новое административное деление, в котором было уже 8 округов, вместо 5. Из них Мало-Кабардинский округ был 7, с центром м. Терек, включая в него сельсоветы: Дейский, Плановский, Акбашский, Арикский, Тамбовский, Верхне-Курпский, Гнаденбургский, Кизлярский, Нижне-Курпский, Неурожайненский, Раздольный, Терекский, Хамидиевский.

2 сентября 1926 года хут. Василенко был переименован в Маздабек и прикреплен к Мало-Кабардинскому окрисполкому. В сел. Маздабек был образован ревком. 24 сентября 1926 года в целях разукрупнения сельсоветов было выделено 8 новых сельсоветов. Из них по Мало-Кабардинскому округу образовать Магдабекский сельсовет [5, 82].

7 октября 1926 уполномоченный населенного пункта Н. Акбаш Шогенов Галим ходатайствует в Кабардино-Балкарский облисполком о выделении указанного селения в исполкомовскую единицу.

Вместе с тем повысилась активность трудящихся горцев, у них усилился интерес к участию в общественной и государственной жизни. Так, если явка избирателей на выборные собрания осенью 1924 года по Кабардино-Балкарии была ниже, чем в целом по РСФСР, и составила всего 20-30% избирателей, то в выборах 1925-1926 гг. процент участия населения достиг 45, в 1927 г. – 57, в 1929 г. – 69,4, в 1931-77. Большую активность в выборах проявляли женщины-кабардинки и балкарки [1, 101].

2 января 1932 года на основании постановления ВЦИК Мало-Кабардинский округ переименован в Мало-Кабардинский район без изменения объема прав [5, 282].

Постановлением ЦК партии о районировании Северо-Кавказского края и крайкома партии о порядке районирования, бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б) от 28 января 1935 года постановило:

2. Из существующего Мало-Кабардинского района выделить Курпский район в границах сельсоветов Гнаденбург, Раздольное, Кизляр, Н. Курп, Малгобек – с районным центром в сел. Гнаденбург. (Племхоз «Овцевод» включался в Курпский район).

3. Мало-Кабардинский район переименовать в Терский район, оставляя в границах сельсоветов в п. Терек, Дейское, Плановское, Верхний Акбаш, Верхний Курп, Хамидие, Терекское, Урожайное, Арик, Нижний-Акбаш, хут. Тамбовский – с районным центром в пос. Терек [4, 135].

Правовое положение Кабардино-Балкарской автономной области полностью обеспечивало учет национальных особенностей кабардинского и балкарского народов и создавало им правовые гарантии для свободного развития хозяйства и культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию [1, 101].

Примечания

1. Ансоков М.Т. Образование и развитие национальной советской государственности народов Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1974.
2. История Дона и Северного Кавказа (1917-2000). Ростов-на-Дону. Нальчик, 2004. С.94.
3. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т.2.
4. Калмыков Ж. А. Размышления историка в поисках истины. Нальчик: Эльфа, 2009. С. 135.
5. Каров А.Х. Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. Нальчк, Эль-Фа, 2000 г.

Ф. Б. ШАХАЛИЕВА,
аспирант КБГУ им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)

АЛЬТЕРНАТИВА НАЦИОНАЛЬНО- ГОСУДАРСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ (ФЕВРАЛЬ 1919 – ФЕВРАЛЬ 1920 Г.)

В статье проанализирована социально-политическая ситуация, сложившаяся в Терской области в период гражданской войны, когда власть в округе находилась в руках Добровольческой армии во главе с генералом А. Деникиным. Исследован механизм и сущность властных структур, созданный А. Деникиным для управления краем. Изучен сложный процесс политической борьбы с февраля 1919 по февраль 1920 г. и ход национально-государственного строительства в регионе.

Ключевые слова: гражданская война, Особое Совецание, Добровольческая армия, Терская область, Основные положения, автономия.

The article analyzes the socio-political situation in the Terek region during the Civil War, when the power in the area was in the hands of the Volunteer Army, led by General A. Denikin. Investigated the mechanism and the nature of power structures, inherent A. Denikin control edge. We consider the complex process of political struggle from February 1919 to February 1920 and the course of nation-building in the region.

Keywords: Civil War, Special meeting, the Volunteer Army, Terek region, Basic provisions, autonomy.

Летом 1918 г. на Тереке началось восстание против Советской власти, вылившееся в гражданскую войну. Антисоветскими силами на Юге России руководил генерал А. Деникин. В феврале 1919 г. части Добровольческой армии А. Деникина вытеснили большевиков и заняли территорию Терской области [1, 23].

Терская область вошла в состав Терско-Дагестанского края, во главе которого А. Деникин назначил генерал-лейтенанта В. П. Ляхова, с полномочиями военного диктатора. В. Ляхову были даны указания об организации местной власти, которые получили практическое осуществление с середины января 1919 г. В письме на имя начальника края А. Деникин так определил общие основания политики «русской власти» в регионе: «Вам предстоит тяжелая, но благородная задача умиротворить Терско-Дагестанский край. Ввести начала законности и порядка. С высокой справедливостью и беспристрастием при-

мирить интересы подчас враждующих соседних народностей. Восстановить правильную экономическую жизнь, чему всемерно будут содействовать органы управления, при мне состоящие. Помочь свободному развитию местных установлений. Создать вооруженные силы для защиты очагов и для участия в борьбе за освобождение России. Наконец, вновь приобщить край к русской государственности» [2, 163].

В январе 1919 г. по инициативе В. В. Шульгина возникла «комиссия по национальным делам», бюджет которой был отнесен на счет Вооруженных сил Юга России. Комиссия поставила цель исследовать вопрос об автономном устройстве Юга России, но ее работа проходила в условиях гражданской войны, что требовало исключительных мер для централизации власти на местах. Поэтому временные положения «О гражданском управлении и о государственной страже», выработанные Особым Совещанием и опубликованные в марте 1919 г. ограничивали «общественную инициативу». Трех ступеням административной лестницы – главному начальнику, губернатору и начальнику уезда – было предоставлено право контролировать деятельность всех правительственных установлений при А. Деникине. В городах и селах была создана гражданская стража для охраны населения, которая являлась полувоенной организацией, находилась в подчинении местных гражданских начальников и, через командиров губернских бригад, командующему государственной стражей – помощнику начальника управления внутренних дел, на которого возлагалось высшее руководство деятельностью стражи по предупреждению и пресечению преступлений. Главный начальник кроме высшего надзора за управлением нескольких губерний и области имел в своем подчинении войска и должен был согласовать действия военных и гражданских властей. Ему предоставлялись исключительные права, на принятие чрезвычайных мер в случаях, угрожающих государственному порядку [2, 311-312].

С восстановлением порядка в губерниях, с начальников должны были быть сложены все чрезвычайные полномочия. Административное устройство, созданное А. Деникиным вызвало жесткую критику его политических оппонентов – революционеров, главным образом большевиков. Они считали такое административное устройство реставрацией России имперского периода [2, 311-313]. По воспоминаниям участника антибольшевистского движения на юге России К. А. Чхеидзе, Добровольческая армия во главе с генералом А. Деникиным, которая ратовала за «единую и неделимую Россию» не пользовалась симпатией большинства населения. Власть А. Деникина на Тереке держалась исключительно на военной силе [3, 36].

Захватив власть деникинцы отменили все декреты Советской власти, а большевики были объявлены вне закона [4, д. 76, л. 15]. 17 февраля была восстановлена аренда и частновладельческие права на землю, до разрешения этого вопроса Учредительным собранием [5, 322, 330]. Однако, придерживаясь принципа единой и неделимой России, А. И. Деникин, для которого были чужды понятия о федерации, выдвигаемые Горским правительством (горское национально-территориальное образование – май 1917 г.), отказался при-

знать это правительство и вести с ними какие-либо переговоры. В мае 1919 г. Горское правительство вынуждено было эмигрировать в Тифлис [6, 155, 169].

По инициативе А. Деникина в конце мая был составлен проект «Основные положения» управления краем подготовленный комиссией Особого Сопровождающего. Национальный вопрос и проблема территориального устройства Российского государства разрешался членами Особого Сопровождающего таким образом: единство России, областная автономия и широкая децентрализация. По проекту территорию Северокавказского края составляли Терская и Дагестанская области, четыре горских округа: Кабарда, Осетия, Ингушетия, Чечня, а также, выделенные в особые административные единицы города: Владикавказ, Грозный и Минеральные воды.

Терская область получала широкую автономию, аналогичную той, которая была составлена для Кубани, а Терское войско управляется на основании законодательных постановлений, издаваемых Войсковым кругом, выборного Войскового атамана, правительства и других органов, которые будут учреждены Войсковым кругом. Дела общегосударственные разрешаются на основе действующего законодательства и решений верховного управления Главкомандующим Вооруженными силами Юга России; распоряжения главкомандующего приводятся в исполнение через командующего войсками в крае.

Во главе каждой горской народности должен был стоять правитель по выбору народа и при нем выборный Совет. Они должны были заниматься делами местного управления, хозяйства и вопросами культурно-бытовыми; сохранялись шариатские суды. Правители подчинялись непосредственно начальнику края. Сельским обществам было предоставлено право выбора сельских старшин, за исключением некоторых сел, где была неспокойная обстановка [5, 332]. Сохранялось военное положение.

Круг деятельности органов управления точно установлен не был, и фактически горцы пользовались большой самостоятельностью. Горские народы были обязаны поставлять продовольствие расположенным в их районах войскам и выставлять в действующую армию боевые части согласно численности своего населения. По воспоминаниям А. Деникина, требование это диктовалось мотивами не военными, а политическими, чтобы выкачать из аулов массу накопленного там оружия и беспокойные элементы для обеспечения общего внутреннего мира в крае. Численность всех горских контингентов в рядах армии до конца мая не превышала 3-4 тысяч [2, 165-166]. Через три месяца В. Ляхов вынужден был уйти в отставку и его место занял генерал И. Г. Эрдели.

Управление юстиции во главе с П. Челищевым восстановило судебные учреждения, внеся необходимые поправки в нормы процессуального и материального права, вызванные исключительной обстановкой. Судебно-следственная практика основывалась на руководстве ранее измененной 108-й статьи Уложения. В конце июля состоялось постановление Особого Сопровождающего о введении закона «об уголовной ответственности участников установления Советской власти и лиц, содействовавших ее распространению и

упрочению». Закон предусматривал смертную казнь для лиц, «виновных в подготовке захвата государственной власти Советом народных Комиссаров», участников и пособников; прочих «виновных в содействии Советской власти» закон карал в зависимости от меры вины в пределах от каторжных работ до штрафа в 300 рублей; лица, виновные в преступлении «вследствие несчастно сложившихся обстоятельств, опасения возможного принуждения или иной достойной уважения причины», освобождались от ответственности вовсе. Закон по духу выражал суровое осуждение «коммунизму и коммунистам, как разрушителям русского государства» [2, 322, 332-333].

Таким образом, в основу устройства Вооруженных сил Юга положено было сохранение единства Российского государства при условии предоставления автономии отдельным народностям, а также широкой децентрализации всего государственного управления. В основу децентрализации управления положено было деление занимаемой территории на области. Автономное управление предполагалось строить не только по признакам национальным, но и по удобству разъединенного существования, по географическому положению, экономическим различиям и т.д.

29 ноября 1919 г. согласно временным штатам, утвержденным главнокомандующим вооруженными силами на Юге России, Нальчикский округ был переименован в Кабардинский округ, которым руководил правитель Кабарды. Управление округом делилось на две части: гражданское и военное. Гражданская власть в округе осуществлялась через управление по гражданской части, военная – через военное управление. Начальником Кабардинского округа был назначен Карачаев [2, 372, 525-527]. Новая система управления оказалась не эффективной и не получила поддержки населения.

В ноябре 1919 года было разработано Земельное положение по которому разрешались добровольные сделки на землю в течении двух лет. За частными владельцами оставались земли от 150 до 400 десятин. Отчужденные земли могли быть проданы исключительно лицам, занимающимся земледельческим трудом, преимущественно местным; максимальные нормы для покупающих землю были установлены от 9 до 45 десятин. В условиях революции и гражданской войны принятое либеральное Земельное положение, уже не могло оказать никакого влияния на события.

В марте 1920 г. в Терской области была восстановлена Советская власть [5, 402, 417]. 17 ноября 1920 г. на съезде народов Терека было объявлено о создании Горской АССР [1, 402, 417, 614, 624]. Это была коллективная форма национальной государственности народов, населяющих Терскую область.

Таким образом, можно сделать вывод, что мероприятия, проводимые администрацией А. Деникина, были осложнены условиями военного времени, что негативно сказывалось на их реализации. Реквизиции на нужды армии, мобилизация, налоги, вызывали недовольство значительной части населения белой властью.

Власть А. Деникина продолжалась всего один год, и за это время, намеченные им преобразования национально-государственного строительства

Терского края не смогли получить практического осуществления. Неприязнь горцев к армии А. Деникина, как наследникам и продолжателям политики царской России, лишило А. Деникина поддержки местного населения и как следствие – поражение «на всех фронтах» гражданской войны в регионе.

Примечания

1. Материалы съездов горских народов Северного Кавказа и Дагестана 1917 г. / Сост. А.Х. Кармов. Нальчик: КБИГИ, 2014. 168 с.
2. Деникин А.И. Очерки русской смуты. В 3 книгах. Книга 3. Т. 4. Вооруженные силы Юга России. М.: Айрис-пресс, 2005. 832 с.
3. Чхеидзе К.А. Генерал Заур-бек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде / Сост. Жанситов О.А. Нальчик: КБИГИ, 2008. 120 с.
4. Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований. Ф. 2. Оп. 2. Д. 76. Л. 15.
5. Документы по истории борьбы за Советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917-1922 гг.) / Сост. Гугов Р.Х., Татарокова Л.Б. и др. Нальчик: Эльбрус, 1983. 800 с.
6. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917-1918 гг.) и Горская Республика (1918-1920 гг.). Документы и материалы / сост. Г.И. Какагасанов, Л.Г. Каймаразов. Изд-е 2-е. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2013. 295 с.

В. И. ПОМАТОВ,
аспирант СКИФ РАНХ ИГС
(г. Пятигорск)

РАБОТА КОМИТЕТОВ СОДЕЙСТВИЯ ХЛЕБОЗАГОТОВОК В НАЧАЛЕ 1930-Х гг. НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И ИХ РОЛЬ В ПРОЦЕССЕ РАСКАЗАЧИВАНИЯ

В статье дается анализ работы комитетов содействия хлебозаготовок в начале 30-х гг. XX века на Северном Кавказе и их роль в процессе расказачивания; рассматриваются главные причины обострения отношений государства с сельхозпроизводителями. Автор также определяет основные факторы расказачивания: репрессии, тюремные наказания, выселение и др.

Ключевые слова: расказачивание, хлебозаготовка, казаки, комиссии по содействию хлебозаготовкам, колхоз.

The article provides an analysis of the Grain Procurement Promoting Committees' work in the early 30-ies XX century in the North Caucasus and its role in the process of Decossackization; are considered the main reasons for the deterioration of relations with the state agricultural manufacturers. The author also defines the basic Decossackization factors: repressions, punishments, jails, eviction etc.

Keywords: Decossackization, grain procurement, the Cossacks, the Grain Procurement Promoting Commissions, kolkhoz.

Октябрьская революция и новая система властных отношений в государстве радикально изменили положение казаков. Взявшись за обобществление земли и крестьянского имущества в станицах в конце 20 – начале 30-х годов, государство взяло курс на разрушение казачьей общности. Понимая, что в традиционных казачьих территориях нельзя в одночасье объявить о ликвидации казачества как сословия, политическое руководство Северо-Кавказского края объявило о существовании трудящихся казаков, которые в основной своей массе согласны с идеей коллективизации и с готовностью вступают в колхозы.

В начале 1930-х годов обострились отношения государства с сельхозпроизводителями. Сильная засуха 1931 года, являясь фактором резкого ухудшения аграрной сферы, в сочетании с нерациональными методами ведения хозяйства (мелкая вспашка, монокультурность), стала масштабной катастрофой для зернового хозяйства. Представляется, что ситуация была спровоцирова-

на общим экономическим курсом партийного руководства страной. Хлеб был нужен не только для того, чтобы накормить город. Его вывозили за границу в обмен на технику, необходимую для индустриализации.

Вместе с тем, государство не имело эффективных механизмов, которые позволили бы ему заменить частника на хлебном рынке. Зато оно довольно быстро подобрало особые способы изъятия хлеба у сельского жителя. С начала это был метод контрактации, в соответствии с которым все производители хлеба узнавали размер хлебосдачи только после сбора урожая, что вызывало нервозность и страх. Фобии не уменьшились и после принятия закона «Об обязательной поставке зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами» (1933) [1, 102-107], так как новая система не предусматривала скидок в связи с тем, что все казачьи станицы Юга России находились в условиях рискованного земледелия. В соответствии с этим законом количество сдаваемого зерна рассчитывалось с каждого засеянного гектара земли.

Не успев завершить хлебозаготовки, сельские жители приступали к сбору семенного фонда. Северо-Кавказский крайком требовал от районных и станичных властей перейти от разговоров и заседаний – к сбору хлеба на деле. Так что первым мероприятием районных властей был перенос станиц, находящихся на «черной доске» по хлебозаготовкам на «черную доску» по сбору семян [2, л. 56-57].

В ноябре 1932 года за срыв планов по севу и хлебозаготовок на «черную доску» были занесены станицы Ново-Рождественская (Тихорецкий район), Медведовская (Тимашевский район), Темиргоевская (Курганинский район). В качестве предупреждения был прекращен завоз товаров в кооперативные и государственные лавки таких районов как Невинномысский, Славянский, Усть-Лабинский, Брюховецкий, Старо-Минский, Куцевский, Павловский, Кропоткинский, Ново-Александровский, Лабинский. А в отношении Ейского, Краснодарского, Кореновского, Отрадненского, Каневского, Покровского, Армавирского, Тимошевского районов меры были ужесточены: не только прекращен завоз товаров, но принято решение о вывозе уже завезенных туда товаров [3, 1].

Сверх того, по результатам сбора семян были занесены на «черную доску» станицы Темежбекская (Кропоткинский район) и Шкуринская (Куцевский район). Эти станицы были лишены завоза промтоваров, оттуда были вывезены имеющиеся товары, запрещена колхозная торговля, закрыты и досрочно взысканы все сельскохозяйственные кредиты. Жители станиц, занесенных на «черную доску» за саботаж хлебозаготовок и сбора семян, были предупреждены о том, что поставлен вопрос об их выселении из пределов края в северные области и заселении этих станиц «добросовестными колхозниками, работающими в условиях малоземелья и на неудобных землях в других краях» [4, 1].

Практически всем правоохранительным органам: Крайпрокуратуре, крайсуду и органам ГПУ было поручено усилить борьбу с расхитителями колхозных и совхозных семян, применяя к виновным меры сурового нака-

зания, предусмотренные декретом об охране общественной собственности, а в отношении единоличников – ст. 61 УК. В виде последнего предупреждения и за особо неудовлетворительный ход сбора семян были лишены завоза промтоваров Цимлянский, Ремонтненский, Приморско-Ахтарский районы, а среди предупрежденных оказались районы Обливский, Константиновский, Каневский, Ейский, Брюховецкий, Павловский, Курганинский, Армавирский, Кропоткинский. Через районные газеты районное руководство было предупреждено, что «дальнейшее продолжение саботажа сбора семян в районе» приведет к применению взыскания, как в отношении районного руководства, так и колхозов, колхозников и единоличников района [4, 1].

Особо был отмечен совершенно неудовлетворительный ход сбора семян по Белоглинскому, Новочеркасскому, Матвеево-Курганинскому Куцевскому, Таганрогскому, Невинномысскому, Кореновскому, Благодарненскому, Ставропольскому, Александровскому, Курсавскому, Герогиевскому, Вешенскому районам. Поэтому сюда были командированы члены Бюро Крайкома и президиумов КрайКК и КИК сроком на один месяц для помощи местным организациям «по слому саботажа, организованного кулачеством по сбору семян и подготовке к весенней посевной кампании». Из отпуска были отозваны чиновники всех рангов. Районному активу было запрещено без персонального вызова краевых организаций выезжать из пределов районов. Дополнительно были мобилизованы 300 человек краевого актива для посылки на места до окончания весеннего сева [5, 1].

Колхозы, которые отличились досрочным выполнением хлебозаготовок, и, в силу этого исчерпали возможный запас зерновых, обвиняли в демобилизации, т. е. сознательном уклонении от сдачи семян. Руководителям колхозов вменялось в вину бездействие и нежелание продолжать борьбу. Особый гнев вызвали слова председателя колхоза «МОПР» Спицевского сельсовета Агужева о том, что «Мы будет сеять только тогда, когда государство нам даст семена». Районные власти констатировали, что сам Агужев внес только 4 кг подсолнуха, а его зам Карпенко и того не внес. Так как за 20 дней «борьбы» за сбор в семенной фонд колхозники Спицевки смогли собрать всего 45 кг, то парторганизация была обвинена в ослаблении борьбы с кулацким саботажем, в неумении сплотить вокруг себя беспартийных колхозников-активистов, в неспособности развернуть широкую организационную работу по выявлению расхищенного хлеба и сбора семян [6, с. 1]. Крайком обязал партийные организации и политработников МТС всего края широко осудить эту позицию и обсудить на собрании колхозников меры дальнейшей борьбы за сбор семян [7, 1].

Все станицы и колхозы были распределены на группы в зависимости от их значения в деле выполнения плана сбора семян и трудности проведения этой кампании. На период сбора семян за наиболее значимыми станицами были закреплены крупные работники района. Райкомам было поручено проверить местонахождение работников, посланных ранее в станицы и колхозы для сбора семян, привлекая за дезертирство и оппортунистическое отноше-

ние в борьбе за семена к ответственности, вплоть до исключения из партии [8, 1; 14, 2-3].

Отношение к хлебозаготовкам и сбору семенного фонда превращалась в «лакмусовую бумажку» добросовестного и партийного отношения коммунистов к разрешению очередной боевой задачи – сломить кулацкий саботаж в сборе семян, ликвидировать пассивное отношение и даже сопротивление со стороны коммунистов.

Крайком и Крайисполком Северо-Кавказского края демонстрировали непримиримость в отношении тех, кто подозревался в саботаже или считался каким-то образом способствующим так называемому самотеку в условиях хлебозаготовительных кампаний. Саботаж и самотек – эти два термина вмещали в себя понятия самых тяжких преступлений против существующего режима. «Парторганизация станицы Темнолеской обязана смыть позорное пятно отставания», «Двурушников, перерожденцев – вон из партии», «Коммунист», плененный кулаком», «Бешпагир, Татарка, Надежда, Михайловка, вы позорите район! Разгромом саботажа – оплатить долг государству», «Большевистским делом смыть позор», «Предать суду укрывателей хлеба», «Потребовать ответственность от партприкрепленных за работу 1 и 6 комсодов» [9] – эти заголовки украшали районные газеты. Три из четырех страниц в каждом выпуске всех районных газет, выходящих в Северо-Кавказском крае, клеймили, взывали, угрожали «несдатчикам» хлеба и их пособникам.

Особая нагрузка в борьбе с саботажем хлебозаготовок и сбора семенного фонда ложилась на комиссии по содействию хлебозаготовкам при сельских советах. Они создавались в целях содействия хлебозаготовкам и всемерной поддержки инициативы общественных организаций (групп и собраний бедноты; союза сельхозрабочих, середнячко-бедняцкого актива, крестьянских комитетов взаимопомощи, кооперации и проч.), направленной на выполнение даваемых правительством директив в области хлебозаготовок в кампанию 1929-1930 гг. Хотя комитеты содействия и создавались при сельских советах, но общая ответственность за выполнение хлебозаготовительного плана с института низового управления, а также с хлебозаготовительных организаций не снималась [10, 182].

Комиссии по содействию хлебозаготовкам избирались на общих собраниях граждан (сельских сходах). Их численный состав устанавливался сельскими советами, исходя из местных условий и объема хлебозаготовительной работы. В среднем количество членов комиссии составляло 5-7 человек, в редких случаях – 3 человека. Членом комиссии по содействию хлебозаготовкам мог быть любой из граждан, достигший совершеннолетия и имеющий право, согласно Конституции РСФСР, быть избираемым в советы [10, 183].

Но скоро выяснилось, что состав комсодов не соответствовал выдвигаемым требованиям. Одной из претензий была «засоренность» состава, т. е. вхождение в состав комсодов кулаков-единоличников, которые на самом деле причислялись к таковым за то, что не торопились со сдачей собственного хлеба или семян для выполнения плана. Бдительные партийцы старались

строго следить за тем, чтобы в состав комсодов входили только революционно-настроенные колхозники. А на страницах местных газет то и дело появлялись сообщения о своевременном разоблачении прокравшегося в состав комсода оппортуниста и контрреволюционера [11, 1].

Работа комсодов находилась под контролем не только местных, но и районных властей. При малейшем подозрении на самотек в деле хлебозаготовок от комсодов требовали усиления массовой работы, обновления мер общественного воздействия и репрессий. Но главным показателем работы комсодов являлось вскрытие ям с хлебом, кукурузой, подсолнухом. Если такой показатель был низким или, что еще хуже, отсутствовал, тогда наказанию подвергались председатели комсодов, которым уже невозможно было избежать подозрений в укрывательстве саботажников и личном оппортунизме [12, 2].

В сложных условиях 1932-1934 годов крайком партии через райорганизации не раз вводил 5-дневные задания по сбору семян по станковым советам для комсодов с ежедневным оперативным контролем исполнения. Остается только догадываться, каким образом выполнялись эти задания, так как в случае невыполнения вся суровость ответственности возлагалась на председателя и членов комсода. Их обвиняли в подмене действительной работы бумажной, неприятия мер с хищением хлеба, нежелании мобилизовать советско-колхозный актив на борьбу с кулачеством. Поэтому члены комсода, чтобы не оказаться в списке причисленных к контрреволюционерам-оппортунистам, выявляли ямы с хлебом и обеспечивали привлечение к ответственности скрывающих хлеб и саботирующих вплоть до исключения из колхоза и выселении за пределы станицы [13, 1].

Результаты каждой пятинедельки обсуждались на всех властных уровнях в крае. Власти демонстрировали нетерпимость к тем хозяйствам, которые снижали темпы хлебозаготовок, называя это явление «позорной демобилизации в борьбе за хлеб». Руководство районных парторганизаций края, райононов, как не выполнивших обязательств перед государством, так и райононов, выполнивших план заготовок, но получивших дополнительные задания и не успевших их выполнить, также наказывали. В начале 1933 года сняли с работы и исключили из партии секретаря Кропоткинского РК Свитнева, секретаря Цимлянского РК Новикова и секретаря Старо-Минского РК Соломоненко, как проводящих оппортунистическую линию в руководстве, полностью демобилизовавшихся в борьбе за хлеб и в связи с этим не обеспечивших, несмотря на предупреждение Крайкома в решении от 31 декабря перелома в планах хлебозаготовок [4, 1].

Был снят с работы, исключен из партии и отдан под суд секретарь Ремонтненского района Хижняк, как враг партии, «обманувший партию дутыми хлебофуражными балансами и проводивший кулацкую линию скрытия от государства хлеба». Строгий выговор был объявлен секретарю Морозовского РК Коробовскому и секретарю Сальского РК Лесиенко, «проявившим колебания» в вопросе выполнения дополнительного задания. Все эти меры подтверждают, что общее руководство и наблюдение за деятельностью комиссий по со-

действию хлебозаготовкам возлагалось не только на председателей сельских советов, но и местных и районных парторганизаций [2, л. 59].

Сжатые сроки выполнения поставок хлеба и семян не позволяли членам комсода производить предварительную раскладку между отдельными хозяйственными хозяйствами излишков хлеба, подлежащих сдаче государству, а затем еще и рассматривать оформленную раскладку на сельских сходах для вынесения ими соответствующих постановлений.

Комсода обязывали действовать, строго соблюдая классовый подход в отношении отдельных категорий крестьянства (бедняков, середняков и кулаков). А также на них возлагались некоторые функции контроля: им поручали выяснять, в какой мере подготовлен местный хлебозаготовительный аппарат к бесперебойной приемке хлеба; наблюдать за количеством и родом товаров, имеющихся в распоряжении местных кооперативных организаций и следить за отпуском и правильным распределением дефицитных товаров и сельскохозяйственных машин между хлебосдатчиками.

Инструкция предписывала комсодам наблюдать за тем, как выполняются хлебозаготовителями директивы о заготовительных планах, насколько правильно применяются ими скидки и надбавки за качество сдаваемого им хлеба. Но, в сущности, комсода были созданы с одной целью – принять непосредственное участие в организации коллективной сдачи крестьянством хлеба и создании красных обозов для скорейшей и полной сдачи «излишков».

Сохранение термина «казаки» в интерпретации «трудящиеся казаки», с одной стороны, проявляло осторожность нового режима, понимавшего, что нельзя запретить принадлежность к казачеству, что, по сути, было принадлежностью к субэтносу, а не просто сословию. Но, с другой стороны, репрессивные меры по отношению к жителям станиц, тюремные наказания, выселение вели к физическому уничтожению этой категории населения и разрушали прежние ментальные установки, которые были свойственны казачеству как социально-психологическому типу, т.е. превращались в факторы расказачивания.

Примечания

1. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1933. М.: Управление делами СовНарКома СССР, 1948.

2. Государственный архив Ростовской области (далее ГАРО). Ф. р-3758. Оп. 1. Д. 411.

3. О ходе сбора семян // «Власть Советам», №20 от 12 февраля 1933.

4. О ходе хлебозаготовок и сева по районам Кубани. Решение Бюро Крайкома совместно с представителями ЦК ВКП (б) от 1 ноября 1932 года // «Власть Советам», № 101 от 10 ноября 1932 года.

5. О выполнении хлебозаготовок. Решение бюро Крайкома ВКП (б) от 6 января 1933. // «Молот», № 4. от 8 января 1933.

6. Спицевка срывает хлебозаготовки // «Власть Советов», № 6 от 12 января 1933 года.

7. Проведение хлебозаготовок – процесс классовой борьбы // «Власть Советов», № 75 от 21 августа 1932.

8. Дмитриев С. Самотек, продиктованный кулацким сопротивлением // «Молот», № 34 от 11 марта 1932 года; Постановление объединенного заседания Бюро Сев-Кав. Крайкома и Президиума КрайКК ВКП (б) от 24 ноября 1932 года «О ходе чистки сельских партийных организаций» // «Власть Советов», № 109 от 30 ноября 1932 г.

9. Выборка из газет «Молот», «Власть Советам» за 1932-1933 гг.

10. Постановление ВЦИК СовНарКом РСФСР от 9 сентября 1929 года «Об утверждении инструкции «Об организации и деятельности комиссий по содействию хлебозаготовкам при сельских советах» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1933. М.: Управление делами СовНарКома СССР, 1948.

11. Мещинский В. Кулацкий саботаж не сломлен // Власть Советов, №109 от 30 ноября 1932; Задание партии не выполнено // «Власть Советов», № 5 от 4 января 1933.

12. Гнать предателей из партии! // «Власть Советов», №109 от 30 ноября 1932.

13. Постановление V Крайисполкома от 21 сентября 1932 года «О ходе хлебозаготовок» // «Власть Советов», № 80 от 6 сентября 1932 года.

14. Постановление объединенного заседания Бюро Сев-Кав. Крайкома и Президиума КрайКК ВКП (б) от 24 ноября 1932 года «О ходе чистки сельских партийных организаций» // «Власть Советов», № 109 от 30 ноября 1932 г.

II. ИСТОЧНИКИ. ИСТОРИОГРАФИЯ

П. А. КУЗЬМИНОВ,
дин, профессор КБГУ им. Х. М. Бербекова
И. С. ТАХУШЕВА,
магистрант ИИФиСМИ,
КБГУ им. Х. М. Бербекова (г. Нальчик)

«ПУБЛИКАЦИИ О КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ В «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСКАХ» В КОНТЕКСТЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПОЗНАНИЯ ОТЕЧЕСТВА» (1818-1838 гг.)

Статья посвящена проблеме выявления публикаций о Кавказском регионе в столичном периодическом издании «Отечественные записки», издателем которого в 1818-1838 гг. был писатель, путешественник и географ П. П. Свиньин. Рассмотрены три основных направления, по которым редакцией периодики велся отбор и публикация материалов о Кавказе. Сделан вывод о том, что статьи по кавказской тематике в «Отечественных записках» в 1818-1838 гг. вписывались в общую концепцию журнала по познанию малоизвестных регионов Отечества.

Ключевые слова: «Отечественные записки», журнал, публицистика, периодическое издание, Отечество, Кавказ, Кавказский регион, Кавказская война.

The article is devoted to the identification of publications about Caucasian region in the periodical «Otechestvenniye zapiski», the publisher of which in 1818-1838 was a writer, traveler and geographer P. P. Svinin. The author considers three lines of selection and publication of materials about the Caucasus by the journal's edition. It concluded that the articles on the Caucasian theme in «Otechestvenniye zapiski» in 1818-1838 fit in the overall concept of the periodical to the cognition of the little-known regions of the Fatherland.

Keywords: «Otechestvenniye zapiski», journal, publicism, periodical, Fatherland, Caucasus, Caucasian region, Caucasian war.

Каждый из этапов исторического развития России имеет свою уникальную политическую, социальную, культурную основу, что позволяет определить специфику национальной жизни на определенном хронологическом отрезке. «Отечественные записки» умело актуализировали читателю тревожные события Кавказской войны и характерные этноспецифические черты жизни кавказских народов в разных тематических блоках издания. Таким образом, изучение публицистической деятельности столичного издания злободневно в аспекте упорядочения информационной политики по этнополитическому вопросу.

Цель настоящей статьи – определить этно- политическое, социальное, культурное наполнение журнала «Отечественные записки» 1818-1838 гг. как фактора формирования объективного «портрета» национальностей Кавказа.

«Отечественные записки» (1818-1884 гг.) издавались в 1818-1838 гг. российским писателем, журналистом, художником, путешественником и географом Павлом Петровичем Свиньиним. По роду деятельности (чиновник Министерства иностранных дел) он много времени проводил за границей, в частности в Англии и Соединенных Штатах. В Россию Павел Петрович вернулся в 1818 г., получил Высочайшее разрешение на издание сборника этнографических и краеведческих материалов [1, 25], затем опубликовал два номера «Отечественных записок» – в 1818 и 1819 гг., а затем издание стало выходить ежегодно – до 1884 г.

Длительное пребывание издателя за границей наложило особый отпечаток на идею, концепцию и содержание «Отечественных записок». Свиньин испытал мощное влияние англосаксонской культуры: его восхищали уважение к традициям и историческому прошлому, соединение сильной государственности с высокоразвитым региональным сознанием и местным патриотизмом. «Отечественные записки», таким образом, задумывались Свиньиним как журнал «национального» направления с отчетливым историко-этнографическим и «местным» уклоном [2]. Изъездивший всю Европу и Северную Америку Свиньин признавался в том, что он плохо знал Россию. По возвращении домой он стремится заполнить пробелы в познании отечества с помощью ежегодных путешествий по России, иногда – в отдаленные ее уголки. На первой странице появился эпиграф, определивший общественное направление «Отечественных записок»: «Любить Отечество – велит природа, Бог; // А знать его – вот честь, достоинство и долг», т.е. журнал был ориентирован на укрепление национального русского самосознания и воспитание патриотизма, что после Отечественной войны 1812 г. отвечало самым высоким общественным запросам.

В объявлении о подписке на журнал в 1822 г. Свиньин изложил «программу» «Отечественных записок»: «Одно отечественное, оригинальное будет в нем помещаемо» [3]. Первый пункт программы включал публикацию «журналов многих никому не известных русских путешественников по России, Буха-

рии, Кавказу, Киргизской степи и чужим краям», второй – «записок отличных воинов-литераторов» [3] и т.д. Таким образом, с этого времени облик издания обрел полную определенность и структурированность.

Анализ всего массива журнальных текстов позволил выявить три основные линии, по которым велась в «Отечественных записках» публикация материалов о кавказских народах. Вычленение этих направлений дало возможность увидеть специфику актуальных для редакции проблем.

1. *Публикация трудов о Кавказской войне и материалов русских офицеров, служивших на Кавказе.* Злободневный для массовой аудитории вопрос войны с горцами Кавказа находил свое отражение на страницах «Отечественных записок». В 1818-1838 гг. в журнале были опубликованы труды о военных действиях на Кавказе генерал-майоров И.Г. Бурцева [4], И.И. Германа [5] и И.Т. Раджицкого [6], поэта, декабриста Ф.Н. Глинки [7], сообщения о горских народах и казаках Черноморской линии участника Кавказской войны, генерал-майора О.Л. Дебу [8].

Проблематика, затрагивавшаяся в работах непосредственных очевидцев войны И.Г. Бурцева «Бой полковника Тиховского с закубанскими черкесами в 1810 г.» и Ф.Н. Глинки «Подвиги русских за Кубанью», была сходна. В них воспевались мужественные подвиги русских солдат и офицеров на Кавказе, сравнимые по своей доблести с подвигами древних греков и римлян. Русские офицеры охотно жертвовали жизнью для достижения общей цели присоединения Кавказского региона и подавления турецкой агрессии. Так, полковник Тиховской, командовавший Черноморским войском, после двукратных нападений «хищного народа» – черкесов на пространство, расположенное между Ольгинским и Новоекатерининским укреплениями, не утрущаясь их численного превосходства, решил дать им сражение в 1810 г. Несмотря на отчаянную храбрость казаков, одолеть горский народ им не удалось, а полковник Тиховской пал в бою. Поэт и публицист Федор Николаевич Глинка также отмечал, что закубанские черкесы наводили страх своими набегами на русские селения и вынуждали предпринимать частые походы против них, которые практически всегда заканчивались победой русских (походы генерала Текелли в 1788 г. и др.).

Публикация обоих трудов сопровождалась емкими комментариями редакционной «Отечественных записок». Свиньин подчеркивал, что статья Бурцева явилась украшением для журнала и вписывалась полностью в концепцию периодического издания. Издатель советовал «писателю-патриоту» и впредь присылать в редакцию работы аналогичного содержания [4, 26]. Свиньин также выражал благодарность любимому читателями Ф.Н. Глинке за доставку в редакцию журнала любопытного повествования о «беспримерной храбрости и непоколебимом постоянстве и дисциплине русских воинов» [5, 25]. Таким образом, публикация данных статей в «Отечественных записках» вписывалась в общую идею Свиньина об укреплении русского национального самосознания. Вместе с тем, для массового читателя эти авторы вырисовывали субъективный «портрет» кавказских народов.

В «Отечественных записках» в 1825 г. был напечатан составленный генералом от инфантерии И.И. Германом «Журнал кампании по Кавказской линии 1790 г.». Инженер и топограф Герман с 1790 г. был командиром бригады, состоявшей из Кабардинского, Владимирского и Казанского полков. Получив известие, что турки под начальством сераскира Батал-паши следуют от р. Лабы к Кубани, чтобы вторгнуться в пределы России, Герман отправился к ним навстречу и 30 сентября 1790 г. разбил турок и горцев на верховьях Кубани, у рек Тохтамыши (Абазинки) и Подбаклеи, и обратил их в бегство. Овладев лагерем неприятеля, Иван Иванович захватил всю артиллерию и взял в плен сераскира. Публикация дневника объяснялось концептуальной позицией редколлегии, собирающей материал о доблестных подвигах русского военного состава.

В журнале периодически публиковался генерал-майор артиллерии, ботаник и писатель Илья Тимофеевич Радожицкий. В статье «Историческое известие о походе Российских войск в 1796 г. в Дагестан и Персию под командою Графа В. А. Зубова», опубликованной в 1827 г., Радожицкий описал поход против персов в 1796 г. русского Корпуса в составе четырех бригад под общим командованием генерал-поручика графа Валериана Алексеевича Зубова. Поводом к войне в Закавказье стало опустошительное вторжение в Грузию 60-тысячной персидской армии и разорение ею в 1795 г. города Тифлиса. Стратегической задачей Корпуса было овладение персидской крепостью Дербент. После разрушительного артиллерийского огня жители Дербента решили капитулировать и перейти в российское подданство. Мужество, проявленное русскими войсками во время осады Дербента, восхвалялось и Свиным, включившим в седьмую часть периодического издания 1821 года статью «Русский богатырь при стенах Дербента» [9, 120-124]. Издатель подчеркивал, что на персов оказало такое большое влияние картина взятия башни в крепости, что они решили вступить в переговоры с русским командованием и сдать Дербент [9, 124].

Опубликованные в журнале работы Германа и Радожицкого, таким образом, полностью соответствовали программе периодического издания по восхвалению чести, храбрости, достоинства и славных побед русских воинов. Вместе с тем, эти статьи сообщали важные данные о кавказских народах: их топонимике и географической локализации, нравах, искусстве владения оружием [6, 297], статистическую информацию о населении Дербента [6, 153, 308]. Исходя из этого, публикация статей о военных подвигах русских солдат на Кавказе одновременно выполняла задачу знакомства с горским населением русской общественности.

В «Отечественных записках» в 1821-1824 гг. были напечатаны ценные сведения из рукописи участника Кавказской войны, командира левого фланга Кавказской линии, генерал-майора Осипа Львовича Дебу (1774-1842) о военной обстановке и боевых действиях на Кавказе, учреждении Кавказской линии, исторические сведения о кавказских народах и черноморских казаках. Отрывок рукописи Дебу из восьмого тома журнала включает описание

географической локализации горских народов и их политического быта. Генерал-майор отмечает, что «чеченцы не имеют владельцев, а управляются семейственно, под малою по наружности зависимостью от духовных» [10, с. 88-89], и что кабардинцы «законов не имели и не имеют, следуют единственно обычаем, им по преданиям известным»; «прежде, воля Князя составляла весь закон, но с умножением Князей, соизволения начали разделяться; а из сего нечувствительно завелись советы (Под советами автор имеет ввиду форму народного собрания Хасэ. – И. Т.)». Текст записок позволяет утверждать, что только народное положение имело силу закона, а князья были лишь «наблюдателями законоположительной власти» [10, 100-102]. Конечно, эти наблюдения автора далеки от действительности. Князья Кабарды по нормам обычного права и законодательству России стояли на первом месте среди горских народов, поэтому их роль в решении всех вопросов была определяющей. Вместе с тем, сама публикация материала о системе управления и образе жизни коренных народов, знакомя страну с этнополитическими чертами горцев Кавказа, свидетельствует о том, что редколлегия «Отечественных записок» заняла честную позицию по отношению к горцам, освещая сложный характер событий на Кавказе.

Итак, первое направление публицистической деятельности «Отечественных записок» в 1818-1838 гг. было связано с печатанием статей о Кавказской войне и сообщений русских офицеров и должностных лиц о горских народах. Событийный аспект освещения национального образа был характерен для «Отечественных записок» и занимателен для читающей аудитории.

2. *Материалы путешественников и представителей русской администрации на Кавказе.* Кавказ, один из интереснейших регионов, издавна привлекал внимание путешественников и ученых. Рост кавказоведческих исследований на протяжении XVIII и XIX вв. отражал глубинные основы русской жизни. С одной стороны, рост знаний о Кавказе диктовался практической необходимостью, обусловленной российской экспансией; с другой стороны, с 20-х гг. XIX в. в русском обществе отмечается широкий интерес к Кавказу, подогреваемый «кавказской литературой», представленной произведениями А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и др. [11].

Одной из задач «Отечественных записок» в 1818-1838 гг. являлась публикация сообщений путешественников по Кавказу. Причем на страницы издания попадали статьи малоизвестных русских путешественников и впечатления самого П. П. Свиньина, посетившего Теплые Воды в июле 1825 г. Кроме этого, в «Отечественных записках» печатались и наблюдения высших должностных лиц, в том числе князя Петра Дмитриевича Горчакова, командующего войсками Кавказской линии. В его «Руководстве для проезжающих Кавказские горы» [12], опубликованном в 12-ом номере журнала в 1822 г., дается обстоятельная характеристика Военно-Грузинской дороги. Статья интересна тем, что Горчаков указал точное расстояние между населенными пунктами, крепостями, высчитав от Моздока до Тифлиса 262 версты. В примечании князь описал климат и архитектуру города Тифлис [12, 221]. Качество сообщаемых автором

сведений высокое, так как Горчаков долго находился в гуще событий на Кавказе и имел возможность изнутри изучить регион.

Близок к труду П. Д. Горчакова очерк И. Ейхфельда «Кавказская дорога», помещенный в «Отечественных записках» за 1821 г. [13]. Но, в отличие от него, Ейхфельд описывает свое путешествие по Военно-Грузинской дороге красочно, обращается к живописной природе здешних мест. Работа изобилует историческими и количественными данными. Подробно автор описывает только осетин и утверждает, что у осетинской семьи путешественникам можно найти укрытие в случае опасностей в горах [13, 288].

Несколько работ Ивана Алексеевича Стемповского, градоначальника Керчи в 1828-1832 гг., одного из основателей и организатора Керченского музея древностей и Одесского историко-краеведческого музея, в 1820-е гг. были опубликованы в «Отечественных записках». Две из них были посвящены описанию путешествия Ж. Ф. Гамбы по Кавказу и открытию надгробного камня в Керчи [14].

Кавказ всегда являлся стратегически важным регионом, что определило сюда экспансию мировых держав. В 1820-1824 гг. Гамба, французский дипломат и консул в Тифлисе, совершил путешествие по Украине, Кавказу и описал свои впечатления в книге «Путешествие по Южной России», опубликованной в Париже в 1826 г. Его интересовали, в основном, экономические вопросы: что и где производили, торговые пути, возможности расширения коммерческих связей. Эти сведения он дополнил ценными зарисовками быта, обычаев, занятиями местных жителей, четырьмя географическими картами. Прекрасно описаны отдельные города, посещенные путешественником: Кутаис, Тифлис, Баку, Ганджа и др. Стемповский, выступивший по существу рецензентом труда Гамбы, отмечает, что собранные путешественником известия достоверны, при написании работы он основывался на личных наблюдениях. Иван Алексеевич выделил в записках консула структурные части, установил главную цель поездки дипломата. По мысли Стемповского, издание материалов путешествия должно было обратить внимание Европы, и в особенности Франции, на эту часть Азии, население которой вчетверо превосходило население Южной Америки. Таким образом, эффективнее было экспортировать товары в этот регион [15, с. 158]. Далее Стемповский пересказывает идеи Жака Франсуа Гамбы о наиболее удобном устройстве торговых путей и расположении складов в закавказских городах. Резюмируя свою оценку труда французского дипломата, Стемповский утверждает, что из всех книг о Южной России, вышедших к этому периоду, «Путешествие» Гамбы явилось самым полезным, и автор публикацией данного труда оказал истинную услугу России, обратив свое внимание на малоизвестную часть страны. К сожалению, этот труд не привлек внимания не только современников, но и последующих исследователей Юга России.

Этнографические работы самого Свиньина, опубликованные в журнале, дают богатый материал по изучению традиций и обычаев горцев, которые, несомненно, отразились на процессах становления российского управления

в регионе. Во время пребывания на Кавказских минеральных водах, он записал обряд празднования Байрама в черкесском ауле в 1825 г. и выслал материал редактору «Отечественных записок» для публикации [16].

Ураза-байрам – один из главных религиозных праздников для каждого мусульманина, знаменующий окончание поста. Попавший на одно из таких празднеств Павел Петрович с необычайным восторгом отзывался об увиденном: «Приблизь к Аджиеву аулу за цепью карет, колясок, напоминавших гулянья в Екатерингофе, я невольно был изумлен картиною, представившеюся моим взорам: прелестная долина, расстилающаяся под навесом грозной Бештовой горы, покрыта была толпами самыми пестрыми, противоположными. Русские дамы, в нарядах, дышущих Парижем, стояли вместе с черкешенками, походящими на привидения на их ходулях, называемых *пхавака* (высокая деревянная обувь, как правило, из ореха. – И. Т.)» [16, 241-242]. По мысли Свинына, специфичные черты образа жизни, традиций, обычаев и верований каждого региона составляли уникальность Российской империи.

3. *Популяризация на страницах «Отечественных записок» Кавказских минеральных вод.* Значительное место в журнале занимали научные статьи. Статьи о климатических особенностях Кавказского региона, его флоры и фауны, физических и химических свойствах Кавказских Минеральных Вод, курортного района, в XIX в. активно осваивавшегося и изучавшегося, периодически появлялись на страницах журнала.

Согласно Высочайшему повелению в 1823 г. к Водам был отправлен особый чиновник для химического исследования вод профессор Санкт-Петербургской медико-хирургической академии врач-фармаколог А.П. Нелюбин [17, 43]. Он дал первое полное описание КМВ в двухтомном труде «Полное историческое, медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описание Кавказских Минеральных Вод», вышедшем в 1825 г. Комплексное исследование Нелюбина подтвердило целесообразность развития курортов на Кавказских водах. В 21-ой части «Отечественных записок» за 1825 г. был помещен первый сегмент работы Нелюбина под названием «Краткое историческое известие о Кавказских минеральных водах в Пятигории» [18]. Свинын в примечаниях с восторгом отозвался о труде профессора, который подробно описал «драгоценные источники», и поместил отрывок из него в журнале для осведомления читателей о пользе КМВ [18, с. 188-191].

В 1823 и 1826 гг. Кавминводы посетил участник Отечественной войны 1812 г. И.Т. Радожицкий, приславший в редакцию «Отечественных записок» свои наблюдения. В 1823 г. было опубликовано его письмо «Прогулка к Кавказским минеральным водам» [19], а в 1826 г. – «Список особ, посетивших Кавказские минеральные воды» [20]. По подсчетам Радожицкого, в течение лета 1826 г. на Горячих Водах побывали 209 человек. Причем, Иван Алексеевич указал даты их приезда, чины, в особую группу выделил иностранцев. Так, среди посетителей было 9 генерал-майоров, 9 полковников, 11 подполковников, 13 капитанов и др., всего 128 военных [20, с. 139-140]. А годом ранее, в 1825 г., на Водах, следуя Свиныну, побывали 279 человек [21].

Как видим, регион КМВ, начиная с момента изучения минеральных источников, был в центре внимания исследователей, путешественников, поскольку в первой половине XIX в. сюда ежегодно прибывали около 250 отдыхающих. П.П. Свиньин стремился сообщать публике все достопамятное и примечательное в отечестве, публиковал в журнале все новости и письма с Кавминвод и исследовательские работы ученых о свойствах целительных источников.

Таким образом, анализ публикаций в журнале позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, кавказская тема входила в перечень приоритетных тем в «Отечественных записках». В первой половине XIX в., когда Кавказ занял прочное и важное положение в стратегических планах Российской империи, публикация этих работ отвечала интересам, как царского правительства, так и широкого русского общества. Во-вторых, анализ всего массива журнальных текстов позволил обозначить три основные линии, по которым велась в «Отечественных записках» публикация материалов о кавказских народах. В-третьих, публицистическая деятельность «Отечественных записок» в 1818-1838 гг. была направлена на познание малоизученных уголков Отечества, одним из которых являлся Кавказский регион, уникальный в полинациональном, поликонфессиональном и этнокультурном отношении. Знакомство столичного населения с Кавказским регионом, таким образом, являлось одним из ключевых пунктов издательской стратегии редколлегии «Отечественных записок».

Примечания

1. Жеребнов А.А. Басни А.Е. Измайлова как стихотворные фельетоны 1820-х годов // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Журналистика. Литературная критика». 2014. № 12.

2. Проскурин О.А. Первые «Отечественные записки», или О лжи и патриотизме // Отечественные записки. 2001. № 1. URL: <http://www.strana-oz.ru/2001/1/pervye-otechestvennyye-zapiski-ili-o-lzhi-i-patriotizme> (дата обращения: 29.12.2015).

3. Свиньин П.П. Объявление о продолжении издания «Отечественных записок» на 1822 год // Отечественные записки. 1822. Ч. 9.

4. Бурцев И.Г. Бой полковника Тиховского с закубанскими черкесами в 1810 г. // Отечественные записки. 1820. Ч. 2.

5. Журнал кампании по Кавказской линии покойного генерала от инфантерии и кавалера Ивана Ивановича Германа 1790 года от 22 сентября по 30 число // Отечественные записки. 1825. Ч. 24.

6. Радожицкий И.Т. Историческое известие о походе Российских войск в 1796 г. в Дагестан и Персию под команду Графа В.А. Зубова // Отечественные записки. 1827. Ч. 31.

7. Глинка Ф.Н. Подвиги русских за Кубанью // Отечественные записки. 1821. Ч. 5.

8. Дебу О.Л. Разные исторические замечания о Кавказских народах // Отечественные записки. 1821. Ч. 8.; 1822. Ч. 9.; Дебу О.Л. Разные исторические

замечания относительно народов, соседственных Кавказской линии // Отечественные записки. 1822. Ч. 10.; Замечания генерал-майора Дебу о состоянии Черномории и Черноморских козаков // Отечественные записки. 1823. Ч. 15; Дебу О.Л. О начальном установлении и распространении Кавказской линии, с означением поселенных козачьих полков, оную охраняющих и их происхождении // Отечественные записки. 1823. Ч. 16.; 1824. Ч. 18.; 1824. Ч. 19.

9. Свиньин П.П. Русский богатырь при стенах Дербента // Отечественные записки. 1821. Ч. 7.

10. Дебу О.Л. Разные исторические замечания о Кавказских народах // Отечественные записки. 1821. Т. 8.

11. Назарова И.М. Народы Северного Кавказа в трудах ученых и путешественников // Материалы интернет-конференции 15 марта 2014 «Новая локальная история». URL: <http://www.newlocalhistory.com/user> (дата обращения: 02.01.2016).

12. Горчаков П.Д. Руководство для проезжающих Кавказские горы // Отечественные записки. 1822. Ч. 12.

13. Ейхфельд И. Кавказская дорога // Отечественные записки. 1821. Ч. 6.

14. Стемповский И.А. Взгляд на путешествие Ж.Ф. Гамбы в Южную Россию // Отечественные записки. 1827. Ч. 30; Стемповский И.А. О новой находке в Керчи // Отечественные записки. 1827. Ч. 30.

15. Стемповский И.А. Взгляд на путешествие Ж.Ф. Гамбы в Южную Россию // Отечественные записки. 1827. Ч. 30.

16. Свиньин П.П. О праздновании Байрама в черкесском ауле // Отечественные записки. 1825. Ч. 23.

17. Полякова О.А., Чегутаева Л.Ф. Летопись города-курорта Пятигорск. Раздел 1 / О.А. Полякова, Л.Ф. Чегутаева. Ставрополь, 2012.

18. Нелюбин А.П. Краткое историческое известие о Кавказских минеральных водах в Пятигории // Отечественные записки. 1825. Ч. 21.

19. Радожицкий И.Т. Прогулка к Кавказским минеральным водам // Отечественные записки. 1823. Ч. 16.

20. Радожицкий И.Т. Список особ, посетивших Кавказские минеральные воды // Отечественные записки. 1826. Ч. 28.

21. Свиньин П.П. Список посетителей и посетительниц Кавказских вод в 1825 г. // Отечественные записки. 1825. Ч. 23.

**Н. А. ЛАДОНИНА,
соискатель СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)**

УЧРЕЖДЕНИЯ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ПОРЕФОРМЕННОМ ВЛАДИКАВКАЗЕ КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС

В пореформенный период на Северном Кавказе получили развитие внешкольные учреждения, которые дополняли систему начального образования. Народные чтения, общественные библиотеки, народные читальни приобрели особое значение в формировании и распространении государственной идеологии. Деятельность просветительских учреждений основывалась на специально разработанной законодательной базе и находилась под строгим надзором государственных ведомств. Тем не менее, появившиеся во Владикавказе общественные библиотеки, читальни и т. п. стали действенными очагами культуры и просвещения для широких слоев местного населения, большинство которого составляли непривилегированные сословия.

Ключевые слова: *внешкольное образование, народные чтения, общественные библиотеки, законодательство, цензура, печатное дело, Владикавказ, пореформенный период.*

In the post-reform period in the North Caucasus was the development of extracurricular institutions, which are complementary to the primary education system. Folk read, the public library, popular reading room has acquired a special significance in the formation and dissemination of state ideology. The activities of educational institutions was based on a specially developed legal framework and under strict supervision of government departments. However, appeared in Vladikavkaz, public libraries, reading rooms, etc. became a powerful centers of culture and education for broad strata of the local population, most of whom were underprivileged class.

Keywords: *school education, national reading, public libraries, legislation, censorship, printing, Vladikavkaz, the post-reform period.*

После проведения в 60-70-х гг. XIX в. судебно-административных и аграрных реформ на Северном Кавказе возникли предпосылки для становления капиталистического хозяйства и культурного развития края. Формирование нового хозяйственного уклада и либерализация общественной жизни требовали новой государственной идеологии. Смена внутривластного курса в

период контрреформ определила охранительный характер идеологических установок.

Особое значение в формировании общегосударственной идеологии приобретали учреждения просветительской направленности, дополнявшие систему школьного образования. Библиотеки, читальни, народные дома, воскресные школы открывались в «разрешительном порядке», а их деятельность строго контролировалась государством. К примеру, уставы обществ по устройству публичных чтений и народных читален должны были утверждаться «не иначе, как через Комитет Министров», о чем в августе 1874 г. было дано высочайшее повеление [1, 708].

В течение второй половины XIX в. вышел целый ряд положений и указов, определяющих порядок открытия и деятельности культурно-просветительских учреждений «для народа». Формирование специальной законодательной базы свидетельствовало о признании их в качестве основного канала распространения «в массах» социально значимой информации [2, 250], обеспечивающей интересы государства в сфере идеологии. Признавая необходимость широкого развития сети общедоступных образовательно-воспитательных учреждений, правительство в то же время усиливало контроль над их деятельностью и разрабатывало для них унифицированные правила.

В ходе образовательных реформы 1870-х гг. XIX в. были разработаны общие правила для народных чтений. С тем, чтобы чтения имели «полезное влияние на народную нравственность», в самом начале 1870-х гг. совместными усилиями Министерства народного просвещения (МНП), Министерства внутренних дел (МВД) и военного ведомства при участии начальника III отделения е. и. в. канцелярии и обер-полицмейстера Санкт-Петербурга были разработаны правила, на которых должны были основываться «публичные чтения для народа». Никакие общества или частные лица к устройству подобных мероприятий не допускались, а тексты для них одобрялись МНП.

После рассмотрения в Комитете министров 24 декабря 1876 г. были высочайше утверждены новые правила о народных чтениях. Теперь их устройством разрешалось заниматься частным обществам и отдельным лицам, но под надзором директоров народных училищ. Лекторами могли быть духовные лица, преподаватели и «другие благонадежные лица». К публичному чтению допускались только те сочинения, которые были одобрены МНП или Св. Синодом, и лекторы не имели права отступать от утвержденного текста [3, 562-563].

Непосредственному ведению и контролю МНП были подчинены и народные читальни, которые, по мнению министра народного просвещения Д. А. Толстого, могли иметь «несомненно важное значение в ряду образовательных средств, назначенных для массы». Чтобы устранить нежелательное влияние «посторонних обществ и лиц» и обеспечить за ними «направление, соответствующее видам правительства», министр настоял на передаче народных читален в ведение МНП [3, 563-564]. Таким образом, в систему начального народного образования наряду с учебными заведениями были включены дополнительные учреждения внешкольного образования.

Однако и читальни, и народные чтения как форма проведения досуга для низших слоев населения страны были доступны им в весьма ограниченном виде. По закону 1876 г. народные чтения устраивались только в губернских городах. Лишь после принятия Положения Комитета министров от 11 октября 1894 г. разрешалось организовывать чтения в уездных городах и селениях, но под личным наблюдением и ответственностью ближайших представителей духовного или учебного ведомства. При этом требовалось подтверждение нравственной благонадежности тех, кто занимался устройством народных чтений [3, 569]. Несмотря на «охранительный» характер законодательства и жесткий правительственный контроль, народные чтения и народные читальни превратились в массовое явление, став очагом распространения культуры и просвещения.

Немалая заслуга в их появлении принадлежала представителям городских сословий, выступающих в роли жертвователей и частных благотворителей. Кавказская провинция также дала примеры подвижничества представителей прогрессивно настроенной интеллигенции. Их трудами открывались различного рода культурно-просветительские учреждения, охватывающие своей деятельностью не только город Владикавказ, но и всю Терскую область. В 1897 г. здесь открылось Общество по устройству народных чтений в г. Владикавказе и Терской области, просуществовавшее до 1920 г. Членами общества являлись представители владикавказской интеллигенции – учителя, доктора, агрономы и т. п. Общество организовывало бесплатные чтения и лекции для взрослых и детей, учебные сельскохозяйственные курсы, устраивало детские площадки, бесплатные библиотеки-читальни на окраинах Владикавказа (подробнее см.: [4]). Наиболее популярными были лекции по истории, литературе, географии, естествознанию, духовности и медицине. И хотя общая тематика чтений носила «патриотически-пропагандистский характер и была направлена на привитие основ общегосударственной идентичности и формирование определенной идеологически ориентированной гражданской позиции среди населения» [4, 24], они стали одним из важнейших механизмов народного просвещения и значимым социально-культурным феноменом в жизни северокавказского общества.

Значительную роль в просвещении горожан, приобщении разных слоев городского населения к мировому культурному наследию сыграли такие институциональные формы городской культуры, как библиотеки.

В 60-х гг. в стране насчитывалось не более 50 провинциальных публичных библиотек, находившихся под наблюдением МНП. В отдельных городах было разрешено объединять публичные библиотеки с библиотеками учебных заведений и открывать их, при условии платы за пользование, сторонним читателям [3, 477-478].

Печатное дело и все, что было с ним связано (типографии, книжные магазины, кабинеты для чтения, библиотеки), составляло предмет особого внимания правительства, стремившегося установить над этой сферой более жесткий контроль, чем могло обеспечить МНП. В исследованиях, посвящен-

ных истории отечественной библиотеки, пореформенный период в целом характеризуется усилением цензурных и контролирующих функций правового регулирования библиотечного дела, которое рассматривалось как составная часть печатного дела в целом [5, 10, 16]. Именным указом от 6 апреля 1865 г. «заведование делами цензуры и печати вообще» передавалось МВД, при котором была создана особая структура – Главное управление по печати [6]. Тем же числом датирован другой важный документ – «О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях» [7]. В документе устанавливался порядок надзора за печатным делом и оговаривались условия открытия типографий, книжных магазинов и кабинетов для чтения. Открывать их дозволялось любому желающему, как отдельным лицам, так и акционерным обществам и товариществам, но только с разрешения начальников губерний, а для уличной книжной торговли требовалось еще и дозволение местного полицейского начальства. В документе говорилось, что «книжные магазины, лавки и кабинеты для чтения имеют право держать у себя и продавать или давать в чтение все незапрещенные издания, напечатанные в России на русском или иностранных языках, а из числа книг, напечатанных за границею на русском и иностранных языках, все те, кои не значатся в общем каталоге запрещенных книг» [7, 403]. За нарушение запрета назначался штраф до 250 руб.

В соответствии с именным указом от 12 июля 1867 г. городские общественные и публичные библиотеки, прежде состоявшие под управлением МНП, передавались в ведение МВД [8]. Формы и содержание деятельности библиотек были таким образом включены в сферу приоритетных интересов государства.

5 января 1884 г. выходит указ «О временных мерах по отношению к открытию и содержанию публичных библиотек и кабинетов для чтения» [9]. Согласно высочайшему повелению, кандидатура «ответственного лица», в ведении которого находились библиотеки, должна была утверждаться губернатором. Если у «начальствующих лиц» возникали сомнения в политической благонадежности «ответственных лиц», они могли устраняться «собственной властью» губернатора. Министр внутренних дел получал право закрывать «всякого рода публичные библиотеки и общественные читальни», а также указывать местной администрации «те произведения печати, которые не должны быть допускаемы к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях». С этой целью в МВД начали издавать и распространять «Алфавитные списки произведений печати», включающие перечень запрещенных для библиотек и читален изданий. Первоначальный список состоял из 125 наименований книг и включал труды по крестьянскому вопросу, истории революций и социальных учений в России и за рубежом, первый том «Капитала» Маркса, произведения Чернышевского, Писарева, Добролюбова, Спенсера, Прудона и др. Запрещалось выдавать также журналы «Отечественные записки» и «Современник». Позже, в 1894 г., существующий список был дополнен: туда попал и второй том «Капитала»,

а также произведения Толстого, Золя, Гюго и других русских и зарубежных писателей.

Курс на усиление контроля со стороны государства над общественной жизнью, проводившийся в 80-90-е гг., отразился на устройстве читален и библиотек. 15 мая 1890 г. министр внутренних дел согласованию с учебным и духовным ведомствами утвердил «Правила о бесплатных народных читальнях и порядке надзора за ними» [10]. Правила детально регламентировали порядок работы и состав фондов народных библиотек. В эти читальни допускались только книги и периодические издания, одобренные Особым отделом Ученого комитета МНП. В 1888 г. этим отделом были пересмотрены каталоги существующих и предложенных к открытию народных читален [11, 144-145]. В результате в народных библиотеках допускались только разрешенные книги, в остальных (публичных, сословных, учебных) – все не запрещенные.

Правила распространялись на все без исключения заведения, предназначенные для бесплатного пользования книгами, «под каким бы названием они ни существовали и кем бы ни были учреждаемы». В то же время местному начальству предоставлялось право применять их и по отношению к платным библиотекам и читальням, которые из-за незначительности платы и «по другим условиям пользования находящимися в них книгами привлекают читателей преимущественно из лиц низших сословий и из воспитанников средних и низших учебных заведений» [10].

В соответствии с Правилами, надзор за библиотеками возлагался на представителей учебного или духовного ведомства по согласованию с попечителем учебного округа или с епархиальным архиереем в тех случаях, когда библиотеки открывались при монастырях, церковно-приходских школах, школах грамоты и других учреждениях духовного ведомства. Фонды бесплатных народных читален должны были формироваться только из тех изданий, которые получили одобрение Ученого комитета МНП и вошли в специально изданный каталог. Прежде чем открыть читальню, ответственное лицо обязательно было предоставить наблюдающему за библиотекой список всех имеющихся в наличии изданий с их полными выходными данными. Библиотека могла открыться только после заверения этого списка. Подобные списки должны были составляться и в уже действующих библиотеках.

При выборе книг и периодических изданий для бесплатных народных читален наблюдающим и заведующим рекомендовалось «принимать в соображение как средства читальни, так образовательные и воспитательные потребности низших сословий местного городского населения, образ жизни и занятий их, избегая при этом одностороннего подбора книг по известным отраслям знаний и в ущерб книгам религиозно-нравственного, патриотического и вообще назидательного содержания».

Во Владикавказе библиотеки стали появляться уже в начале 60-х гг. Они открывались либо при учебных заведениях, либо в частном порядке. В первое время библиотеки были закрытыми и недоступными широкому читателю, поскольку предназначались либо для привилегированных сословий, либо

для учащихся. Так, первая библиотека, появившаяся в городе в 1862 г., была открыта с разрешения самого наместника великого князя Михаила Николаевича при городском собрании и предназначалась только для его членов [12, 345]. С 1875 г. эта библиотека стала называться библиотекой Владикавказского дворянского собрания. Плата за пользование библиотекой была достаточно высокой и составляла 15 руб. в год [13, 33].

С 1868-69 гг. стала действовать библиотека при Ольгинском училище, основанная в соответствии с циркуляром Министерства народного просвещения от 12 сентября 1867 г., который разрешал открывать библиотеки в некоторых из училищ Терской области для пользования учащимися [14, 639]. Такой же закрытой была библиотека, созданная в начале 90-х гг. при коммерческом клубе, имевшая довольно богатые фонды (около 800 томов), но обслуживавшая только членов клуба – представителей привилегированных городских сословий.

Как видно, первые библиотеки Владикавказа были преимущественно общественно-сословными либо учебными. Однако потребности горожан в книге стали настолько очевидными, что прогрессивно мыслящие представители городской интеллигенции на собственные средства стали открывать библиотеки или кабинеты для чтения, предназначенные для открытого пользования [15, 156]. В 1872 г. историком и этнографом Д. Я. Лавровым (впоследствии ставшим членом Владикавказского народнического кружка) было получено разрешение на открытие библиотеки, где, помимо официальных газет и журналов, была представлена русская и зарубежная классика [16, 1-3].

Такого же рода библиотека и кабинет для чтения были открыты в 1874 г. владикавказским нотариусом Н. Д. Прохоровым, хотя представленный им городским властям список произведений отечественной и зарубежной литературы, а также газетно-журнальной периодики был сильно сокращен [17, 27об.]. Тем не менее, за три года владения библиотекой Прохорову удалось расширить книжный фонд до тысячи экземпляров.

В 1874 г. открылась библиотека при Терском областном правлении, для которой из жалованья чиновников отчислялись специальные средства. Вскоре собственной библиотекой, насчитывавшей 148 томов при 104 названиях [18, 15], обзавелось и Владикавказское реальное училище, и был открыт еще ряд частных библиотек. Но все эти библиотеки лишь отчасти удовлетворяли читательские интересы горожан. Поэтому действительно важным событием городской жизни стало появление первой в городе частной публичной библиотеки, открытой с разрешения начальника Терской области 29 июля 1878 г. Основу библиотечного фонда составляло книжное собрание Прохорова, продавшего его хозяйке книжного магазина Елене Червинской. Библиотека Червинской насчитывала «разных авторов русской беллетристики – 422 книги, переводных романов, повестей – 479 книг, научного содержания – 261 книга». Книги выдавались на дом с платой за право чтения по 7 руб. и по 12 руб. в год – по подписке [19, 111]. Довольно высокая плата за библиотечный абонемент и за пользование библиотекой делала библиотеку недоступной

для низших сословий. Поэтому 10 января 1887 г. при библиотеке была открыта читальня. Этот факт для города, где прежде не было общественной библиотеки, имел большое значение, так как наглядно демонстрировал, насколько расширились кругозор и культурные запросы горожан, основную массу которых составляли непривилегированные сословия.

В начале 1890-х гг. открылась читальня в другом книжном магазине, принадлежавшем Е. С. Ильиной. Плата за пользование читальней составляла от 4 до 12 руб. в год, а за посещение взималось 5 коп. [20, 9]

В 1890-х гг. по всей стране началось движение по открытию бесплатных читален. Оно привело к значительному увеличению их численности, к концу столетия достигшей почти 3-х тысяч [11, 184]. Среди них выделялось два разряда или категории бесплатных народных читален и библиотек: 1-е открывались для низших и всех вообще бедных слоев населения, 2-е – для малограмотных, преимущественно сельских простолюдинов, причем для каждого разряда народных читален составлялись отдельные каталоги.

Обращалось внимание и на учебные библиотеки, которые также становились более открытыми. Так, распоряжением МНП от 12 апреля 1896 г. при некоторых училищах Терской области разрешалось открывать публичные библиотеки: в женских двухклассных – во Владикавказе, Моздоке, Пятигорске, Георгиевске и Грозном, при двухклассном училище – в Кисловодске и при нескольких одноклассных училищах – в других поселениях и станицах региона (в т.ч. при Архонском училище) [14, 639]. В том же году Общество восстановления православного христианства на Кавказе решило устроить при каждой из церквей в осетинских приходах свои небольшие библиотеки из книг религиозно-нравственного содержания, для чего ассигновало 5 тыс. руб. [15, 157]

К концу XIX в. во Владикавказе действовало 9 библиотек, открытых либо на частные средства, либо при городских учебных заведениях. Часть из них была доступна массовому читателю, но из-за довольно высокой платы за пользование книгами их могли посещать лишь относительно обеспеченные горожане. Поэтому необходимость создания общественных библиотек, обслуживающих широкие слои населения, в т. ч. из непривилегированных сословий, хорошо понималась прогрессивно настроенной частью владикавказской интеллигенции. В этом контексте примечательна деятельность заведующей 1-го Владикавказского двухклассного женского училища В. Г. Шредерс, усилиями которой в 1895 г. в городе открылась общественная библиотека. По мысли Шредерс, библиотека должна была стать общедоступным очагом культуры и просвещения.

Еще в 1893 г. Шредерс и ее единомышленники из владикавказской интеллигенции, среди которых был и К. Л. Хетагуров, возбудила ходатайство, адресованное начальнику Терской области С. В. Каханову, об открытии городской общественной библиотеки с бесплатным читальным залом при ней. Однако предложенный проект устава не нашел поддержки в главном управлении казачьих войск. В особой записке организаторам и начальнику области было указано, что существующими правилами предусмотрены только платные

библиотеки, «причем размер платы должен быть таков, чтобы исключал возможность пользования библиотекою для лиц низших сословий» [21, 189]. Мнение войскового начальства вполне согласовывалось с заключением Ученого комитета МНП о том, что городские читальни следует признать городскими общественными библиотеками, изначально рассчитанными главным образом для более образованных посетителей, куда доступ представителей низших сословий и учащихся был запрещен. Для простолюдинов же следует учреждать особые народные читальни, а их книжные фонды формировать в основном из тех книг, которые одобрены для ученических и учительских библиотек в средних и низших учебных заведениях [11, 150-151]. В управлении предлагали пересмотреть проект устава, разработанный организаторами общественной библиотеки во Владикавказе, исключив из него статьи о бесплатной читальне, либо открыть библиотеку второй категории, бесплатную или с платой, предназначенную исключительно для низших слоев городского и сельского населения.

Однако при строгом соблюдении требований начальства значение городской общественной библиотеки, задуманной Шредерс и ее единомышленниками, заметно сужалось бы. Организаторы библиотеки на общем собрании 2 октября 1895 г. приняли компромиссное решение: «подписчики четвертого разряда будут платить 1 рубль в год или 10 копеек в месяц и пользоваться правом брать на дом по одной книге из числа так называемых народных изданий» [18, 16]. Ответственным за соблюдение «местною общественною библиотекою установленных правил и правительственных распоряжений был назначен супруг В. Г. Шредерс, председатель съезда мировых судей Владикавказского округа В. Д. Шредерс.

Для устройства библиотеки был инициирован сбор благотворительных средств и пожертвований, причем в пользу библиотеки давались как деньги, так и книги. Например, почетный член Российской академии наук графиня П. С. Уварова горячо поддержала инициативу владикавказской интеллигенции по созданию городской общественной публичной библиотеки. Она пожертвовала крупную денежную сумму и, кроме того, пообещала прислать из Москвы «дюжину пять-шесть книг современных авторов», которые посчитает «наиболее гуманными и нравственными» [13, 34].

В ноябре 1895 г. при библиотеке стала действовать вечерняя читальня, а через несколько месяцев, в феврале 1896 г., состоялось официальное открытие библиотеки. К тому времени ее книжный фонд насчитывал 1200 томов, библиотека получала 30 журналов и 19 газет. Уже к концу 1896 г. у библиотеки было 337 подписчиков. Средства библиотеки формировались из платы за подписку, пожертвований, лекций, любительских спектаклей и шли на хозяйственные расходы и приобретение газет и журналов. Однако своего помещения у библиотеки не было, и она несколько раз меняла адрес [15, 157].

Популярность городской общественной библиотеки была необычайно высока. Библиотека стала действительным очагом культуры для самых широких общественных слоев. Ее посещали учащиеся и преподаватели владика-

кавказских учебных заведений, представители низших городских сословий. Библиотека также служила местом, где обсуждались проблемы народного образования в Осетии, разрабатывались важнейшие программы просветительской деятельности, многие из которых воплощались в жизнь (например, связанные с развитием женского образования в Осетии).

Таким образом, вторая половина XIX в. характеризуется формированием и распространением новых институциональных форм внешкольного образования, дополняющих систему народного просвещения. Среди них выделялись народные чтения, общественные библиотеки, народные читальни, деятельность которых основывалась на специально разработанной законодательной базе. Их инициаторами зачастую становились представители прогрессивной общественности, выступающих в роли учредителей, жертвователей и частных благотворителей. Роль государства сводилась к контролю над формами и содержанием работы этих учреждений. К концу XIX в. отмечается усиление «охранительных» начал во внутренней политике правительства. Однако несмотря на жесткий правительственный контроль, все учреждения внешкольного образования являлись действительными очагами культуры и просвещения для широких слоев населения страны и ее отдельных регионов, в том числе и в Осетии.

Примечания

1. Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Первое пятилетие. 1867-1871. Тифлис, 1891.
2. Еремин А. И. Уставы и правила библиотек как источник по истории повседневной жизни провинции в конце XIX – начале XX века // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2008. Вып. 4. С. 249-273.
3. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902 / Сост. С. В. Рождественский. СПб., 1902.
4. Дзалаева К. Р. Народные чтения как социокультурный феномен северокавказского общества во второй половине XIX – начале XX вв. // Известия СОИГСИ. 2014. Вып. 14 (53). С. 21-25.
5. Бойкова О. Ф., Ключев В. К. Правовая среда российской библиотеки. М., 2011.
6. Полное собрание законов российской империи. Собрание второе (ПСЗ-II). Т. XL. Отд. 1-е. № 41988. С. 396.
7. ПСЗ-II. Т. XL. Отд. 1-е. № 41990. С. 397-406.
8. ПСЗ-II. Т. XLII. Отд. 1-е. № 44841. С. 1154-1155.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (ПСЗ-III). Т. IV. № 1941. С. 3.
10. Правила о бесплатных народных читальнях и порядке надзора за ними [Электронный ресурс]. URL: <http://nasledie.turgenev.ru/stat/exp01/stend3/part1/pravila.html> (дата обращения 22 января 2015 г.)
11. Георгиевский А. И. К истории Ученого Комитета Министерства народного просвещения. СПб., 1902.

12. История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Изд. 2-е. Орджоникидзе, 1987. Т. I.

13. Цориева А.Т. Коста Хетагуров и открытие В.Г. Шредерс Общественной библиотеки (к 150-летию Коста Левановича Хетагурова) // Вестник Владикавказского научного центра. 2009. Т. 9. № 1. С. 33-35.

14. Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Пятое пятилетие. Ч. 2. 1887-1891. Тифлис, 1892.

15. Канукова З.В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Изд. 2-е. Владикавказ, 2002.

16. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 2. Д. 310.

17. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 2. Д. 188.

18. Ларина В.И. Социально-экономическое развитие города Владикавказа во 2-й половине XIX века и его влияние на окружающее горское население // Известия СОНИИ. Орджоникидзе, 1958. Т. XXI. Вып. 1 (отдельный оттиск).

19. История Владикавказа (1781-1999 гг.): Сборник документов и материалов. Майкоп, 1991.

20. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 2. Д. 207.

21. Ларина В.И. Очерк истории городов Северной Осетии (XVIII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1960.

**М. Ш. АБАЕВА,
аспирант СКИ РАНХиГС
(г. Пятигорск)**

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ОБЩЕСТВА «БАЛКАР»

Автор проводит исследование историко-географического общества «Балкар» за период конца XVIII – начала XX вв; дает полное описание его состава; анализирует происхождение этнонима «балкар».

Ключевые слова: балкар, историко-географическое общество, балкарцы.

Author conducts the study of historical and geographical society «Balkar» for the period of the late XVIII – early XX centuries; gives a complete description of its members; analyzes the origin of the ethnonym «Balkar».

Keywords: Balkar, Historical and Geographical Society, Balkars.

История – это книга, в которой запечатлён весь путь человечества, а человек является ее главным героем. Без знаний прошлого мы никогда не сможем узнать истоков тех сложнейших явлений и исторических проблем, которые волнуют нас сегодня. Пройдя долгий путь становления и развития, каждый народ может и должен осмыслить свою историческую идентичность и достигнуть понимания своей роли в историческом процессе. Ключевую роль в становлении этноса играет природная среда, которая во многом определяет хозяйственную, экономическую, социальную сферы жизни. Особенно это касается прошлого горских народов, испытавших мощное влияние горного ландшафта, недостаток пашни и хлеба.

Этноним Балкар обычно употребляют в трех значениях: 1) как название всех пяти балкарских обществ, которые образуют собственно Балкарию; 2) как самоназвание старейшего и самого большого в территориальном отношении из существовавших в дореволюционный период обществ, расположенного в долине р. Черек, включавшего фактически три самостоятельных общества: Балкарское, Безенгиевское и Хуламское; 3) как совокупности группы небольших аулов, расположенных в верховьях р. Черек, которую называли «Балкар», Балкарское общество. Последнее значение, т. е. верховья р. Черек и стали предметом нашего исследования. Целью статьи является реконструкция историко-географического контекста общества «Балкар».

Общий этноним балкарцев – таулу. Как этническая общность они формировались к северо-востоку от главного Кавказского хребта, где нагорная полоса понижается гигантскими уступами, которые образуются рядом параллельных хребтов, идущих с северо-запада на юго-восток. Четыре большие реки – Баксан, Чегем, Холамский и Балкарский Черек, прорезали в Скалистом хребте глубокие каньонообразные теснины [1, 80]. Южные склоны Скалистого хребта круты, а северные – пологи. Последние, представляют собой прекрасные субальпийские пастбища; в нижней части они соединяются с Меловым хребтом, покрытым лесом. При пересечении хребта реки образуют глубокие и узкие ущелья, которые придают дикий и неприступный вид горам. Территория 5-ти горских обществ: Баксанского, или Урусбиевского, Чегемского, Хуламского, Безенгиевского и Балкарского, граничила с севера и запада с общественными кабардинскими пастбищами, лесами и землями Карачая, с юга Главным Кавказским хребтом и с востока – землями Горной Дигории [2, 700-701].

Описывая ареал обитания горцев М. Кипиани писал: «Самое большое из 5 обществ – общество «Балкар». По приблизительному определению (по 5 верстным картам), это общество занимает около 81,809 дес. земли. Это пространство пересекают три более или менее значительные речки: Черек, Псыган-су и Хизни-дон. Соответственно этому от Главного Кавказского хребта пролегают через эту местность два значительных отрога с вечными снегами и два разветвления. Первый пролегает по западной границе Балкарских земель, начинаясь у Джанки-тау (Туманная вершина) на Главном хребте и оканчиваясь у соединения рр. Черек с Урваном или Черек-тхахо (Бешеный Черек). На этом хребте возвышаются две замечательные своей высотой вершины: Коштантау (Лысая) и Дыхтау, обе вершины выше горы Казбека. Второй хребет начинается у горы Цыгитбаши-кая на Главном хребте и тремя отрогами спускается между рр. Черек, Псыган-су и Хизни-доном. Хребты эти скалисты и круты до невероятности и большею частью мало полезны» [3, 58].

Согласно преданию, ущелье реки Восточный Черек, т. е. «Балкар» считается первоначальным местом поселения балкарцев. Река Черек под названием Дых-су, берет, начало из-под ледников Главного хребта у подошвы Джанга-тау протекает сначала по чрезвычайно глубокому ущелью. Она составляется из многих незначительных речек, вытекающих из-под снеговых хребтов. Ущелье у Скалистого хребта расширяется и образует относительно довольно удобную и уютную котловину, в которой и приютились Таули – Балкарцы [3, 58].

Английский путешественник Д.У. Фрешфильд побывавший здесь в 1868 году пишет: «Ущелье Черек – это не просто ложбина в нижних склонах гор, как те, что в Пфефферсе и Виа Маса, это, пожалуй, огромная рывина от верхушки до дна на 5000 тыс. футов или даже более. Пенящиеся воды Черек, трижды пересеченные мостами, наполняли дно лощины, стороны которой были отвесными стенами, прерываемыми выступами, над которыми в свою очередь, нависали высокие слои пропасти.... Дикое величие ландшафта

здесь происходит от высоты. Нет слов, чтобы передать впечатление, которое теснина произвела на нас» [4, 62-63].

Район верховьев реки Черек, где сегодня раскинулось село Верхняя Балкария связан перевальными тропами по отрогам Скалистого и Бокового хребтов с соседними ущельями. По Курноятскому перевалу с верховьями Су-кан-су и далее с пастбищами Хазнидона. А через сравнительно легкий перевал, называемый туристами «школьный», можно без особого труда попасть в верховья Хуламо-Безенгийского ущелья.

Самоназвание балкарцев таулу или горцы. Большинство историков основной лексический смысл этого этнонима связывают с их пространственно-географическим положением, а не с эндоэтнонимическим, терминологическим обозначением, т.е. этническим самоназванием. Например, ведущий научный сотрудник КБИГИ Х.Х. Малкондуев, после изучения многочисленных фольклорно-этнографических записей, оставленных дореволюционными авторами и материалов полевых экспедиций, собранных в 1950-1980 гг., связывает эндоэтноним таулу с именем легендарного вождя и опытного военачальника, мудрого и храброго Таулу, спасшего свой народ от истребления полчищами Тимура. Оставшиеся в живых сподвижники Таулу, в знак признания заслуг своего предводителя, стали называть себя таулу, таулула, таулуну туудугъу, т.е. детьми Таулу, потомками Таулу. Со временем антропоним таулу превратился в самоназвание народа [5, 11]. По мнению Н.Г. Волковой свое самоназвание таулу восприняли от равнинного населения, которые называли всех жителей гор – таулу [6, 87]. Л.И. Лавров считает, что данным этнонимом балкарцы отличают себя от жителей степной полосы [7, 18]. На наш взгляд, самоназвание балкарского народа – таулу возникло в определенный исторический период в рамках становления территориальной общины в период усилившейся социальной дифференциации, как фактор ее этнического самоопределения и не связано с её пространственно-географическим положением.

Грузины называли балкарцев басыанами. Старейшим документом, в котором зафиксировано грузинское название балкарцев – басыане, является надпись на золотом кресте XV в. найденном в селе Цховати Ксанского ущелья, на котором написано: «Спас цховатский, я Квенипновели эристав Ризия, пожертвовал цховатской пречистой богоматери имение двух дымов в Зенубане с его горами и равнинами. Попал в плен в Басыани и выкуплен твоими вещами. Пусть никакой владетель не изменит» [8, 54-55]. Этот популярный грузинский этноним известен за балкарцами и в более поздних документах.

О земле басыанов, рядом с дигорами, сванами и черкесами, писал и царевич Вахушти – ведущий историк и географ Грузии XVIII века. По его словам «по западной стороне Дигории находится большое ущелье – Басыани, по которому протекает речка, истекающая из межгорья Рачинского и Басыанского. Ущелье это простирается от Кавказа до Черкесис-мта... Басыани граничат с севера горою Черкескою, отделяющей Басыани от Черкесии, с востока горою Кавказом, лежащим между Басыаном и Дигорией, с юга горою Кавказом, лежащим между Сванетией и Басыаном, с запада горою Кавказом, лежащим

между Рачой и Басианом... Здешние овсы знатнее всех прочих овсов, и между ними попадаются помещики, имеющие закрепощенных крестьян [8, 14].

По предположению И. М. Мизиева этноним басиани родился у грузинских авторов от этнонима «баси» – хазарского народа, размещенного, по словам царя Иосифа, у подножий высоких гор, т.е. простирающихся, по Ибн-Рустэ, «до Тифлисской страны». С этим этнонимом можно сопоставить имя крымских базарионов, говоривших на татарском языке и считавшихся потомками алан. По мнению ученого, в этот же ряд могут встать мадыарское наименование печенегов – бесеню, латинское наименование печенегов – бесси. Также это нарицательное имя созвучно с фамильными именами дунайских болгар – Басиановы, и венгров – Батиани [8, 15].

Выдающийся советский кавказовед Л. И. Лавров утверждал, что грузинский термин «Басиан» происходит от родового имени «Басият», которым называли себя таубии этого ущелья [7, 55]. На наш взгляд, этноним басиан происходит от родового имени «Басият», которым называла себя аристократия Балкарского ущелья.

Данные топонимики и языка свидетельствуют о глубоких связях балкарского и осетинского народов. Гроты в скалах балкарцы, как и осетины, называют «дорбун», перевалы называются «вцик» от осетинского «авцек».

По мнению Б. А. Калоева, название балкарского поселка Курноят переводится с осетинского как «место, где находится мельница, Зилга как «крушение», здесь было озеро с водоворотом, Сауты как «черные», в этих местах черный песок и т. д. [9, 59]. По данным исследователя многие носители дигорских фамилий считают своими предками выходцев из Балкарии [10, 37].

Б. Х. Мусукаев к иранским заимствованиям относит такие термины как Лыгъыт – от осет. легъет «пещера», «Лыбырда» – от осет. лебырд «оползень», Пардык // фардыг (к) – от осет. фердыг «самоцвет», Гал стауат – «быков стойбище» [11, 47].

Основоположник осетинского языкознания, советский филолог В. И. Абаев считал, что балкарцы и карачаевцы – это народы, сформировавшиеся на аланском субстрате. Осетинские элементы в балкарском и карачаевском языках не результат заимствования от современных осетин, а наследие старого алано-тюркского смешения, происходившего во всех ущельях от Черека по В. Кубани до Теберды [12, 132-133]. На наш взгляд, большое количество лексических сходжений между языками осетин и балкарцев говорит о глубоком симбиозе и взаимообогащении культур двух народов в результате старого алано-тюркского смешения, отпечаток которого несут на себе многие поколения людей.

Данные о численности населения в Балкарском обществе достаточно противоречивы. В 1773 г. знаменитый немецкий ученый и путешественник И. А. Гюльденштедт насчитывал в Балкарском обществе около 1000 семейств [13, 16-17]. Г. Ю. Клапрот, немецкий языковед-историк, член Российской академии наук, путешествовавший по Кавказу и Грузии в 1807-1808 гг., насчитывал свыше 1200 семей [14, 22]. Описывая Балкарскую общину на рубеже

XVIII-XIX вв., П.Г. Бутков сообщает, что «балкарцы обитают в вершинах реки Черек. Население его племени простирается до 2000 домов. Главное селение их называется Басият, носит их владетелей фамилию... Зависящие от главного прочие селения суть: Малкар, Ишканти, Шаурда, Хурдан, Гобсарт, Адшалга, Мохаул и Холлам» [1, 96].

В рапорте генерал-майора князя Ф. Бековича-Черкасского графу Паскевичу от 17 января 1830 г. указано, что в Балкарской общине 300 дворов и 1800 душ обоего пола [1, 97]. В «Записке о действиях и обозрениях, произведенных Генерального штаба штабс-капитаном князем Шаховским во время проезда его по поручению командира отдельного Кавказского корпуса из Мингрелии чрез Сванетию в Кабарду и обратно» от 24 ноября 1834 года указывалось до 360 домов [15, 57].

В сочинении П.П. Зубова, написанном в 1834-1835 гг., указывается до 6 тысяч душ [16, 58]. По неполным данным собранным бароном Вревским, в Балкарском обществе в 1837 году насчитывалось 780 дворов и 2120 душ мужского пола [17, 45]. В 1851 году в военно-статистическом обозрении Российской империи в Балкарском обществе указано 14 аулов, 850 дворов и 5250 душ обоего пола [1, 97-98].

В «Списке населенных местностей Кабарды и Балкарии с указанием числа дворов и жителей» начальник Кабардинского округа, полковник, князь В.В. Орбелиани в 1859 году указал 480 дворов, в которых проживало 2412 мужчин и 2507 женщин [18, 58]. В 1861 году в «Списке аулов Кабардинского округа по участкам, с обозначением в каждом ауле числа дворов» также указано в Балкарском племени 480 дворов [19, л. 5].

В «Сведениях о численности населения Горского участка Кабардинского округа» 1865 года в Балкарском обществе указан всего 431 двор [20, л. 88].

В «Списке населения Большой и Малой Кабарды по группам или фамилиям и 5-ти горским обществам с показанием числа дворов и количества десятин, следуемых окончательно за переселением в другие общества» от 22 февраля 1879 года за Балкарским обществом числилось 669 дворов [21, 165].

Начальник Терской Межевой комиссии М. Кипиани в путевых заметках «Пять горских обществ Большой Кабарды или таули», вышедших в 80-е годы XIX века, насчитывает по обоим сторонам реки Черек уже 18 аулов: Мухол, Тюбен-эль, Мухуш, Каспарты, Джарашки, Зилги, Нижний Чегет, Верхний Чегет, Курнаят, Шаурдат, Сауты, Фардык, Чегет-эль, Верхний Шканти, Нижний Шканти, Верх. Куюндум, Нижн. Куюндум, Тура-Хабла. Он полагает в данных аулах 537 дворов и 5008 душ обоего пола [3, 59].

В очерке члена «Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области», известного землемера, проработавшего около 40 лет в Межевой комиссии Терской области Н.П. Тульчинского «Пять горских обществ Кабарды» 1903 года указывается, что население самого крупного Балкарского общества «Балкар» состоит из 711 дворов в 3275 душ мужского пола и 3064 души женского, всего 6339 душ, расселенных в следующих 22 селениях: 1) Чегет-эль, 2) Фордык, 3)

Чегет, 4) Сауту, 5) Зилги, 6) Верхний Шканти, 7) Нижний Шканти, 8) Турахабль, 9) Верхний Кунюм, 10) Нижний Кунюм, 11) Тубень-эль, 12) Мухол, 13) Шаурдат, 14) Курноят, 15) Галашки, 16) Верхний Чегет, 17) Нижний Чегет, 18) Куспарты, 19) Мукуш, 20) Жарильги, 21) Дагат, 22) Ташлы-Тала [22, 343].

В «Сведениях о численности горского населения в Нагорной полосе Терской области и в Карачае Кубанской области, количестве находящихся в его владении земельных угодий и количестве казенных земельных угодий, подлежащих отводу для наделения безземельных и улучшения положения малоземельных горцев» от 19 сентября 1911 года в Балкарском обществе указывается 927 дворов с 3953 душами мужского пола и 7671 душою обоего пола в двадцати двух поселках [23, л. 6].

На наш взгляд наиболее точный и полный материал о численности населения Балкарского общества дает в своей работе «Социально-политическая история Балкарии XVII – начале XX века» доктор исторических наук, профессор Е.Г. Муратова. В обществе «Балкар» в XIX – начале XX века она указывает следующие данные: в 1827 году – 1800 человек, в начале 1830-х гг. – 4000, в 1846-4960, в 1850-5250, в 1851-1852-5250, в 1859-4919, в 1874-4504, в 1881-5008, в 1888-5000, в 1896-6682, в 1897-6530, в 1903-6339, в 1905-767, в 1914-7585, в 1916-8112 [1, 380-387].

Разное число аулов в ущелье р. Черек можно объяснить тем, что отдельные исследователи при фиксации населения принимали отдельно стоявшие родовые поселки в качестве самостоятельных аулов. Отличие же в показателях количества дворов связано с тем, что: во-первых, свирепствовавшие в XVIII-XIX веках эпидемические болезни, уничтожали жителей целых аулов; во-вторых, в условиях перманентных военных действий конца XVIII – первой половины XIX века местной администрации не удавалось тщательно обследовать все населенные пункты, в результате чего многие цифры заносились в ведомости без надлежащего уточнения; в-третьих, все цифры, обозначавшие жителей Кавказа, брались приблизительно, «на глаз», поскольку горцы крайне подозрительно относились к переписи и никогда не указывали точных сведений о численности родов и аулов.

Таков, при первом приближении, историко-географический контекст общества «Балкар» в конце XVIII – начале XX вв.

Примечания

Муратова Е.Г. Социально-политическая история Балкарии XVII –начала XX в. Нальчик, 2007.

Кузьминов П.А. Этнодемографическая карта народов Терека: размещение, численность и миграция населения в конце XVIII – первой половине XIX века // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик, 2004.

Кипиани М. Пять горских обществ Большой Кабарды // Балкария: Страницы прошлого. Нальчик, 2005. Вып. 1.

- Фрешфильд Д. У. Исследование Кавказа: Извлечения // Карачай и Балкария: Страницы прошлого. Нальчик, 2009.
- Малкондуев Х. Х. Этническая культура балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 2001.
- Волкова Н. Г. Этнонимы и пленные названия Северного Кавказа. М., 1973.
- Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX века // Балкария: Страницы прошлого. Нальчик, 2005. Вып. 2.
- Мизиев И. М. Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая в XIII-XVIII вв. Нальчик, 1991.
- Калоев Б. А. Осетины (историко-этнографическое исследование). М., 1971.
- Калоев Б. А. Осетино-балкарские этнографические параллели // Советская этнография. 1972. № 3.
- Мусукаев Б. Х. Топонимия высокогорья Балкарии. Нальчик, 1981.
- Абаев В. И. Об аланском субстрате в балкарско-карачаевском языке // О происхождении балкарцев. Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 1960.
- Иоган Антон Гюльденштедт. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. // Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – начале XX веков. Сборник документов. Нальчик, 1992.
- Юлиус Клапрот. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807-1808 гг. // Антология памятников права народов Кавказа. Памятники права Балкарии. М., 2012. Т. 11.
- Шаховской И. Записки о действиях и обозрениях... // Антология памятников права народов Кавказа. Памятники права Балкарии. М., 2012. Т. 11.
- Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и за пределами оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях... // Антология памятников права народов Кавказа. Памятники права Балкарии. М., 2012. Т. 11.
- Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1961.
- Документы по истории Балкарии (40-90 гг. XIX в.) // Сост. Е. О. Крикунова. Нальчик, 1959.
- Центральный государственный архив РСО-Алании (далее ЦГА РСО-А). Ф. 53. Оп. 1. Д. 1727.
- Центральный государственный архив КБР (далее ЦГА КБР). Ф. р-1209. Оп. 7. Д. 66.
- Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – начале XX веков. Сборник документов. Нальчик, 1992.
- Тульчинский Н. П. Пять горских обществ Кабарды. Извлечения. // Антология памятников права народов Кавказа. Памятники права Балкарии. М., 2012. Т. 11.
- Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1291. Оп. 86. Д. 360.

М.Х. АХМЕТОВА,
магистрант
ИИФиСМИ КБГУ им. Х.М. Бербекова
(г. Нальчик)

АДЫГСКОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР

В статье рассматриваются истоки складывания адыгского просветительства, исследуется исторический контекст деятельности адыгских просветителей. Автор анализирует влияние идей русского просвещения, русской культуры на формирование системы взглядов адыгских просветителей первой половины XIX века. Сделан вывод о том, что их мировоззрение отличалось двойственностью: с одной стороны, они стремились сохранить память об уходящих временах, с другой стороны, их произведения служили проводниками идей русского просвещения.

Ключевые слова: Адиль-Гирей, адыгские просветители, Кази-Гирей, культура, мировоззрение, народ, Ногмов Ш., образование, Россия, русское просвещение, Хан-Гирей.

The article deals with the origins of Adyghean enlightenment and with the historical context of the activities of Adyghean educators. The author analyzes the influence of the ideas of the Russian enlightenment and Russian culture on the formation of edifice of Adyghean educators of the first half of the XIXth century. The author's conclusion is that specificity of their worldview was duality: on the one hand, they wanted to preserve the memory of bygone times, on the other hand, their works were a conductor of the ideas of Russian enlightenment.

Keywords: Adil-Ghirey, Adyghean education, Kazi-Ghirey, culture, worldview, people, Nogmov Sh., education, Russia, Russian education, Khan-Ghirey.

Современная Россия переживает весьма сложное и противоречивое время, когда происходят существенные изменения во всех сферах жизни общества. Учеными, представителями политической элиты и общественностью активно ведутся поиски наиболее оптимального существования и дальнейшего развития государства в новых условиях. И эти поиски будут результативными только в том случае, если они будут вестись с учетом ментальности, культуры каждого народа, населяющего страну. В этой свя-

зи важно изучение жизни и деятельности адыгских просветителей, стремившихся как раз к выработке наиболее приемлемых вариантов вовлечения адыгского народа в состав России. Для полного, глубокого понимания мировоззрения, взглядов адыгских писателей-просветителей необходимо понять ту сложную историческую ситуацию, в которой им приходилось действовать. В связи с этим озвученная тема является актуальной.

Целью данного доклада является исследование влияния исторического контекста на мировоззрение адыгских просветителей XIX века.

Для этого необходимо изучить истоки складывания адыгского просветительства и исследовать тот исторический контекст, в котором действовали адыгские просветители.

Адыги представляют собой этнос, расположенный на стыке цивилизаций, с их специфическими преимуществами и недостатками. В этом плане адыги не отличаются ни от других кавказских народов, ни от народов Балканского полуострова, Индокитая и т.д. в зависимости от перманентных в масштабе истории событий народы этих «буферных зон» испытывали на себе влияние соседствующих цивилизаций, впитывая элементы культуры то одного соседа, то другого. Также следует отметить, что в обществах подобного типа сильны идеи поиска самого себя, самоидентификации. Такие общества зачастую разделены между теми, кто отождествляет себя с какой-то определенной культурой, и теми, кто считает иначе, отождествляя себя с иной культурой. Нередко это становится источником конфликтов, дестабилизирующих обстановку в регионе.

Проводниками этих идей, как правило, выступают просветители, которые считаются тем самым творческим меньшинством, живущим проблемами своего народа и пытающимся отыскать ответы на вопросы, от которых зависит будущее родины. Просвещение имеет много определений, в частности, просвещение – передача знаний, распространение знаний и культуры. Также под просвещением понимается идейное течение, основанное на убеждении в решающей роли разума и науки в познании «естественного порядка», соответствующей подлинной природе человека и общества. Невежество, мракобесие, религиозный фанатизм просветители считали причинами человеческих бедствий; просветители выступали против феодально-абсолютистского режима, за политическую свободу, гражданское равенство.

В конце XVIII – начале XIX веков возникает адыгское русскоязычное просветительство, составляющее, по словам А.Р. Атласкирова, «первое, магистральное направление в национальном просветительском движении» [1]. Возникновение адыгского варианта Просвещения объективно было подготовлено предшествующим этапом развития народа. В этом процессе имели место как внутренние, так и внешние факторы. К внутренним факторам мы можем отнести социально-экономическое, общественно-политическое развитие народа, накопленная им веками духовная культура. А к внешним – исторически сложившиеся взаимоотношения адыгского на-

рода с Российским государством, влияние на сознание адыгов передовой русской общественной мысли и культуры [1].

В исторической литературе существует мнение, что возникновение северокавказского просветительства, в частности адыгского, явилось результатом исключительно влияния российской общественно-политической мысли на сознание горцев. Так, С. А. Айларова утверждает, что «северокавказскую интеллигенцию нельзя считать продуктом естественного исторического, внутреннего развития региона, она не выросла органическим образом только из местных социальных структур; генезис горской интеллигенции, восходя ко времени вхождения народов Северного Кавказа в состав России, стимулировался всеми сторонами русско-кавказских отношений и был связан с учебой в русской школе, службой в русской армии, административных учреждениях» [2, 31]. Такую крайнюю точку зрения мы считаем неприемлемой. Приведем слова С. Н. Жемухова: «Для нации однажды наступает такой исторический момент, когда она начинает осознавать себя. Она осознает себя через мыслителей. У адыгского духа и до XIX века был опыт самовыражения в виде нартского эпоса, изречений Жабаги Казаного и богатого фольклора» [3,3]. Появление адыгской интеллигенции было основано на росте национального самосознания адыгов. Но важно отметить, что этот процесс значительно ускорялся и стимулировался воздействием на них идей русского просвещения, русской культуры [4, 4].

Таким образом, анализируя истоки адыгского просветительства, мы не можем делать односторонних выводов. Внутренние и внешние факторы, обусловившие возникновение этого явления, были тесно переплетены между собой и взаимно дополняли друг друга.

Адыгские просветители первой половины XIX века получили образование в высших и средних военных, а затем гражданских учебных заведениях России. Воспринимая идеи русского просвещения, они воплощали их в своей практике и творческой деятельности применительно к местным условиям и потребностям. Получая образование в российских учебных заведениях, адыгские просветители воспринимали и те идеи, которые тревожили умы общественных деятелей российского государства. Среди них были те, кто симпатизировал западникам, и те, кто симпатизировал славянофилам, но все они горячо любили свою родину и свой народ. Адыгские просветители порицали феодальные пережитки, царившие в адыгском обществе, пытались распространить грамотность среди населения, строили школы. Их неоценимой заслугой является создание адыгской письменности, что способствовало сохранению родного языка и культуры.

Примечательно, что творчество адыгских писателей-просветителей первой половины XIX века приходится на сложный исторический период – период колонизации Северного Кавказа приобрел более широкие и разносторонние формы [5, 13], когда в силу различных причин менялся традиционный уклад жизни адыгов; когда шел процесс интеграции народов

Северного Кавказа, в частности адыгов, в политическое, социально-экономическое, культурное пространство Российского государства. Тот факт, что адыгская интеллигенция возникла на «скрещении автохтонного и русского обществ, на том историческом «перекрестке», на котором встретились, вошли в контакт элементы горского «социума», уклада традиционной горской жизни... и русской культуры» определил специфику мировоззрения ее представителей, их образ мышления, политические убеждения и идеалы [2, 31]. Таким образом, адыгская интеллигенция с самого начала «обнаружила многие черты интернациональной социокультурной среды» [2, 31]. Получалось так, что, ее представители, с одной стороны, «работали над тем, чтобы сохранить память об уходящих временах», с другой – «их произведения служили проводниками идей русского просвещения» [1].

Об этом наглядно свидетельствуют труды адыгских просветителей Шоры Ногмова, Хан-Гирея, Адиль-Гирея, Кази-Гирея, жизнь и творчество которых приходится на первую половину XIX века – на разгар и затухание Кавказской войны. Их произведения проникнуты глубокой любовью и привязанностью к своему родному краю и народу; желанием усовершенствовать его политико-правовое, социально-экономическое устройство, семейный и общественный быт; стремлением просветить свой народ. Так, в «Записках о Черкесии» Хан-Гирея читаем: «Черкесы на собственном языке не имеют книг, ибо лишены лучшего приобретения человеческого разума – письмен» [6, 105]. Шора Ногмов о своей книге «История адыгейского народа» писал: «Если я решился на этот труд, то единственно из искреннего желания приохотить моих соотечественников к умственным занятиям на поприще науки, которая одна в состоянии показать им все выгоды просвещения и образования» [7, 27].

Решение этой проблемы они видели в установлении прочных взаимоотношений с Российским государством. Его цивилизаторскую роль по отношению к кавказским народам они подчеркивали не раз. В этой связи адыгские просветители первой половины XIX века, находясь на российской военной и гражданской службе, стремились в своих трудах обосновать необходимость поддержания дружественных взаимоотношений с Российским государством и выработать наиболее безболезненные варианты вовлечения адыгского народа в его состав. Так, будущее своей родины, народа, расцвет его культуры и просвещения Шора Ногмов видел только в союзе с Россией. Отмечая отношение адыгского народа к установлению связей с Русским государством в середине XVI века, он замечает, что «более всего народ был обрадован союзом и покровительством России» [7, 80].

Приверженцем дружбы с Россией был и Хан-Гирей. В вопросах о необходимости покорения Черкесии он придерживался официальной российской идеологии. Земли черкесов, в его представлении, это невозделанный государственностью участок, своего рода «политическая целина»,

и Хан-Гирей называл их «пространством, занимаемым на Кавказе племенами, так называемыми «горцами». Такое просвещенное государство как Россия, в представлении Хан-Гирея, не довольствовалось обеспечением счастья только для своих граждан. Оно заботилось обо всем человечестве, в частности, о горских племенах Кавказа.

Хан-Гирей активно занимался поиском альтернативы военно-колонизаторской политики царизма на Кавказе, пытался выработать мирные способы установления российской власти в этом регионе. Для выражения подобной позиции он употреблял следующие выражения – «приведение черкесского народа в гражданское состояние кроткими мерами с возможным избеганием кровопролития» [6, 305], «водворение в Черкесии тишины и благоустроенного порядка» [6, 319]. Как отмечал С. Н. Жемухов, «политической целью сочинений Хан-Гирея, Ногмова и многих других адыгских общественных деятелей, находившихся на российской службе, являлось обоснование взаимоотношений России и адыгов» [3, 68].

Сложные условия Кавказской войны повлияли также на мировоззрение другого адыгского просветителя Султана Адиль-Гирея, который сам непосредственно принимал в ней участие. Свою позицию по поводу политики российской власти он изложил в статьях «Поход 1845 года в Дарго», «Обзор последних событий на Кавказе», «Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии». Адиль-Гирей был непосредственным исполнителем директив царя, однако высказывал критические замечания в адрес военного командования. Он отмечал, что кавказские чиновники применяли «крутые меры», которые «восстанавливали против русских» горское население [8, 115]. Адиль-Гирей осуждал военные методы присоединения, когда воинские отряды проникали «во все главные ущелья» и силой оружия покоряли горцев [9, 116].

В противоположность политике репрессий Адиль-Гирей выдвинул мирный способ покорения, без кровопролития. Он рекомендовал властям в отношениях с горскими племенами действовать с уважением и любовью. Адиль-Гирей приводит пример, когда путем переговоров генерал Филипсон сумел привлечь на сторону России часть абадзехов [10, 120]. Некоторые аспекты народно-освободительной борьбы нашли отражение в рассказах Адиль-Гирея «Сулейман эфенди» [11], «Рассказ аварца» [11].

Творчество и деятельность другого адыгского просветителя первой половины XIX века Султана Кази-Гирея так же были направлены на служение своему народу, приобщение его к науке, знаниям. Убежденный сторонник России, Кази-Гирей будущее своего народа, его просвещение и расцвет культуры связывал только с Россией. В одном из своих писем он отмечал: «Россия стала вторым моим Отечеством, не менее родным, и ее пользы не менее драгоценными, тем более, что из пользы России только может истечь благо моего родного края» [12, 131]. Интересно художественное произведение Кази-Гирея «Долина Ажитугай» [13], в котором просветитель выражал надежду, что среди адыгов вырастут грамотные и

образованные люди, которые с успехом займутся изучением истории своего народа [14, 150].

Таким образом, творчество адыгских писателей-просветителей первой половины XIX века пришлось на сложный исторический период, когда шел процесс интеграции народов Северного Кавказа, в частности адыгов, в политическое, социально-экономическое, культурное пространство Российского государства, оно было вызвано к жизни «потребностью эволюционных преобразований в различных сферах умственной и хозяйственной деятельности края, при условии сохранения национально-культурной самобытности народов, его населяющих» [15, 108]. Получив образование в русских учебных заведениях, контактируя с представителями передовой общественной мысли России того времени, адыгские просветители перенимали достижения русской культуры, русского просвещения. Являясь горячими патриотами своего народа, они стремились улучшить жизнь своих соотечественников, приобщить их к науке, знаниям. Решающую роль в этом они отводили покровительству России и ввиду этого стремились установить прочные дружественные взаимоотношения с ней. Получалось так, что адыгские просветители первой половины XIX века работали над тем, чтобы сохранить память об уходящих временах, одновременно их произведения служили проводниками идей российского просвещения.

Примечания

1. Атласкиров А.Р. Роль адыгских просветителей в трансформации традиционной культуры адыгов. URL: http://vestnik.adygnet.ru/files/2013.3/2646/atlaskirov2013_3.pdf (дата доступа: 19. 11. 2015).
2. Айларова С.А. Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX веке: культурно-исторические проблемы модернизации. Владикавказ, 2003.
3. Жемухов С. Н. Мировоззрение Хан-Гирея. Нальчик, 1997.
4. Хашхожева Р.Х. Адыгские просветители XIX – начала XX века. Нальчик, 1993.
5. Туганов Р.У. История общественной мысли кабардинского народа в первой половине XIX века. Нальчик, 1998.
6. Хан-Гирей. Записки о Черкесии / Вступительная статья и подготовка текста к печати Гарданова В.К. и Мамбетова Г.Х. Нальчик, 1978. URL: <http://kikbr.jimdo.com/источники/> (дата доступа: 02. 12. 2015).
7. Ногмов. Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1947.
8. Адиль-Гирей. Обзор последних событий на Кавказе // Военный сборник. 1859. Т. 10. Цит. по Кумыков Т.Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX в. Нальчик, 2002.
9. Адиль-Гирей. Поход 1845 года в Дарго // Военный сборник. 1859. Т. 5. Цит. по Кумыков Т.Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX в. Нальчик, 2002.

10. Кумыков Т.Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX в. Нальчик, 2002.

11. Адиль-Гирей. Сулейман эфенди; Рассказ аварца // Избранные произведения адыгских просветителей (Вступительная статья, подготовка текстов и комментарии Р.Х. Хашхожевой). Нальчик, 1980.

12. Центральный государственный исторический архив, ф. 932, оп. 1, ед. хр. 88, л. 1. Цит. по Хакушев А. Х. Адыгские просветители. Нальчик, 1978.

13. Кази-Гирей. Долина Ажитугай // Избранные произведения адыгских просветителей (Вступительная статья, подготовка текстов и комментарии Р.Х. Хашхожевой). Нальчик, 1980.

14. Кумыков Т.Х. Культура и общественно-политическая мысль Кабарды первой половины XIX века. Нальчик, 1991.

15. Мамиева И.В. Авторское «я» в текстах северокавказских просветителей конца XVIII – начала XIX века // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2013. № 50. С. 103-109.

А. А. ЖУРТОВА,
аспирант КБГУ им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)

ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИОГРАФИИ РОССИЙСКО-КАВКАЗСКИХ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ В XVI-XIX ВВ.

Статья посвящена проблеме периодизации историографии российско-кавказского исторического взаимодействия. В ней изучены варианты периодизации историографии данного вопроса, разработанные М. Е. Колесниковой, К. Ф. Дзамиховым, Н. В. Самариной, А. В. Щербиной и др., на основе которых автор выделяет свои этапы в развитии исследований по проблеме российско-кавказских взаимоотношений в XVI-XIX вв.

Ключевые слова: периодизация, историография, Россия, Северный Кавказ, кавказоведение

The article is devoted to the periodization the historiography of the Russian-Caucasian historical interaction. The options of periodization historiography of this issue, developed by the M. E. Kolesnikova, K. F. Dzamihov, N. V. Samarin, A. V. Shcherbina and others based on which the author identifies stages in the development of research on the issue of the Russian-Caucasian relations in the XVI-XIX centuries are studied here,

Keywords: periodization, historiography, Russia, North Caucasus, Caucasus Studies

Проблема периодизации – одна из самых острых в исторической науке, поскольку она всегда условна и несет печать субъективизма. Вместе с тем, она позволяет выделить движущие силы развития науки, акцентировать внимание на принципиальных проблемах, требующих осмысления. С точки зрения П. А. Кузьмина, высокая значимость периодизации в истории исторической науки определяется тем, что она позволяет решить следующие задачи:

- 1) увидеть общий процесс развития науки;
- 2) показать формирование и изменение структуры научных и образовательных учреждений;
- 3) исследовать процесс накопления фактических знаний о человеческом обществе;
- 4) проанализировать появление и смену историографических школ, течений, направлений, концептуальных и методологических построений;
- 5) изучить процесс изменения и совершенствования методов и приемов источниковедческого анализа;
- 6) исследовать объективные условия развития исторической науки [1, 121].

История изучения Северного Кавказа является одной из составных частей российской историографии. Возникновение отечественного кавказоведения большинство современных исследователей относит ко второй половине XVIII века, связывая его с внешнеполитической деятельностью Российской империи, направленной на расширение государственной территории посредством присоединения Кавказа. В ходе проведения первых научных экспедиций, накопления и обобщения полученных фактов складывались традиции российского кавказоведения.

Известный исследователь северокавказской историографии М.Е. Колесникова разработала периодизацию отечественного кавказоведения, в которой выделила три основных этапа.

Первый период – XIX в. – начало 1930-х годов – представляет собой, с её точки зрения, значительный этап дореволюционной историографии, многие положения исторических концепций которого оказали влияние на историографию советского периода. Созданные в это время работы были близки по структуре, форме изложения материала и методам историописания. В 1920-е годы происходит становление научной школы отечественного краеведения, формируются научные представления о его предмете, объекте и методах исследования. Верхняя хронологическая грань рассматриваемого периода определена началом 1930-х годов, поскольку к этому времени начала складываться советская концепция отечественной истории, которая в основных своих принципах сохранилась до конца 1980-х годов [2]. В указанный период был накоплен огромный фактический материал, проведено его научное осмысление, сложились научные традиции отечественного кавказоведения.

Второй период соответствует общепринятой в науке периодизации советской историографии и датируется М.Е. Колесниковой серединой 1930-х – концом 1980-х годов. Данный этап характеризуется реорганизацией научных учреждений гуманитарного профиля, структурированием основных проблем кавказоведения, появлением первых обобщающих трудов и специальных исследований по истории изучения Северного Кавказа [3, 10]. Российская история, в том числе и северокавказская, изучалась в советский период с позиции традиционной марксистской методологии в русле формационной концепции, которая основывалась на приоритете социально-экономических факторов в объяснении тех или иных исторических явлений и процессов [3, 10].

Смена политико-идеологических ориентиров в советском обществе во второй половине 1980-х гг. отразилась на структуре и содержании российской историографии: в исторической науке стали разрабатываться новые сюжеты общегосударственной и региональной истории. В это время, по определению М.Е. Колесниковой, появляется методологическая и идеологическая «разноголосица», которая в дальнейшем вылилась в методологический плюрализм, захвативший и северокавказскую историю науки.

Отличительной чертой третьего этапа, с начала 1990-х годов и по настоящее время, является появление новых подходов к изучению дореволюционной истории России. Произошли изменения в проблемном поле историо-

графии, перед учеными встали новые исследовательские задачи, в числе которых изучение сюжетов, связанных с организационной структурой дореволюционной исторической науки, с историей региональных научных обществ, биографиями провинциальных исследователей. Исследование человека во всем многообразии его отношений с обществом стало приоритетным направлением в современной историографии [2].

Периодизацию отечественной историографии вхождения северокавказских народов в состав России предложили Н. В. Самарина и А. В. Щербина [4].

В XIX в., в соответствии с представленной периодизацией, складывается концепция имперской российской историографии. Военные историки, писавшие о Кавказской войне, расширительно определяли ее хронологические рамки XVI в. – началом 1860-х годов. Тем самым взаимоотношения России с народами Кавказа трактовались как многовековая борьба двух мировых религий – православного христианства и ислама, как противостояние цивилизации и варварства, завершившееся покорением «диких» народов. Авторы подчеркивали приоритет политических целей в действиях России, задачи ее геополитики.

В советской историографии первых десятилетий центром тяжести в освещении темы стало разоблачение колониальной политики самодержавия и разработка концепции насильственного покорения Кавказа. С конца 30-х годов XX в. в науке утвердилась оценка факта присоединения народов окраин к России как «наименьшего зла» для них. Утверждение это, как полагают Н. В. Самарина и А. В. Щербина, не основывалось на конкретно-исторических исследованиях и определялось идеологическими задачами оформившегося тоталитарного режима. На рубеже 50-60-х гг. XX в. перед историками республик региона, правящей партийной элитой была поставлена задача: найти свидетельства мирного и возможно более раннего «вхождения» того или иного народа в состав империи. Итогом пересмотра оценок стала конференция в г. Грозном в 1979 году на тему «Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа». В ее рекомендациях было заявлено, что интеграция всех без исключения народов региона в Российскую империю носила мирный и добровольный характер [4].

В постсоветской исторической литературе обнаружили принципиально различающиеся подходы к изучению вопроса. Выявились резкое неприятие и критика концепции «добровольного вхождения» малых народов в состав России. Необходимость специального изучения этносоциальной политики России, ее принципов, форм и методов, как в период создания империи, так и впоследствии, является, с точки зрения Н. В. Самарини и А. В. Щербины, вполне очевидной [4].

К. Ф. Дзамихов монографически изучил историографию российско-кавказских отношений в XVI – XVIII вв. и предложил своё видение содержания основных этапов ее развития.

К характерным чертам русской историографии XVIII века он относит внимание к вопросам историко-географического характера, обусловленное про-

цессом постепенного расширения территории русского государства, и связь с этнографическим изучением многонационального населения, вошедшего в состав России. Кроме того, во второй половине XVIII – начале XIX века благодаря усилиям М.М. Щербатова, Н.М. Карамзина и других историков опубликовано большое количество летописных материалов о русско-кавказских исторических связях.

Важным этапом в развитии отечественного кавказоведения К.Ф. Дзамихов считает вторую половину XIX в., когда на кавказоведческую мысль большое влияние оказали общий подъем русской исторической науки и обогащение документальной базы, что во многом связано с деятельностью, учрежденной в 1864 г. Кавказской археографической комиссии [5, 110].

В отечественной историографии 1920-1970-х гг. проблема присоединения изучалась и эволюционировала в контексте двух основных концептуальных построений: теории колониального завоевания и концепции мирного добровольного присоединения. Отмеченные особенности развития отечественной историографии в полной мере отразились и на северокавказской.

В первые десятилетия Советской власти динамика изучения характера вхождения нерусских народов в состав России, согласно К.Ф. Дзамихову, выглядела как линия идейного развития от «абсолютного зла» к «наименьшему злу». В ходе Великой Отечественной войны и в послевоенные годы наметилась тенденция к идеализации и облагораживанию политики царизма. Одновременно тема российско-кавказских отношений в XVI-XVIII вв. стала разрабатываться в контексте внешней политики России [6, 136].

Приметной особенностью советской историографии с 1950-х гг. стало стремление оценить вклад, сделанный всеми народами СССР, в историю страны и в мировой исторический процесс. На смену прежним взглядам пришла идея о прогрессивной роли присоединения народов к России. Широкий резонанс получила теория их «добровольного вхождения» в единое централизованное государство. В основе трансформации отмеченных точек зрения, как утверждает К.Ф. Дзамихов, лежали политические и социальные причины [7, 149]. К концу 70-х гг. все еще сохранялись основные концептуальные положения, выработанные в предшествующий период.

Работа всесоюзных научных конференций конца 1980-х гг. [8] продемонстрировала, что, во-первых, резко усилился общественно-политический резонанс выступлений профессиональных историков; во-вторых, внутри научного сообщества наметилась явная идеологическая и политическая дифференциация; в-третьих, происходит масштабная переоценка фактов, явлений и процессов российской истории.

В постсоветский период Г.Х. Мамбетов, Б.К. Мальбахов и К.Ф. Дзамихов, используя достижения отечественной науки, в своих исследованиях разрабатывают концепцию военно-политического союза Кабарды с Россией (середины XVI – 70-е гг. XVIII в.) [6, 144].

Учитывая сложившуюся историографическую ситуацию и вклад ученых в изучение данной проблемы, считаем, что наиболее целесообразным и ло-

гичным представляется вариант разделения исторической литературы, посвященной проблемам взаимоотношений народов Центрального Кавказа и России в XVI-XIX вв., на три периода: дореволюционный, советский и современный.

В дореволюционный период развития историографии (вторая половина XVIII в. – начало XX в.) шел процесс накопления источников по истории Кавказа, были собраны сведения об исторических связях местных народов с Россией, об их политическом, социально-экономическом строе, материальной и духовной культуре. Внутри данного периода можно выделить два этапа: первый – вторая половина XVIII в. – 1860-е гг., связан с активизацией на Кавказе деятельности Академии наук, с экспедициями путешественников и военных историков в период Кавказской войны; и второй – конец 1860-х – начало XX вв., связанный с деятельностью новых научных обществ России, появлением новых серийных и периодических изданий, увеличением количества и качества публикаций по исследуемой теме. Особое значение в деле публикации исторических сведений о народах Кавказа, в частности о российско-кавказских взаимоотношениях, имели крупнейшие газеты, журналы, ежегодные периодические издания: «Терские ведомости» (Владикавказ), «Кубанские войсковые (областные) ведомости» (Екатеринодар), «Сборник сведений о кавказских горцах» (Тифлис), «Терский сборник» (Владикавказ), «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (Тифлис, Махачкала), «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии» (Ставрополь) и мн. др. [9, 36]. На колоссальную роль «журналистики в истории исторической науки» обратила внимание М. П. Мохначева, утверждавшая, что «журналистика в XIX столетии была основным каналом информационного обмена в России» [10, 41]. В имперский период были заложены основы отечественного кавказоведения, накоплена обширная источниковая база для дальнейших научных исследований в области российско-кавказского исторического взаимодействия.

Советская историография (начало 20-х – конец 80-х гг. XX в.) характеризуется отсутствием методологической альтернативы в исторической науке, развивавшейся в рамках одной марксистской парадигмы, и отражает связанные с подобными условиями ее существования достижения и недостатки. В советский период шло дальнейшее развитие отечественной науки, сформировалась национальная историческая школа, появились первые обобщающие труды по истории каждого северокавказского народа, был изучен целый корпус исторических и историографических источников по проблеме русско-кавказских взаимоотношений в прошлом. Советскую историческую науку также можно разделить на два этапа: 1920-е – середина 1950-х гг.; вторая половина 1950-х – 1980-е гг. Подобная периодизация обусловлена внешними и внутренними факторами развития советской историографии по вопросам исторического взаимодействия России и народов Кавказа, главными из которых явля-

ются смена исследовательских подходов к освещению истории русско-кавказских отношений и эволюция политических установок существующей власти.

Для третьего периода развития отечественного кавказоведения (конец XX в. – первое десятилетие XXI в.) характерно становление методологического плюрализма в исторических и историографических исследованиях. В науке сформировались новые методы и исследовательские подходы в изучении проблемы взаимоотношений России и народов Северного Кавказа в XVI-XIX вв. Здесь также можно условно выделить два этапа: первый – конец 1980-х – 1990-е гг., характеризующийся реорганизацией старых и созданием новых научных учреждений, методологическим поиском в отечественном кавказоведении; и второй – первое десятилетие XXI, связанный с установлением относительной организационной и методологической стабильности в науке.

Главным критерием данной периодизации является возникновение новых историографических фактов и историографических источников, которые демонстрируют причины и степень актуализации и начало очередного этапа научного осмысления проблемы российско-кавказского исторического взаимодействия.

Данная периодизация, как и любая другая, является достаточно условной, поскольку каждый исследователь устанавливает собственные критерии, позволяющие выделить ключевые этапы развития исторической науки по той или иной проблеме, определить их хронологические рамки и основное содержание.

Примечания:

1. Кузьминов П. А. Эпоха преобразований 50-70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в новейшей историографии. Нальчик, 2011.

2. Колесникова М. Е. Изучение Северного Кавказа в России во второй половине XVIII – начале XX в.: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.09. Ставрополь, 2011 // URL: <http://www.dissercat.com/content/izuchenie-severnogo-kavkaza-v-rossii-vo-vtoroi-pолоvine-xviii--nachale-xx-v> (дата обращения: 31.10.2015).

3. Колесникова М. Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. Ставрополь, 2011.

4. История Дона и Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 года / Под ред. Н. В. Самариной, А. В. Щербины. Ростов-на-Дону, 2001 // URL: http://hist.citl.cc.rsu.ru/Don_NC/XVI-XIXbeg/Koncepc_istoriogr.htm (дата обращения: 31.10.2015).

5. Дзамихов К. Ф. Историография и политико-правовой анализ взаимоотношений России и народов Северного Кавказа в XVI – первой половине XVIII вв. Ч. 1 // Известия КБНЦ РАН. Нальчик, 2007. № 3. Ч. 2. С. 108-117.

6. Дзамихов К. Ф. Адыги: вехи истории. Нальчик, 2008.

7. Дзамихов К. Ф. Историография и политико-правовой анализ взаимо-

отношений России и народов Северного Кавказа в XVI – первой половине XVIII вв. Ч. 2 // Известия КБНЦ РАН. Нальчик, 2007. № 4. Ч. 1. С. 147-156.

8. «Национальный вопрос и межнациональные отношения в СССР: история и современность» – круглый стол редакции журнала «Вопросы истории». 20-23 февраля 1989 г.; «Российское многонациональное государство: формирование и пути исторического развития» – Совещание, организованное институтом истории СССР АН СССР. Звенигород. 20-24 ноября 1989 г.

9. Кузьминов П. А. Эпоха реформ 50-70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в дореволюционном кавказоведении. Нальчик, 2009.

10. Мохначева М. П. Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII-XIX вв. М., 1998. Т. 1.

МУРАТОВА Е. Г.,
дин, профессор КБГУ им. Х.М. Бербекова
МАКИТОВА Л. Б.,
магистрант КБГУ им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик)

ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ: СТАТЕЙНЫЕ СПИСКИ XVII ВЕКА О БАЛКАРИИ И БАЛКАРЦАХ

Статья содержит источниковедческий обзор статейных списков русских посольств XVII века в Грузию. Осуществлен систематический анализ всех сведений, содержащихся в этих источниках, о связях балкарцев с соседними народами и Русским государством в это время. Представляется важным создание единого электронного архива посольских книг, включающего как электронные версии уже опубликованных памятников, так и оцифрованные архивные документы.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Балкария, балкарцы, источники, источниковедение, статейные списки, XVII век.

The article presents a source study review of XVII-th century Stateyny Lists of the Russian embassies in Georgia. All the evidence of these sources about Balkarians and their connections with neighbor peoples and Russian state are systematized and analyzed. It is very important to create a single electronic archive of Ambassadorial books, including both electronic versions of already published collections and digital archival documents.

Keywords: North Caucasus, Balkaria, balkarians, sources, source study, stateyny lists, XVII-th century.

Отчеты русских послов XVI-XVII вв. являются одним из важнейших источников для реконструкции истории народов Северного Кавказа этого периода, поскольку дипломатические контакты России с Персией, Грузией и другими странами Востока осуществлялись через этот регион. Статейные списки послов представляют собой обширные письменные отчеты, в которых они подробно, день за днем, в хронологической последовательности отмечали свой путь. Участники дипломатических миссий со всей скрупулезностью очевидцев фиксировали мельчайшие события, происходившие по дороге, записывали, с кем встречались, о чем говорили, кто оказывал им содействие, а также делали отметки о выполнении данных им поручений.

Документы фонда «Сношения России с Грузией» Российского государственного архива древних актов в свое время получили широкое освеще-

ние благодаря публикациям С. А. Белокурова [1] и М. А. Полиевктова [2], [3]. Ставшие уже историографической классикой работы Н.И. Веселовского [4], Д.С. Лихачева [5], Е.Н. Кушевой [6], Н.Г. Волковой [7], в которых показаны источниковые возможности и роль этого вида делопроизводственной документации для исследования истории народов Северного Кавказа, в последнее время пополнились статьями О.Б. Бокаревой [8], Е.Г. Муратовой [9], Ф.Х. Гутнова [10] и других авторов. Эти работы демонстрируют информационные возможности посольской документации для исследования отдельных вопросов этой обширной темы. Что касается работы Ф.Х. Гутнова, раскрывающей историю народов Северного Кавказа на материалах статейных списков, то здесь нельзя не согласиться с замечанием о автора о «мизерной источниковой базе» [11, 7], которая затрудняет исследование истории балкарских обществ XVI-XVII вв., при этом «в условиях почти полного информационного вакуума «не приходится пренебрегать и упоминаниями таких событий, которые в интересующем нас плане могут быть интерпретированы только гипотетически» [12, 97]. Поэтому еще раз специально остановимся на фрагментарных сведениях о Балкарии и балкарцах, которые встречаются в статейных списках русско-грузинских дипломатических миссий и могут быть интерпретированы в контексте истории этих горских обществ.

Определенный интерес представляют статейные списки посольства 1639-1640 гг. Ф. Елчина и П. Захарьева в Дадианскую землю, где в мельчайших подробностях описан путь послов из Кабарды в Грузию через территорию балкарских обществ. Природные условия горного края произвели неизгладимое впечатление на путешественников: «А в Дидьянскую землю из Олегуккиной Кабарды путь тесен, горы непроходимые, а конной дороги отнют нет, а пешия ходят з горям. А промеж гребней лежит снег от зачатья свету; каторой год снег идет, и тот себе слоюм обледенев и лежит, а которые снеги старые от прежних лет, и те лежат позеленев, аки турской купороской» [13, 225]. Этот источник широко привлекается исследователями при обсуждении дискуссионного вопроса о локализации балкарского и карачаевского субэтносов в середине XVII в. [14, 171], [15, 50], [16, 43].

С точки зрения истории Балкарии несколько более информативно выглядят статейные списки посольства А.И. Иевлева [17] и Н.М. Толочанова [18], посетивших Имеретию в 1650-1652 гг. Из этих источников становится известно, что первоначально дорогу в Грузию вместе с посланниками имеретинского царя Александра разведать астраханский толмач Иван Тезиченок, пройдя в январе 1651 г. намеченный посольством путь через заснеженные кавказские перевалы и прожив два дня в Балкарии. До Балкарии его проводил Зазорук мурза и передал под опеку балкарским мурзам Алибеку, Чеполу и Андабулу (дядьке Канбулата Черкасского). Последние проводили вестников уже до имеретинских деревень. Посетив царя Теймураза, Иван Тезиченок той же дорогой вернулся назад. Однако из Имеретии они добирались до Балкарии десять дней «потому что снеги велики». В послании царя Таймураза, находившемуся в то время в Рачи у своего зятя имеретинского царя Александра, к по-

сланникам царя Алексея Михайловича было написано, чтобы они подождали на Тереке до весны. А как дорога откроется, то ехать им необходимо к мурзам Алибеку и Айдабуле (Андабуле) в «Болхары». Именно там он намеревался встретить царевых послов и государеву казну, ссылаясь на то, что далее Балкарии он ехать не может, «потому что не его владение».

15 апреля посольство Никифора Толочанова и Алексея Иевлева двинулось с Терека. С ними отправились и грузинские послы, им в провожатые терские воеводы дали стрелецкого сотника Михаила Молчанова с 50 стрельцами, 60 новокрещеными и 30 окочанами. А Канбулат Пшимахович Черкасский прислал двух своих узденей, чтобы проводить посольство до Анзоровой Кабарды. 30 апреля, достигнув Анзоровой Кабарды, Толочанов и Иевлев послали впереди себя к Теймуразу с вестью толмача, которого до «Болхар» провожали балкарские владельцы Хабим (Хабитин) и Бута. Достигнув Балкарии уже на следующий день, толмач пробыл там два дня, а затем двинулся в грузинскую землю. Вслед за ним 17 мая посольство Никифора Толочанова и Алексея Иевлева также прибыло в Балкарию. В дороге их наряду с кабардинскими мурзами сопровождали балкарские владельцы «Алибек да Чаполов с братьями и детьми», а новокрещены и окочане вернулись назад. Московские послы сообщают, что путь был весьма труден: ночевали в горах, с большим трудом переправлялись через горные реки, навьюченные лошади падали в пропасть, государеву казну Иевлев и Толочанов везли на своих лошадях, а сами шли пешком. Источник сообщает, что в Балкарском обществе русских и имеретинских послов балкарские мурзы приняли с честью, разместили по своим домам. При этом московские послы уточнили, что «те мурзы не под государеву рукою, живут сами о себе». Такой статус позволил балкарским владельцам просить «государево жалованье» в обмен на обещание проводить послов и государеву казну до Грузии. В отчете о денежных расходах посольства сообщается, что трем балкарским мурзам за оказанные услуги было выдано по три аршина красного сукна, дорогой шелковой ткани и по соболу на 10 рублей. Тем временем в Балкарию прибыли гонцы с грамотами от грузинских царей и с ними двести сорок (по другому документу 273) человек, которые пешком должны были переправить послов и государеву казну через горы в Грузию. 1 июня посольство двинулось через снежные перевалы, и до тех мест их вновь провожали балкарские владельцы «Алибек да Чеполов с братьями и с детьми; и из под-гор воротились к себе в Болхары».

Выполнив дипломатическую миссию в Грузии, в октябре посольство Иевлева и Толочанова возвращалось домой той же дорогой. При этом следует отметить, что Балкария была тем пограничьем, где осуществлялась передача послов что называется «с рук на руки». И там же в Балкарии, русские послы намеревались встретить и проводить до Москвы внука Теймураза, которого тот обещал отправить ко двору московского царя. Дорога через Главный Кавказский хребет тогда представляла значительные трудности для посольств и неизбежно приводила их в тесное соприкосновение с окрестным горским населением. Самым надежным средством обеспечения безопасного проезда в

зоне Большого Кавказа был наем проводников. Главной обязанностью проводников, помимо хорошего знания местности, являлось обеспечение неприкосновенности провожаемого лица или посольства, охрана находившихся при путниках материальных ценностей и подыскание ночлега. Институт «проводничества», воспринимавшийся как услуга, компенсируемая жалованием или подарками, играл важную роль в традиционном обществе и способствовал развитию политических контактов.

Подробности о балкарцах, участвовавших в русском посольстве В. Жидовинова и Ф. Порошина 1655 г., становятся известны благодаря публикации В. Б. Виноградова, содержащей ссылки на Российский государственный архив древних актов [19, 176]. Сведения посольской документации хорошо дополняются и проверяются грузинскими источниками, опубликованными в «Переписке на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 по 1770 гг.». На основе этих свидетельств могут быть реконструированы некоторые эпизоды российско-грузино-балкарских отношений XVII в.

25 марта 1655 г. посольство, возглавляемое В. Жидовиновым и Ф. Порошиным, выехало из Терского городка и в начале апреля находилось в Кабарде у мурзы Камбулата Пшемаховича, откуда 14 апреля двинулись в «Болхары». До «Болхарской щели» (Черекского ущелья) их провожала мать Камбулата – Бабасупх. Там послов приняли «болхарского владельца Еидабуловы дети Енбулат да Тазы да болхарский владелец Ян...» (имя последнего в источнике неразборчиво). Они стали проводниками на дальнейшем пути к Главному Кавказскому хребту. Через горы посольство провожал Енбулат (Женбулат), «сын болхарского владельца Айбабула». Посольская документация, согласуясь с имеющимися грузинскими источниками, сообщает, что перед тем отправиться в обратный путь, молодой балкарский таубий был крещен в Кутаиси Имеретинским царем Александром. Русские послы Жидовинов и Порошин были приглашены на торжество и смотрели, как царь Александр крестил «Женбулата, сына балкарского владельца Айдарбулова. Послы худо видели сей церковный обряд, по причине отдаления от того места, где совершалось крещение, и многолюдной толпы любопытных» [20, 61]. Факт крещения члена влиятельной балкарской фамилии имеретинским царем можно расценивать как серьезный политический шаг, рассчитанный на перспективу балкаро-грузинского союза. С этой точки зрения можно говорить о собственном содержании балкаро-грузинских контактов, не всегда зависящем от «русского» и «кабардинского» факторов.

Итак, далеко еще не вся посольская документация, в том числе касающаяся связей с Грузией в XVI-XVII вв., опубликована. Особенно это касается первичной дипломатической документации, которая также сохранялась в архиве приказа наряду с посольскими книгами.

Огромное значение для ориентирования в таком сложном историческом источнике, как посольские книги, особенно для начинающих исследователей, принадлежит базе данных, разработанной Н. М. Рогожиным и А. А. Богуславским [21]. База данных содержит информацию по истории из-

учения и публикации посольских книг; представляет состав и содержание посольской документации, хранящейся в РГАДА; дает возможность реконструировать утраченные книги и первичный состав сохранившихся книг; а также включает практически исчерпывающую библиографию по теме, сформировавшуюся к концу 1990-х гг. Представляется, что для дальнейшего источниковедческого анализа этого важнейшего документального комплекса весьма важно создание единого электронного архива посольских книг, включающего как электронные версии уже опубликованных памятников, так и оцифрованные архивные документы. Определенная работа в этом направлении уже ведется на платформе «Восточная литература», там, например, размещены сетевые версии таких изданий как «Статейный список посольства в Имеретию 1650-1652 гг., составленный Алексеем Иевлевым» [22], «Статейный список посла Толочанова в Имеретию 1650-1652 гг.» [23] и ряд других документальных коллекций Посольского приказа по истории русско-грузинских отношений XVI-XVII вв., имеющих огромное значение для изучения истории народов Северного Кавказа, в целом, и балкарцев, в частности.

Примечания:

1. Белокуров С.А. Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадианскую землю. 1639-1640 // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1887. Кн.2.

2. Полиевктов М.А. Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию, 1650-1652. Тифлис, 1926.

3. Материалы по истории русско-грузинских взаимоотношений. 1615-1640 / Сост. М. А. Полиевктов. Тбилиси, 1937.

4. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией: В 3 т. / Под ред. Н. И. Веселовского. СПб., 1890-1892.

5. Лихачев Д. С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI-XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954.

6. Кушева Е. Н. Северный Кавказ и международные отношения XVI-XVII вв. (Обзор материалов русских архивов) // Исторический журнал. 1943. № 1.

7. Волкова Н. Г. Статейные списки русских посольств XVI-XVII вв. как этнографический источник // Кавказский этнографический сборник. Вып. 6. М., 1976.

8. Бокарева О. Б. Посольские книги по связям России с Персией первой половины XVII в. // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 7 (50).

9. Муратова Е. Г. Русские делопроизводственные материалы XVII века о Балкарии и балкарцах // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 1.

10. Гутнов Ф. Х. Осетия в статейных списках русских и грузинских посольств конца XVI – середины XVII вв. // Всероссийские миллеровские чтения. 2014. № IV.

11. Гутнов Ф. Х. Северный Кавказ в статейных списках конца XVI – середины XVII в. // Известия СОИГСИ. 2015. Вып. 16 (55).
12. Батчаев В. М. Балкария в XV – начале XIX века. М., 2006.
13. Путешествия русских послов XVI-XVII вв. Статейные списки. М.-Л., 1954.
14. Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е гг. XVII вв.). М., 1963.
15. Алексеева Е. П. Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. Черкесск, 1963.
16. Анчабадзе Ю. Д., Волкова Н. Г. Этническая история Северного Кавказа в XVI-XIX вв. Серия «Народы Кавказа». Кн. I. Вып. 27. М., 1993.
17. Статейный список посольства в Имеретию 1650-1652 гг., составленный Алексеем Иевлевым. Тбилиси, 1969.
18. Статейный список посла Толочанова в Имеретию 1650-1652 гг. Тбилиси, 1970.
19. Виноградов В. Б. Балкарцы в русско-кавказских отношениях XVII века // Вопросы истории. 1985. №6.
20. Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 по 1770 гг. СПб., 1861.
21. Рогожин Н. М., Богуславский А. А. Посольские книги России конца XV – начала XVIII в. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/Posolbook/PosolBook.html#d110001>
22. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVII/1640-1660/Posolstvo_levleva/text1.htm
23. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVII/1640-1660/Posolstvo_Tolocanova/text1.htm

III. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

А. С. МИКСЮК,
кин МГЭИ
(Минск, Республика Беларусь)

РОЛЬ ОГНЯ В АВЕСТЕ

Статья посвящена изучению роли огня в раннем зороастризме на материалах Авесты. Рассматривается эволюция образа огня в Гатах и Младшей Авесте, описываются ключевые характеристики огня, его место в ритуале, особые правила поведения в связи с сакрализацией огня. Исследование основано на оригинальных текстах Авесты.

Ключевые слова: Авеста, зороастризм, огонь, ритуал, жрец.

The article is devoted to the role of the fire in early Zoroastrianism on the data of the Avesta. The evolution of characterization of the fire in the Gathas and the Younger Avesta is described. The key characteristics of the fire, its place in the ritual, special rules of conduct in view of the sacralization of the fire are considered. The research is based on Avesta's original texts.

Keywords: Avesta, Zoroastrianism, fire, ritual, priest.

Почитание стихий – огня, воды, земли и воздуха – составляет важный элемент, вероятно, практически всех существующих вероучений. Зороастризм, одну из древнейших религий, отличает особое отношение к стихиям. При этом наибольшее почитание среди стихий зороастрийцы оказывают огню, в связи с чем их нередко (и некорректно) называют «огнепоклонниками».

Широко известны зороастрийские храмы («храмы огня»), в которых священнослужители круглосуточно поддерживают священный огонь. Наиболее древние из таких храмов существовали на территории Ирана, Индии (Гуджарат), Азербайджана, Центральной Азии. Подобные храмы существовали в эпоху Ахеменидов и упоминаются в античных и древнеперсидских источниках [1]. Кроме того, судя по результатам археологических раскопок в Туркменистане (страна Маргуш, Бактриано-Маргианский археологический комплекс), храмы огня могут быть датированы концом III-II тыс. до н.э. (храмовый комплекс Гонура, Тоголок-21) [2, 27]. Таким образом, почитание огня в данном регионе восходит, по меньшей мере, к индоиранскому периоду [3, 304]. По этой причине особенно интересной представляется реконструкция представлений об огне и связанных с ним ритуалах в древнейшем письменном источнике по истории зороастризма и Центральной Азии – Авесте.

В Авесте огонь обозначается словом *ātar-*. Данным словом называется как сам огонь, т.е. одна из священных стихий, так и божество огня, его персонафицированный образ. Вместе с тем, отметим, что статус огня в иерархии авестийских божеств до конца не ясен. К тому же, между положениями Старшей Авесты (Гаты) и Младшей Авесты существуют значительные расхождения. Так, в Гатах огонь действует не как самостоятельная, независимая сила, но является одним из проявлений или инструментов бога Ахура Мазды (Ясна 30, 5; Ясна 31, 3; Ясна 34, 4; Ясна 36, 6; Ясна 43, 9), а также орудием Последнего Суда (Ясна 32, 7; Ясна 51, 9). В свою очередь, в Младшей Авесте огонь становится отдельным божеством, которое даже может проявлять человеческие эмоции (Яшт 19, 48), существованию которого угрожают силы зла (змей Ази-Дахаку, дэвы) и которое борется за право обладания хварно, воплощения силы и могущества (Яшт 19, 46-50). Примечательно, что такой образ огня встает преимущественно в Яштах, сакральных гимнах, посвященных божествам авестийского пантеона.

При этом отметим, что в Яштах одним из имен бога Ахура Мазды называется *vərəzi.saoka*, т.е. «действенное пламя» (Яшт 1, 15). Таким образом, несмотря на свою самостоятельность, в Младшей Авесте огонь продолжает оставаться в тесном взаимодействии с Ахура Маздой как главным божеством авестийского пантеона. Кроме того, огонь связан с Ашой, т.е. «истиной», «порядком» (Ясна 31, 3; Ясна 34, 4; Ясна 43, 9; Ясна 46, 7; Ясна 62, 9). Так, подчеркивается, что жертва огню (*zaοθra*) должна подноситься строго в соответствии с правилами Аши (Видевдат 18, 70-71).

В отношении огня в Авесте употребляются различные эпитеты-характеристики:

- *sraēštā kəhrpəm kəhrpā*, т.е. «наиболее прекрасное из всех тел» (Ясна 36, 6);
- *ahurahe mazdā puθra*, т.е. «сын Ахура-Мазды» (Ясна 0, 11; Ясна 17, 11; Ясна 59, 11; Ясна 62, 1-2, 4; Ясна 71, 22; Висперад 7, 5);
- *suxrā*, т.е. «красный», «блестящий» (Ясна 31, 19; Ясна 51, 7);
- *urvāzištā*, т.е. «наиболее приятный» (Ясна 17, 11; Ясна 59, 11; Яшт 13, 85);

- *vāzištā*, т.е. «наиболее быстрый» (Ясна 17, 11; Ясна 59, 11);
- *spəṭtā*, т.е. «святой» (Яшт 13, 85) или *spəṇištā*, т.е. «наиболее святой», «святейший» (Ясна 17, 11; Ясна 59, 11);
- *vyāxana*, т.е. «красноречивый», «заметный» (Яшт 13, 85);
- *bərəzisaṇhā*, т.е. «высокопроцветающий» (Ясна 17, 11; Ясна 59, 11);
- *vohu.fryānā*, т.е. «благодружественный» (Ясна 17, 11; Ясна 59, 11).

Как видно из списка, все эти характеристики носят исключительно положительный оттенок (многие прилагательные – в превосходной степени сравнения), что отражает представления создателей Авесты об огне как о сакральной стихии и объекте почитания.

В ходе ритуала огонь выступал, как правило, в двух ролях:

- как «средство передачи жертвы по адресу», сопровождающее принесение жертвоприношение какому-либо божеству авестийского пантеона (Ясна 43, 9);

- как непосредственный «адресат ритуала», т.е. тот, к кому зывали жрецы (Ясна 62); к примеру, принесение жертвы огню входило в ряд бытовых очистительных ритуалов (Видевдат 12, 2; Видевдат 18, 70-74).

Отдельные исследователи при этом подчеркивали преувеличение роли огня в исследовании зороастрийской традиции. Так, Э. Дроуэр на основании изучения ритуала ясны (авест. *yasna*) у парсов пришла к выводу о том, что основным элементом, наделяемым сакральной силой, являлась вода, а огонь использовался только для сопровождения ритуала ароматом благовоний [4, 89].

Тем не менее, роль огня в культовой практике была, несомненно, велика. Об этом говорят в частности термины, которые используются в Младшей Авесте для обозначения священнослужителей. Слово *ātar-* является составной частью, по меньшей мере, двух терминов: *āθraṇan*, *ātravaḥša*.

Термин *āθraṇan* достаточно часто встречается в Авесте и является, по всей видимости, собирательным термином, обозначающим любого представителя жречества. Еще с XIX в. исследователи Авесты связывали происхождение данного термина с огнем: термин образован от слова *āθra* (некое действие, связанное с огнем: горение, зажигание и т.д.) при помощи суффикса деятеля *-van-*. Таким образом, *āθraṇan* может означать «зажигающего огонь» или «поддерживающего огонь». Как видим, непосредственные обязанности жреца связаны с использованием огня в ритуале.

Термин *ātravaḥša* также происходит от слова *āθra* и корня *vkš-* («расти»), что позволяет перевести термин как «вращивающий огонь». Данный термин упоминается в Младшей Авесте в группе из 8 жрецов, которые выделяются по своим функциям (конкретным техническим действиям) в ритуале ясны, ключевом ритуале Авесты и зороастризма. Жрец, обозначаемый данным термином, являлся ответственным за зажигание и поддержание священного огня, произнесение сакральных слов в ходе ритуала (Висперад 3, 6), а также отвечал за чистоту трех сторон алтаря, где находился ритуальный огонь (Нирангистан 73). М. Хауг сравнивал ритуальные функции данного жреца с обязанностями *agnīdhra* в Ведах [5, 280-281].

Поскольку огонь являлся священной стихией, в отношении него действовали особые предписания. В первую очередь, они касались ритуального огня, которого не должны были касаться ни рука человека, ни его дыхание. В облачении жрецов была предусмотрена специальная повязка, закрывающая лицо – авест. *paītidāna* (Яшт 5, 123; Видевдат 14, 8; Видевдат 18, 1). Поддерживался ритуальный огонь специально предназначенными для этого, высушенными и особым образом очищенными дровами (Ясна 62, 10; Видевдат 18, 19-22).

В Авесте особо перечисляются принадлежности, необходимые для разжигания и поддержания огня: *aēsmti* (дрова), *baoidi* (благовоения), *piθvi* (особая пища), *upasaṇeni* (подставка) (Ясна 62, 2), а также некие неопределенные предметы *uaoždāni* и *garətmō.skarana* (предположительно, метелка и щипцы), *ātrə.vazanəm* (круглое приспособление), *tašəm tiži.dārəm tiži.žnūtəm* («топор с острыми краями, заостренный»), *vadəm tiži.bārəm tiži.žnūtəm* («пила с острыми краями, заостренная») (Видевдат 14, 7).

Одним из основных правил, касавшихся проведения авестийских ритуалов, являлось строгое соблюдение точности действий. Разумеется, оно распространялось и на действия, связанные с ритуальным огнем. Так, в Авесте отмечается, что дэвы и те, кто им поклоняется, неправильно обращаются с огнем: кладут на огонь не подходящее растение *harəṛəsi* и сырые дрова (Яшт 14, 55).

Уже упомянутый храмовый культ огня, существующий и у современных зороастрийцев, а также сами храмы в Авесте не упоминаются. Британская исследовательница зороастризма М. Бойс высказывала предположение, что храм огня мог упоминаться в Видевдате (Видевдат 8, 81) [6, 455]. Однако, во-первых, в данном фрагменте храм прямо не называется, используется слово *gātu* (*gātav-*), которое дословно переводится как «место». Во-вторых, даже если предположить, что под этим словом подразумевается именно храм, вероятно, этот единичный случай нельзя рассматривать в качестве убедительного доказательства существования храмов огня в авестийском обществе.

Огонь являлся священной стихией, следовательно, почитался вне зависимости от того, с какой целью его зажигали: будь то ритуальный или домашний огонь. А значит, на использование огня в быту распространялись те же требования поддержания его чистоты, что и в ритуале. Повседневное использование огня детально регламентируется в Видевдате, где уделяется особое внимание случаям загрязнения и очищения. Отмечается, что все, что может загрязнить огонь, должно удаляться от него на расстояние от 20-ти (Видевдат 17, 4) до 30-ти шагов (Видевдат 5, 46-48). В Видевдате подробно рассматриваются случаи возможного осквернения огня и описываются действия, которые необходимо совершить, чтобы очистить огонь. Так, загрязнение огня мертвой материей считалось не искупаемым грехом (Видевдат 7, 25) и каралось смертью (Видевдат 8, 74).

В целом, отметим, что Авеста уделяет огромное внимание огню и его роли в жизни человека. Перечисляя счастливые места на земле, бог Ахура Мазда вторым таким местом называет дом праведного человека «с огнем, коровой,

женой, детьми, добрыми стадами», авест. āθravat̥ gaomavat̥ nāirivat̥ puθravat̥ hvāθβavat̥ (Видевдат 3, 2).

Подводя итоги, отметим, что

– огонь, несомненно, являлся одним из важных элементов культа, сопровождавшим проведение практически всех ритуалов (бытовых ритуалов, ритуалов почитания отдельных божеств, ритуала ясны);

– образ огня в Авесте прошел эволюцию от атрибута Ахура Мазды в Гатах до независимо действующего божества в Младшей Авесте, которое само является адресатом жертвы;

– представление о том, что огонь является священной стихией, привело к созданию специфического облачения для жрецов и особого кодекса поведения для обычных людей, направленного на защиту огня от всего нечистого.

Примечания:

1. Boyce M. ĀTAŠ // Encyclopaedia Iranica. Электронный ресурс. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/atas-fire> (дата обращения 25.01.2016).

2. Сарияниди В. И. Задолго до Заратуштры (Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане). М., 2010.

3. Мейтарчян М. Почитание стихий в зороастризме // Человек и природа в духовной культуре Востока / сост. Н. Фомина. М., 2004.

4. Drower E. S. The Role of Fire in Parsi Ritual // The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1944. Vol. 74, № 1/2.

5. Haug M. Essays on the Sacred Language, Writings and Religion of the Parsis. London, 1907.

6. Boyce M. On the Zoroastrian Temple Cult of Fire // Journal of the American Oriental Society. 1975. Vol. 95.

Ф. О. АБАЕВА,
кфн, снс СОИГСИ
(г. Владикавказ)

ЛИМИНАЛЬНЫЙ МОТИВ В СВАДЕБНОМ ОБРЯДОВОМ ТЕКСТЕ ОСЕТИН И ГРУЗИН

В статье в этнолингвистическом русле даётся анализ терминов семиотических кодов свадебной обрядности осетин и грузин, образующих ритуальный текст; семантики и символики ритуалов; мотива перехода; лиминальности участников обряда и ритуалов, с ними связанных.

Ключевые слова: обрядовая лексика, символика, ритуальный текст, лиминальность, свадьба.

An analysis of the terms of the semiotic codes of Ossetian and Georgian wedding rites constituting the ritual text on the ethnolinguistic aspect is given in the article. Semantics and symbolics of the rites; the motif of transition; the liminality of the participants of rites and ceremonies associated with them.

Keywords: ritual lexis, symbolics, ritual text, liminality, wedding.

Известно, что сходство явлений традиционно-бытовой культуры соседствующих народов прослеживается на различных уровнях. В. С. Уарзиати отмечал, что именно грузины являются «ближайшими и древнейшими соседями» осетин [Уарзиати, 1990:127], и продолжительное культурно-историческое взаимодействие этносов не могло не отразиться на их семейной обрядности, включая обрядовую свадебную терминологию как важнейшего объекта этнолингвистических исследований.

Термин «лиминальность» впервые был введён Арнольдом ван Геннепом для обозначения одной из фаз обрядов перехода (напр., свадебный обряд – Абаева), во время которых человек, лишившись прежнего статуса в обществе, пребывает какой-то промежуток времени в пограничном / пороговом состоянии, чтобы потом обрести новое место в социальной структуре [Геннеп, 1999]. Лиминальный мотив проходит через весь свадебный цикл.

В. С. Уарзиати считал, что «факты двуязычия всегда сопутствуют культурным контактам, которые в итоге ведут к аккультурации и ассимиляции» [Уарзиати, 1990:129]. Данное положение даёт основание выявить схожие черты в свадебной обрядности двух народов.

Мотив перехода демонстрирует специфическую связь между обрядовой реальией и обрядовым термином. Для обрядовой лексики характерна теснейшая связь с **акциональным** кодом обряда, без знания которого невозможна

её интерпретация. Лиминальная символика, соотносимая с названиями ритуалов кода обрядовых действий, напр. осет. **сиахсы хуынд** *приглашение зятя*, в котором функции и роль персонажей, в нём участвующих, определяется оппозиционно с предсвадебным термином **сусæгцъд**, букв. тайный визит, *посещение зятем дома невесты до свадьбы*. Мотивирующими основами перечисленных терминов являются лексемы **хонын**, букв. звать и **цæуын**, букв. идти, которые переходят в существительные **хуынд**, букв. приглашение и **цъд**, букв. визит (приход) в составе словосочетаний, составляющих наименование обрядов и образующих семантику перехода.

Посещение женихом дома невесты до свадьбы и в послесвадебный период вместе с невестой **дедопали** известно и в свадебной обрядности грузин. Жених **непе** наносил визит перед свадьбой в дом невесты, где в составе участников свадебного сговора груз. **мачанкали, мацикули, машвали, марджакели** давал денежный залог **беи, бе, белга** отцу невесты.

Преодоление промежуточного состояния, в котором пребывает невеста, когда её приводят в дом жениха, часто сопровождается ритуалом *подмены невесты*: осет. **чындзæмбæхст** (букв. прятание невесты). По словам наших информантов, вплоть до 90-х гг. XX века в г. Ардон он активно практиковался. О существовании такого ритуала в грузинской свадебной обрядности нам не известно.

Жених и невеста в контексте предсвадебного периода и осетин, и грузин, безусловно, являются центральными участниками обряда. Изменение статуса невесты символически осмысливается как *смерть*, т.е. пребывание её в «полночной» (северной) стороне – в мире мёртвых, это есть необходимое условие её перехода в новое состояние. Происходит умирание в прежнем качестве и рождение в новом. Лексемы, обозначающие невесту в разные периоды, демонстрируют эту переходность. Термин, обозначающий девушку, достигшую возраста, когда можно выходить замуж, т.е. *девушку на выданье* **чындздзон чызг** – переходит в **куринаг чызг** – *девушка, которую сватают*. Термины, относящиеся к девушке, – **куырд чызг** *просватанная девушка* (определение образовано по действию глагола **курын сватать**) и **куырдуаты бадæг** уже *просватанная, обручённая*, – актуальны именно в предсвадебном периоде осетин. Эти термины, как и понятие **чынды цæуæг**, досл. «идушая замуж», демонстрируют лиминальность главного участника обрядового акта.

Лиминальными персонажами в свадебном обрядовом тексте прежде всего являются невеста и жених, затем уже остальные участники обрядовых действий (родители, шафер, дружки), которые также приобретают в процессе обряда новый статус.

Одним из первых инициационных моментов, связанных со свадебным обрядом, можно считать вступление девочки-ребёнка **саби-чызг** в тот возраст, когда её начинали обучать традиционному рукоделию и ведению домашнего хозяйства, она становилась *девочкой-девушкой* **чызг**. На лексическом уровне можно проследить следующие изменения: **саби-чызг** – **чызг**. Также известен термин **æрыгон чызг**, т.е. девушка предпоздкового, по-

граничного возраста, которая уже практически вступила в сватательный период, но всё же для свадьбы остаётся пока молодой, что подтверждается словами информанта: *Мой цауыл нæ кæны? Нырма æггæр æрыгон чызг у.* – Почему не выходит замуж? Она пока слишком молода. Следующие термины **чындздзон чызг, мойгæнæг чызг** – определяют девушку того возраста, в котором она уже может быть просватана; данные словосочетания маркируют статус девушки на выданье.

Актуальными в описании свадебного лиминального мотива являются названия: определения невесты в свадебных песнях раскрывают идеальный образ девушки, выходящей замуж: **рæсугъд хъæбул** красивое дитяtko; **раджы бадаг** рано встававшая; **хурау худаг** смеявшаяся подобно солнцу; **стъялыйау æртттивгæ** сияющая, как звездочка; **райсомæй раджыстаг** рано встававшая; **изæргæй æрæгмæхуыссаг** поздно ложившаяся; **буц чызг** изнеженная дочь; **уатгæнæг** постель расстилавшая; **уатисæг** постель застилавшая; **дондзау** воду носившая; **æнæзивæг чызг** расторопная дочь; **æхсæв артнуæрдæг** вечером огонь золой прикрывавшая; **райсом артгæнæг** утром огонь разводившая; **бæрзонд мæсыг** высокая башня; **худгæ хур** смеющееся солнце; **фынг аразæг** на стол накрывавшая; **кæрт фæлгонцгæнæг** двор убиравшая; **гæрстæ æхсæг** вещи стиравшая; **иту æвæрæг** одежду гладившая; **лыстæг хуыйаг** мелкими стежками вышивавшая; **кæрты фидауц** украшение двора. Отмечаем, что описания девушки в песнях матери, которые поются в отчем доме по приезду поезжан, произносятся в *прошедшем времени*. Это, по нашему мнению, символизирует «умирание» девушки для её родителей, а также её переходный статус, предполагающий её возрождение в доме жениха **цæргæн бынат** дом, в котором она живёт (имеется в виду постоянный дом) (ср., **райгурæн хæдзар**, букв. дом, где родилась).

Одними из ярких примеров воплощения лиминального состояния в обрядовом свадебном тексте осетин являются так называемые «невидимость» жениха и «умирание» невесты во время свадьбы. Проявление такой функции, как «невидимость» в контексте брачного церемониала, имеет свои особенности. Присутствовать на свадьбе жених не имеет права и, как правило, находится в доме своего друга. Тем самым реализуется бинарная оппозиция «свой» – «чужой». Символически это трактуется так: жених и невеста находятся в разных мирах, противопоставленных друг другу, что, на наш взгляд, иллюстрирует матриархальные корни; подобное поведение жениха символизирует невидимость «чужого» локуса (жениха) в локусе «умирающей» (невесты), уходящей **навсегда** в его мир [Абаева, 2013:174-175].

И в обрядности грузин отмечены ритуалы, связанные со скрыванием жениха на свадьбе, что практиковалось лишь до начала XX века в отдельных районах Грузии [Волкова, Джавахишвили, 1982:134] и, в принципе, было редкостью, поскольку молодых обычно усаживали вместе за отдельный стол во время свадебного пиршества.

Одним из общих мотивов в грузинской и осетинской свадебной обрядности является *мотив круга*, который в описываемых далее обрядах сочетается

с мотивом *лиминальности*. Круговое вращение присутствует во всех важнейших обрядах свадьбы, воплощающих брачную символику. Троекратное обведение невесты по солнцу вокруг *очага* груз. **кера** или вокруг опорного *столба жилища* груз. **деда-бодзи** имеет место как в свадебной обрядности грузин, так и осетин. Выполнение такой церемонии означало прощание невесты с родным очагом и приобщение её к очагу рода мужа. [Дзлиева, 2012; 172] У осетин: *шафер* **къухылхæцæг** ведёт невесту в центр дома, обводит её *три* раза вокруг находящегося там *очага* **артдзæст**, затем в правую руку берёт чашу пива, в левую – *три* ритуальных *треугольных* пирога **æртæдзыхæттæ** и произносит молитвословие. После молитвы он ударяет *три* раза ножом или кинжалом по надочажной цепи **рæхыс**. Такие удары по железу железом носили апотропейный характер в переходном моменте, и также символизировали закрепление произнесённого молитвословия и завершение ритуала (прощание с отчим домом и приобщение к дому мужа). Удары, которые имитировали гром, высекали искры и поэтому, на наш взгляд, обладали некой сакральностью, связанной со свадебным *мотивом созидания*, сотворения нового.

В свадебной обрядности грузин отмечена стойкая традиция, сохранявшаяся до конца XIX в., – пребывание невесты после свадьбы в доме её отца (редко у родственников мужа) от 4-х месяцев до года (но не более). На наш взгляд, в этом прослеживается инициационный аспект такого ритуала, поскольку за этот период обе стороны могли психологически адаптироваться к изменениям, произошедшим в их жизни, что, прежде всего, касалось невесты. Возможно, это связано также с пережитками матриархальных отношений, а именно с матриликальным браком.

Лиминальный персонаж характеризуется тем, что он, не перейдя в новый статус, уже не находится в старом, пребывая в т.н. «зоне пограничности». В связи с этим он не только сам является объектом, подверженным опасности (напр., порче, сглазу), но также представляет некую угрозу для окружающих и воспринимается обществом с долей осторожности и со страхом. Например, *ритуал закрывания лица невесты* **хыз бынмæ æруадзыны фæтк** её братом перед выводом девушки из отчего дома (вступление её в пограничное пространство), обусловленными двумя аспектами.

Прохождение лиминального периода знаменуется, *во-первых*, обрядом *снятия фаты* у осетин **хызисаны фæтк** и у грузин ритуалом *лицезрения невесты* **пириссанахави**; *во-вторых*, обрядом первого вывода невесты за водой **доныскъæфæн** [Кусаева, 2014; 149-150]; и *в-третьих*, рождением первенца. Данные три обрядовых этапа, на наш взгляд, маркировали свершение перехода невесты в статус молодой невестки, новой хозяйки, матери.

Понятие *лиминальность* тесно связано с запретами, имеющими место в свадебной обрядности как грузин, так и осетин. Так, например, в семейном быту заметное явление представлял обычай избегания, сущность которого заключалась в запретах различного рода, которые налагались на женщин и мужчин в различных бытовых ситуациях. Например, у грузин, окончатель-

ное преодоление «границы» было отмечено рождением первенца, где лиминальный мотив реализовался в *разговорном запрете умдзрахоба*; об этом пишет и Л. Т. Соловьёва: невеста «не имела права разговаривать со свёкром, свекровью и братьями мужа до рождения у неё ребёнка, и иногда в течение нескольких лет муж был вынужден отвечать за свою жену, тогда как она могла объясняться только жестами» [Соловьёва, 1995:9]. Понятие *умдзрахоба/хмисмалва*. (букв. открывать свой голос) обозначает такой запрет, при котором невеста могла разговаривать с родителями и родственниками мужа *через третье лицо*, которым обычно выступала женщина. Наиболее строго соблюдался запрет на разговоры невестки со свёкром и старшими родственниками мужа. У осетин при подобном разговорном табу, которое называется *уайсадын*, невеста передавала свои слова мальчику-ребёнку, младшему племяннику, которому ещё не исполнилось 14 лет, поскольку в этом возрасте он уже переходил в статус юноши и имел право принимать участие в военных походах.

Грузинский обряд *бохчисмитана* – подношение невесте полного комплекта свадебного платья – имел также лиминальную функцию, поскольку одежда имеет знаковый характер, в особенности обрядовая. В данном случае она знаменует обретение / восстановление формы, облика и статуса по завершении лиминального («порогового») периода.

Предметного кода свадебного обрядового текста, реализующего лиминальный мотив в церемониале касается такая реалья, как груз. *бидзасджвари* – *деревянный крест* с насаженными на него яблоками, воткнутый в *свадебный пирог бедисквери*, букв. хлеб счастья (готовили специально для невесты, замешивая тесто на меду), который ставили на стол перед молодыми; у осетин, – это *свадебное деревце дзуар* (букв. крест), которое также было крестообразной формы, с насаженной на него курицей, подвешенными к нему фруктами, орехами, конфетами.

Своеобразным «помощником» преодоления невестой лиминального состояния является её приданое: груз. *сатавно* – капитал невесты, приданое, выраженное в денежной форме; груз. *мзитеви, джеиз (месхет.)*, *начулаш* (сван.) – термины, обозначающие приданое невесты, которое состоит из комплектов одежды, постели, ковров, кухонной утвари и т.д. Термин, связанный с институтом приданого осетин *чынды дзаумэттæ*. букв. вещи невесты идентичен груз. *мзитеви/джеиз/начулаш*.

Обрядовой реальей, способствующей «смягчению» лиминальности главных лиц свадебного текста, мы считаем калым – осет. *ирæд*, груз. *урвади*.

И в грузинской, и в осетинской традиции мы встречаем аналогичных обрядовых персонажей, в функциях которых также присутствует лиминальный мотив: «*махаробели*, посылавшийся вперёд, оповещал о приближении свадебной процессии» [Волкова, Джавахишвили, 1982:122]. Персонаж *махаробели* (груз.), букв. вестник счастья/ гонец существовал и у осетин – *хонæг гонец*, которого за неделю до свадьбы снаряжали и отправляли со стороны невесты в дом жениха. Функция его заключалась в следующем: сообщить сто-

роне жениха день, когда они могут приехать за невестой и оповестить по составленному списку лиц, приглашённых на свадьбу.

Грузинские этнографы показали детальное совпадение прав и обязанностей *шафера* осет. *къухылхæцæг*, груз. *эджибэ* и осет. *æмдзуарджын* дружки груз. *мэджварэ* кума на свадьбе [Меликишвили, 1979:175]. Обрядовый персонаж *мэджвари*, исполнявший функции кума, известный в быту горцев Восточной Грузии известен также и под названием *хэлистомк'идэ*, букв. *берущий за руку*. Способ образования и семантика данного обрядового термина на свадебного текста грузин полностью совпадает с равнозначным ему осетинским термином персонажного кода брачного обрядового текста осетин *къухылхæцæг*, букв. *державший/берущий за/под руку*. Так, в свадебном обрядовом тексте осетин и грузин «со стороны жениха участвуют в основном два лица – шафер и кум» [Урзиати, 1992:130]. Их функции совершенно идентичны и именуются они одинаково, возможно, перечисленные обрядовые термины являются взаимным калькированием.

Итак, результаты исследования показали, что символы лиминальности присутствуют на протяжении всего свадебного обряда, начиная со сватовства груз. *мачанклоба*, осет. *минагварттæ æрвитыны фæтк*, грузинского обряда *нишноба* обручение, осетинского *фидыд* свадебного сговора, собственно свадьбы груз. *корцили*, осет. *чызгæрвыст* свадьба в доме невесты / *чындзхаст* свадьба в доме жениха и заканчивая послесвадебным циклом в свадебном обрядовом тексте грузин и осетин, причём, в первую очередь, они связаны с персонажем невесты – у осетин, и с женихом и невестой (молодыми) – у грузин.

Схождения, выявленные в структурно-типологических характеристиках свадебного обрядового текста грузин и осетин, также как в лиминальном мотиве, воплощённом в нём, позволяют судить не только о близких географических контактах, но и о сходстве явлений в традиционно-бытовой культуре соседствующих народов.

Примечания

1. Абаева Ф.О. Обрядовый свадебный текст осетин (лексика, семантика, символика): монография. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2013. 251 с.
2. Волкова Н.Г., Джавахишвили Г.Н. Бытовая культура Грузии XIX-XX веков: Традиции и инновации. М., 1982.
3. Геннеп А, ван. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М., 1999. 198с.
4. Дзлиева Д.М. Песни «Алай» в осетинской свадьбе: к проблеме генезиса и типологии // Фольклор: историческая традиция и современные полевые исследования. Материалы Четвертой международной научной конференции памяти А.В. Рудневой. М.: Научно-издательский центр «Московская консерватория», 2012. С. 172-180.

5. Уарзиати В. С. Культура осетин: связи с народами Кавказа. Орджоникидзе: Ир, 1990. 190 с.
6. Соловьёва Л. Т. Грузия. Этнография детства. М.: Наука, 1995. 139 с.
7. Меликишвили Л. Ш. Некоторые стороны осетинского свадебного ритуала // КЭС, V, вып. 2. Тбилиси, 1979.
8. Кусаева З. К. Обряд как сюжетобразующий компонент в осетинской «Нартиаде» // Материалы II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Осетинский язык в условиях глобализации». Москва, 17-18 ноября, 2012.

Б. А. БИТИЕВ,
аспирант СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ПОХОРОННЫЕ ОБРЯДЫ В ЗАРИСОВКАХ М. С. ТУГАНОВА

В данной статье автор рассматривает похоронные обряды осетин, которые нашли отражение в творчестве М. С. Туганова. Раскрывается смысл старинных обрядов, запечатленных М. С. Тугановым в его этнографических зарисовках. На основе проведенного исследования раскрывается малоисследованная сторона деятельности основоположника осетинской живописной школы – М. С. Туганова.

Ключевые слова: осетины; похоронные обряды; этнографические зарисовки; Махарбек Сафарович Туганов; похороны; сжигание пороха на груди покойника; посвящение коня покойнику; скачки в честь умершего.

In this article the author would like to consider Ossetian funeral rites through M. S. Tuganov oeuvre. It reveals the meaning of ancient rituals, which has managed to capture the M. S. Tuganov, through its ethnographic sketches. On the basis of the study revealed unexplored aspect of activity of the founder of Ossetian picturesque school – M. S. Tuganov.

Keywords: Ossetians; funeral rites; ethnographic sketches; Maharbek Safarovich Tuganov; the funeral; burning gunpowder on the chest of the deceased; dedication to the dead horse; jumps in honor of the deceased.

Народный художник Северной Осетии Махарбек Сафарович Туганов как выдающийся мастер кисти известен в нашей стране. Однако творческая деятельность этого удивительного человека не ограничивалась живописью; его исследовательские интересы распространялись также на фольклористику, историю, археологию и этнографию. В данной статье будут рассматриваться этнографическая сторона творчества М. С. Туганова, который проявил себя тонким знатоком традиций и обычаев своего народа.

Махарбек Сафарович Туганов родился в июне 1881 года в с. Дур-Дур Северной Осетии. Отец Махарбека – Сафар Аслан-Гиреевич был высококультурным человеком. Отец его матери Асиат – Гацир Токаевич Шанаев был одним из первых собирателей осетинского фольклора [1]. Несмотря на аристократическое происхождение, М. С. Туганов воспитывался с соседними крестьянскими детьми. Это непосредственное общение с простыми тружениками, чистота и искренность во взаимоотношениях его отца с крестьянами сказались впоследствии на мировоззрении художника [2].

Исследователя заинтересовали, в первую очередь, похоронные обряды. У Махарбека Сафаровича целая коллекция зарисовок, посвященная похоронным обрядам. Будут рассмотрены следующие зарисовки: «Скачки в честь умершего»; «Сжигание пороха на груди покойника»; «Похороны»; «Посвящение коня покойнику». Эти рисунки очень информативны, так как Туганов жил на рубеже веков и он еще застал старинные обычаи и обряды.. Много времени уделялось художником поездкам по горным ущельям, где собственно и делались зарисовки. Именно Туганову мы обязаны тем, что эти обряды дошли до нас. Помимо сказанного, этнографические полотна Туганова выполняют важную познавательную-эвристическую и воспитательную функцию [3, 243; 4, 302].

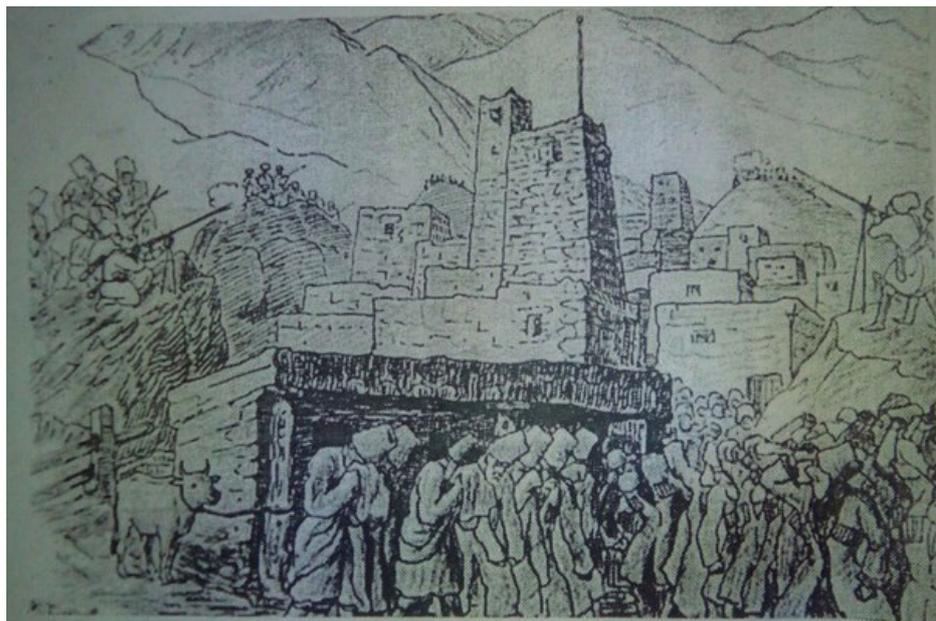
В данной статье рассматриваются некоторые похоронные обряды, нашедшие отражение в творчестве Туганова. Автор планирует показать малоисследованную сторону творческой деятельности основоположника художественной школы Осетии М. С. Туганова.

Цель работы: этнографическое исследование означенных зарисовок М. С. Туганова.

Рассмотрим обряды по мере их проведения.

1.»Похороны»

Когда в семье случается большое горе – смерть близкого человека, то по старинным обычаям к ним на помощь приходят соседи. В доме начинаются приготовления к поминкам, оповещаются близкие и дальние родственники. Во всех подготовительных мероприятиях наиболее важная роль отводится соседям, так как у нас развита соседская взаимопомощь.

После обязательного омовения покойника его одевают во все новое с головы до ног; платье начинают шить, как только безнадежность больного становится очевидной. Такое платье / костюм называется маэрддзаг.

До дня похорон покойник остаётся на скамье в доме. Женщины становятся вереницей и в такт бьют себя по щекам, причитая. Затем одна из женщин нараспев приговаривает, а другие отвечают ей всхлипывниями и истерическим плачем.

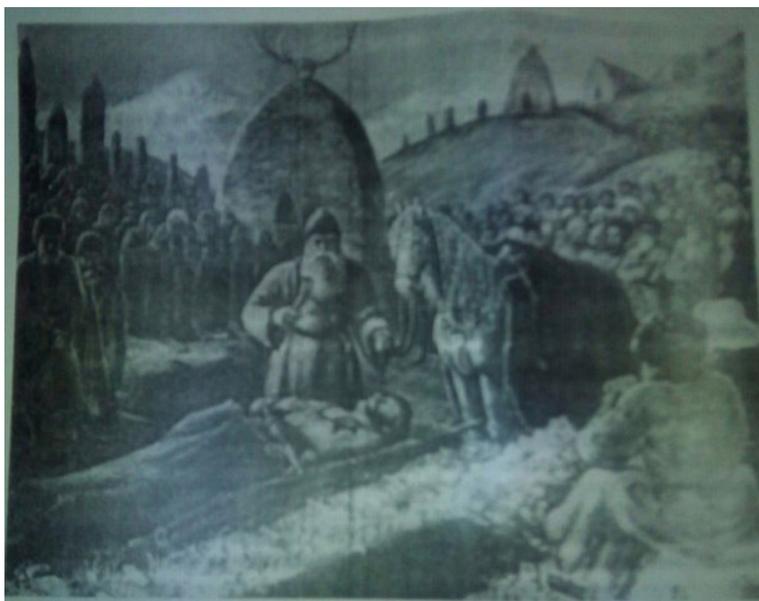
Мужчины собираются во дворе и также имеют свой установленный порядок для выражения скорби. Они попарно приближаются к дому, с изготовленными для этого обряда плетями и, переступив через порог, бьют себя этими плетями через голову по голой шее. Выходя, они передают плети другой паре и т.д. Малознакомые с домом покойного выражают свое соболезнование более просто – с опущенной головой и руками они тихо вступают во двор покойника и, простояв с минуту неподвижно, делают левой рукой печальное приветствие. Их благодарят, и они примыкают к общей массе людей [5].

Похороны проходят на третьи сутки и сопровождаются поминками. Во все время около покойника не прекращается плач женщин, а во дворе не уменьшается число мужчин. Утренние посетители сменяют бодрствовавших всю ночь. Какая бы пора не была, при вести о покойнике каждый считает своей обязанностью бросить работу и отдать последний долг усопшему.

Вынос тела происходит всегда до захода солнца. Несут тело по 4 или 6 человек на плечах.

Наша задача сохранить обычаи предков, но в тоже время отказаться от излишеств, смерть – тяжелая боль для семьи усопшего, и поэтому нужно, чтобы положение семьи не усугубляли пышные поминки.

2. «Посвящение коня покойнику».

Обряд посвящения коня является позднейшей трансформацией умерщвления и захоронения коня вместе с его хозяином. Посвящали коня только мужчинам. Данный обряд является одной из скифо-осетинских параллелей, который немного трансформировался со временем.

У скифов данный обычай соблюдался следующим образом: «В обширном пространстве, населенном скифами, в могилы погребают, предварительно задушив его, коня...» [6]. Но скифы населяли обширные степные пространства и имели большие стада лошадей, в отличие от осетин, населявших горные территории. Последние чисто физически не могли разводить большие стада лошадей, поэтому коней не убивали, а лишь посвящали.

У осетин данный обряд происходил следующим образом. Уважаемый человек – бæхфæлдисæг (посвятитель) произносил речь, демонстрирующую уверенность в том, что посвященный конь будет обслуживать покойника в потустороннем мире. (Обряд посвящения и сопутствующий ему текст наделены магическим содержанием. Мертвец на своем коне проскочит невредимо через мост, отделяющий рай от ада. Мудрость древних проявляется здесь в убежденности воздаяния покойному как за добрые, так и за дурные деяния [7, 125]). Коню наносили три удара косою, которую вдова брала с груди покойного и передавала посвятителю со словами: вот и плеть для покойника. Нанося коню удары, посвятитель и родственники произносят: «Да будете вы оба – конь и плеть – посвящены одному покойнику» [8, 86].

В дополнение к посвящению коня вдова покойного отрезала себе косу, тем самым принося клятву верности покойному мужу. Это означало, что она не имела право вторично выйти замуж за кого-либо. Отрезанную косу клали на грудь покойнику, и она должна была служить плеткой покойнику на том свете. Тем самым прослеживается параллель со скифскими обычаями.

После окончания речи посвятитель три раза обводил коня в полном уборе вокруг могилы и затем узды вновь клал в руки умершего. По убеждению народа, с этого момента покойник будет иметь коня на том свете. Затем посвятителю подавали на овчине ячмень и в деревянной чаше пиво; ячменем он кормил лошадь, а чашу разбивал о ее голову или копыта, а обломки бросал в могилу. Посвященному коню отрезали правое ухо и клочок волос с гривы и бросали в могилу. В последующем такого коня использовали исключительно для верховой езды и ни в коем случае не использовали в хозяйстве. Считалось большим позором, если такого коня продавали, а еще хуже – посвящали другому; в таком случае первый покойник оказывался без коня.

Данный обряд бытовал еще в начале 20-го века. Сейчас уже не соблюдается.

3. «Сжигание пороха на груди покойника».

Обряд сжигания пороха на груди покойника связан с арийским культом огня. Совершался он только над мужчинами. Данный обряд проходил следующим образом: ставили дощечку на грудь покойника, насыпали порох и поджигали его. По одной версии, этот обычай означал, что так покойника очищали от его земных грехов. По другой – репрезентируется как обычай гадания, по которому определяли, достоин ли человек места в раю. Если усопший был чист перед Богом, за свою земную жизнь творил добро, то место ему – в раю/дзѣнѣт, и на это указывал дым, который был направлен вверх. Если же дым уклонялся (вправо или влево), то покойник считался грешником и, по поверьям, попадал в ад/зындон.

Схожие обряды существовали и у прочих индо-иранских народов. Например, у курдов-езидов (приверженцев зароостризма, то есть огнепоклонников) также разводят очищающие костры.

Данный обряд бытовал до 20-30 гг. двадцатого века, пока не началась борьба против устаревших пережитков обычаев и обрядов. К нашему времени данный обряд себя изжил. Сохранился он только благодаря зарисовкам М.С. Туганова.

4. «Скачки в честь умершего».

Помимо угощения многочисленных гостей к поминкам обычно приурочивали конские скачки: большие и малые; конечно же они устраивались только в честь мужчин. Состязались в преодолении препятствий, в ловкости подхвата на скаку, в скачках на длинные дистанции, в эстафетном беге, по преодолению крутых склонов и т.д. Их назначение – способствовать спасению душ покойников, которые к этому времени претерпевают невыносимые муки; скачки устраиваются как выкуп за душу покойника. Они проводились дважды в год. Первые из них проводились по усмотрению хозяев: после Нового года, наутро после Бадэнтæ или в праздник Лауызгæнæн. Эти скачки – малые – имели и второе название – æлæм [8, 272]. Такое название они получили от одноименного предмета, который изготовляли к этому дню. Он представлял собой скрещенные палки, на которых нитками привязывались разные лакомства: орехи, яблоки, конфеты. Впереди всех в сторону кладбища скакал всадник, держа æлæм высоко в руке. На пути всадники пытались сбить с æлæм'а лакомства, которые подбирались бежавшими за ними детьми. Когда добирались до могилы, на æлæм'е оставалось мало лакомств и его втыкали в землю у могилы.

Большие скачки устраивали во время годовых поминок. В них участвовали лучшие наездники своего и соседних аулов. Когда все было приготовлено к скачкам, выбирались судьи из старшего поколения и распределялись участники скачек. Во время скачек всадники старались обогнать друг друга, поднимать на всем скаку с земли вещи. Скакали на большие расстояния. Победитель получал ценный подарок от семьи усопшего.

Малые скачки уже исчезнувший обычай, который практиковался до рубежа революции. Большие же скачки, хотя и в измененном виде, проводятся

иногда до сих пор. Автор сам являлся свидетелем проведения таких скачек. В 2007 году в сел. Майрамадаг, во время годовичных поминок двоюродного дяди – Плиева Валерия Ивановича.

Погребальные и поминальные обряды осетин носили общественный характер и по своей архаичности особо выделяются среди подобных обрядов соседних народов. В этой связи безусловно прав Б. А. Калоев, который отмечал, что «нигде так ярко не проявляется преемственность осетинской культуры от скифо-сарматско и аланской, как в погребальных обрядах и верованиях осетин» [9, 327].

Подводя итоги всему вышеизложенному, необходимо подчеркнуть, что М. С. Туганов удачно сочетал в себе лучшие национальные традиции и светское образование. Жизнь и творчество М. С. Туганова являются примером беззаветного служения своему народу и лишены различных националистических издержек [10; 11]. В общем, уникальность и самобытность творческого наследия М. С. Туганова является результатом колоссального труда, направленного на выявление национального своеобразия в обычаях и традициях Осетии [12].

Этнографические интересы – это лишь небольшая часть творческих изысканий художника, но в этой сфере своей деятельности он оставил огромное поле для дальнейших размышлений и изысканий [1]. Деятельность М. С. Туганова сыграла важную роль в деле накопления этнографических материалов и развития осетинской этнографии.

В данной статье автор попытался осветить лишь малую часть творческого наследия М. С. Туганова, который пытался в своих зарисовках показать и сохранить для потомков все разнообразие осетинских обычаев, традиций, понимая что его поколение является последним, которое застало всю полноту данных старинных обычаев и традиций.

Примечания

1. Уарзиати Вилен. Избранные труды. Кн.1. Владикавказ: Проект-пресс, 2007.

2. Хаким Мусса. Махарбек Туганов – народный художник Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1962.

3. Мамиева И. В. Искусство – источник духовности: об опыте методических разработок по изучению темы искусства на уроках осетинской литературы // Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества материалы II Международной научной конференции, проходившей под эгидой и при финансовой поддержке ЮНЕСКО. 2008. С. 241-244.

4. Мамиева И. В. Принцип поликультурности как проблема современного образования // Теоретические и методические проблемы национально-русского двуязычия. Материалы Международной научно-практической конференции. К 85-летию Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. 2009. С. 301-303.

5. Коста Хетагуров. Полн. собр. соч.: В пяти томах. Т. IV. Владикавказ 2000.
6. Геродот. История в девяти книгах. Кн. четвертая «Мельпомена». Перевод Г.А. Стратановского. Владикавказ 1991.
7. Мамиева И. В. Аивады «бирæвзагон» хъæлæс: дзырд – хуыз – зæл // Мах дуг. 2010. №12. С. 123-136.
8. Чибиров Л. А. Традиционная культура осетин. Владикавказ, 2008.
9. Калоев Б. А. Осетины. 2-е изд. Владикавказ, 2004.
10. Мамиева И. В. Художник и его судьба: Творчество Махарбека Туганова // Мах дуг. 2010. № 11. С. 119-133.
11. Цориева И. Т. Художник на переломах времени (К 130-летию со дня рождения Махарбека Сафаровича Туганова) // Известия СОИГСИ. 2011. № 6. С. 89-98.
12. Человек нашего времени. Материалы творческой конференции // Художник. 1975. №8.

**З. М. КЕШЕВА,
кин ФГБНУ КБИГИ
(г. Нальчик)**

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ТРАДИЦИОННОЙ ТАНЦЕВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ КБР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматриваются трансформационные процессы в традиционной танцевальной культуре народов КБР на современном этапе. Отмечено, что национальные кабардинские и балкарские танцы к настоящему времени значительно изменились. Этническое своеобразие, свойственное этому элементу гуманитарной культуры в существенной степени утрачено. Процесс интернационализации культуры привел к тому, что современная кабардинская и балкарская танцевальная культура стала строиться по общеευропейским образцам.

Ключевые слова: танцевальная культура, традиционные танцы, этническое своеобразие, трансформация, этнографические вечера.

The article deals with the transformation processes in the traditional dance culture of the peoples of the KBR at the present stage. It is noted that national Kabardinian and Balkar dancing by now changed considerably. Ethnic identity, characteristic of this element of humanitarian culture lost to a considerable extent. Culture internationalization process has led to the fact that modern Kabardinian and Balkar dance culture began to build on the Pan-European models.

Keywords: dance culture, traditional dances, ethnic identity, transformation, ethnographic evenings.

В конце XX – начале XXI в. процессы модернизации и глобализации стали оказывать все возрастающее влияние на ход исторического развития. В разных странах подвергаются нивелированию ценностные ориентиры, усиливается процесс деэтнизации ряда народов. Обостряются противоречия между современным и традиционным, нарастают процессы взаимовлияния и взаимопроникновения различных культур, происходит утеря этнокультурной специфики многих народов.

Особенно ярко и интенсивно эти процессы проявляются на Северном Кавказе, уникальном в мультикультурном плане регионе России, где сформировалась своеобразная самобытная северокавказская культура, впитавшая в себя сотни различных этнических культур и традиций [1, 152]. В этих условиях сохранение духовного культурного наследия, одной из составных частей ко-

торой является танцевальная культура, приобретает особую актуальность и значимость.

К. Бюхер, известный немецкий ученый конца XIX – нач. XX вв., автор многочисленных трудов по истории первобытной культуры отмечал, что, находясь в центре общественного бытия, танец не мог не зафиксировать определенным образом материальные и духовные достижения той или иной формации [2,19]. Следовательно, каждая эпоха приспособляла хореографию соответственно своим потребностям, своему уровню духовного развития. Танец и отбирал и закреплял жизненные ситуации, взаимоотношения между обществом и окружающим миром, отражал исконные пространственно-временные ориентиры, сложившиеся в этнокультурном сознании народа под влиянием мифологических, природных и социально-исторических условий жизни этноса.

До Октябрьской революции 1917 г. традиционная танцевальная культура народов КБР не подвергалась значительным изменениям извне и, передаваемая из поколения в поколение, сохранила важнейшие этнокультурные черты народа, являясь ценнейшим этноинформационным источником и культурным памятником.

С течением времени, народная (традиционная) хореография подверглась значительной трансформации. В 1950-е-70-е годы наиболее активным участником танцев являлась молодежь, причем молодые люди шли на торжество без приглашения, за стол не садились, в основном танцевали и пели. Распорядителя танцев – «хатяко», с 1950-х годов практически уже не было. Роль распорядителя, как правило, выполнял друг жениха, следивший за порядком среди молодежи. По традиции, мужчины и женщины сидят за отдельными столами. С конца 1970-х годов за стол стали сажать и молодежь. Таким образом, получалось 3 распорядителя за столами. Контролировал ситуацию, как правило, старший из мужчин, сидевших за столом – «тхэмадэ». Именно он решал, когда гостям следует подниматься и идти танцевать. Со временем эта роль чаще стала доставаться старшей из женщин. Однако следует отметить, что решался лишь вопрос о начале танцев, но непосредственно у джэгу (игрища) распорядителя не было.

Стал ощущаться негативный момент, связанный с тем, что молодежь садилась за столы наравне со старшими. Этот момент практически подразумевал и официальное разрешение для принятия горячительных напитков. Таким образом, интерес к танцам постепенно снижался. Многие молодые люди предпочитали оставаться за столом, нежели выходить на танцевальный круг. Да и те, что танцевали, зачастую не умели этого делать. Исключение составляли участники профессиональных и самодеятельных коллективов, которые, оказавшись на торжестве, старались соблюдать каноны танцевального этикета.

На торжественных мероприятиях в ВУЗах, техникумах, училищах и школах было не принято, а кое-где и запрещалось танцевать национальные танцы. Молодые люди плясали под советские и эстрадные мелодии и эти же движения переносили на традиционный танцевальный круг. Отсюда появлялись и комичные, не свойственные национальным танцам движения.

Если люди старшего поколения старались следовать канонам танцевального этикета, то молодежь зачастую этим пренебрегала. Особенно этот процесс стал заметен в 1970-е-90-е годы. В танце, предусматривающем соблюдение определенного расстояния между танцующими, партнер мог приблизиться к партнерше на довольно близкое расстояние, и даже слегка толкнуть ее. В прежние времена этот проступок рассматривался бы как жесточайшее оскорбление, и человек, допустивший его, мог поплатиться жизнью. Стал нередким явлением и нетактичный способ «приглашения» девушки на танец. Если она отказывалась танцевать по каким-либо причинам, молодой человек мог вытащить ее в танцевальный круг почти насильно. Люди старшего поколения редко делали замечания по поводу неэтичного поведения в танцевальном круге, не проявляли к подобным проступкам, воспринимая их как невинную шалость.

Бурные процессы, происходившие в политической, экономической, социальной жизни Кабардино-Балкарии в конце XX – начале XXI в. не могли не сказаться на развитии национальной культуры и, в частности, хореографической.

С середины 1990-х годов на джэгу помимо традиционной джэгу къафэ стали танцевать осетинские, абхазские и чеченские танцы. Здесь чувствуется влияние самодеятельных коллективов, чей репертуар редко обходится без танцев соседних народов. Поэтому и стали появляться не свойственные национальной танцевальной культуре резкие движения и скачки, подергивание плечами, как у юношей, так и у девушек, хотя традиция предписывала девушкам не менять положение корпуса, плавно перемещать руки и сохранять осанку.

Традиционные танцы были строги и сдержанны, исключали открытое проявление эмоций, но с течением времени возник стереотип восприятия кавказского танца как очень быстрого, несколько агрессивного, с неизменными головокружительными кульбитами и кинжалами. Теперь всеобщее одобрение и восхищение зрителей заслуживают те танцоры, которые изображают в танцевальном круге более головокружительные движения. В настоящее время под «джэгу» подразумевается именно организация танцевального круга и проведение танцев. Народная хореография, тесно связанная с традиционным институтом «джэгу», претерпела значительные изменения.

С течением времени четко отлаженная система управления игрищем была утрачена, но с конца XX- нач. XXI в. стали заметны положительные изменения. Появилась тенденция к тому, что молодежи стало модно и престижно уметь хорошо танцевать национальные танцы. Многие искренне озабочены проблемами возрождения танцевального этикета, некоторые просто хотят себя чувствовать уверенно в танцевальном кругу.

Важным фактором, поддерживающим высокую творческую форму коллективов являются регулярно проводимые в республике смотры и конкурсы. Республиканские смотры проводятся каждые 2 года и являются отчетом достижений самодеятельных коллективов. Сначала профессиональная комиссия просматривает программы всех коллективов в районах, а лучшие

участвуют в заключительном концерте в г. Нальчике. Присваивая звание «народный» взрослым и «образцовый» детским коллективам, комиссия учитывает наличие новых концертных постановок, их художественный уровень, стабильность творческой деятельности. После присвоения звания «образцовый» или «народный», коллектив должен регулярно его подтверждать [3, 168].

В ходе регулярно проводимых смотров и конкурсов особенно наглядно заметны и недостатки. Постановщик, взяв за основу народный танец, может бесконечно развивать его и тем самым создавать новые сценические варианты, но он не должен вносить в танец чуждые элементы, движения, не свойственные этому танцу, исполнять не в том ритме. Нельзя вносить рисунки, искажающие его основу [4].

В видении большинства современных балетмейстеров современный народный танец – это эклектическая смесь самых разнообразных элементов и деталей, взятых из разнородных танцев, хотя художественные руководители стараются опираться на традиционный народный танец, но скорее не в смысле использования аутентичного фольклора, а в плане подражания профессиональным коллективам. Исходя из результатов последних республиканских смотров художественной самодеятельности, можно констатировать, что всё ещё мало самобытных народных коллективов, сохранивших в своем творчестве первозданную чистоту народного стиля. Этот серьезный недостаток в развитии местного искусства был отмечен крупными специалистами по народному творчеству из центра и из-за рубежа при подведении итогов Первого Международного фольклорного фестиваля «Танцы над Эльбрусом» еще в сентябре 1994 г. [5].

Некоторые художественные руководители не предъявляют высоких требований к исполнителям. Они зачастую статичны, зажаты, не следят за руками и корпусом. Конечно же, не следует одинаково строго оценивать работу профессиональных танцоров и любителей, занимающихся танцами в свободное время, но определенные критерии все же должны существовать. Нередко местное телевидение снимало откровенно слабые коллективы, невольно пропагандируя и тиражируя таким образом низкий уровень танцевальной культуры.

Особенно много претензий к внешнему виду танцоров и танцовщиц. Создание сценического костюма превратилось в воспроизведение сильно упрощенных элементов деталей и орнаментов костюма, тогда как создание сценического костюма – это важный вопрос. Нужна серьезная работа по сбору и изучению этнографического материала, анализ композиции и декорировки народного костюма. Отсутствие профессиональных модельеров-декораторов, специализирующихся на создании сценического костюма негативно сказывается на развитии народной самодеятельности. Очевидно, что тяжелые экономические условия, отсутствие финансирования и спонсорской помощи не дают возможности коллективам шить дорогостоящие костюмы. Поэтому многие вынуждены десятилетиями носить один и тот же костюм, пришедший в негодность. Но в любом случае танцоры должны следить за своим внеш-

ним видом, так как, выступая на сцене или с экрана телевизора, они являются носителями танцевальной культуры и этикета, с них берут пример. Довольно часто танцоров можно увидеть во время выступлений без головного убора и пояса, тогда как кабардинцы и балкарцы никогда не танцевали без шапки, а пояс снимали только в момент большого горя [6].

Несмотря на некоторые недостатки в работе самодеятельных коллективов, нельзя отрицать тот факт, что они несут на себе большую воспитательную и обучающую функцию. Через самодеятельные танцевальные ансамбли, студии, школы танцев проходит значительное количество детей, юношей и девушек, а также взрослых людей, желающих научиться танцевать красиво не только на сцене, но и во время торжеств. В 90-е годы появилась тенденция к тому, что среди молодежи стало модно и престижно уметь хорошо танцевать на «джэгу». Многие искренне озабочены проблемами возрождения культуры и танцевального этикета, некоторые просто хотят себя чувствовать уверенно в танцевальном кругу. В любом случае в народной хореографии стали заметны положительные сдвиги.

Заметным событием в культурной жизни городской молодежи явилась организация цикла этнографических вечеров для юношей и девушек столицы Кабардино-Балкарии. Инициативная молодежная группа (З. Шериева, А. Шеожев, Р. Апшев, Э. Мисрокова и др.), обсуждая в Интернете проблемы истории и этнической культуры адыгов, решили, что необходимо организовать джэгу для приобщения молодежи к традиционной танцевальной культуре и этикету. Первый джэгу состоялся в сентябре 2005 года. С мая 2006 года джэгу проводится регулярно один раз в неделю с соблюдением всех канонов игрищного действия. Обычно игрище начинается в 18.00-19.00 и длится 3-4 часа. На него собирается 200-300 человек. После согласования с администрацией г. Нальчика с августа 2006 года место проведения джэгу было перенесено с улицы Карашаева на площадь Абхазии. В планах инициативной группы – подключить к танцам забытые игры, состязания.

В настоящее время на свадебные и другие торжественные мероприятия, предполагающие проведение танцев, стали приглашаться не только профессиональные музыканты и певцы, но и танцоры, которые знают танцевальный этикет и могут по правилам провести джэгу. Во главе танцевальной группы стоит также приглашенный хатяико – распорядитель танцев. Благодаря этим танцорам, чьи услуги, конечно, оплачиваются, в народную танцевальную культуру стали возвращаться забытые традиционные массовые танцы, но приглашение профессиональных танцоров требует определенных финансовых вложений, поэтому их достаточно редко задействуют в свадебных мероприятиях. Чаще всего ограничиваются набором примитивных, но очень популярных у населения мелодий, которые звучат очень громко и быстро. В основном музыкальное оформление, которое должно быть главным украшением торжественного мероприятия и создавать настроение, не продумано и возложено на людей неподготовленных и далеких от настоящих образцов национальной культуры.

Народная танцевальная традиция нуждается в возвращении в обиход красивых круговых танцев. Конечно, современные процессы, влияние танцевальных культур соседних народов не могли не сказаться на традициях народной хореографии, особенно в городских условиях, и это объективная реальность, но необходимо отметить, что соседние кавказские народы лучше сохраняют свою народную танцевальную традицию, и на осетинских и чеченских торжествах, как правило, никто не танцует кабардинские и балкарские народные танцы.

Для недопущения социокультурной облитерации традиционной танцевальной культуры народов КБР требуется принять комплекс мер:

1. Введение в дошкольных и образовательных учреждениях среднего звена специальных занятий по танцевальному этикету и обрядам.

2. Создание регулярных программ по традиционной ценностно-нормативной культуре на радио и телевидении.

3. Цикл публикаций в республиканских СМИ.

4. Обязательное присутствие на торжествах распорядителя танцев – хатяико. Для проведения свадебных, юбилейных и др. торжеств все чаще стали пользоваться услугами профессиональных артистов и тамады, хатяико также должен стать обязательным участником праздничных мероприятий.

5. Организовать регулярный джэгу (еженедельно или 2 раза в месяц) в определенном месте с приглашением участников самодеятельных коллективов с целью пропаганды танцевального этикета. Организаторами могут выступить общественные организации, министерство культуры, энтузиасты. Можно проводить соревнования на лучшую танцевальную пару с вручением призов. Обязательно следует продумать механизм оплаты труда музыкантов, чтобы они были заинтересованы в участии в подобных мероприятиях. Также должен существовать оргкомитет по проведению джэгу для урегулирования возникающих вопросов. Подобные мероприятия уже проводятся, но усилиями отдельных энтузиастов проблему решить невозможно, необходимо принятие целого комплекса мер.

6. Подготовить монографическое исследование с подробным описанием обрядовых торжеств (пошаговое), с иллюстрациями, нотным материалом. В написании данной работы должны принять участие этнологи, фольклористы, музыканты.

Подводя итог настоящему исследованию, мы приходим к выводу, что национальные кабардинские и балкарские танцы к настоящему времени подверглись значительной трансформации. Этническое своеобразие, свойственное этому элементу гуманитарной культуры в существенной степени утрачено. Процесс интернационализации культуры привел к тому, что современная кабардинская и балкарская танцевальная культура стала строиться по образцам общеевропейской поп-культуры. То, что веками народами КБР воспринималось на генетическом уровне, стало стремительно исчезать в бурном процессе культурной и экономической глобализации.

Примечания

1. Кешева З. М. Танцевальная культура кабардинцев как источник формирования современного этнокультурного бренда // Культура и пространство. Книга вторая. Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест. Редакторы: В. К. Малькова и В. А. Тишков. М., ИЭА РАН, 2010.

2. Бюхер К. Работа и ритм М., 1923.

3. Кешева З. М. Указ. соч.

4. Архив КБИГИ. Ф.14. Оп.1. Л.3.

5. Аппаева Ж. Не только источник эстетического наслаждения // Кабардино-Балкарская правда, 1995, 28 февраля.

6.. Мафедзев С. Адыгэ хабзэ – лучшее, что создал народ // Кабардино-Балкарская правда, 1993, 1 мая.

**Р. П. КУЛУМБЕГОВ,
н.с. ЮОНИИ
(ЮО г. Цхинвал)**

ФАМИЛЬНЫЕ ПРАЗДНЕСТВА – «МЫГГАДЖЫ КУЫВД», КАК СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ И ЗАКРЕПЛЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

(Исследования выполнено при поддержке РФНФ, проект № 14-21-13001
«Инновационные ресурсы культурного наследия Северной и Южной Осетии»)

В статье рассматривается традиция осетинского народа – празднование семейного пиршества. Предложена авторская интерпретация древней традиции в контексте теории генетически различных уровней культуры этноса – нижней традиционной и верхней инновационной. Исследуя традиционный уровень семейных пиршеств, автор предлагает анализ бытования обычая в современном осетинском обществе Севера и Юга Осетии, его инновационные ресурсы в социокультурной сфере.

Ключевые слова: традиционная культура, семейное пиршество, ныхас, община, родственные объединения, фамилия, инновации.

The article discusses the Ossetian tradition – the family feast celebration. The author's interpretation of an ancient tradition in the context of the theory of genetically diverse ethnic cultural levels – the bottom traditional and the top innovative is suggested here. Author proposes an analysis of the custom existence in the modern Ossetian society of The North and The South Ossetia, its innovative resources in the socio-cultural sphere, with studying the traditional level of family feasts.

Keywords: traditional culture, the family feast, Nykhas, community, family associations, family, innovation.

В культуре этноса можно выделить два генетически различных слоя: «нижний» (традиционный) и «верхний» (инновационный). В отличие от традиционного, инновационный слой включает в себя новые по отношению к традиции явления. Именно в том, что в любой культуре, хотя и в разной степени, содержатся и традиционный, и инновационный слои, и состоит залог ее развития. В этом контексте культура выступает как единство преемственности и обновления, предполагающее, с одной стороны, использование культурных ценностей, накопленных предками и бережно сохраненных потомками, а с другой, – изменение существующих традиций и отторжение того, что больше

не соответствует духу времени [13].

– Мы легко можем представить себе общество, живущее без или почти без инноваций – таковы все стационарные культуры, но представить себе общество без традиций невозможно. Если традиция является тем архитектурным каркасом, на котором зиждется все здание этноса, то инновация, скорее, представляет собой крышу этого здания. Традиция необходима для самого поддержания существования социума, а инновация – для его развития [1].

При всей своей оппозиционности и традиция, и инновация взаимосвязаны и взаимообусловлены до такой степени, что порой их сложно дифференцировать: ведь ни одна инновация никогда не остается новшеством сколько-нибудь долгое время, точно так же, как ни одна традиция не является традицией априори, а возникает первоначально как инновация.

Именно в умении принимать и усваивать инновации и состоит жизнеспособность традиции. Но для этого нужно время. О том, что инновация превратилась в этническую традицию, можно говорить тогда, когда в памяти членов этноса стирается момент введения инновации, и впечатления об этом событии становятся принадлежностью истории. Органичное принятие обществом новшеств возможно лишь в случае, если инновации вырастают из традиций. Современные общества могут включать немало традиционных элементов, а модернизация способна не только сохранить, но и актуализировать традицию [12].

К объектам культурного наследия, адаптированных к современным условиям и содержащих инновационный потенциал, можно отнести советы старейшин, родственные объединения в форме общественных движений, семейные пиршества, этикетные нормы, традиционные свадебные ритуалы, зрелищные, знаковые обряды жизненного цикла, традиционные игры, развлечения, спортивные состязания и др.

Одним из инновационных ресурсов, основанных на традиции, в системе общественной жизни осетин являются семейные пиршества «мыггаджи кувд». Несмотря на гастрономическую форму наименования, эта практика является инструментом сплочения одной из традиционных ячеек общественной матрицы осетин – фамилии.

В содержании «мыггаджи кувд» само застолье не является главным элементом, определяющим является собрание представителей фамилии в конкретном месте и в конкретное время. Это своеобразный семейный сход. Сегодня семейные празднества (кувд) стали устойчивой традицией в Осетии. Хотя всего несколько десятков лет назад подобные мероприятия еще не носили регулярного характера. Существовали сельские и ущельные кувды, отмечались даты семейных святилищ. Но повсеместной традицией семейные празднества стали только в новое время. Таким образом, перед нами пример инновации, ставшей устойчивой традицией.

Семейные праздники являются частью бытования общественных объединений – семейных ныхасов, которые, в свою очередь, входят в структуру осетинских Ныхасов.

Высшим органом управления в Осетии было народное собрание – Ны-

хас. Слово «Ныхас» в переводе с осетинского языка означает «народное собрание». К нему очень близки по смыслу старые русские названия «собор» и «вече». Народное собрание объединяло людей и было символом единства народа.

Осетинский Ныхас – это многоступенчатая система выборных органов самоуправления. На сельском собрании могли присутствовать все мужчины. Иногда приглашали женщин, известных своей мудростью и жизненным опытом. Преимущественное право голоса имели главы семей. Их возраст не играл решающей роли. И юноша мог представлять интересы своей семьи, если старшие отсутствовали или одряхлели.

В народных собраниях более высокого уровня участвовали выборные представители. Сельские сходы выдвигали депутатов на общий Ныхас своего родового колена (фыдыфырт). Три общеколенных собрания избирали депутатов в Ныхас гражданской общины. А оттуда посылали депутатскую группу в Верховный Ныхас всего общества. Он назывался Стыр Ныхас – Великое народное собрание.

По договору между обществами мог собраться и Стыр Ныхас всей Осетии, но это происходило редко – в случаях серьезной военной опасности или проведения жизненно важных международных переговоров.

Далеко не каждому доверяли представлять интересы народа. От благородства и ответственности депутата зависела честь его семьи, фамилии, селения. Поэтому на высшие ступени народного собрания попадали самые достойные и мудрые люди. Ведь они многократно проходили через гласные демократические выборы.

Ныхас целого общества или отдельной гражданской общины рассматривал дела особой важности: вступление в союзы, объявление войны и заключение мира. Ныхас был законодательным органом, где утверждались единые нормы обычного права.

Сельский Ныхас занимался текущими делами соседской общины. Здесь определяли порядок пользования пастбищами и лесом, сроки полевых работ. Здесь же выбирали ответственных за проведение ежегодного праздника в общинном святилище, назначали руководителей для общественных работ (например, строительства моста или починки дороги). Сельский Ныхас организовывал охрану села и земельных угодий, раскладывал по дворам все общие расходы и т.д. За нарушение постановлений Ныхаса провинившимся грозил бойкот или изгнание из общины.

Осетины называли Ныхасом и само народное собрание, и постоянное место его проведения. В каждом селении для него была отведена особая площадь. Некоторые общины строили для Ныхаса просторное помещение, другие устанавливали широкий навес. Но чаще всего заседания шли под открытым небом. Старшие обычно сидели на каменных сиденьях, расположенных амфитеатром. Младшие стояли вокруг.

Заседания созывались при помощи глашатаев, через них же объявлялись решения. На Ныхас являлись в праздничной одежде и при полном вооруже-

нии. Обязательной нормой поведения была сдержанность, даже конфликтные вопросы обсуждались в спокойной обстановке. Каждый депутат имел право держать речь, но первыми обычно выслушивали авторитетных старейшин. Затем происходило предварительное обсуждение: депутаты беседовали друг с другом, делились своими мыслями, старались выработать общее мнение. Если это не удавалось, то депутаты делились на партии и открывали прения. Выслушав всех ораторов, приступали к голосованию. Странники и противники обсуждаемого решения становились по разные стороны и подсчитывали голоса.

Народное собрание было не только органом управления, но и незаменимой школой нравственности, красноречия, хороших манер, хозяйственного и политического опыта. На сельском Ныхасе мужчины собирались каждый вечер. Здесь рассказывали о дневных заботах, поездке или охоте. Делились трудностями, чтобы получить дельный совет. Жизнь осетина проходила публично, его достоинства и недостатки, добрая слава или позор были известны каждому. Ныхас формировал общественное мнение, одобрял или порицал поступки членов общины. Главным правилом действий Ныхаса была полная гласность. Малейшее подозрение в бесчестных делах сразу обнародовалось и строго разбиралось. Открытое обсуждение исключало интриги и сплетни.

Ныхас служил информационным центром. Туда стекались все новости и приезжали гонцы от ближних и дальних соседей. Побывавшие в походах и путешествиях держали отчет, повествуя на Ныхасе о виденном и слышанном в чужих краях.

На Ныхасе были представлены разные отрасли народной культуры. Старики вспоминали прошлое, передавали новым поколениям устную хронику родной истории. Юноши демонстрировали перед народным собранием свое воинское искусство – владение конем и оружием. Там же устраивались спортивные игры и соревнования. Лучшие певцы и сказители выступали на Ныхасе. Нередко Ныхас поручал сочинение песни, прославляющей героя, а затем заслушивал готовое произведение.

Ныхас выполнял функцию межпоколенной трансляции традиционной культуры, молодежь училась нормам народного этикета, приобретала хозяйственно-экологические познания, понимание своей культуры и истории [2,147]. Следует, вероятно, учитывать и архаику пространственной магии Ныхаса с фигурой сказителя в центре и осуществляемой им на вербальном уровне мироустроительной функцией [5].

Ущельные и общеосетинский ныхасы занимали самые высшие ступени в иерархической системе общественного самоуправления. В зависимости от уровня народных собраний менялся круг рассматриваемых вопросов.

В особо важных случаях организовывался сход представителей всех основных горских осетинских обществ, на котором обсуждались вопросы, связанные с общинными интересами: здесь решались вопросы войны и мира, организации самообороны, здесь же принимались решения о вынесении приговоров изменникам и их бойкота (блестящая иллюстрация сказанно-

му – этнографическое полотно М. Туганова «Куыдзæппарæн къæдзæх» с его экспрессией красок и психологических состояний [6], сюда обращались в тех случаях, когда ныхасы низших иерархических уровней не могли самостоятельно справиться с поставленной перед ними проблемой [14,104].

Таким образом, в традиционном осетинском сообществе Ныхас играл роль своеобразного народного форума, исполняя определенные социальные функции общественной самоорганизации. В настоящее время изменилась форма организации Ныхас, но содержание и цели остаются прежними – регулирование отношений в общественной сфере неформальными методами.

Сегодня в Осетии продолжают существовать различные формы объединений в рамках традиции Ныхас: сельские, районные, дворовые, а также фамильные ныхасы.

Фамильный Ныхас является средоточием работы среди представителей определенной фамилии и не ограничен, в отличие от других ныхасов, территориальной привязкой. Повседневной работой среди фамилии занимается комитет фамильного Ныхаса, а раз в три года проходит общефамильный съезд-собрание «мыггаджы куывд». Здесь подводятся итоги работы комитета фамильного Ныхаса, обсуждаются проблемы, возникающие у представителей фамилии, разрабатываются определенные планы.

В структуре общеосетинской организации «Стыр Ныхас» (Высший Совет Осетин) представлено положение о деятельности фамильных ныхасов. Основной целью и задачами фамильного Ныхаса являются: осуществление пропаганды духовных и нравственных начал в жизни фамилии и осетинского народа в целом; влияние на улучшение взаимопонимания среди членов фамилии, работа с молодежью и родителями по воспитанию молодежи в духе патриотизма, любви к родине, готовности защитить ее в случае опасности; выявление лиц, злоупотребляющих спиртными напитками, наркотическими веществами и нарушающих общественный порядок, проведение с ними индивидуальной работы, привлечение родителей и фамильных авторитетов к воспитанию нарушителей; контроль за учебной молодежи, их культурным развитием и нравственным воспитанием; поддержание связи со всеми соотечественниками, однофамильцами, проживающими в Осетии и за ее пределами. В Осетии общественным структурам ныхас придается решающее значение в деятельности по сохранению морально-нравственных устоев нации, пропаганде веками сложившихся традиций и обычаев, во все времена составлявших основу быта осетинского народа, а также по воспитанию подрастающего поколения и вопросам борьбы с проявлениями экстремизма [10].

Фамильные празднества «мыггаджы куывд» осетин имеют свои традиции. Здесь старшие и младшие могут общаться, знакомиться, веселиться и даже выносить важные решения. Как пример, приведем описание фамильного праздника фамилии Кануковых, состоявшегося в 2012 году.

Познакомиться и пообщаться со своими родственниками вне свадеб и похорон (ведь именно на таких мероприятиях, в основном, и встречаются) хотят

все представители фамилии. Так и появилась идея организовать семейный кувьд. Последний раз Кануковы собирались более 20 лет назад. Дети подросли, молодежь возмужала, и настало время вновь собрать всех вместе. По решению старших, кувьд провели в доме Амурхана Канукова, в селении Кобань (РСО-А), которое считается исторической родиной фамилии. Реализовала эту идею инициативная группа, взявшая на себя организацию проведения кувда. Праздник состоялся высоко в горах, ближе к семейному святилищу-дзуару, куда с трудом поднимаются машины. Здесь собрались не только Кануковы, но также зятья, племянники и другие родственники. На праздник приехали также Кануковы из Кабардино-Балкарии, из города Орел и Франции. Под звуки музыки старшие поднимали чашу пива и молились как в те далекие времена, за мир, спокойствие, благополучие в каждом доме, за красивые традиции и обычаи осетин. Впервые за долгое время старшее и младшее поколения встретились за столом и говорили о важности осетинских обычаев и традиций, о том, как важно быть вместе и поддерживать друг друга. Часто слышались «арфата» (слова благодарности) тем, кто устроил такой поистине настоящий праздник. Специально для детей проводились конкурсы с вручением призов. Особую красоту празднику придал танец на лошади в исполнении Канукова Игоря [3].

В традициях семейных празднеств и решение практических вопросов. Например, во время семейного кувда Кулумбеговых, который в 2015 году прошел в селении Камбилеевка (РСО-Алания), было принято решение создать денежный фонд для оказания помощи ветеранам, немощным и одиноким людям, на лечение больных, поддержку талантливой молодежи. Отельным пунктом было поручено подготовить книгу о фамилии Кулумбеговых.

На семейном празднестве в его официальной части состоялся Совет фамилии. На нем присутствовали представители старшего поколения и люди, достигшие определенных высот в бизнесе, науке, искусстве. Руководство постоянно действующего Совета представило информацию о деятельности организации, было сообщено о том какие достижения были у представителей фамилии, особенно, молодого поколения. При этом был оглашен список представителей фамилии, которые совершили неблагоприятные поступки. По окончании Совета старшие вышли к молодежи, которая уже ждала во дворе дома, и здесь был оглашены решения Совета. Поименно, с указанием имен родителей, были названы молодые люди, отмеченные добрыми делами. При этом тем, кто запятнал авторитет фамилии, было вынесено жесткое общественное порицание.

Уже на самом пиршественном застолье эта же информация была доведена до всех участников праздника. Здесь же почетными подношениями были отмечены те представители фамилии Кулумбеговых, кто отличился важными личными достижениями. Среди них были врач, военный, научный работник и бизнесмен. Подобной практикой не только отмечается положительная деятельность представителей фамилии, но и поощряется стремление к самосовершенству у молодежи.

При проведении семейного праздника Кулумбеговых сложилась еще

одна традиция: местом проведения его попеременно выбирается южная и северная части Осетии. Это важный момент, позволяющий сохранять единство фамилии, вне зависимости от места проживания ее представителей.

В Осетии, как и на всем Кавказе, определяющее значение имеют родственные узы, и фамильное родство, в том числе. Поэтому важно использовать фамильный потенциал для мобилизации сил и возможностей в деле воспитания молодежи, укрепления семьи и генофонда нации; для проведения решительной борьбы против нарушителей обычаев и традиций осетинского народа. Сегодня в Осетии более 2000 фамилий, и это большое поле для практической деятельности.

Необходимо отметить, что воздействие на осетинское сообщество через фамильные каналы коммуникации наиболее эффективно. Как пример, обращение Высшего совета осетин с призывом к фамильным ныхасам оказать содействие в оплате задолженности по оплате алиментов представителями той или иной фамилии [9].

Важную роль общество отводит фамильным объединениям в сохранении культурного наследия Осетии. Многие фамилии начали восстанавливать свои родовые башни. Государство же оказывает содействие в предоставлении всей необходимой строительно-правовой документации, в том числе, и на право владения родовой башней [11].

Фамильные ныхасы обладают неформальными, и как правило, большими возможностями влияния. Но для того, чтобы фамильный фактор стал действенным инструментом, необходимо укреплять фамильную общность. А это должно происходить посредством повседневной деятельности.

Положительные примеры этого есть. Так, комитет по фамильным ныхасам Северо-Западного района г.Владикавказ проводит в этом направлении большую работу.

Фамильные советы были снабжены списками наркоманов, алкоголиков, неблагополучных семей и так далее. Многие фамилии разработали свои программы и работают по ним. Это такие фамилии, как Цаллаговы, Габараевы, Алборовы, Фидаровы, Хугаевы, Джигоевы, Санакоевы, Тедеевы, Томаевы, Багаевы, Газаевы, Цгоевы, Кайтуковы.

Активно работает фамильный совет Цаллаговых. В 1959 году была составлена подробная родословная карта Цаллаговых, которая до настоящего времени используется и постоянно обновляется новыми данными, дополняется. В 1995 году для сплочения и взаимодействия фамилии создан Фамильный фонд Цаллаговых. В 1996 году подготовлена и издана книга-альбом «Фамилия Цаллаговых». В 2001 году издана книга «Цаллаговы: связь поколений». Каждый из членов фамильного совета Цаллаговых курирует определенное направление. Разработан план мероприятий по воспитанию, моральной и материальной поддержке молодежи. Проводятся фамильные празднества «мыгканджы куывд». На них вручаются Почетные грамоты с символикой родового села Цаллаговых – Унала. Студентам и учащимся различных учебных заведений из многодетных и неполных семей назначаются стипендии. В Интернете размещен сайт Цалла-

говых с информацией о наиболее известных представителях фамилии. Организуются групповые посещения выставок, музеев, театров, древних осетинских святилищ, экологические акции и субботники. Воссоздана родовая башня в селении Унал, где планируется создать музейный комплекс фамилии Цаллаговых. Все это – результат работы лучших представителей фамилии, таких, как Артур Цаллагов, Казбек Цаллагов, Юрий, Олег, Виктор и Фатима Цаллаговы, архитектор Сослан Цаллагов и многие другие. [4].

Многолетняя практика показала, что начальные формы самоуправления, как фамильные ныхасы, существенно могут влиять на искоренение негативных тенденций в среде молодежи. Свод правил, отражающий мировоззренческие представления осетин, называемый «ёгъдау», которым руководствуется Ныхас, всегда предусматривал методы воспитательного воздействия на тех членов общества, которые нарушали эти правила. Возможны возражения, что сейчас не домостроевские времена, все изменилось, но ведь никто не запретил наряду с современным правом использовать «ёгъдау», как органически более подходящий нашему народу правовой кодекс.

Необходимо отметить, что, несмотря на указание «фамильный праздник», это важное мероприятие не ограничивается участием представителей только одной фамилии. На него обязательно приглашаются племянники, зятя, представители родственных фамилий «ёрвадёлтё». Последнее понятие охватывает членов широкого родственного объединения, основывающегося на кровном родстве, и имевшими в отдаленном прошлом одного общего предка [7, 77].

На заре возрождения традиции фамильных празднеств в Южной Осетии высказывались опасения, что проведение обособленных празднеств может привести к разделенности социума. Так, житель селения Гуфта Дзауского района РЮО коммунист В. Битиев осудил в прессе проведение фамильного кувда Битиевых, указав на то, что это может обособить фамилию среди других фамилий селения [8]. К счастью, подобные сомнения оказались беспочвенными, и фамильные празднества становятся одной из успешных, инновационных форм развития общественных отношений.

Фамильные празднества, как часть социальной практики, являются примером модернизации традиции на основе инноваций. При этом происходит переформатирование «мыггаджи куывд» из локального мероприятия в инструмент воздействия на социум посредством внутрифамильного и межфамильного общения. Таким образом, перед нами яркий пример воспроизводства и функционирования традиции в современном обществе.

Примечания

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. М., 2004.

2. Канукова З.В. Система внутреннего управления в пореформенном осетинском селе // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа. Нальчик, 1989.

3. Канукова Д. Праздник фамилии Кануковых (Мыггаджи куывд) // Электронный ресурс. Режим доступа: www.ossetia.ru
4. Как осетинские фамилии должны работать с молодежью // Электронный ресурс. Режим доступа: www.Vladikavkas.BezFormata.ru
5. Мамиева И. В. Сказитель в быту и художественном сознании осетин // Эволюция эпической традиции Сухум, 2014. С. 180-191.
6. Мамиева И. В. Аивады «бирæвзагон» хъæлæс: дзырд – хуыз – зæл // Мах дуг. 2010. №12. С. 123-136.
7. Осетинская этнографическая энциклопедия / Ред. Гостиева Л. К., Цаллагова З. Б., Цуциев А. А., Чибиров Л. А. Владикавказ, 2013.
8. «Советон Ирыстон», областная газета, 1 сентября, № 89, 1974 г.
9. «Стыр Ныхас», республиканская газета. Октябрь №28, 2011 г.
10. Там же, Февраль, №2, 2016 г.
11. «15 регион» // Северо-Осетинский информационный портал // Электронный ресурс. Режим доступа: www.region.ru
12. Хантингтон Э. Политический порядок в меняющемся обществе. М., 2004.
13. Чернявская Ю. Народная культура и национальные традиции. Минск, 1998.
14. Чиковани Г. Д. Осетинский ныхас // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1979. Т. 5. Вып. 2.

Т. Т. ДАУЕВА,
мнс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ОСЕТИН В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье прослеживается регламентация общественных отношений в осетинском обществе посредством обычно-правовых норм. Анализируется деятельность института самоуправления, а также рассматриваются методы урегулирования различных видов конфликтов.

Ключевые слова и фразы: осетинское общество, адат, ныхас, обычное право, штраф.

The article analysed the regulation of social relations in the Ossetian society, usually through legal norms. The activities of the institutions of self-government, and deals with methods of resolving various types of conflicts.

Keywords and phrases: Ossetian society, adat, nychas, customary law, the penalty.

Осетинская община в начале XIX века – сложное социальное образование, состоявшее из кровнородственных и территориально-соседских объединений, которые различались по количеству членов и по отношению к собственности. Экономическими основами соседской организации являлись общинное землепользование и общинная взаимопомощь, а важнейшей функцией соседской общины являлась регламентация сельскохозяйственных работ на обрабатываемых землях [1, 108-109].

А. Х. Магометов указывает, что община представляла собой самоуправляющуюся, действующую на основе самоорганизации, автономную группу, выработавшую обычаи, и обеспечивала соблюдение правовых норм. «Самоуправляющийся коллектив – это объединение известным образом связанных между собой людей, которые сами ведут свои дела, разрешают внутренние противоречия, улаживают межгрупповые конфликты» [2, 213].

Каждое осетинское общество было самостоятельным и самодостаточным, в том числе и в правовых вопросах. Стабильность внутри общества являлась необходимым элементом, от которого зависела жизнеспособность целой общины, а любое преступление нарушало привычный ритм жизни общины и держало ее членов в напряжении. Наряду с нормами адата основным регулятором жизни в общине был и целый комплекс этикетных норм, которому каждый член общины должен был строго следовать.

В каждом обществе складывались обычно-правовые нормы, которые регламентировали общественный порядок внутри общества, а также сохраняли внутреннюю устойчивость. В. Б. Пфаф указывает: «Собственно в чисто патриархальном быту обычай вполне заменяет собою право и закон, потому что он вникает так глубоко во все подробности жизни, что при соблюдении всех его правил преступления и правонарушения делаются совершенно невозможным» [3, 187].

Осетинский социум выработал хорошо развитую систему обычного права и суда, регулировавшую взаимоотношения и правопорядок в общине. Осетинская община как самодостаточный социальный организм имела собственную систему руководящих и контролирующих органов своей жизнедеятельности, что сделало ее самоуправляемой и хозяйственно-территориальной единицей социума. Основным регулятором жизнедеятельности общины являлось народное собрание – Ныхас. «В патриархальном ауле, все делается гласно и эта неограниченная гласность имеет весьма благотворное влияние на всю нравственную обстановку жизни. Она предупреждает интриги, сплетни, наговоры, потому что малейшее подозрение в подобных поступках против кого бы то ни было тотчас заявляется громогласно на ныхасе и разбирается столь же строго, как и всякое судебное дело» [2, 222]. На подобных народных собраниях обсуждались возникавшие с соседними обществами конфликты и принимались по ним определенные решения. Вопросы, связанные с примирением кровников, также выносились на Ныхас. По всем вопросам – внешним и внутренним – выносились решения в строгом соответствии с нормами обычного права осетин. Блюстители общественной нравственности, в лице старшего Ныхаса и стариков, принимавших участие в обсуждении вопросов, должны были, в свою очередь, в совершенстве знать народные обычаи. Решения Ныхаса были авторитетны и обязательны для каждого, поэтому старики были облечены всеобщим доверием, которое завоевывалось в обществе честностью, неподкупностью, красноречием и знанием жизни своего народа.

Каждое более или менее значительное нарушение общественного порядка предусматривало штрафные санкции в общественную казну. Так, например, житель одного из селений, Б. был оштрафован на 5 рублей за ругательство [4, 52].

Главенствующее положение в правовых нормах касалось вопросов упорядочения мероприятий, связанных с хозяйственно-экономической деятельностью обществ. Основное внимание в этом отношении уделялось регламентации хозяйственной деятельности всего общества. Если предстояло решить вопрос, когда начать пахоту, то старейшины села, обмениваясь мыслями на ежедневных встречах на Ныхасе, в соответствии с земледельческим календарем и народными приметами определяли наиболее подходящее для этого время. Все хозяйственные работы вне двора: подготовка почвы к пахоте, сев, уборка хлебов, начало сенокоса, уборка и порядок хранения сена, выпас скота, перегон его на летние или зимние пастбища и тому подобное, проводились согласованно, т. е. регулировались общиной, хотя и оставались част-

ным делом каждого. Члены сельской общины на Ныхасе определяли сроки и порядок их выполнения, соблюдение традиционных обрядов (праздников), сопровождавших начало и окончание работ. В результате намечали конкретный срок, после чего крестьяне выходили одновременно в поле [2, 225].

Аналогичным образом регламентировалось сенокосение. Никто не приступал к косьбе самостоятельно, а выходил на работы в одно время и непременно вместе со всеми жителями округа или целого ущелья. Горские осетины не решались косить траву раньше июля, прежде совершения праздника Атынага. По верованиям осетин, раннее начало косьбы влечет за собой гнев святых, насылающих непогоду, жгучую жару и прочие невзгоды, весьма вредные для сенокоса и жатвы. В случае выхода на покос раньше праздника Атынага, нарушитель платил в общественную казну штраф, в размере двух быков [5, 316]. Этот штраф приносился в жертву в праздник.

Весьма интересен обычай, согласно которому общинник еще в первой половине XIX века не имел права выходить на работу в поле или лес в субботу, воскресенье и понедельник. Эти дни считались нерабочими. В случае крайней необходимости это право он искупал у общины устройством угощения для сельских старейшин или платил штраф [6, 143]. Штраф этот назывался по-осетински – ивар.

Сельская община осуществляла также коллективную оборону села, защиту интересов его жителей. Общинники несли в этом одинаковую ответственность. Так, строительство сторожевых башен, общих для всего села, осуществлялось всеми жителями на средства всей общины, и караульную службу они несли в них поочередно. Если из сельского стада грабителями угонялся скот или кто-либо из сельчан подвергался нападению в поле, то по тревоге поднимались все сельчане на его защиту. Сельчане участвовали также в преследовании похитителей девушки из их села, независимо от родства.

Взаимопомощь среди общинников была распространена и в форме взаимных одолжений. Они проникли так глубоко в практику общины и стали таким привычным явлением в ней, что отказать в просьбе соседу считалось фактом, отрицательно характеризующим человека. Подобный отказ вызывал не только обиду просителя, но и осуждение со стороны общества. По этой причине общинник к своему соседу приходил, не допуская мысли, что ему могут отказать в просимом. Этим правом мог в любой момент воспользоваться и тот, кто отдавал. Пренебрегавший же этим обычаем жил среди односельчан на положении отверженного [7, 136].

Основное внимание при урегулировании межобщинных конфликтов обращалось на обстоятельства, при которых произошло преступление. Чаще всего, межобщинные убийства и поранения происходили на почве защиты чести и интересов своего общества. Конфликты по земельным спорам и пограничные разногласия нередко также заканчивались межобщинными убийствами и ранениями.

Распространение российской власти на Кавказе сопровождалось изменениями в административной, судебной, распорядительно-регулятивной

деятельностях сельских обществ Осетии. В 1870 году было утверждено «Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в горском населении Терской и Кубанской областей» [8]. Данный документ отражает реформирование общественного управления сельских обществ Осетии.

Областное правление этим указом определило: «...общества селений Тоборза и Согол должны на общем сходе сказать: кому принадлежит этот участок. Сего числа при сельском правлении они единогласно показали, что спорный участок принадлежит Левану Х.» [9, д. 242, л. 5-9].

Земельный вопрос являлся одним из конфликтогенных факторов в осетинском обществе. Распределением земельных участков, согласно «Положению», занимался сельский сход. Здесь же на сходе выбирались члены общества, которые составляли «межевой комитет». В их обязанность входило распределение и деление необходимых денежных сумм, остававшихся в компетенции сельского общества [8].

Согласие сельского схода требовалось при переселении семьи в другое общество. 1895 года 15 мая сход Даргавского общества в числе 218 домохозяев составил приговор о просьбе жителей селения родных братьев Ельбыздыко, Николая и Вароломея М. о увольнении их из среды для приписки к селению Гизель. «... имея ввиду, что за М. общественных недоимок, казенных и частных взысканий не имеется, поведении как они, так и члены семьи, хорошего, под судом и следствием не состояли и не состоят, вероисповедания православного... Постановили: уволить из среды своей вышеприведенных просящихся лиц для приписки к селению Гизель...» [10, д. 487, л. 23-23 об].

Согласно имеющимся в архиве «общественным приговорам», которые составлял сельский сход, в компетенцию его также входили вопросы о выселении порочных лиц за пределы общества. Так, В 1873 году Кадгаронское сельское общество составило приговор об удалении из своей среды «за дурное и порочное поведение односельца» Дзадзе С. Причем общество просило заключить С. в тюрьму до удаления его из края, находясь на свободе, мог мстить обществу посредством поджога или кражи [11, д. 563, л. 42-42 об].

Касательно вопроса о принятии нового члена в состав общества, община выносила вопрос на сельский сход. Житель именовался «временно проживающим» до тех пор, пока сельский сход официальным документом не подтверждал его включение в состав схода [12, 41].

Серьезный конфликт был между коренными жителями с. Алагир и временно проживающим населением. В 1897 году было подано прошение от доверенных от 250 дворов, временно проживающих в селении Алагир, с просьбой причислить их к данному селению, так как «алагирцы не допускают их при выборах должностных лиц, при отдаче с торгов разных питейных заведений, доход из которых поступает ежегодно достаточная сумма и алагирцы оставляют эту сумму исключительно в свою пользу, а на имеретин и осетин алагирцы делают налоги». В том же году Терское областное правление журнальным определением постановило удовлетворить просьбу [9, д. 15, л. 1; 13,59].

Согласно Циркуляру министра внутренних дел от 6.07.1902 года № 13 «об удалении порочных членов сельских обществ», сельские общества были обязаны составлять соответствующие приговоры, вносить в местное казначейство денежную сумму для снабжения пересыльных арестантов одеждой и кормовыми – со дня передачи их в распоряжение правительства до прибытия на место нового водворения. Кроме того, в тех случаях, когда земельные наделы удаляемых переходили к обществам, последние обязывались принять на себя и внести в казначейство издержки на кормовое довольствие принудительно удаляемых и каждого последовавшего за ними члена их семей в продолжение двух лет со дня передачи удаляемых в распоряжение правительства.

Функционирование обычного права во всех сферах жизнедеятельности осетинского общества служило гарантом действенного регулирования внутриобщинных отношений.

Примечания

1. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. М., 1886. Т.1. 410 с. Репринтное воспроизведение. Владикавказ: Алания, 1995.
2. Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVII-XIX вв.). Орджоникидзе: Ир, 1974.
3. Пфаф В. Б. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе (ССК). Тифлис, 1871. Т.1.
4. Кануков И. В осетинском ауле. Орджоникидзе, 1985.
5. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т.1.
6. Хадикова А. Х. Этнические образы и традиционные модели поведения осетин. Владикавказ, 2015.
7. Канукова З. В., Сокаева Д. В. Устные рассказы осетин Турции: этнографический аспект // Фундаментальные и прикладные научные исследования. Сборник статей международной научно-практической конференции. 2015.
8. Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в горском населении Терской и Кубанской областей. Владикавказ, 1870.
9. Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 11. Оп. 7.
10. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 1.
11. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 3.
12. Марзоев И. Т. Высшее сословие Тагаурского общества Осетии // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2010. № 2.
13. Дзалаева К. Р. Трансформация традиционной повседневности осетин в процессе российско-осетинского культурного взаимодействия (вторая половина XIX – начало XX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9-2.

Э. В. ХУБУЛОВА,
кин, снс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ОБ ОДНОЙ ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ

(Исследование проведено при поддержке РГНФ, проект № 14-21-13001
«Инновационные ресурсы культурного наследия Северной и Южной Осетии»)

В статье прослеживается бытование и трансформация одного из традиционных ключевых свадебных обрядов – взаимного угощения невестки и свекрови медово-масляной смесью. Выявляются причины устойчивости и востребованности обряда, его особенности в современной практике, а также возможности его влияния на развитие среднего и мелкого предпринимательства.

Ключевые слова: свадебный обряд, мыдыкъус, взаимное угощение, одаривание, смысловая нагрузка, трансформация, современный вариант, предпринимательство.

The article considers the domestic use and transforming of one of the key traditional wedding ceremonies – mutual treats daughter- and mother-in-law with the honey-oil mixture. The reasons of the sustainability and relevance of the rite, especially in its contemporary practice, as well as the possibility of its influence on the development of small and medium entrepreneurship.

Keywords: wedding ceremony, mydykus, mutual entertainment, gifting, meaning, transformation, modern version, entrepreneurship.

В современной свадебной обрядности сохраняется и даже актуализируется ритуал взаимного угощения невестой и свекрови, и пожилых женщин медово-масляной смесью. Главным объектом обряда является чаша с медом – мыдыкъус. Этот ритуал издревле соблюдается во всех уголках Осетии, его аналоги отмечены и у соседних народов.

В современной свадьбе обряд мыдыкъус относится к категории обязательных, независимо от места проведения торжества. Еще недавно обряд проводился в узком родственном кругу, после прибытия невесты в дом жениха. Сейчас обряд стал более зрелищным, в банкетных залах он становится центральным событием всей свадьбы, о его начале объявляет ведущий свадебного праздника и приглашает всех гостей к участию в нем.

Как указывает В. С. Газданова, в описаниях осетинской свадьбы Д. Т. Шанаевым (1870 г.) и Б. М. Каргиевым (1928 г.), обряд, связанный с мыдыкъус, происходил до снятия фаты. На второй день вечером, после прибытия невесты в дом жениха, «шафер в сопровождении девушек, поющих «алай-алай», ведет молодую под руку в местонахождение домашнего очага, где ее уже ожидает свекровь с чашкой в руке, наполненной смесью меда и масла. Шафер подводит невестку к свекрови. Приподняв у невестки немного завесу лица, так, чтобы оно все-таки оставалось полузакрытым, он приглашает ее опустить указательный палец в чашу и, взявши им маленькую частицу смеси, положить ее в рот свекрови, которая затем в свою очередь делает то же самое по отношению к невестке. После этого обряда присутствующие мальчики выхватывают чашку смеси из рук свекрови и, выбежав на двор, делят смесь между собою. Совершение этого обряда имеет значение следующего народного заключения: «Да будут так сладки свекровь и невестка друг другу, как сладка людям эта смесь» [1, 28].

В. С. Газданова считает, что Д. Т. Шанаев упускает очень важную деталь: мыдыкъус привозит с собой сама невеста из дома отца, где эта чаша специально готовится и входит в комплекс ритуальных предметов и пищи Сæрызæды хуын (Подношение Сæрызæду). Однако указанная деталь вполне может быть не упущением, а локальным вариантом ритуала. Отметим, что осетины, живущие в Турции, также сохранили этот обычай, но традиционную чашу мыдыкъус у них готовит семья жениха [2].

Обычай, когда свекровь или пожилая родственница жениха встречала невесту чашей с медом и смазывала ей губы, существовал у многих народов. М. А. Меретуков отмечает, что у кабардинцев и черкесов свекровь или одна из старших женщин смазывала невесте губы медом и обращалась к Богу с просьбой, чтобы Он послал ей счастья и благополучия. Затем тарелку или чашку со смесью меда отдавали мальчикам, и те, отнимая ее друг у друга, все съедали, а посуду бросали на землю и разбивали [3, 289]. Этот обычай встречается и у адыгейцев [3, 254]. Аналогичные обычаи существовали также у народов Дагестана в XIX – начале XX вв. [4, 236], в России, Словении, Чехии [5, 150].

Однако у осетин этот обряд включает кроме взаимного угощения еще некоторые действия. Прежде всего, в старину взаимному угощению предшествовал обряд смазывания невестой смесью из чаши основания очага «Чын-дз-иу йæ рахиз къахæй бахызт хæдзармæ, стæй-иу кувгæ, йæ рахиз къахыл æнцайгæ, къонамæ бацыд. Уым-иу æм авæрдтой мыдыкъус, æмæ-иу дзы дæлтъуры байсæрста, стæй-иу устытæн куыдхистæрæй сæ дзыхты хъæдын уидыгæй тъыста мыд æмæ царв. Йæ къухыл ын хæцыд къухылхæцæджы ус» («Невеста правой ногой ступала в хадзар (помещение, где находился очаг, затем, кланяясь, ступая на правую ногу, подходила к очагу. Там ей подавали мыдыкъус, и она мазала смесью основание очага, затем женщинам по старшинству клала в рот деревянной ложкой смесь меда с маслом. Под руку ее держала жена шафера») [6, 158].

В некоторых районах Осетии обряду мыдыкъус предшествовали следующие действия. После того, как шафер трижды обвел молодую вокруг очага, ее подводили к свекрови; молодая низко кланялась и смазывала маслом или нутряным жиром чувяки старухи, которая в свою очередь посыпала ей голову поверх сукна порошком солода. К.Л. Хетагуров отмечал, что этим действием молодая выражала свою безграничную покорность, а свекровь желала ей сладкую жизнь [7].

Особенностью осетинского обряда считается и практика «воровства» чаши из рук невесты или помогающей ей женщины мальчиками.

Итак, структура ритуала мыдыкъусы æгъдау (обычай медовой чаши) состоит из следующих частей: приготовление содержимого чаши (смешивание меда и масла), привоз чаши невестой в дом жениха / приготовление ее в доме жениха, смазывание основания очага, угощение невестой свекрови и свекровью невесты смесью меда и масла, угощение пожилых женщин, похищение чаши мальчиками. В.С. Газданова считает, что ритуал похищения чаши мальчиками находит свою мифологическую параллель в индоевропейском мифе о похищении священного напитка. Невеста, приходя в дом мужа, привозит с собой напиток бессмертия – мыдыкъус, символ бессмертия рода. Смазывание основания очага, в таком случае, символизирует неугасимость огня, а следовательно, жизни в этом доме [8, 313].

Очевидно, зрелищность ритуала, веселость на фоне строгого регламента свадебного торжества, важность в контексте знакомства невестки со свекровью, символизирование сладкой и благополучной жизни, обеспечили обряду долгое бытование и даже актуализацию в условиях возрастающего общественного интереса к традиционной культуре.

Каждая эпоха вносила в обряд свои приметы. В бедные годы, при отсутствии меда, масло смешивали с сахаром, что подтверждается полевым материалом, в том числе записанным от осетин, проживающих в Турции. Среди них распространены варианты мыдыкъус, имеющие явные заимствования. Турецким влиянием можно объяснить наличие в чаше монеток и местных сладостей, черкесским – смазывание медом губ.

Ритуальное угощение перестали проводить пальцами, невесты вместе с чашой мыдыкъус стали привозить подарки пожилым женщинам – деревянные ложечки, носовые платки, фартуки, которые стали обязательным дополнением к чаше. Поощрялось умение девушки шить и вышивать, которое демонстрировалось и в подарках [9, 288].

В советские годы распространилась мода на хрустальные вазы вместо ритуальных чаш, а все предметы, необходимые для выполнения ритуала, выкладывали на подносы. Деревянные чайные ложки сменили медные, серебряные, позолоченные и др. Вместе с чашей укладывали бутылку шампанского, мелкие шоколадные плитки «Аленка» и пр.

В последние годы в Осетии, на Севере и на Юге, в традиционную медово-масляную смесь стали добавлять орехи, украшать смесь шоколадной крошкой, сухофруктами и пр.

В мелком предпринимательстве все отчетливее выделяется направление по обслуживанию традиционных обрядов семейного цикла, в том числе и свадебных. Рынок предлагает готовые комплексы для обряда мыдыкъус в разном ценовом диапазоне. Вместо подносов сегодня предпочитают красиво оформленные большие корзины, в которые укладывают различные напитки, конфеты, собственно чашу и подарки пожилым женщинам. Внешний вид этого комплекса развивается вместе с дизайнерским искусством. Свадебные торжества, которые проводятся в престижных ресторанах, с роскошными концертными номерами и европейскими развлечениями, не только не игнорируют традицию мыдыкъус, но и значительно ее актуализируют. Чем выше бюджет свадьбы, тем роскошнее проводится обряд и богаче оформляется чаша.

Последним веянием моды стало укладывание подарков в сундучки, дизайнерская вышивка последних, а также фартуков и платочков традиционным осетинским орнаментом с использованием брендовых украшений – кристаллов Сваровски. Такой дизайнерской вещице обеспечена долгая жизнь: в отличие от прежних обычных фартуков, платков и прочего, ее будут хранить и передавать следующим поколениям.

Таким образом, инновация в оформлении способствует закреплению не только свадебной традиции, но и художественной культуры народа. Пример с обрядом мыдыкъус показывает, как самообновленческие функции этнической культуры, подтвержденные социально-культурной практикой многих поколений людей, обеспечивают ее адаптацию к новым экономическим и социальным условиям [10, 122]. Материальная основа обряда – мед, как и другие продукты пчеловодства, является важным, но неиспользуемым сегодня элементом материальной культуры, который может занять достойное место в комплексной системе этнокультурного брендинга, наряду с такими активно продвигаемыми брендами как «осетинские пироги», «осетинское пиво», «осетинский сыр».

Древняя традиция, с одной стороны, способствует развитию предпринимательства, создает рабочие места в мастерских и торговых заведениях; другой стороны, она может способствовать сохранению и возрождению элементов традиционной культуры, в частности пчеловодства, рукоделия, орнамента.

Примечания

1. Шанаев Д. Т. Свадьба у северных осетин // СССК. Вып. 4. Тифлис, 1870.
2. Канукова З. В., Сокаева Д. В. Устные рассказы осетин Турции: этнографический аспект // Фундаментальные и прикладные научные исследования. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Отв. ред. Сукиасян Асатур Альбертович. 2015. С. 136-138.
3. Меретуков М. А. Семья и брак у адыгских народов. Майкоп, 1987.
4. Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX вв. М.: Наука, 1985.

5. Сумцов Н. Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков. 1881.
6. НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 64.
7. Хетагуров К. Л. Особа // Хетагуров К. Л. Собр. соч. в 3-х т. Т. 2. М.: Худ. лит., 1974.
8. Газданова В. С. Золотой дождь. Исследования по традиционной культуре осетин. Сост. З. К. Кусаева. Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2007.
9. Канукова З. В. Женское пространство в пореформенной Осетии // Кавказский сборник Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Центр кавказских исследований. Москва, 2008. С. 286-299
10. Канукова З. В. Традиционная культура в формировании регионального брендинга // Устойчивое развитие горных территорий. 2014. № 3 (21). С. 121-124.

IV. ФИЛОЛОГИЯ

Е. Б. ДЗАПАРОВА,
кфн, снс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ДОСТИЖЕНИИ АДЕКВАТНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

В статье рассматривается одна из малоисследованных проблем теории и практики художественного перевода – достижение его адекватности путем использования лексических трансформаций. На основе сравнительно-сопоставительного анализа разноязычных текстов рассматриваются возможности передачи смысла и образов с исходного языка на переводящий. Автором на примере перевода осетинской прозы на русский язык исследуются пути достижения переводчиками адекватной передачи единиц исходного текста с использованием переводческих (лексических) трансформаций.

Ключевые слова: *исходный язык, переводящий язык, адекватность, трансформация, транскрибирование, транслитерация, переводимый текст, переводной текст, генерализация, конкретизация.*

The article discusses the one of the unexplored problems of the theory and practice of literary translation – achieving its adequacy by the use of lexical transformations. Based on of comparative analysis of multilingual texts considering the transfer of meaning and imagery from the initial language into the translated one. The author also explores the achieving methods of the adequate transmission of the source text units with translation (lexical) transformations on the example of the translation of Ossetian prose into Russian.

Keywords: *source language, target language, relevance, transformation, transcription, transliteration, transliteration, translated text, generalization, concretization.*

В теории и практике художественного перевода существует точка зрения о том, что успех при переводе зависит от мастерства и опыта переводчика, от степени владения им исходным и переводящим языками. Поскольку адекватность является наиболее ценным и важным критерием при переводе художественного текста, цель сознательного, ответственного переводчика – достижение соответствия переводного текста исходному на смысловом, коннотативном, формальном уровнях. Для этого в переводческой деятельности он использует различные способы и приемы перевода. Переводческие трансформации (преобразования) позволяют переводчику художественного текста находить оптимальные переводческие операции для решения тех или иных задач. Под трансформацией Н. К. Гарбовский понимает «такой процесс перевода, в ходе которого система смыслов, заключенная в речевых формах исходного текста, воспринятая и понята переводчиком в силу его компетентности, трансформируется естественным образом вследствие межъязыковой асимметрии в более или менее аналогичную систему смыслов, облакаемую в формы языка перевода» [1, 366].

В теории перевода выделяют следующие разновидности переводческих трансформаций: лексическую, грамматическую, стилистическую. Каждый из указанных трех видов Е. А. Огнева классифицирует:

- лексические – дифференциация, конкретизация, генерализация, смысловое развитие, антонимический перевод, целостное преобразование, компенсация потерь;
- грамматические – замена пассивных конструкций активными, замена сложных синтаксических конструкций простыми, переход от обратного порядка слов к прямому, смена исходного подлежащего, замена односоставных предложений двусоставными полными;
- стилистические – стилистическая компенсация, смена стилистических коннотаций, адекватные замены, метафоризация/идеоматизация, «выпрямление значения» [2, 32].

Использование лексических трансформаций при переводе художественного текста с одного языка на другой обусловлено различиями смысловой структуры слова двух сопоставимых языков. Чаще всего при передаче несущей информации исходного художественного текста переводчики используют следующие лексические трансформации: генерализацию, конкретизацию, антонимический перевод. При передаче той или иной единицы оригинала переводчик вправе сам решать, какими возможностями он воспользуется. Рассмотрим особенности использования лексических трансформаций переводчиками осетинской художественной прозы на русский язык.

Генерализацию в переводоведении обычно понимают как замену переводимой единицы, имеющей узкое значение, понятием с более широким, обобщающим значением. К замене частного общим авторы перевода нередко прибегают при отсутствии в переводящем языке прямых номинативных

значений исходным единицам или для уточнения отдельных мест в переводе. С помощью подобной лексической трансформации переводчик вносит ряд дополнительных элементов в содержание понятия.

Рассмотрим примеры перевода на русский язык следующих фрагментов романа Т. Джатиева «Мæ урс дадалитæ» («Мои седые кудри» авторский перевод: «– Мæнæн ме 'фсымæртимæ цæргæйæ нал у! – йæ хæрд фæуагъта Алимурза, фæгæпп кодта фынджы цурæй...» [3, 6] – «– Нет мне здесь житься! – озлобился Алимурза **и перевернул столик, на котором лежали кусочки лепешки и стояли чашки с кислым молоком**» [4, 205]. «Агуыбечыр хæстмæ нал ацыд» – «**После свадьбы и злополучного похищения сестры** Агубечир уже не возвращался на фронт». В приведенных примерах переводчик использует прием генерализации, но замена конкретного понятия понятием более широкого объема не позволила переводчику выйти за пределы описываемых в отрывках ситуаций, исказить содержание предложений.

Или такие примеры из романа М. Цагараева «Сау хохы фиййау» («Пастух Черной горы» (перевод М. Блинковой): «Муссæты кæртæй барæг рахызт» [5, 121] – «А что делается на дворе Мусса? Вот кто-то выводит за ворота лошадь, **великолепного скакуна самой дорогой кабардинской породы**» [6, 147]; «Уæд мæ Сырдон дæр нал хонис...» [5, 223] – «И тогда, Фидар, ты не будешь называть меня Сырдоном. **Если бы тот Сырдон, сын камня, о котором много веков подряд рассказывают у нас люди, был бы всегда умным, добрым и только бы выручал нартский народ от бед и напастей, я был бы рад моему имени. Но ведь тот Сырдон, кроме того, и обманывал, и лукавил, и за обиды жестоко мстил каждому**» [6, 150].

Как видим, переводчики осетиноязычных текстов расширяют информацию переводимого текста для уточнения отдельных мест в описываемых ситуациях. Однако, на наш взгляд, переводчик повести М. Цагараева М. Блинкова не совсем верно информирует русскоязычного читателя об особенностях чудесного рождения героя нартовского эпоса Сырдона от водного божества Гатага и Дзерассы. Что касается Сырдона, то «сыном камня» он обозначен в сюжетах о рождении всего один раз, в записи А. Кайтмазова [7, 135-136].

Противоположную генерализации трансформационную операцию в теории перевода принято называть *конкретизацией*. С подобной передачей единиц исходного текста переводчик сталкивается в случае замены понятия с более широким объемом более конкретным, лаконичным содержанием. С «сужением» исходного текста мы сталкиваемся в следующих примерах: «Уæртæ та кружкæ йæ дзыхыл сдардта. Йæ былтæ асæрфта æмæ барджыты 'рдæм акаст, къух ныхыл сæвæргæйæ. Чи сæ фæхуыдта, – нæ зонын, фæлæ фæцырддæр æмæ сыстад, йæ комдзаг тыхныхъуыр д акодта æмæ хурыскæсæнырдæм аздæхт...» [3, 46] – «Дженалдыко кончил есть, повернулся к восходу солнышка» [4, 241]. Или такой пример из перевода другого произведения: «Чысыл фæстæдæр æнæсыбырттæй сæ цæссыг калдтой, **Сосланмæ изæрастæу, хъазæн нæудзармыл кафгæйæ, доны чызджыты хуызæн цы æнæцыд чызджытæ фæкастысты, уыдон**» [8, 10] – «За ним, сгру-

дившись, молча плакали девушки» [9, 14]. Нетрудно заметить, что в указанных отрывках переводящие единицы по своему значению более лаконичны и конкретны, чем исходные.

Замену родового понятия видовым мы наблюдаем при передаче следующей информации исходного текста: «*хæдзараразæг лæггæй, дам, калм дæр тæрсы, йæ дзыппы, дам, мæ куы авæра синаджы 'фсон»* [10, 10] – «человека, который дом себе строит, даже **гадюка** боится: вдруг меня за веревочку примет и в карман сунет?» [11, 10]. В приведенном примере видно, что переводчик при переводе паремии оригинала заменяет понятие «*калм*» («змея») на «*гадюка*», обозначающее вид по отношению к понятию, выраженному в оригинале.

Антонимический перевод – трансформация утвердительной конструкции в отрицательную (или наоборот отрицательной в утвердительную), сопровождаемая заменой одного из слов переводимого предложения исходного языка на его антоним в переводящем языке [12, 216], в основном, встречается в русскоязычных переводах осетинской прозы при передаче образной лексики, в частности фразеологии. В каком случае переводчики прибегают к замене понятия противоположной конструкцией? По мнению Н.К. Гарбовского, «антонимический перевод может быть обусловлен асимметрией лексико-семантических систем, проявляющейся в том, что какое-либо понятие не имеет средств выражения в одном из языков, сталкивающихся в переводе» [1, 466-467].

Перейдем к конкретным примерам. Для передачи осетинского фразеологизма «*мæ ныфс нæ бахастон*» (в значении «не отважился я») переводчик повести М. Цагараева «*Сау хохы фиййау*» («Пастух Черной горы») М. Блинкова использует антонимический перевод – «я уже набрался духу». Замена отрицательного значения утвердительным позволила переводчику сохранить образность, обыгранную во фразеологической единице оригинала. Или такие примеры передачи фразеологизмов исходного текста: «*рухс у йæ зæрдæ*» (букв. «светло у него на сердце») – «он бывал за столом более озорным и веселым», «*зæрдæ бауынгæг*» (букв. «сердце сжалось») – «обрадовался». Как легко заметить, в тексте автоперевода романа «*Адæймаджы мæлæт*» («Возвращение Урузмага») Н. Джусойты заменял исходные фразеологизмы противоположными по значению элементами переводящего языка.

К числу лексических трансформаций некоторые теоретики перевода относят *транскрибирование* и *транслитерацию* [13, 56]. Этими приемами перевода единиц исходного текста обычно пользуются при передаче имен собственных, географических названий, а также реалий – слов, обозначающих предметы, явления быта, характерные лишь для одного народа.

Передача топонимов и антропонимов не вызывает особых трудностей у переводчиков осетиноязычных текстов. Как правило, при переводе они заимствуются – транскрибируются или транслитерируются: *Алымурза* – *Алимурза*, *Агуыбечыр* – *Агубечир*, *Дженалдыхъо* – *Дженалдыко*, *Уырызмæг* – *Урузмаг*, *Фидар* – *Фидар*, *Муссæ* – *Мусса*, *Мæцыхъо* – *Мацико*, *Хъаныхъон* – *Канукон*, *Фа-*

ризæт – *Фаризет*, *Хъайсын* – *Кайсын*, *Æхсар* – *Ахсар*, *Дзæуджыхъæу* – *Дзауджукау*, *Урстуалтæ* – *Урстуалта*, *Хидыхъус* – *Хидикус*, *Беслаен* – *Беслан* и т.д.

В виде исключения переводчик может прибегнуть к калькированию, дословному переводу отдельных компонентов антропонима/топонима, к замене составных частей имен собственных «их прямыми лексическими соответствиями в переводящем языке» [12, 98-99]: «*Къæйджын уæлвæз*» – «*Долина скал*», «*Куырæйтты хъæу*» – «*аул Мельничный*», «*Уæллаг Садон*» – «*Верхний Садон*», «*Дзуары рагъ*» – «*Святой перевал*», «*Хуссар*» – «*Южное село*», «*Хурыхъæу*» – «*село Солнечное*», «*Райдзаст*» – «*Рассвет*», «*Стыр фæзы хъæуы*» – «*село Большая Поляна*», «*Зыгъар*» – «*Белолобый*» и т.д.

Особую сложность для переводчиков осетиноязычных текстов представляет передача имен осетинских божеств, персонажей осетинской мифологии. Чаще всего они данные антропонимы транслитерируют/транскрибируют, но каждого в сноске снабжают комментарием. Приведем следующие примеры из русскоязычного перевода романа М. Булкаты «*Нарты Сосланы æвдæм балц*» («*Седьмой поход Сослана Нарты*» (перевод И. Булкаты)): «*Лагты Дзуар* – синоним *Уастырджы*, покровителя путников. Так называли его женщины, потому что не имели права произносить мужское имя вслух. По преданию у *Уастырджы* был трехногий конь»; «*Æфсати* – бог зверей»; «*Кар и Караф* – боги холода и стужи»; «*Куырдалагон* – небесный кузнец»; «*Сафа* – бог очага, надочажной цепи, холодного оружия, семьи...»; «*Мыкалгабыр* (в осетинской мифологии) – архангелы *Михаил* и *Гавриил*. Последний тост произносится во славу *Мыкалгабыра*»; «*Элиа* и *Уацилла* – боги грома и ветра». В последнем примере переводчик И. Булкаты, как представляется, не совсем верно проинформировал русскоязычного читателя. Как известно, покровителем ветров в пантеоне религиозных воззрений осетин был *Галагон*, а гроза и молния были в расположении *Уацилла* (диг. Елия).

При переводе антропонимов *Барастыр*, *Уастырджы*, *Аминон* Н. Джусойты в автопереводе повести «*Адæймаджы мæлæт*» («*Возвращение Урузмага*») также использует метод комментирующего пояснения в сноске: «*Уастырджы* – языческое божество, покровитель мужчин, воинов, путников»; «*Барастыр* – в осетинской мифологии привратник царства мертвых»; «*Аминон* – царь мертвых». Правда, авторы словаря «*Этнография и мифология осетин*» А.Б. Дзадзиев, Х.В. Дзудцев, С.М. Караев отмечают у *Барастыра* и *Аминона* совсем противоположные функции в загробном мире. *Барастыр* обозначен владыкой загробного мира [14, 36], а *Аминон* – «грозный страж ворот «*Страны мертвых*», куда можно попасть только до заката солнца» [14, 15]. И только по распоряжению *Барастыра* *Аминон* открывает ворота в Страну мертвых.

Нередко именам собственным в художественных произведениях осетинских писателей отводится роль своеобразных характеристик, которые, являясь символами тех или иных качеств и представлений, вносят дополнительный смысл в переводимый текст. К категории значащих имен собственных теории перевода относят «говорящие имена». С. Влахов и С. Флорин различают «характеристические имена»:

1) обычно не подлежащие переводу, так как их назывная функция все же преобладает над коммуникативной (план выражения заслоняет план содержания);

2) поддающиеся переводу в зависимости от контекста, который может «высветлить» их содержание;

3) требующие такого перевода или такой постановки, при которых можно было бы воспринять как назывное, так и семантическое значение (каламбуры) [15, 216].

Так, в рассказе М. Цагараева «Мады зарæг» («Материнская песня») как средство художественного изображения в качестве сравнения употребляется имя одного из героев Нартовского эпоса Сырдона. Образ этого героя ассоциируется у осетинского читателя с определенными качествами человека – хитростью, лукавством, находчивостью. Поняв заложенный в форме слова смысл, переводчик Б. Рунин не транскрибирует имя нартовского героя, а, учитывая контекст, передает как «сказочный жулик» [16, 452], что вполне, на наш взгляд, правильно.

Давать определенную характеристику своим персонажам через имена свойственно и другому видному осетинскому прозаику Д. Мамсурову. В рассказе «Цыт» («Слава») автор одного из своих героев именуется как *Дзынга*: «Одни говорили: потому что у него глаза серые и большие, как у комара. Другие – потому, что усы у него длинные и закрученные вверх... Многие же были склонны предполагать, что прозвали его так за то, что он держал батраков и, как комар, высасывал из них кровь...» [17, 232]. При передаче на русский язык В. Владимиров, отказавшись от прямого перевода номинативного значения данного антропонима, использовал транслитерацию, а в сноске счел нужным объяснить: «Дзынга – по-осетински означает комар». Как легко заметить, Владимиров не совсем правильно передал лексическое значение исходного слова. В другом варианте перевода данного рассказа переводчик также использовал транслитерацию и верно поясняет в сноске, что *дзынга* в переводе с осетинского означает *овод* [18, 149]. Подобный прием при передаче имени персонажа другого рассказа Д. Мамсурова «Хъæндил» («Жук») использован переводчиком А. Ольшанским: «Кандил означает «жук» или «таракан»» [19, 161]. Прозвище, данное главному герою рассказа, указывает на определенный тип поведения и примечательную черту его характера. Безусловно, сам контекст подсказывал переводчику смысл данного антропонима: «Он не спеша набирает полную ложку шандага (в пер. с осет. «тюря» – Д. Е.), осторожно подносит ко рту, аппетитно схлебывает молоко, старательно слизывает оставшиеся на ней крошки кукурузного чурека и, тщательно разжевывая их, сопит волосатым носом. После каждой ложки шандага он поглаживает длинные усы, снимая задержавшиеся на них капли молока, вытирает руку о суконную ноговицу. Иной раз, когда ему бывает лень беспокоить свою руку, он захватывает усы языком в рот и смачно обсасывает их» [19, 159]. Как видно, переводчик верно донес до сознания своего читателя внутреннее содержание указанного имени.

Широко применяется транслитерация/транскрипция при передаче иноязычных реалий. Не секрет, что особую сложность при переводе художественного текста составляет трансформация слов и словосочетаний, «называющих объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому» [15, 47].

Механическое перенесение слов-реалий – наиболее часто используемый переводчиками способ, обеспечивающий возможность передать в переводе оригинальную фонетическую/графическую форму исходного слова: «гыцци» – «гыцци», «фынг» – «фынг», «туман» – «туман», «æрчъитæ» – «арчита», «зуу» – «зуу» и т.д. Передача слов-реалий графическими и фонетическими средствами переводящего языка дает возможность переводчику сохранить национальный колорит переводимого текста.

Таким образом, в ходе сравнительно-сопоставительного анализа разноязычных текстов мы попытались проследить разнообразные возможности передачи смысла и образов с исходного языка на переводящий. Использование лексических трансформаций как особых переводческих преобразований в художественном переводе осетинской прозы позволяет достичь адекватной передачи единиц исходного текста. В конкретном случае переводчик ищет оптимальные пути преобразования планов содержания и выражения единиц в соответствии с нормами переводного знака.

Примечания

1. Гарбовский Н. К. Теория перевода: Учебник. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.

2. Огнева Е. А. Художественный перевод: проблемы передачи компонентов переводческого кода. Монография. Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. 228 с.

3. Дзадтиаты Т. Мæ урс дадалитæ. Назираеты радзырдтæ. Орджоникидзе, 1965. 181 ф.

4. Джатиев Т. Мои седые кудри. Повесть. Перевод автора // Т. Джатиев. Мои седые кудри. Повести. Перевод с осетинского. М.: Советский писатель, 1972.

5. Цæгæраты М. Сау хохы фиййау. Повесть // Цæгæраты М. Равзæрст уацмыстæ. Дыууæ томæй. 1-аг Т. Орджоникидзе: Ир, 1975. Ф. 213-318.

6. Цагараев М. Пастух Черной горы. Перевод М. Блинковой // Цагараев М. Осетинская быль. Повести и рассказы. М.: Советский писатель, 1965.

7. Мамиева И. В. Указатель сюжетов цикла Сырдон / Сирдон // Известия СОИГСИ. 2015. № 16 (55).

8. Булкаты М. Нарты Сосланы æвдæм балц. Роман. Цхинвал: Ирыстон, 1988. 279 ф.

9. Булкаты М. Седьмой поход Сослана Нарты. Роман. Пер. с осет. М.: Советский писатель, 1989. 280 с.

10. Нафи. Адæймаджы мæлæт (Уацаутæ). Цхинвал: Ирыстон, 1976. 300 ф.

11. Джусойты Н. Г. Возвращение Урузмага. Повесть // Джусойты Н. Г. Реки вспять не текут. Повести. С осетинского перевел автор. М.: Советский писатель, 1981.

12. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М., 1975. 239 с.
13. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М., 2004. 253 с.
14. Дзадзиев А. Б., Дзуцев Х. В., Караев С. М. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. Владикавказ, 1994. 284 с.
15. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 342 с.
16. Цагараев М. Материнская песня // Цагараев М. Осетинская быль. Повести. Рассказы. Этюды. Авторизованный перевод с осетинского. М.: Советский писатель, 1975.
17. Мамсуров Д. Слава. Рассказ. Пер. с осет. // Осетинская литература. М., 1952.
18. Мамсуров Д. Слава. Рассказ. Пер. с осет. // Мамсуров Д. Избранные рассказы. Пер. с осет. М.: Художественная литература, 1958. Мамсуров Д. Жук. Рассказ. Пер. с осет. А. Ольшанского // Мамсуров Д. Рассказы. Пер. с осет. Вступ. статья Л. Либединской. М.: Художественная литература, 1979.

**З. К. ПЛАЕВА,
мнс СОИГСИ им. В. И. Абаева,
аспирант ИМЛИ РАН (г. Москва)**

НАРТЫ АЦЕМÆЗ. КАДДЖЫТЫ СÆЙРАГ СЮЖЕТТÆ ИРОН ЭПОСЫ

Нарты эпос у Кавказы адæмты дзыхæйдзургæ сфæлдыстады стырдаер æмæ номдзыддаер уацмыс, уый йæхимæ æргом здахы, фыццаджыдæр, уымæн, «æмæ дзы æвдыстæуы, кæй у, уыцы адæмы цард æмæ удыхъæд» [1, 16]. Хъайтарон эпосы æппæт верситы хæстæгдзинад æмæ æмхуызон æууæлтæй нæ хæлы сæ национ хæдхуыздзинад, эпосы хицæн геройтæ æмæ хицæн сюжеттæ хайджын сты се сфæлдисæг адæмы миниуджытæй. Номдзыд ирон ахуыргонд Абайты Васойы ныхæстæм гæсгæ, «эпос у, цы адæмы 'хсæн равзæрд, уыцы адæмы. Ома, йæ ирон варианттæ сты ирон адæмы, адыгæгтæ – адыгæгты, абхазæгтæ – абхазæгты...» [2, 381].

Нарты бæгъатыртæ сты хæстон адæм, уый уымæй бæрæг у, æмæ знæгтимæ тох эпосы ахсы сæйраг бынат. Фæлæ æнæкæрон хæстытæй уæлдай нарт цыдысты цуаны, уарзтой, кодтой чындзæхсæвтæ, хъомыл кодтой суинаг хъæбатырты, балцытæй æмæ хæстытæй сæрибар рæстæджы сæхи хъæлдзæг кодтой зардæй, кафтæй, музыкалон инструменттыл цæгъдынæй. «Гуымиры тых, æгъатыр тохмондаг сæ зардæйы музыкаимæ, кафт æмæ зарджытæ уарзынимæ кæй иу кодта, уый уыд нæртон хъайтарты хицæндзинæдтæй иу. Кард æмæ фæндыр сты нарт дывæрццыг символ» [3, 202].

Нартæ бирæ уарзтой кафын, симды бацауын. Зæгъын хъæуы уый, æмæ ирæтты рагон музыкалон инструмент фæндыр дæр нарт Сырдон кæй сарæзта. Сарæзта йæ стыр мастæй: Батрадзы фыд ын æгъатырæй амардта йæ сывæллæтты. Йæ хъыг уыйбæрц уыд, æмæ йæ фыртты стджытæй скодта фæндыр æмæ сыл хъарæг кодта, фæндырыл цæгъдгæйæ. Нарт Сырдонæн йæ хин, йæ кæлæнтæ ныххатыр кæнынц лæгдзинады тыххæй нæ, фæлæ фæндыр кæй сарæзта, уый тыххæй. Уыцы факт нысангонд у Нартиадæйы бирæ вариантты æмæ дзы æвдыстæуы, нарт музыкалон инструменты фæзынд ахсджиаг хъуыдагыл кæй нымайынц, уый. Фæндыры фæрцы Сырдон нымад æрцыд «культурон хъайтарыл». Ис ахæм хъуыды дæр, зæгъгæ, Сырдоны фæндыр «культурон лæвары» ном фæстæдæр райдыдта хæссын, йæ рагон нысаниуæг та баст у, «здæхгæ нывонд» кæй хонынц, уымæ. Сырдон, йæ равзæрд, йæ цæрæн бынат, йæ миниуджытæм гæсгæ, у дæлзæхх дунейы минæвар, æмæ йæ нарт уый тыххæй нæ хонынц сæхи. Фæлæ йын йæ фыртты мæлæт (фольклоры

уый хуыйны «заместительная жертва», ома «хи бæсты нывонд») фæндаг байгом кодта астæуыккаг дунемæ. Хабар æрцыди, Сырдон нартаен фæндыр куы бахуын кодта, уый фæстæ, æмæ, дам, уый мифологион æгъдауæй бæлвырд кæны Сырдоны уавæры раивд: нарты мыггагæн «æцæгæлонæй» уый рахызти дзуарылæджы, «нывонды хæйттæ [йæ хъæбулты уæнгтæй конд фæндыр] уарæджы», бынатмæ [4, 120-121; 5, 180-182; 6, 132].

Зындгонд у, ирон эпосы нымæддæр нартæ Уырызмæг, Сослан/Созырыхъо æмæ Батрадз дæр фæндырыл кæй цагътой, уый. Хицанæй зæгъын хъæуы кадæг «Хуыцауы лæвæрттæ Нартæн» – ы тыххæй, ам уæларвон Уастырджы фæрсы нарты Ацæмæзы:

– Кæд нартаен сæ бон æнæ кафт, æнæ зард нæу, уæд цæуылнæ æрцагъдыс дæ сыгъзарин сауæфтыд уадындзæй?

Куыд уынæм, афтæмæй ирон эпосы стыр ахадындынад ис музыкайæн, цины уа, хъыджы уа æнæ фæндыр никуы уыдысты. «Бæлвырд у, цавæрдæр сæрмагонд уавæрты музыка нарты бæгъатыртæн кæй уыд сæ хъуыдытæ æмæ æнкъарæнтæ æвдисыны иунæг фæрæз, музыкайæн уыдис ритуалон нысануæг» [7, 33; 8, 175-177].

Ирон эпосы сæрмагонд бынат ис хъуытазхъæлæс Ацæмæзæн, уый йæ алæмæты уадындзы зæлтæй дисы æфтыдта канд адæмы нæ, йæ цагъдмæ-иу æнæхъæн дунетæ дæр æрыхъал сты. Ацæмæз æвдыстæуы диссаджы зарæггæнæгæй, æвзонг ирон Орфейæ. Ацæмæзы фæлгонц баст у дунеон фольклоры зындгонд мотивимæ, уый ис рагон бердзенаг мифологийы, «Калевала» – йы, скандинаваг эпикон зарджыты, уырыссаг былинатæ, «Ригведæтæ» – йы æмæ æндæр эпосты, уый у музыкайы æмæ музыканты мотив.

Ацы фыстуацы æвæрст цæуынц, Ацæмæз курдиатджын музыкант кæм у, канд уыцы сюжеттæ нæ, фæлæ архайæг кæм у, уыцы сюжеттæ дæр. Ацæмæзы циклы кадджытæ адих кæнæн ис цалдæр сюжетон къордыл. Фыццаг къорды æвдыстæуы Ацæмæзы хъайтарон сабидуг, зындгонд у, сгуыхт хъуыддæгтæ йæ суанг сывæллонæй кæнын кæй бахъуыд, уый; æвзонг кæй уыд, уый æвдыстæуы иудадзыгон эпитеттæй: чысыл, минкъий [9, 321, 383; 10, 388], кæстæр [9, 327], æнахъом [9, 411], æвзонг [9, 383], хæрз æрыгон [10, 390], авдæнон [9, 308]. Дардæр равзардзыстæм, Ацæмæз æмæ йæ зæронд фыд Ацæ сæйраг хъайтарта кæм сты, уыдон: «Нарты Ацæйы фервæзт» [10, 387-396], «Ацæмæз йæ фыд Ацæйы куыд фервæзын кодта» [9, 395-404], «Ацæмæз йæ фыд Ацæйæн ус куыд æрхаста» [9, 404-411]. Фæнысан кæндзыстæм, Ацæмæзы фыд Ацæ ирон эпосы зæрондæй, рынчинæй, æнæбонæй æвдыст кæй цæуы, кæнæ мæлгæ кæй акæны.

Зындгонд у, афæдздзыд Ацæмæз йæ фыды мæлæтæй кæм ирвæзын кæны, уыцы сюжет. Зæгъæм, кадæг «Нарты Ацæйы фервæзт» – ы Ацæмæзы фыд у мæлæтдзаг рынчин. Фервæзæн ын ис æрмæст урс саджы игæрай, фæлæ саг амарын никæй бон у, уымæн æмæ авд хохы фæстæ ис, æлдармæ [10, 389]. æвзонг Ацæмæз бафтыд æлдары зæххытæм, фæлæ саг раттыны размæ æлдар Ацæмæзæн бахæс кодта авд æфсымæры иунæг хойы æрбакæнын. Уыцы хъуыддаджы йын баххуыс кодта, æлдармæ амынатæ чи ис, уыцы лæппуы мад. Ацæмæз суæгъд кодта лæппуы, дыууæйæ æлдарыл хинæй рацыдысты æмæ

саг сæ къухы бафтыд. Саджы игæр – Ацæмæзæн, чызг та – йæ хæларæн. Ацæмæз æппæт хъуыддæгты дæр уæлахизæй рацыд сылгоймаг, йæ фырт æмæ уæларвон Æфсатийы фæрцы, Æфсати йын алæмæты уадындз балæвар кодта. æппæт фæлварæнты дæр куы фесгуыхт, уæд йæ фыд сæрыстырæй загъта:

□ Ныр ма уырны, ма фырт сæрæн лæппутæй кæй у, уый [10, 396].

Иннæ кадæг «Ацæмæз йæ фыд Ацæйы куыд фервæзын кодта», зæгъгæ, уым нарты рагон знаг Быдæ-уæйыг зæронд лæгыл йæ тых æвзары, фыдудæй йæ мары, нартæн дæр алы фыдмитæ кодта сусæгæй, æргомай: кæмай сывæллон сæфт, кæмай фос, кæмай фæллой. æмæ та ам дæр Ацæмæзæн баххуыс кодта уæларвон Æфсати: йæ фырты йæм æххуысмæ арвыста. Ацæмæз уæйыджы цæнгтæ ахауын кодта, йæ фыды фервæзын кодта æмæ нарты фос фæстæмæ ратардта [9, 395-404].

Æвзонг хъайтар йæ фыды канд ирвæзын нæ фæкодта, фæлæ ма йын усаг дæр ссардта – Адау-уæйыг-æлдары чызджы. æлдæры сæрыл зад æртæ сыгъ-зæрин æрдуйы: иу дзы ныфс лæвардта, иннæ – тых, иннæ уыд хъаругæнæг. Æртæ æрдуйы зæронд лæджы кæстæр æнгуылдзыл иумæ куы атухай, уæд дыууиссæдзæдзыд лæг фестдæн. Афтамæй, Ацæмæз уæйыг-æлдары амардта, ратыдта æртæ æрдуйы æмæ чызджы йæ фыдæн усæн ракодта. Ацæ сдзæбæх ис æмæ нæртон чындзæхсæв скодта [9, 404-411].

Иннæ кадæджы Ацæмæз райсы йæ фыды маст, фыды амардта хан Елтæ-Быца. Кадæг «О нартовском князе Насран-алдаре (и Ацамазе, сыне Аца») [уырыссаг æвзагмæ йæ ратæлмац кодта Санаты Гацыр 1876 азы] туг исыны сюжетимæ баст у чындзаг ссарыны мотив. Ацы кадæджы Насран-æлдар арвыста йæ авд æнæзæнæг усы æмæ араст и ног ус агурæг. Уыцы хъуыддаджы йын баххуыс кодта уæларвон Уастырджы. Фæлæ æлдары усы туркаг хан Елтæ-Быца (Елтæ-Буца) аскъæфта, Ацæмæзы фыды та маргæ акодта. Дарддæр архайды фæзыны гыццыл Ацæмæз, уый йæ мадæй тыхæй базыдта, йæ фыды марæджы ном, ссардта Ацæйы бæх æмæ хæцæнгарз æмæ баиу Насран-æлдары æфсадимæ. Ацæмæзы знаг Елтæ-Быцайы ус кæлæнгæнæг уыд (ахæмæй æвдыст у Насран-æлдары тыххæй кадджытæн се 'ппæты дæр), цыфæнды цæфтæ дæр-иу байгас кодта, уымæ гæсгæ Ацæмæз æмæ ханы тох ахаста цалдæр боны. Ацæмæз фæцыд Елтæ-Быцайы усы зæрдæмæ, æмæ йын ус сусæгæй йæ цæфтæ байгас кодта. Афтамæй Ацæмæз фæуæлахиз и йе знагыл æмæ йын рахаста йæ ис, йæ бис, ракодта йын йæ усы дæр [9, 318-331].

Фыды туг исыны мотив Ацæмæзы хæстæг кæны иннæ зындгонд нартимæ – Батрадзимæ. Уымæн дæр йæ стырдæр сгуыхтытæй иу фыды туг исын у. Дыууæйæ хъайтары дæр фыды туг райстой æвзонгæй. Е.М. Метелинский хъуыдымæ гæсгæ, «æвзонг хъæбатыртæн сгуыхтытæ вæййынц фæлварæны хуыз æмæ баст сты хæстон суæвыны æгъдауимæ. Гæнæн ис, æмæ саби-хъæбатыры фæлгонц генетикон æгъдауæй баст у ахæм æгъдауттимæ» [11, 203].

Насран-æлдары кадæджы иннæ вариантты Ацæ нал ис, уымæн æмæ текстты фылдæры йæ хæдзарвæндаг (йæ мыггаг) сыскъуыдысты. Баззад ма æрмæст йæ æнахъом фырт Ацæмæз, уый æххуыс кæны йæ фыды æмбал Насран-æлдарæн, æмæ нарты знæгты – уæйгуыты æмæ æлдæртты амарынц. Кадæджы вариант-

тæм гæсгæ («Ацæйы фырт Ацæмæз», «Насиран-æлдар», «Насирани кадæнгæ», «Нарти Наширан») Ацæмæз куры, цæмæй йæ авдæнæй сисой æмæ йæ фыд Ацæйы кæнгæ æфсымæр Насран-æлдарæн æххуысмæ фæцæуа. Насран-æлдар æрæмбырд кодта æфсад Мысыр-калак басæттынмæ (варианттæ: Гуыцмæз-æлдаримæ хæцынмæ; Тогус-æлдары рæгъæуттæ ратæрынмæ; Гуры-фидар басæттынмæ). Ацæйы хæдзары нæлгоймаг кæй нал баззад, уымæ гæсгæ æфсадимæ ацыд йæ æнахъом фырт Ацæмæз. æвзонг уыд, фæлæ басгуыхт тыхджын хæстон æмæ нарты цыфыддæр знæгты ныццагъта, фæуæлахиз ис [9, 307-327, 332-333].

Уæлдæр амынд сюжетты чысыл Ацæмæзы йæ намысыл тох кæнын бахъуыд хæрз æвзонгæй. Уыцы кадджыты йæ адæм равдыстой æцаг нартон хъæбатырæй, йе знæгтæн се 'ппæтыл дæр чи фæтых ис, ахæмæй. Ома, Ацæмæз дæр иннæ нарты хуызæн у хъæбатыр хæстон. Ацы кадджыты стæм хатт кæнæ æппындæр нæ дзырдæуы йæ диссаджы уадынды тыххæй. Адонь фылдæр æвдыстæуы Ацæмæзы хæстон сгуыхтытæ [12, 60-61].

Кадджыты иннæ къорды сæрмагонд бынат ахсы йæ сыгъзæрин уадынды – у йын æххуысгæнæг тохы. Уадынды ахадындынад фылдæр æвдыст у, Ацæмæз йе 'мбал Сидæмонæн йæ фыды туг райсыны кæм æххуыс кæны, уыцы сюжеты.

Кадæджы сюжет у ахæм. Схуали-уайыг – нарты знаг æмæ Сидæмоны фыды марæг. Схуали-уайыг цуаны уыд, афтæмæй йын йæ усмæ фæзындысты нарты Ацæмæз æмæ Сидæмон. «... Хæдзары раз Ацæмæз цагъта уадынды, йæ цагъдмæ кæрдæг цы уыд, уымæй дыууæ ахæмы сырæзт, хус быдыртæ уымæл баисты, хъæды сыфтæртæ егъаудæр фестæдысты, мæргътæ йæ сæрма æмбырдтæ кодтой, сырдтæ та дæрддзæф гæппытæ кодтой. Сабитæ та йæм худгæ кодтой». Ацæмæзы цагъд усы зæрдæмæ афтæ фæцыд, æмæ йæ цыфæндыйæ дæр бафæндыд уыцы алæмæты уадынды йæхи бакæнын. Уæд ын Сидæмон загъта:

□ Дæ лæджы мæлæт цæмæй у, уый нын зæгъ, æмæ дын уадзæм нæ уадынды. Сылгоймаг фыр диссагæй йæхи дæр нал æмбæрста, æмæ загъта:

□ Мæ лæджы мæлæт йæ чысыл хъамайæ у, уымæй цъæррамыгъд дæр куы фæуа, уæд йæ мæлæт у [9, 33].

Афтæмæй Ацæмæз æмæ йе мбал Сидæмон хинæй фæуæлахиз сты Схуали-уайыгыл, рамбырд кодтой уайыджы фæллой, зынаргъ дзаума, йæ фосы дæр ын ратæлæт кодтой... Сидæмон уайыджы фосæй йæ фыдæн хисты фаг рахицæн кодта, иннæты та Нартыл æмхуызон байуæрста [6, 327-322]. Ацы сюжеты Ацæмæзы функци фæуæрæхдæр ис. Уый канд йæ маст нæ исы, фæлæ æххуыс кæны иннæтæн дæр.

Ис ма æндæр кадæг дæр, уым уадынды нартæн феххуыс и чынтæ æмæ гуынтимæ тохы, нарты гуыппырсартæ хъæуы куы нæ уыдысты, уæд. Ацæмæз бахауд ахæм уавæры, æмæ йæ иунæгæй бахъуыд нарты фервæзын кæнын, уымæн æмæ нарты тыхджынтæ уыдысты балцы. Иу ахæмы йæ бæх коммæ нал каст, размæ нал цыд. Ацæ йæ фыртмæ уадынды балавæрдта, цæмæй йыл æрцæгъда, уымæн æмæ уадынды дæр диссаджы хъомыс уыд. Сыгъзæрин уадынды зæлтæ айхъусгæйæ, Ацæмæзы бæх цыппæрвадыгæй скафыди, знæгты 'рдæм фæцагайдта, æмæ нартæ Ацæмæзы фæрцы фæтых сты чынтæ æмæ гуынтыл.

Ацы сюжетты бæлвырд у: стыр хъаруыи хицау Ацæмæзæн йæ бон нæ бацы

сæ тыхджын ныхмæлæуджытыл фæуæлахиз уæвын, æрмæст алæмæты уадындзы фæрцы сæмбæлд йæ нысаныл – ныццагъта нарты цыфыддæр знæгты. Куыд уынæм, афтæмæй Ацæмæзы сыгъзæрин уадындз у ахъазаджы фæрæз, ис ын стыр ахадындзинад знагимæ тохы.

Ацæмæзы ускуырды сюжет зынгæ хицæн кæны иннæ сюжеттæй. Ам стыр ахадындзинад ис музыкайæн, уый бæстæ байдзаг кæны рухс, цин æмæ уарзтæй. Нæ разы ис бынтон æндæр нартон лæппу: тызмæг хæстон нæу, фæлæ фылдæр у романтикон герой. Йæ алæмæты цагъд райхъал кæны адæмы дæр, цæрæгойты дæр, æрдз дæр. «Ацæмæзы уадындзы цагъд æнæхъæнæй дæр у цин, уæларвон зæлтæй дзаг, уæлмонц уды сисы базыртыл...» [13, 35].

Варианттæн сæ фылдæры Ацæмæзæн уадындз балæвар кæны уæларвон Æфсати, кадæг «Хуыцауы лæвæрттæ нартæн» – ы та сыгъзæрин уадындз у фæндзæм лæвар (13, 28-29), ома, равзæрд уæларвты, æмæ йæ кадæггæнджытæ нымайынц, диссаджы миниуджытæ кæмæ ис, ахæм инструментауыл. Иу ныхасæй, уадындз у алæмæты дзаума, йæ зæлтæн ис магион тых.

Ирон Нартиадæйы Ацæмæз фылдæр зындгонд у курдиатджын музыкантæй, уый бауарзта Сайнаг-æлдары чызг Агуындæйы. Бæстырæсугъды зæрдæмæ Нарты фæсивæд дæр фæндаг агурынц, уый Ацæмæз куы базыдта, уæд йæ амонд бафæлвардта йæ уадындзы фæрцы, чызгæн цагъдын райдыдта. Йæ зарджытæ, йæ цагъд канд нарты не 'фтыдтой дисы, фæлæ сæм æрдз дæр æрыхъусы. Абайты Васо Ацæмæзы хоны «хурон хъайтар», «йæ зарджытæй æнусон цытитæ тайын куы байдайынц; уынгæг кæмтты уайаг дæттæ хæлхæлгæнгæ уæрæх быдыртæм згъорынтæ куы сисынц; гæмæх быдырты уæд алыхуызон рæсугъд дидинджытæ куы равзæрынц, кæрдæджы хал цингæнгæ йæхи уарынмæ уæд куы бацагъды, æрсытæ райхъал вæййынц сæ фынайæ æмæ сæ лæгæттæй рæцауынц...» Уалдзæг хæссæг зарæджы мотив ахуыргонд ссары иннæ эпосты дæр: алтайаг «Когутэй» – ы æмæ бурятаг-манголаг эпос «Аламжи Мерген» – ы [14, 200].

Æрдз уалдзыгон хуры хъарммæ куыд райхъал вæййы, афтæ Нарты кадджыты æрдз райхъал вæййы алæмæты уадындзы зæлтæм. Ома, æрдзы мæлæт алы фæззæг æмæ йæ райгас уалдзæджы Абайты Васо бæтты нарты Ацæмæзы сыгъзæрин уадындзы зæлты хъомысимæ.

Сæрыстыр æмæ æнæрцæф Агуындæйы зæрдæ дæр нæ фæлæууыд уыцы диссаджы зæлтæм æмæ бауарзта Ацæмæзы. Фæлæ йын йæ чызгон сæрыстырдзинад зæрдæ рагом кæныны бар нæ дæтты, нæ йын дæтты разыйы дзуапп, æрмæст ын зæгъы, дæ уадындз мын ратт, зæгъгæ. Ацæмæз æрбамæсты и, йæ уадындз Сау хохы тигъыл дурыл ныццафта, æмæ уадындз лыстæг муртæ бацы. Йæхæдæг уыцы мæстыйæ фездæхти сæргуыбыр æмæ уæнтæхъилæй æмæ сæхимæ рараст ис. Агуындæ-рæсугъд уадындзы сæстытæ æрæмбырд кодта, батыхта сæ зæлдаг хæцъилы (иннæ варианты: уадындз æрцæвы алæмæты ехсæй), æмæ уадындз, цы уыди, уый фестади. Ацæмæзы хъыг базонгæйæ, уæларвон Уастырджы, Æфсати æмæ Тутыр минæвар бацыдысты Сайнаг-æлдары иунæг чызгæ æмæ йæ Ацæмæзæн æрхастой. Чындзæхсæвы уæларвон Уастырджы фæрсы Ацæмæзы:

– Цин дæуыл кæнæм айæппæтæй, уæд нын дæ уадындзæй цæуыннæ цæгъ-дыс?

Уый дзуапп дæтты:

– Раджы фæцух и мæ лæппуйы зæрдæ мæ хæзнайы зардæй [9, 386].

Уæд æм Агуындæ уадындз балæвæрдта, Ацæмæз цæгъдынтæ райдыдта. «Зард кæмæ хъуысти дунейыл, уыдон кафын байдыдтой...» [9, 375-386].

Ацы сюжеты варианттæ сты уæлдай лирикон, уымæн æмæ сæ нæй тыхми. Тугъанты Махарбег дыгурон диалектыл поэтикон хуызы кæй ныффыста «Нарти Ацæмæзи зар», зæгъгæ, уыцы кадæг Абайты Васо банымадта фидуцджын аивадон уацмысыл, уым нæй «æгъатырдзинад æмæ тугкалæн нывтæ», зæгъгæ... «Она (песня) чужда зловецей идее рока, которая бросает свою мрачную тень на важнейшие эпизоды истории нартов. Пронизанная с начала до конца солнцем, радостью и песней, отличающаяся, несмотря на свой мифологический характер, яркостью и рельефностью психологических характеристик и живостью бытовых сцен, полная образности, соединенной с непогрешимым чувством меры, изящно простая по содержанию и совершенная по форме, эта «Песнь» может быть названа по праву одной из жемчужин осетинской поэзии...» [3, 199].

Ацæмæзы ускуырды сюжетæй уæлдай ма Агуындæйы кой ис æндæр кадæджы дæр, «Агуындæйы лæвæрттæ», зæгъгæ, уым [10, 405-409]. Ацæмæз ерыс кæны Агуындæимæ нартæн хуыздæр фынгтæ æрæвæрынаы. Ацæмæз цуаны амардта иу азы гуырды сагтæ сæдæ – нартæн афæдзвæг, Агуындæ скодта нарты уарзон нозт – æлутон фых сау бæгæны. æртæ азы дæргъы уæлахизыл нымæдтой Агуындæйы, уымæн æмæ-иу бæгæныйæ уæлдай æрцæттæ кодта сæдæ фæлысты æмхуызон дарæс, сæдæ худы сæлавыры цармæй, 300 саджы цармтæ... æмæ-иу сæ нартæн байуæрста. Ерыс рамбылдта Агуындæ, фæлæ Уырызмæг Ацæмæзæн зæгъы:

– Ницы кæны, Ацæмæз, Агуындæйы уæлахиз дæр дæ хæдзары кад у. Мах дын дæ курдиат зонæм, æрхæсс-ма рæвдздæр дæ диссаджы уадындз [10, 405-409].

Фыццаг уал уадындзыл Уырызмæг ацагъта, цæмæй Ацæмæз æмæ Агуындæ акафыдаиккой. Нартæ зæрдиæгæй кастысты сæ аив фезмæлдмæ, се уæнгты рог фезмæлдмæ. Ацæмæзы баивтой нарты гуыппырсагтæ, Ацæмæз йæхæдæг та йæ алæмæты уадындзыл цагъта [10, 408-409].

Цымыдисаг у, Ацæмæз хинæйдзагæй кæм æвдыст цæуы, уыцы кадæг. Куыд зонæм, афтæмæй ирон эпосы хинæйдзаг у «зæххы хин æмæ арвы кæлæн Сырдон. Кадæг «Нарти сæлæф ходæ» – йы Ацæмæз хинæй рацыд канд нартыл нæ, фæлæ Сырдонæн йæхиуыл дæр.

Ацæмæз бынаты нæ уыд, афтæмæй нартæ басастой Гуры фидар, фæлæ, цы фæллой рахастой, уый байуарын сæ бон нæ уыд. Æппæты зынаргъдæр дзы уыдысты æртæ диссаджы дзаумайы: гамхуд, бæндæн æмæ хæддзæугæ уæфсытæ. Йæ ус Уадзыфтауы уынаффæйæ, Ацæмæз асайдта нарты æмæ дзауматæ йæхи бакодта [10, 416-418]. Афтæмæй, ацы сюжеты æмхуызон сты Ацæмæзы æмæ нарты фыдбылыз Сырдоны, иуæй-иу вариантты та – Сатанайæн сау ногъайагæй цы лæппу райгуырды, уый [15, 157] функцитæ.

Ацæмæзы цикл фæуд кæны йæ мæлæтæй. Уæйгуытæ кæнæ йæ æлдæрттæ нæ амардтой, фæлæ нарты Созырыхъо (Сослан). Ацæмæзы мæлæты тыххæй баззад дыууæ варианты: «Ацæмæзы мæлæт» [9, 420-423] æмæ «Созырыхъо æмæ Уырызмæг Сатанайы зондæй куыд ныццагътой Ацæты мыггаджы» [9, 423-426], кадджытæ фыст æрцыдысты 1923 æмæ 1941 азты ирон диалектыл. Сæ сюжет у, Сослан æвзонг Тотрадзимæ кæм тох кæны, уыцы кадæджы æнгæс. Зындгонд у, Сослан йæхицæй хуыздæр æмæ тыхджындæртæн кæй нæ быхста, уый. Ахæм ныхмæлæууæг ын разынд æвзонг Ацæмæз. Сатанайы амындæй Сослан/Созырыхъо Ацæмæзыл хинæй фæуæлахиз и, йæхиуыл бирæгъы царм скодта, афтæмæй (вариант: тохмæ йемæ хъыбылтæ ахаста, æмæ сæ хъыллестæй Ацæмæзы бæх фæтарст). Дыууæ варианты дæр амæлы Сослан/Созырыхъо йæхæдæг дæр. Кадæг «Созырыхъо æмæ Уырызмæг Сатанайы зондæй куыд ныццагътой Ацæты мыггаджы», зæгъгæ, уым Ацæмæз йæхи Мæрдты бæсты хицау Барастырæй ракуырда, цæмæй йæ маст райса æмæ йæ мадæн хæрзбон зæгъа, ома, ацы циклы Ацæмæз исы канд йæ фыды маст нæ, фæлæ йæхи маст дæр. Ацæмæз йæ марджыты куы амардта, уæд Сосланы-Созырыхъойы хъустæ ракодта æмæ сæ йæ фыд Ацæйæн ныффæлдыста, Сатанайы хъустæ та – йæхицæн [10, 425]. Ацæмæзы æнæмæнг рацæуын хъуыд Мæрдты бæстæй, уымæн æмæ Ацæты мыггаг æнæхъæнæй дæр Æхсæртæггаты фыдæй фесæфти. Ацæмæзы туг сын чи райстаид, ахæм ничиуал баззад.

Афтæмæй, ирон эпосы Ацæмæз канд курдиатджын музыкант нæу, фæлæ йæ фыд æмæ нарты ирвæзынгæнæг дæр. Йе сгуйхтыты ирвæзын кæны зæронд Ацæйы æмæ исы йæ маст, йæ туг. Насран-æлдары кадджыты варианты Ацæмæз хæцы уæйгуытæ æмæ æлдæрттимæ, тохмæ ацæуы суанг дзидзидайæ, авдæны ма вæййы, афтæмæй. Ацæмæзы циклы сæйраг æргом здæхт цæуы йæ диссæджы уадындзмæ, йæ фыдæн æй балæвар кодта æрвон Æфсати. Уадындз бынæн баззад Ацæмæзы кæстæр фыртæн (варианты: йæ иунæг фыртæн). Ацы куысты ма ноджы хицæнгонд æрцыдысты, Ацæмæзæн æххуысгæнæг йæ алæмæты уадындз кæм у, уыцы сюжеттæ. Уыдонмæ хауынц Сидæмоны тыххæй кадджытæ, чынтæ æмæ гуынтимæ тохы кадджытæ. Лирикон ахорæнтæй хицæн кæны Ацæмæзы ускуырды кадæг, нæй дзы тыхми æмæ æгъатырдзинады нывтæ. Ацы варианты сæрмагонд нысануæг ис музыкайæн, уый нарты дуне байдзаг кæны рухсæй, хъармæй, уалдзæг æмæ уарзтæй. Агуындæ дæр фæзынди, Ацæмæз йемæ нартæн хуыздæр фынгтæ æрцæттæ кæнынæй кæм ерыс кæны, уыцы сюжеты. Ерысы фæуæлахиз и чызг. Ацæмæзы циклы зындгонд у гамхуды тыххæй сюжет, уым Ацæмæз хинæй рацыд нартыл æмæ сын рахаста сæ фæллой. Хъайтары цикл фæуд кæны йæ мæлæтæй, нарты хъуытазхъæлæс фæмард и Сосланы къухæй. Ацæмæз йæхи ракуырда Мæрдты бæсты хицау Барастырæй, цæмæй йæ туг райса Æхсæртæггатай.

Литературæ

1. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976.
2. Абаев В. И. Блеск и нищета золотого тиснения // Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ, 1990.

3. Абаев В. И. Нартовский эпос осетин // Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ, 1990.
4. Мамиева И. В. Архетип сказителя в осетинском эпосе «Нарты» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8-1 (38). С. 119-121.
5. Мамиева И. В. Сказитель в быту и художественном сознании осетин // Эволюция эпической традиции Сухум, 2014. С. 180-191.
6. Мамиева И. В. Слово о Сырдоне и принципах классификации именного цикла осетинских нартских сказаний // Известия СОИГСИ. 2015. № 16 (55). С. 131-134.
7. Гуриев Т. А. Наследие скифов и алан. Владикавказ, 1991.
8. Мамиева И. В. Сказитель и его функции: к вопросу об архаическом синкретизме // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2013. № 2. С. 174-180.
9. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу, 2007. Ч. IV.
10. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу, 2012. Ч. VII.
11. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. Издание второе. М., 2004.
12. Кусаева З. К. Арфæтæ (благопожелания) в системе эпического повествования осетинской «Нартиады» // Материалы научной конференции «Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации». Владикавказ, 2013. С. 52-65.
13. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу, 2004. Ч. II.
14. Абаев В. И. Из осетинского эпоса. 10 нартских сказаний, текст, перевод, комментарии. М.-Л., 1939.
15. Мамиева И. В. Указатель сюжетов цикла Сырдон / Сирдон // Известия СОИГСИ. 2015. № 16 (55). С. 135-162.

М. Б. БУТАЕВА,
аспирант СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

О ТАБУИРОВАННЫХ СЛОВАХ И ЭВФЕМИЗМАХ В НАРТОВСКОМ ЭПОСЕ ОСЕТИН

В статье рассматриваются табуированные слова и эвфемизмы, отраженные в нартском эпосе осетин, а также их функционирование; проводится лингвокультурологический анализ данной лексики.

Ключевые слова: табуированная лексика, эвфемизмы, осетины, нартский эпос.

The article deals with the tabooed words and euphemisms reflected in the Ossetian Nart epic, as well as their functioning; conducts linguistic and cultural analysis of the vocabulary.

Keywords: tabooed lexis, euphemisms, Ossetians, Nart epic.

В разнообразном устном творчестве осетинского народа особое место занимают Нартовские сказания, в которых нашли отражение многие стороны жизни их предков. По мнению крупнейшего нартоведа В.И. Абаева, «эпос в отдельных своих чертах хранит следы весьма древних общественных отношений и мифологических воззрений, переплетающихся с позднейшими наслоениями и влияниями» [1, 9].

Одним из ранних мифологических воззрений являются взгляды на охоту как на чрезвычайно важное занятие в жизнедеятельности человека. Вот почему «охота у осетин была окружена глубоким религиозным почитанием, что нашло яркое отражение в археологических памятниках, фольклоре, обычаях и нравах, языке народа. Подтверждением того, что охота играла важную роль в жизни предков осетин, может служить и Нартовский эпос, в котором большое место отводится описанию охоты и охотничьему божеству» [2, 175]. Колоритный образ покровителя охотников Всати выведен в одноименном стихотворении К.Л. Хетагурова, разброс критических трактовок которого поразительно широк и разнообразен [3, 52; 4], в том числе, по поводу отразившихся в нем элементов табуирования. Охотничьи запреты и обусловившие их религиозные суеверия и приметы оказались необычайно устойчивыми. Даже в наши дни охотники – самые суеверные люди [5, 205].

В эпосе встречаются эвфемизмы, связанные с особым языком охотников, на иронском и дигорском диалектах. К примеру, достаточно част эвфемизм ружья – *хъæргæнаг* – «шумный»:

Мæ бæхæй, мæ кардæй, мæ хъæргæнагæй дын бар ис, лæвар дын кæнын, æмæ йæ мæ номыл фæхæсс Нарты хъæумæ. – (букв.) На моего коня, на мой кинжал, моё **ружьё** есть у тебя право, дарю тебе, возьми в село Нартов (Нарт. сказ., 2004, Т.2, 61).

Йæ хъæргæнаг афтæ фехсы, æмæ зæхх æмæнкъуыст скæны. – (букв.) **Ружье** его так стреляет, что вся земля содрогается (Нарт. сказ., 2005, Т.3, 185).

Æмбисонд йæ кард, йæ хъæргæнаг – хæстмондагæй цъæх арт чи уадзы. – (букв.) Чудесны его нож, его **ружье, что** испускает синее пламя в жажде боя (войны) (Нарт. сказ., 1975, 316).

В дигорском варианте сказания «Хæмици æруæд» («Калым Хæмыца») находим целый ряд эвфемизмов охотничьего языка:

«Æруæд ди берæ нæ райсдзинан: дæ уæле нин де 'таугæ, дæ бунин дæ хæссæн, дæ фарсбæл нин дæ сæрфæн, дæ къæлца æма нин дæ гомдза, дæ рагъи нин дæ тахъина, дæ хъуæнцгæнæн æма нин дæ цъинкгæнæн, дæ гъаргæнæн æма нин дæ рæхисбæлдаргæ». – (букв.) Калым возьму с тебя небольшой: **бурку** – с тебя, **лошадь** – из-под тебя, с боку – **нож, шашку** и **брюки**, со спины – **ружье, револьвер** и **плеть** нам, **рубашку** и **котелок** нам. (Нарт. сказ., 2005, Т.3, 73).

Итаугæ – нымæт «бурка», **хæссæн** – бæх «лошадь», **сæрфæн** – кард «нож», **гомдза** – хæлаф «брюки», **тахъина** – топп «ружье», **хъуæнцгæнæн** – дамбаца «револьвер», **цъинкгæнæн** – æхсæ «плеть», **гъаргæнæн** – хæдонæ «рубашка», **рæхисбæлдаргæ** – агæ «котелок» (см.: Нарт. сказ., 2005, Т.3, 613).

Встречается в Нартовском эпосе и эвфемизм собаки: **цуанон** «охотник»; ср.: *«Сахы рæсугъд чызг»: Гъе уыдон тæссæй Нартæй, Чынтæй, Борæтæй / Карк уасын нал уæндыди, / Цуанон рæйын нал уæндыди».* – (букв.) Красавица Саха: От страха перед ними у Нартов, Чинтов, Бораевых / Курица боялась кричать / **Собака** не осмеливалась лаять (Нарт. сказ., 2010, Т. 5, 549).

«Æвзæр цуанон, дам, кæрты хъыхъаг у, / Йæ худинаг та дардмæ хъуысаг у». – (букв.) Плохая **собака** во дворе ярая, / А позор её слышен далеко (Нарт. сказ., 2011, Т.6., 250).

Табуированию у осетин подвергался и осёл. В Нартовском эпосе встречаются эвфемизмы осла: *«О, уæртæ хæссæн! Æддæмæ ракæс, уым цы бамбæхстæ!».* – Эй ты, **осёл!** Выгляни наружу, что там спрятался! (Нарт. сказ., 2003, Т.6, 107).

«Хъæуы кæронмæ ацæуы (Сатана. – Бутаева) æмæ уым дæр æвзæрдзинадæй фаджыстыл цы ссардта: хæдмæлæй, куыдзы мардæй, сугхæссæны мардæй, бæхы мардæй – æрбахаста сæ хæдзармæ æмæ сæ мæрдтæн æрхæлар кæны цумæ, æвзæрæй, хорзæй». – (букв.) На край села уходит Сатана, и всё, что находит там плохого на навозе: падаль, труп собаки, труп **осла**, труп лошади – приносит в дом и посвящает покойникам всё вместе, и хорошее, и плохое (Нарт. сказ., 2004, Т.2, 583).

В данных примерах **хæссæн** «то, на чём носят», **сугхæссæн** «для ношения дров» являются эвфемизмами лексемы **хæрæг** «осёл» (см. также: Нарт. сказ., 2004, Т.2, 845).

В фольклорной традиции осетин несомненный интерес вызывают охотничьи песни, близкие по жанру к обрядовому молению и перекликающиеся с мотивами и архетипическими символами Нартовского эпоса [10, 1005-1011]:

*Æвсати, ратт нын ратт, – бирæ дæм ис
Ихсыд сæртæй се стыртæй.
Кæд уымæй нæ дæттис, уæд та
Фугæ бынæй сæ къаддæртæй.
О, хъæбатыр Уастырджы, ракур нын ды дæр;
Æвсатийæ, нæ фæндаг раст цæмæй уа!.. [11, 412].
Авсати, дай нам дай, – у тебя много
Из **стершихся голов** самых больших
Если ты не даешь из них,
Тогда хотя бы самых мелких
Из тех, что под рододендронем.
О, великий Уастырджы, попроси и ты
Авсати, чтобы путь наш был праведным!..*

(Подстрочный перевод З. К. Кусаевой).

В приведенном тексте народной песни использована закодированная охотничья лексика, где под **«ихсыд сæртæ»** (букв. «стершиеся головы»), очевидно, подразумеваются олени, сбросившие рога, которых и просят в качестве трофея у покровителя лесных зверей и охотников – Æвсати [10, 1005-1011].

В Нартовском эпосе ярко представлен и обычай *уайсадын* избегания осетин. «Избегание – в традиционном осетинском обществе – система обязательных запретов в отношениях с определенными категориями родственников, чаще свойственников» [6, 177]. Б. А. Калоев пишет: «В семье строго придерживались обычая **уайсадын** избегание, по которому невестка не могла разговаривать со свекром, старшими братьями мужа, а также с его старшими родственниками» [2, 315].

Примеры, связанные с этим обычаем, содержат эвфемизмы: «Елда иу уад йæ нозытæм кæны бæрæггæнæг, иннæ уад та Сатанæмæ кæны: «**Сæ чызг, мæ нозытæм нал æнхъизыныц, де 'фсымæр мæ æдзæллагæй куы 'рбаййафа, уæд мæ маргæ дæр кæндзæн.** – (букв.) Елда подходит то к напиткам, то к Сатане: «Их девушка, напитки мои не бродят больше, если брат твой застанет меня такой никчёмной, то может даже убить» (Нарт. сказ., 2003. Т.1, 121).

«Ног чындз ын загъта: «Нæ-ннæ, дæ нывонд фæуон, сæ рын, сæ сон фесæфти, æмæ ныр уый тыххæй куывд кæныныц уæлæ нæхиуæттæм, Уæрхæгтæм. – (букв.) Молодая невестка сказала ему: «Нет-нет, да буду я твоей жертвой, их болезни, их хвори пропали, и по этому поводу устраивают они пир у наших, у Уархагов (Нарт. сказ., 2005, Т.3, 398).

«Ног чындз араст ис. Бацыди æмæ дуар бахоста. Сатана йæм ракастис. «**Махонтæ** куывд кæныныц Æрдамонгæ хæдзары æмæ мæ уæ зæронд лæгмæ хонæг рарвыстой», – зæгъы ног чындз. – (букв.) Молодая невестка отправи-

лась. Подошла и постучала в дверь. Сатана выглянула. «Наши пир устраивают в доме Ардамонга, и прислали меня за вашим стариком», – говорит молодая невестка (Нарт. сказ., 2005, Т.3, 104).

«Гъе ныр ацы бон **чындзæн** зæгъ, æмæ дын уый йæ мæйтæ банымайдзæн». – (букв.) А теперь назови этот день **невестке**, и она подсчитает его месяцы (Нарт. сказ., 2005, Т. 3, 60).

В приведённых примерах сæ чызг «их девушка», нæхиуæттæ, махонтæ «наши», чындз (здесь: «жена деверя») – эвфемизмы; так невестка называла членов семьи мужа и их родственников (см. также: Нарт. сказ., 2005, Т.3, 655).

Особое положение и в речевом этикете осетин занимала **беременная** женщина. Вместо табуированного *сывæрджын* «беременная» в эпосе встречаются эвфемизмы дигорского диалекта **хæстбойнон, зæрдæ 'хсайгæ:**

«Мæгур Еунæгæн æ уосæ **хæстбойнон** адтæй, 'ма йин æмбесæхсæви ба лæхъуæн райгурдæй, 'ма 'й авдæни бабастонцæ. – (букв.) У бедного Еунага (Одинокого) жена была **беременная**, и в полночь родился у неё сын, и уложили его в колыбель (Нарт. сказ., 2004, Т.2, 228).

«Фал ма **Æхсæртæггæтæн сæ уоститæй еу мæгури кизгæ æ цæгаттæ рандæй зæрдæ 'хсайгæй**». – (букв.) Но ушла из женщин Ахсартаговых одна бедная девушка в дом родителей **беременной** (Нарт. сказ., 2003, Т.1, 94).

Мы привели лишь часть эвфемизмов из Нартовского эпоса. Они являются достоянием лингвокультуры осетин: ведь «то, что говорит язык, казалось интереснее того, что говорит на языке человек» [7, 33].

Примечания

1. Абаев В. И. Из осетинского эпоса. М.-Л., 1939.
2. Калоев Б. А. Осетины: Историко-этнографическое исследование. 3-е изд., исправ. и перераб. М., 2004.
3. Мамиева И. В. «Всати» Коста Хетагурова: к истории изучения // Коста Хетагуров: 140 лет со дня рождения Тезисы Международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Коста Хетагурова. 1999. С. 52.
4. Мамиева И. В. Хетæгкаты Къостайы «Всати» ирон критикæйы // Венок бессмертия Материалы международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Коста Хетагурова. Министерство культуры и искусства РСО-Алания, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований. 2000. С. 142-152.
5. Чибиров Л. А. Традиционная духовная культура осетин / Под ред. Ю. Ю. Карпова. М., 2008.
6. Дзадзиев А. Б., Дзуцев Х. В., Караев С. М. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. Владикавказ, 1994.
7. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998.
8. Нартовские сказания: Эпос осетинского народа / Текстæ бацæттæ код-

та, чиныг æмæ дзырдурат сарæзта Хæмыцаты Т.; зонадон ред. Джыккайты Ш. Т. 1-6. Дзæуджыхъæу, 2003-2011.

9. Нартские сказания. 2-е изд. Орджоникидзе, 1975.

10. Кусаева З.К. Мифо-фольклорные традиции в осетинской литературе // Фундаментальные исследования. Серия «Филологические науки» № 4 (часть 4), 2013. С. 1005-1011. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=31315> (дата обращения: 26.05.2016).

11. Салагаева З. Ирон адамон сфалдыстад. Т.2. Дзауджыхъæу: Ир, 2007.

И. Н. ЦАЛЛАГОВА,
кфн, снс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ПРИНЦИПЫ ФОРМАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ГОВОРАХ ДИГОРСКОГО ВАРИАНТА ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассмотрены принципы адаптации заимствованной из русского языка лексики к фонетической системе дигорского варианта осетинского языка и его говоров в фонетическом, морфологическом и словообразовательном аспектах.

Ключевые слова: осетинская диалектология, дигорский вариант осетинского языка, заимствованная лексика, адаптация иноязычной лексики

Adaptation principles of borrowed from the Russian language lexis to the phonetic system of the Digorian variant of Ossetian language and its dialects in phonetic, morphological and word-formational aspects are discussed in the article.

Keywords: Ossetian dialectology, Digorian variant of the Ossetian language, borrowed lexis, adaptation of foreign language vocabulary

Для выяснения культурных, экономических и политических связей любого народа, большое значение имеет исследование словарного фонда языка, с точки зрения ее происхождения.

Все существующие языки, в той или иной мере испытывают влияние других языков. Однако влияние одного языка на другой происходит различными путями и к тому же характеризуется различной интенсивностью. В первую очередь это отражается на словарном составе заимствующего языка.

По мнению Т.А. Гуриева, обогащение лексического состава языка под влиянием другого осуществляется: путем заимствования иноязычной лексики и путем использования своих языковых ресурсов для обозначения понятий, выражаемых иноязычными словами или фразеологическими сочетаниями [6, 7].

В Лингвистическом энциклопедическом словаре термин заимствование определяется, как элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой [18].

Исследование словарного состава языка с точки зрения ее происхождения дает обширный материал для исследований в области истории. Особую значимость в этом аспекте имеют слова, которые указывают на прошлые контакты различного характера между различными народами. Лексическое заимствование является определенным свидетельством языкового контактирования.

Заимствованные слова адаптируются к фонетической системе принимающего языка. Бывают случаи, когда изменения настолько сильны, что слово трудно даже распознать, например: *k'ajmæk* – хомяк, *qalağur* – караул и т.д. Данное явление больше характерно для слов, которые усвоены устным путем.

По мнению Л.П. Крысина условиями вхождения чужеродного слова в систему заимствующего языка являются такие факторы, как: передача иноязычного слова фонетическими и графическими средствами заимствующего языка; соотнесение слова с грамматическими классами и категориями заимствующего языка; фонетическое освоение иноязычного слова; грамматическое его освоение; словообразовательная активность слова; семантическое освоение иноязычного слова; регулярная употребляемость в речи [13].

Усвоение иноязычных звуков или аффиксов происходит постепенно и не может вносить существенные изменения во внутренние законы развития языка. Усвоение новых звуков осуществляется в тех случаях, когда язык не может подчинить заимствованные слова своим фонетическим нормам. Именно таким образом происходят некоторые изменения и в звуковом строе языка. Известно, что из кавказских языков осетинский язык заимствовал ряд смычно-гортанных. Ввиду этого, стало закономерным замещение русских звуков соответствующими смычно-гортанными звуками, например: *st'olæ* – стол; *p'ol* – пол; *k'rant* – кран и т.д. [6, 8]

По мнению Т.А. Гуриева, степень фонетических изменений в заимствовании зависит от таких факторов как:

1) степени различий между фонетическими системами контактирующих языков, и от того насколько конкретное слово соответствует звуковому строю заимствующего языка;

2) в какую историческую эпоху произошло заимствование;

3) каким путем попало слово в другой язык, посредством устного общения или литературы [6, 9].

Общеизвестно, что в основе осетинского языка обнаруживаются черты иранских языков. Помимо этого, установлено и взаимодействие с угро-финскими, славянскими и тюркскими народами, а также со многими этносами Кавказа. Самое осязаемое влияние на осетинский язык оказали кавказские языки, что объясняется наиболее их длительным контактированием.

Взаимодействие осетинского и русского языков началось во второй половине XVIII века. Вхождение Осетии в состав России и постепенное распространение имперской административной системы на жизнь осетинского общества способствовало росту значимости русского языка среди осетин. Первоначально осетины усваивали русский язык во время службы в рядах цар-

ской армии. Сотни осетинских добровольцев участвовали в войнах Российской империи. Большую роль в росте осетинско-русского двуязычия сыграли церковно-приходские школы, а так же школы «военных воспитанников» при полках царской армии расквартированных на Кавказе.

С каждым годом число осетин владеющих русским языком возрастало. В период советской власти этот процесс проходил особенно интенсивно, и со второй половины XX века языковую ситуацию в Осетии можно называть билингвальной [10].

В период присоединения Осетии к России (1774 г.) русский язык становится основным источником для заимствований в осетинском языке. Усвоение лексики из кавказских языков постепенно теряло свою интенсивность, но все же имело место быть, главным образом, на стыке контактирующих регионов: на юге – из грузинского языка, на севере – из кабардинского языка, а на западе, в Дигории – из балкарского языка. Однако эти заимствования усваиваются в основном диалектами и говорами осетинского языка [11].

Следует отметить, что присоединение Осетии к России имело прогрессивное значение, так как способствовало социально-экономическому развитию Осетии.

В тот период жителям горных ущелий Осетии стали выдавать земли на равнине, началось их активное переселение на плоскость. Естественно, что это способствовало проникновению в жизнь людей новых общественных правил, предметов и явлений, которые требовали расширения словарного состава осетинского языка. Вследствие этого, в речи осетин появляются следующие группы слов: административно-военная терминология: *пъысыр* – писарь, *пъырыстаѳ* – пристав, *дзандар* – жандарм, *къниаз* – князь, *афицер* – офицер, *хъалагъур* – караул, *иналар* – генерал, *булкъон* – полковник и т.д.; названия предметов домашнего обихода и хозяйственных вещей: *пец* – печь, *къамод* – комод, *стъл* – стол, *тас* – таз, *бедра* – ведро, *асыкк* – ящик и т.д.; названия средств передвижения и предметов упряжи: *бричка* – бричка, *тачанка* – тачанка, *бидарка* – бидарка, *гайка* – гайка и т.д.; названия различных продуктов питания: *кас* – каша, *борс* – борщ, *къабуска* – капуста, *цай* – чай, *къафет* – конфета и т.д.; названия денег, мер длины, объема, веса, времени: *капекк* – копейка, *сардзин* – сажень, *версок* – вершок, *пут* – пуд, *минут* – минута, *гир* – гиря, *къупец* – купец, *къазна* – казна и т.д.; названия письменных принадлежностей: *чиныг* – книга, *къопи* – копия, *къонверт* – конверт, *кърандас* – карандаш, *ручка* – ручка и т.д. [12, 56].

Еще большая интенсивность влияния русского языка на осетинский происходит после Октябрьской революции. Это связано с произошедшими в жизни народа существенными социально-экономическими преобразованиями. Осетинский язык стал пополняться многочисленным потоком заимствований. В ходе этого процесса, а также развития двуязычия у населения, начали происходить изменения и в артикуляционной базе осетин. Произношение осетинами русских слов становится наиболее похожим на их произношение в языке-источнике.

Владение подавляющим большинством осетин русским языком не создает артикуляционных препятствий при фонетическом освоении новых слов. Кроме того, географическое соседство двух народов на протяжении веков способствовало взаимопроникновению материальной и духовной культур, что, конечно же, отразилось и в языке: в осетинском языке существует огромный пласт русских заимствований, воспринимающихся носителями осетинского языка как исконно осетинские лексемы [3, 111].

Одним из следствий появления в осетинском языке огромного количества русских заимствований, является архаизация лексики. Вследствие влияния культуры больших и развитых народов происходит трансформация национального самосознания носителей малых языков, происходит нарушение языковой преемственности поколений. По сути получается что современным синонимом того или иного архаизма становится заимствование, в той или иной степени адаптированное под фонетическую систему осетинского языка, осетинские слова, обозначающие те же термины, переходят в пассивный словарь, например: *beġeli* (гумно, зернохранилище, амбар, житница) – *ambar*; *aræznæ* (руль) – *rul' / rol'*; *zeti* (масло растительное) – *maslæ*; *æfsaŕæ* («тот, кто владеет провизией», «хлебодар», «повар») – *ŕovær*; *kerta* (циркуль) – *cirkul'*; *medæggonæ* (кладовая) – *klædovkæ*; *sans* (клей) – *klej*; *avaræ / k'omnætæ* – комната; *gawiz / gauz / kav'or* – ковер; *alġawinɜæ / skæværodkæ* – скovorodka с ручкой, *alt'ami* – персик; *axwæn / zak'uska* – закуска (ударение переходит на первый слог); *æpχæ / mark'ofkæ / mark'of* – морковь; *æχsinæn / semičkæ* – подсолнух и т.д.

Как известно, заимствование появляется в языке в результате воспроизведения иноязычного материала. При этом первоначальный звуковой ряд часто искажается, что объясняется различием в фонетической и, в большинстве случаев, графической системе двух языков. В заимствовании, по сравнению с его иноязычным прототипом, воспроизводится не просто звук, а другой языковой знак, знак другой языковой системы [3, 108].

Адаптация заимствования это сложный процесс, который начинается с того момента, когда какой-либо предмет или явление обозначается иноязычным словом, и продолжается в его фонетическом, морфологическом, словообразовательном и семантическом оформлении.

Большое значение при фонетической ассимиляции заимствований имеют особенности дистрибуции фонем в обоих языках. Сочетаемость фонем, будь то сочетания гласных между собой, гласных с согласными или согласных друг с другом, в любом языке подчиняется своим специфическим правилам и законам, часть из которых, впрочем, обычно оказывается общезначимой для многих, а иногда и для всех языков мира [5, 21].

Следует отметить, что фонетические изменения в заимствованных осетинским языком (иронским вариантом) из русского языка словах описал Т. А. Гуриев в своей монографии «Влияние русского языка на развитие осетинской лексики» [6].

В отношении дигорского варианта осетинского языка такого исследования проведено не было. Однако данный вопрос, ввиду своей актуальности,

теоретической значимости для определения основных тенденций в динамике развития языка, не раз привлекал внимание осетиноведов [8; 16; 3].

Русские заимствования в диалектах осетинского языка, по мнению М. И. Исаева, составляют два лексических пласта:

- 1) слова, усвоенные до Октябрьской революции;
- 2) слова, усвоенные в советский период.

В свою очередь первый пласт лексики охватывает несколько тематических групп:

1) слова военной терминологии (относятся автором к наиболее ранним заимствованиям), например: *saldat* «солдат», *kazarmæ* «казарма», *qazaq* «казак», *inælar* «генерал» и т.д.;

2) слова, связанные с школой и административной деятельностью, например: *skola* «школа», *klas* «класс», *advakat* «адвокат», *zakon* «закон» и т.д.;

3) слова из производственной и торговой деятельности, например: *zavot* «завод», *fabrikæ* «фабрика», *kapekk* «копейка» и т.д.;

4) культурные и бытовые термины, например: *goræt* «город», *kalbas* «колбаса», *kurupa* «крупа», *kartof* «картофель» и т.д.;

5) названия ряда стран и национальностей, собственные имена, например: *German* «Германия», *Japon* «Япония», *Franc* «Франция», *nemuc* «немцы», *Danel* «Данила», *Iwan* «Иван» и т.д.

Второй пласт русских заимствований, появившийся в советский период, более обширен, что обусловлено распространением двуязычия у осетин, как впрочем, и у многих малочисленных народов Советского Союза (*sovet*, *kolhoz*, *kommunist*, *muzykæ* и т.д.) [8, 29].

Формальная адаптация не является обязательным условием включения слова в языковую систему. В говорах дигорского диалекта существуют и такие заимствования, которые мало отличаются от аналогов в языке-источнике. Такие случаи обусловлены наиболее полным фонетическим и структурным соответствием иноязычного элемента нормам заимствующего языка.

Чаще всего из других языков заимствуются слова, реже фразеологические и синтаксические единицы, так как слова более валентны, и их легче запомнить. Заимствования адаптируются к системе заимствующего языка и часто усваиваются им настолько, что носители данного языка считают их своими исконными. Заимствованные слова можно условно разделить на две группы: полностью усвоенные и частично усвоенные. Соответственно во второй группе сохраняются следы иноязычного происхождения в виде звуковых, орфографических, грамматических или семантических особенностей, которые не свойственны системе заимствующего языка.

Обычно процесс заимствования не представляет собой каких-либо трудностей в области фонетики или фонологии. Если слово языка-источника состоит из элементов, удовлетворяющих фонетическую систему заимствующего языка, то никаких изменений на данном уровне оно не претерпевает. В основном такая ситуация складывается между родственными языками, не говоря уже о диалектах. В случае если в обоих языках слово будет иметь

схожие характеристики, оно может быть заимствовано в начальной форме, к примеру, именительный падеж единственного числа для существительных или инфинитив для глагола, и затем использоваться в заимствующем языке с применением уже его морфологических правил. Однако, практически во всех случаях заимствования при переходе из одного языка в другой, слово нуждается хотя бы в небольшом изменении фонетической оболочки [7].

Попадая из русского языка в осетинский, заимствование может или остаться без изменений, или оформиться по фонетико-графическим законам осетинского языка.

В дигорском варианте осетинского языка М.И. Исаев выделяет следующие основные фонетические явления, наблюдаемые в русских заимствованиях в ходе их адаптации:

1) двухфокусная смычная аффриката [ч] в русских словах заменяется однофокусной аффрикатой [ц], например: *печ* (из русск. печь), *цай* (чай);

2) двухфокусный шумный щелевой [ш] заменяется однофокусным [с], например: *касæ* (из русск. каша), *скъола* (школа);

3) русские глухие смычные заменяются соответствующими смычно-гортанными, например: *къанау* (канавы), *пъол* (пол), *пъæлитæ* (пальто);

4) в некоторых заимствованных словах наблюдается диссимилятивное озвончение глухих согласных: *болкъон* (полковник), *бапъирæс* (папирозы).

Рассмотрим каждый из этих пунктов. Как мы видим, на тот момент (а именно 1966 г.) М.И. Исаевым зафиксированы случаи перехода двухфокусной смычной аффрикаты [ч] в русских словах однофокусной аффрикатой [ц], например: *печ* (из русск. печь), *цай* (чай); *цин* (чин). На сегодняшний день, данный переход не наблюдается в речи дигорцев, т. е. мы имеем: *чай*, *чайник*, *чин*, *чемпион*, *чернила*, *къачели* и т.д. Хотя произношение слова *печ* сохраняется.

То же самое можно сказать и по поводу перехода двухфокусного шумного щелевого [ш] в однофокусный [с], например: *касæ* (из русск. каша), *скъола* (школа); сейчас мы имеем *кашæ* вместо *касæ*, *штъраф* вместо *стъæраф* (сохраняется только в речи информантов старшей возрастной группы), *шикъæлад* – шоколад, *штаб*, *шахмæттæ*, *шайбæ* и т.д. Хотя произношение *скъола* сохраняется.

Более устойчивым явлением оказалась замена русских глухих смычных соответствующими смычно-гортанными, например: *k'arindas* – карандаш, *bocik'a* – бочка, *k'æridor* – коридор, *p'lan* – план, *st'ol* – стол, *žik'etkæ* – жикетка, *zak'on* – закон, *k'abuska / k'abusta* – капуста; *k'azarmæ* – казарма, *k'azna* – казна, *k'alor / k'arol'* – король, *k'alos* – калоша, *k'amod* – камод, *k'ampajni* – компания (свадьба), *k'anaw* – канал, канавы; *k'anžol* – камзол, жилет; *k'antoræ* – кантора; *k'anfet* – конфета; *k'arekk* – копейка, деньги вообще и т.д.

Однако в заимствованиях последнего времени такой переход не наблюдается: *vakansi* – вакансия, *valir'ankæ* – валерианка, *valik* – валик, *val'utæ* – валюта, *kapel'nicæ* – капельница, *ukol* – укол, *aperaci* – операция, *doxtir* – доктор, *mitsistra* – медсестра, *tabletkæ* – таблетка и т.д.

Появление артикуляционных препятствий в произношении некоторых

заимствований с трудными для произношения комплексами согласных, приводит к появлению таких форм, как: *Mæsku* – Москва, *Kiwnugæ* – книга, *kurupa* – крупа, *st'æraf* – штраф и т.д.

На фонетическое оформление заимствованных слов большое влияние оказывает ударение. По мнению М.Л. Апажева, перенос акцентологических законов родного языка на заимствуемые слова – особая разновидность фонетической ассимиляции [2, 248].

Ударение в дигорском диалекте характеризуется как экспираторное, т.е. силовое (сила его зависит от долготы или краткости ударенного гласного). Характерной чертой дигорского ударения является так же то, что оно не является фиксированным, т.е. оно не прикреплено к определенному слогу, как в русском языке [8, 26].

Существует мнение, что ударение в словах, заимствованных из русского языка, сохраняется, на том же месте, что и в русском языке [8, 26; 16, 34].

Однако по нашим наблюдениям, в заимствованных словах происходят некоторые изменения, а именно:

1) теряется четкость ударения, например: *vagon*, *zákon*, *bal'kon*, *zagon*;

2) меняется место ударения, например: *kilæ* (озр.), *kelæ* (ст.-диг) «кило», *kino* (диг.), *keno* (ст.-диг.) «кино», *kamis* – комиссия, *kanaw* (канав); *tabletka* – таблетка

3) ударение сохраняется на том слоге, на который оно падает в русском, например: *šaxmætta*, *žurnal*, *orfografi*, *šetka*, *rifma*, *poéma* и т.д.

В ходе данного исследования нами было обнаружено, что некоторые заимствованные слова в разных говорах дигорского диалекта произносятся по-разному, например: кило – *kilæ* (озр.), *kelæ* (ст.-диг.); литр – *litæ* (озр.), *liter* (ст.-диг.); метр – *metæ* (озр.), *metir* (ст.-диг.) и т.д.

Данное явление наблюдается не только в терминах метрической системы, но и в общеупотребительной лексике, например: скидка – *skitka* (ст.-диг.), *skitka* (озр.); кружева – *kuršavæ* (озр.), *kursiavæ* (ст.-диг.); интернет – *internet* (озр.), *intirnet* (ст.-диг.) (наблюдается сильная палатализация звуков *t* и *n*); пластиковая бутылка – *baklaškæ* (озр.), *boiula* (ст.-диг.), *builka* (зад.-хан.); ящик – *iašuk* (озр.), *ašik* (ст.-диг.) и т.д.

Из этого следует сделать вывод, что в новых (заимствованных) словах в той или иной степени могут отразиться фонетические черты говора.

Так, дигоринскому говору характерно произношение долгого [i] близко к иронскому долготу [i], в то время как в чиколинском говоре, кроме нескольких слов, где долгое [i] имеет исторические корни, всегда произносится кратко [16, 8]. Эта характерная черта говора проявляется и в произношении заимствований – *кино*, *пирог* и т.д.

Согласные в новых словах нередко подвергаются тем же изменениям, как и в своих исконных словах. Например, одной из особенностей речи стур-дигорцев является замена в некоторых словах звука *m* на *n*: *bakundta* (вместо *bakumtda*), *adæn* (вместо *adæm*) и т.д. То же самое происходит с заимствованным словом «сумка» – *sunkæ* (ст.-диг.).

Привлекает внимание произношение астионима Нальчик в стур-дигорском говоре – *Nalčik*. В данном заимствовании наблюдается переход палатализованного (смягчённого звука) [ль] в веляризованный, т. е. происходит отвердение – [л]. Однако данного единичного случая недостаточно для того чтобы утверждать закономерность такого перехода.

Отдельно следует отметить заимствование *už'e* – «уже» (1. наречие, употребляемое при сказуемом и наречие времени, указывает на окончательное совершение, наступление, выполнение чего-нибудь; 2. усилительная частица). Данное заимствование очень активно используется в дигорских говорах в том же значении, что и в русском языке: *Už'e sk'ola kast fæcæj* – (Он) уже окончил школу; *Už'e mæ bon næbal æj* – Я уже не в силах; *Už'e fonz anži kæræžej næbal fæjttan* – Мы уже пять лет друг-друга не видели. Фонетическим отличием является более мягкое произношение звука [ž]. Фонетические изменения в заимствованных словах и их морфологическое приспособление является первым необходимым звеном в их окончательной ассимиляции. Только такая «национализация» вводит иноязычные слова в сферу действия внутренних законов развития заимствующего языка [6, 62]. Практически все заимствования подвергаются морфологической ассимиляции и включаются в морфологическую систему заимствующего языка.

Как известно, в осетинском языке нет грамматической категории рода. Категория рода передается только лексически при помощи слов «сылгоймаг» (женщина), «сыл» (самка), «нæл» (самец), «нæлгоймаг» (мужчина).

При заимствовании русские слова практически всегда теряют категорию рода. Например, слова «докладчик» и «докладчица» в осетинском языке эквивалентны слову «доклатгæнæг». Но, в тот же момент, мы имеем такие заимствования, как «актер», «актрисæ», «герой», «героиня» и т.д.

Склонение заимствованных слов происходит по законам склонения исконных слов. Форма множественного числа заимствованных слов образуется путем присоединения к корню или основе русского слова форманта множественного числа -tæ, например: *туфли* – *tuflitæ*, *носки* – *næskitæ*, *выборы* – *vybærtæ*, *сапожки* – *sæpæškitæ* и т.д.

Помимо фонетической и морфологической адаптации выделяют также словообразовательную адаптацию, которая заключается в субституции иноязычных аффиксальных морфем словообразовательными средствами родного языка при сохранении корневой системы (с/без фонетической адаптацией) [1].

В дигорском варианте осетинского языка, как и в иронском, существуют заимствования различные по своей морфологической структуре, большую часть из которых составляют производные и сложные слова.

При переходе слова из русского языка в осетинский словообразовательные средства русского языка заменяются на функционально адекватные словообразовательные средства осетинского языка [3, 124], например: *abxazag* – абхазец, абхазский, *avajrag* – аварец, аврский, *politikon* – политикон, *processualon* – процессуалон, *kollektivon* – коллективон, *orfografion* – орфографион, *sportivon* – спортивный, *gorættag* – городской, *varværzijnadæ* – варварство,

zak'onzijnadæ – законность и т.д. Данные слова образованы путем присоединения к корню или основе русского слова осетинских словообразовательных аффиксов.

Словообразовательная адаптация заимствований, затрагивающая их форму и содержание, наблюдается на этапе укрепления этих слов в языковой системе и функционирования в речи в качестве единицы этой системы: производящая основа в дериватах оформляется уже в соответствии с законами принимающего языка, само же наличие дериватов у заимствований косвенно подтверждает целесообразность их включения в язык [9, 76].

Освоение аффикса существенно отличается от простого лексического заимствования. В языке легче совершается заимствование сотен иноязычных слов, чем усвоение одного суффикса или префикса. «Усвоение аффикса совершается только тогда, когда в процессе длительного употребления с аффиксом, как значащей единицей, связывается определенное содержание. Но усвоение аффикса имеет для языка весьма важное значение, поскольку данный аффикс входит в систему словообразования языка...» [6, 63].

В систему словообразования осетинского языка (иронского и дигорского варианта) вошли такие префиксы, как *анти-*, *авиа-*, *авто-*, *био-*, *гео-*, *гидро-*, *евро-*, *пост-*, *нео-* и др. Например: *антиадæмон*, *авиацалцæггæнæн*, *геополитикон*, *автохæдзарад*, *евроцалцæг* [3].

Характер формальной адаптации определяется различными факторами: степень различий в системе контактирующих языков; способ усвоения заимствования (устный или письменный); степень распространенности билингвизма у носителей языка. Формальная адаптация – это фонетическая, графическая, словообразовательная и морфологическая ассимиляция заимствований.

В данном исследовании проведен анализ принципов адаптации заимствованной из русского языка лексики к фонетической системе дигорского варианта осетинского языка и его говоров в фонетическом, морфологическом и словообразовательном аспектах.

Данный анализ показал, что современные принципы адаптации заимствованной лексики имеют ряд особенностей, по сравнению с аналогичными процессами более раннего периода. Это обусловлено как экстралингвистическими факторами (изменения в общественно-экономической и политической среде), так и внутриязыковыми процессами.

В заимствованиях раннего периода (дореволюционный период, советский период) наблюдаются более сильные фонетические изменения, чем в заимствованиях последнего времени. Это обусловлено такими факторами, как: интенсификация русского влияния на осетинский язык; роль русского языка как языка межнационального общения народов бывшего СССР и современной России; билингвизм осетинского населения.

Принятые сокращения

озр. – озрекский говор дигорского варианта осетинского языка
ст.-диг. – стур-дигорский говор дигорского варианта осетинского языка
диг. – дигоринский говор дигорского варианта осетинского языка
зад.-хан. – Задалеск – Ханазский говор дигорского варианта осетинского языка

Примечания

1. Алексеева М. М. Особенности адаптации лексических заимствований из близкородственных языков (на примере полонизмов в лемковских говорах украинского языка). // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Выпуск 85 / 2008 г.

2. Апажев М. Л. Вопросы влияния русского языка на кабардинский: лексика, семантика, фонетика. Нальчик, 1963. 152 с.

3. Гацалова Л. Б. Неология в современной лингвистике: Монография / Под ред. докт. филолог. наук, проф. Р. С. Аликаева; Сев.-Осет. гос. ун-т. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2005. 365 с.

4. Гацалова Л. Б., Парсиева Л. К. Инновационные возможности осетинского языка // Фундаментальные исследования. 2012. № 11 (часть 3). – стр. 727-730; URL: www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=9999820 (дата обращения: 15.04.2013).

5. Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Зарубежная лингвистика. Ч. 2. М.: Прогресс, 1999.

6. Гуриев Т. А. Влияние русского языка на развитие осетинской лексики. Орджоникидзе, 1962. 116 с.

7. Гусева Ю. П. Процесс фонетической адаптации заимствований и его отражение в словарях // Гуманитарные научные исследования. 2012. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2012/06/1500> (дата обращения: 12.11.2015).

8. Исаев М. И. Дигорский диалект осетинского языка. Москва, 1966.

9. Казкенова А. К. Мотивированность заимствованного слова (на материале современного русского языка) // Вопросы языкознания. 2003. № 5.

10. Камболов Т. Т. Очерк истории осетинского языка. Владикавказ: Ир, 2006. 463 с.

11. Камболов Т. Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии: история, современность, перспективы. Владикавказ: Издательство СОГУ, 2007. 290 с.

12. Козырева Т. З. К вопросу о развитии осетино-русского двуязычия в Северной Осетии. // Вопросы осетинского языкознания. Т. XXXII, Орджоникидзе, 1977.

13. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 206 с.

14. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике [Текст] / Л. П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с. – ISBN 594457-183-7.
15. Миллер Вс. Язык осетин. М. – Л., 1962. 189 с.
16. Таказов Ф. М. Грамматический очерк осетинского (дигорского) языка. Владикавказ, 2009. 164 с.
17. Цаллагова И. Н. Некоторые особенности говора осетин-дигорцев Моздокского района РСО-Алания // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5; URL: <http://www.science-education.ru/119-14713> (дата обращения: 02.10.2014).
18. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1990.

Д. М. МАГОМЕДОВ,
нс ИЯЛИ им. Г. Цадасы ДНЦ РАН
(г. Махачкала)

ПЕРСИДСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена исследованию персидских заимствований в аварском языке. Процесс заимствования является источником обогащения исконного словаря и ярким примером взаимодействия языков и культур.

Ключевые слова: заимствования, персизмы, исконная лексика, архаизмы, языковые контакты, синонимы, омонимы, антонимы.

The article deals with Persian loan words in Avar. The process of adopting represents the source of enriching of primordial vocabulary and the vivid example of interaction of languages and cultures.

Keywords: loan words, Persian loan words, primordial vocabulary, archaisms, linguistic contacts, synonyms, homonyms, antonyms.

подавляющее большинство персидских заимствований, функционирующих в дагестанских языках, сильно ассимилировалось в них. Эти заимствования воспринимаются коренными народами как исконные слова.

Необходимо отметить, что заимствование лексических единиц идет неравномерно в различных функциональных сферах языка и, как и любые другие исконные слова, персидские заимствования неоднородны по степени употребления. Часть из них относится к активному словарному запасу, то есть к словам, постоянно находящимся в употреблении и обозначающим наиболее важные для носителей языка реалии и понятия, другая часть – к пассивному, словам, не употребляемым в обычной речи, ввиду особенностей обозначаемых ими реалий (историзмы, архаизмы, стилистически окрашенные слова).

Персидские заимствования, активно используемые в дагестанских языках, представляют собой, как правило, стилистически нейтральные слова, которым характерна простота и общепонятность, семантическая освоенность, регулярная употребляемость в устной и письменной речи, высокая словообразовательная активность. Приведем примеры персидских лексем, свободно употребляющихся в аварском языке как в устной, так и в письменной речи: *загыру* «яд, отравка», *пиша* «ремесло, занятие, деятельность», *базар* «базар, рынок», *багыя* «цена, стоимость», *багыана* «предлог, причина, повод», *азарго* «тысяча», *гулла* «пуля», *пардав* «занавес, занавеска», *пашманаб* «грустный,

печальный», *туманкI* «ружье», *тIарс* «таз», *тушман* «враг, неприятель», *чарх* «катушка», *шагъар* «город» и т. д.

С точки зрения исторической перспективы из корпуса иранских заимствований можно выделить архаизмы и историзмы. Архаизмы – устаревшие слова, вышедшие в настоящее время из активного употребления, но имеющие в современных дагестанских языках другие общеупотребительные эквиваленты (синонимы), при сравнении с которыми особенно отчетливо выступает их устарелость в языке. «Нельзя и невозможно установить сколько-нибудь четкой границы между словами, унаследованными от прадагестанского языка, и словами, составляющими пласт собственно данного языка» [1, 5].

К сожалению, пока нет строгих критериев в установлении исторических границ, дающих возможность причислять те или иные вышедшие из употребления слова к разряду архаизмов. Тем не менее, основываясь на лексикографических источниках, мы склонны относить к архаизмам следующие слова в аварском языке: *ашбаз* «харчевня, столовая», *харж* «зарплата», *хъурайсин* «каракулевая шкурка», *шагъи* «пятак», *базарган* «купец», *диван* «суд», *диванхана* «здание суда», *апараг* «бродяга, нищий», *туман* «десять рублей, червонец», *сияхI* «список, перечень», *чирахъ* «вид светильника», *дарманхана* «аптека, больница», *китабхана* «библиотека», *сардар* «крупный чиновник» и др.

Причинами архаизации персидских заимствований являются такие факторы, как исчезновение обозначаемых ими реалий и понятий, недостаточная их освоенность аварским языком и кратковременность употребления. В процессе анализа аварско-русского словаря М. – С. Д. Саидова [2] нами было установлено, что в аварском языке представлено 165 слов персидского происхождения, из которых всего 10 слов можно отнести к категории устаревших.

В связи с рассматриваемой проблемой уместно привести мнение С. М. Хайдакова, который отмечал, что «не каждое заимствованное слово прочно усваивается языком и входит в общеупотребительный лексический фонд языка. Слова, выражающие сугубо специфические понятия, могут попасть в письменную литературу, но не усвоиться обиходным языком» [3, 52].

Некоторые персидских заимствования только находятся в стадии архаизации и могут употребляться в речи наряду с русскими словами, образуя тем самым синонимические ряды. Так, например, в аварском, языке соперничают между собой русизм *список* и его персидский эквивалент *сияхI*. В некоторых аваро-андо-цезских языках постепенно устаревают и выходят из употребления такие иранизмы как *зиян* «вред», *хурда* «мелочь», *чайдан* «чайник».

Отдельный тип архаизмов представляют стилистически окрашенные слова, употребляемые в высокой, поэтической речи. Поэтическая речь может хранить в себе вышедшие из разговорно-бытового употребления персидские заимствования, образуя тем самым слой поэтической лексики. В художественных произведениях такие заимствования используются писателями не только как средство выражения мысли, но и для создания торжественного стиля, для усиления ораторской напряженности речи.

К категории устаревших слов можно отнести также слова, которые, не имея самостоятельного лексического значения, употребляются только в сочетаниях с другими словами, либо в качестве корневых частей производных слов [4, 49]. Как правило, такие слова восходят к персидским именам прилагательным, но могут быть представлены и другими частями речи.

Чаще всего данные заимствования употребляются в сочетаниях с компонуемыми глаголами со значениями «делать» и «быть», «становиться», выражая тем самым глагольные понятия. При этом определенная семантическая связь между значениями глагольного словосочетания и его персидского прототипа сохраняется.

Так, в аварском языке слово *бизар*, восходящее к персидскому *bizār* «питающий отвращение, ненавидящий; измученный», не имеет самостоятельного употребления, но образует глагольные словосочетания, значения которых оказались семантически связанными со значениями их именного компонента в языке-источнике, например: *бизар гъавизе* «надоедать», *бизарлъизе* «скушать»,

Среди устаревших слов особую группу составляют историзмы – слова, устаревшие в связи с исчезновением тех реалий, которые они обозначали, т. е. называющие не встречающиеся в современной действительности предметы, явления. Появление историзмов, как правило, вызвано внеязыковыми причинами: социальными преобразованиями в обществе, изменением быта, развитием науки и культуры и т. д.

В отличие от устаревших слов историзмы не имеют конкурирующих эквивалентов-синонимов. Это объясняется тем, что устарели сами реалии, для которых эти слова служили наименованиями.

К группе персидских историзмов, не имеющих в современном аварском языке соответствий в связи с тем, что обозначаемые ими понятия перестали существовать, можно отнести небольшое количество слов. Вытесняемые из употребления, эти слова не перестают существовать в языке, они часто используются в художественной литературе для описания культуры и быта, картин и сюжетов исторических событий, отражения языкового колорита прошлых времен: *сардар* «наместник, крупный чиновник», *дарбиш* «дервиш», *шагы* «пятак, пять копеек», *тумен* «червонец»,

Как известно, развитие и изменение языка неразрывно связано с развитием и изменением человеческого общества. Наиболее подверженной к трансформациям частью любого языка является лексика. В связи с этим вопрос о лексико-семантических изменениях иноязычных слов в языке-рецепторе является, на наш взгляд, одним из основных в изучении заимствованной лексики.

Лингвистическое освоение заимствующим языком иноязычного слова в первую очередь связано с его семантической ассимиляцией. Семантическое освоение иноязычного слова предполагает вхождение в лексико-семантическую систему языка-рецептора нового понятия, отражающего определенную лингвистическую и экстралингвистическую реальность. Степень влияния

персидского языка на развитие и обогащение аварского языка лучше всего проявляется при изучении тех языковых уровней, которые более всего подверглись изменениям под влиянием заимствований. В связи с этим вопрос о лексико-семантических изменениях персидских заимствований в аварском языке является, на наш взгляд, одним из основных в изучении заимствованной лексики, позволяющим выявить внутренние стороны взаимодействия и взаимовлияния языков различных систем.

Семантическое освоение иноязычного слова предполагает вхождение в лексико-семантическую систему языка-рецептора нового понятия, отражающего определенную лингвистическую и экстралингвистическую реальность. Проанализировав процесс семантического освоения персидских заимствований и учитывая особенности языкового строя аварского языка, мы считаем целесообразным систематизировать его следующим образом: а) заимствования, освоенные без изменения семантики; б) заимствования, сузившие свои значения; в) заимствования, расширившие семантику слова, г) заимствования, у которых произошло смещение значения слова. Эта классификация должна, на наш взгляд, более полно передать все стороны семантических изменений персидских лексических единиц в процессе их адаптации в лексико-семантической системе заимствующих языков.

В аварском языке функционирует большое количество слов, которые заимствованы из персидского языка с сохранением своей семантики. Это, как правило, моносемичные термины, которые, являясь однозначными в языке-источнике, не представляют собой модели для семантического развития.

Значения таких слов, как правило, связаны со значимыми областями жизнедеятельности человека. Во многих случаях они обозначают в аварском языке новые понятия, ранее никак не называвшиеся, либо называвшиеся описательным путем. Анализ лексико-семантической принадлежности персидских заимствований показывает, что закрытых сфер в употреблении данных заимствований в аварском языке практически не существует. Персидские заимствования, например, являются членами таких лексико-семантических групп слов как:

а) названия профессий, рода занятий: *базарган* «торговец, купец», *тушман* «враг, неприятель», *кашиш* «священник»;

б) термины растительного мира: *манарша* «фиалка», *члакълултан* «свекла»;

в) термины животного мира: *гамуц* «буйвол», *чакъал* «шакал»;

г) названия, обозначающие предметы домашнего обихода: *бел* «лопата», *зурма* «зурна» (музыкальный инструмент); *тапс* «таз», *туманкI* «ружье»;

д) названия тканей, одежды: *шарбал* «штаны»;

е) обозначения абстрактных понятий: *багъана* «предлог, повод».

Заимствованных слов, сохранивших более одного исконного значения, в аварском языке сравнительно мало. В языках-рецепторах нами зафиксированы, например, следующие слова: *тах* 1) престол, трон; 2) тахта, кровать; *кагъат* 1) бумага, 2) письмо, 3) документ; *багъана* «предлог, повод» и др.

Немногочисленность таких слов объясняется причинами как лингвистического, так и экстралингвистического характера. Во-первых, слова заимствуются обычно изолированно, в частных случаях их употребления, а не теми этимологическими группами (гнездами), которыми они живут на родной своей почве. Во-вторых, отсутствие многозначных заимствований в языках-рецепторах можно объяснить отсутствием у аварцев письменности на протяжении всего периода ирано-восточнокавказских языковых контактов. Вследствие этого малоупотребительные значения слов не были зафиксированы в письменной речи и могли быть впоследствии утеряны. Эти же факторы могли повлиять на сужение значений заимствованных слов.

Следует отметить также то, что наличие в аварском языке лексических средств, позволяющих обозначать новые понятия, не всегда является преградой на пути заимствования. Напротив, освоению новых заимствований способствует включение слова в систему связей с другими словами языка-рецептора, а именно в связи синонимические. Поэтому, несмотря на существование в исследуемых языках близких или тождественных по значению слов, ряд значений заимствованных иранизмов свободно осваивается аварским языком в ряду слов, отражающих те же понятия. Например: *чакар* «сахар»; *чирахъ* «лампа, свеча»; *чара* 1) средство, возможность, 2) выход; *чиркинаб* (диал.) «грязный, неряшливый»; *дарман* 1) лекарство, 2) любимая, милая; *дурна* «бинюкль».

Особый интерес, как наиболее редкий случай семантических изменений, представляют собой персидские заимствования, расширившие свои значения в аварском языке.

Расширение значений, представляя собой процесс, противоположный сужению, может быть объяснен общим развитием материальной и духовной культуры дагестанских народов. В связи с этим возникает необходимость обозначить новые понятия, входящие в язык в процессе языковых контактов. Слово в новом употреблении заключает больший круг представлений о чем-либо и может быть использовано как средство наименования шире, чем в период заимствования. Часть этих новых понятий в той или иной мере вытекает из значений заимствованных слов, имеет с ними прямую логическую связь.

Как показывает анализ, в процессе адаптации многие заимствования в языках-рецепторах теряют свою семантику и выступают в новых значениях. Явление это в дагестанских языках нередкое и объясняется тем, что слова, как и названия, могут легко переходить с одной вещи на другую или на какой-либо признак вещи, или на ее часть.

Воздействие языковой системы принимающего языка является основной причиной семантических сдвигов в заимствованных словах. Главный лингвистический фактор здесь – синонимия языка, под влиянием которой происходят семантические смещения в новых словах.

Под главной экстралингвистической причиной семантических сдвигов мы понимаем влияние языка-посредника, из которого слово заимствуется

уже со смещенным значением. Анализ заимствований, лексические значения которых смещены, показывает, что в них часто наблюдается семантическая близость с прототипами.

Перенос наименований может происходить в зависимости от ассоциативных отношений, зарождавшихся при осмыслении персидского слова. При трансформации семантического объема иноязычного слова новое значение может иметь на восточнокавказской языковой почве отдельные общие семантические свойства с одним или несколькими прежними признаками персидского слова. При этом наблюдается сходство признаков с персидским прототипом: *чайдан* «чайник», *чали* «ограда, забор», *палугъан* «канатоходец», *жергъен* «бубен», *жигараб* «активный, энергичный», *анищ* «мечта», *глузру* «болезнь, недуг», *гугъар* «прелесть».

Персидские заимствования в аварском языке вступают в синонимические, антонимические и омонимические отношения как члены одного из рядов с исконными или заимствованными словами.

Возникновение синонимов, как известно, объясняется как внешними, так и внутриязыковыми факторами. Под внешними факторами обычно подразумеваются иноязычные заимствования. Заимствование иноязычных слов является одним из основных источников возникновения синонимов и в дагестанских языках.

Персидские заимствования, функционирующие в качестве названий предметов и явлений, уже имевших свои изначальные наименования в аварском языке, могут вступать с исконной лексикой в синонимические отношения, образуя синонимические ряды, причем персидские заимствования являются подчас более употребительными, чем исконные слова и другие заимствования: *кепав*, *вохараб* – *аваданав* «веселый»; *къимат* – *багъа* «цена, стоимость»; *чламучаб* – *бизараб* «скучный»; *хлакъ* – *мунагъ* «грех; вина»; *бахларчилъи* – *гъунар* «подвиг доблесть» и т. д.

Более редким случаем является синонимия собственно персидских заимствований, т.е. образование в аварском языке синонимических отношений между парами персидских по происхождению слов, ср.: *дарман*, *дару* «лекарство» и др.

Особое место в словарном составе аварского языка занимают антонимы, как слова, наиболее ярко проявляющие семантические отношения в лексике. Вхождение персидских заимствований в лексико-семантическую систему аварского языка обуславливает развитие антонимических пар с участием иранизмов в качестве элементов оппозиции. Заимствованные слова могут участвовать в образовании антонимических пар как в качестве одного из членов оппозиции, так и обоих, ср.: *аваданав* «веселый, жизнерадостный» – *пашманав* «грустный, печальный»;

Заимствования являются одним из источников формирования лексических омонимов. Лексическими омонимами, по наиболее общему определению, называются два и более разных по значению, совпадающие в написании, произношении и грамматическом оформлении слова.

Омонимы в аварском языке относятся к различным лексико-грамматическим разрядам слов. Наши наблюдения показывают, что омонимические ряды, включающие персидские заимствования в аварском языке, относятся, как правило, к именам существительным. В зависимости от составляющих омонимичных рядов можно выделить два типа образований: однородные и неоднородные. Однородный ряд составлен заимствованными парами слов-омонимов. Неоднородный ряд включает в себя омонимичные пары из исконных и заимствованных слов.

Группа, состоящая из омонимичных пар «исконное (неперсидское) слово – заимствование», возникает в результате совпадения звучания заимствованных персидских и исконных дагестанских слов. Например: *мина* «жилище» и *мина* «эмаль» (заимствованное слово); *пача* «щит, завеса» и *пача* «царь, император» (заимствованное слово); *пул* «волдырь» и *пул* «деньги» (заимствованное слово); *жал* (местоимение) «они сами, те самые» – *жал* «грива» (заимствованное слово); *чанагъ* «сани, дровни» и *чанагъ* «челюсть» (заимствованное слово) и т. д.

Примечания

1. Магомедов М.И. Лексика – национальное богатство народа // Очерки по лексике литературных языков Дагестана. Махачкала, 2014.
2. Саидов М.-С. Д. Аварско-русский словарь. М., 1967.
3. Хайдаков С. М. Очерки по лексике лакского языка. М., 1961.
4. Магомедов М. И. Генетическое родство дагестанских языков (исконная лексика) // Вестник ВЭГУ. Филология. № 3. Уфа, 2009.

Д.Р. МИНДЗАЕВА,
аспирант СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ТАКСОНОМИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ АНГЛИЙСКИХ И ОСЕТИНСКИХ ФЕ, ОБЪЕКТИВИРУЮЩИХ ЭМОЦИЮ РАДОСТИ В АНГЛИЙСКОМ И ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Данная статья посвящена анализу семантического аспекта конкретного языкового материала английского и осетинского языков с учетом такого важного параметра, как уровень репрезентативности эмоции в радости в этих языках.

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразеологическая репрезентация, эмоция, радость, культурный код

The article demonstrates the analysis of the semantic aspect of the concrete linguistic material of English and Ossetian languages taking into consideration such an important aspect as the level of the representation of the emotion of joy in the languages

Keywords: phraseological unit, phraseological representation, emotion, joy, cultural code

В данной статье излагаются результаты сопоставительного анализа фразеологического материала осетинского и английского языков. Осетинские ФЕ извлечены нами в основном из двух на момент сбора материала наиболее репрезентативных одноязычных словарей, в одном из которых (Дзабиты) [1] даны краткие объяснения на осетинском языке включенных в словарь ФЕ, а в другом – просто дается список достаточно ограниченного количества осетинских ФЕ, организованных по тематическому принципу, без разъяснения конкретного смысла ФЕ. Кроме того, нами собран и полевой материал.

Самой часто упоминаемой позитивной эмоцией, как в английской, так и в осетинской фразеологии является радость.

Радость – еще одна важнейшая позитивная эмоция в жизни человека. Она имеет множество оттенков (от веселья и восторга до исступления и эйфории) а также множество проявлений данного чувства, самыми распространенными из которых являются смех и улыбка. Радость – всегда мимолетное чувство, обязательно вызванное каким-то внешним раздражителем. Радость может быть вызвана каким-то незначительным конкретным событием. Данное чувство можно испытывать одновременно с негативными эмоциями. Радости свойственна кратковременность, а интенсивная долговременная радость

способно перерасти в более сложное и сильное чувство – счастье. Некоторые психологи различают активную и пассивную радость. Активная радость более интенсивна и часто сопровождается внешними проявлениями (улыбка, смех, в редких случаях – неадекватное поведение). Пассивная радость отличается меньшей интенсивностью [2].

Прежде, чем переходить к анализу ФЕ, описывающих радость, следует отметить, что в осетинском языке, в отличие от английского, радость и счастье не разграничиваются. При этом, осетинское слово «амонд», переводимое всеми изученными нами словарями на русский как «счастье», скорее обозначает «судьбу». Для осетинской ЯКМ характерно понимание счастья как наивысшей степени радости.

Анализ семантических коннотаций эмоции радости в английской фразеологии позволяет классифицировать их на следующие группы:

1. собственно номинация радости (happy as a possum up a gum-tree);
2. степень интенсивности эмоции радости:
3. а) блаженство на грани со счастьем (be/jump over the moon, float on a cloud);
б) восторг (be all over smth, go ape for/over smb/smth);
в) приподнятое/хорошее настроение (in (good) heart, in fine/high fettle);
г) удовольствие (get a bang out of smth, get a kick out of smth);
4. активно переживаемая радость, которая находит внешнее проявление:
 - а) веселость (merry as the maids, merry as cricket as a marriage-bell, merry as cricket);
б) ликование (float on a on clouds/air);
5. легкое, беззаботное состояние, вызванное отсутствием омрачающих эмоций или обстоятельств:
 6. а) беззаботность (a light heart);
7. б) удовлетворенность (as pleased as a dog with two tails, like a dog with two tails);
8. источник (как правило, внешний) радости (put heart in smb, give smb a lift, be meat and drink to smb);
9. эмоция радости, связанная с темпераментом, чертами характера (merry as cricket, gay as a lark);
10. номинация внешних проявлений высокой степени радости (sing like a lark, cry content with);
11. номинация притворной, наигранной радости (hang up one's fiddle when one comes home).

Счастье – это «зонтичное», сложное чувство, состоящее из нескольких составляющих. В списке ФЕ, описывающих чувство счастья, представлены такие коннотации, как:

1. номинация чувства счастье (happy as a king, happy as a lark);
степень интенсивности данной эмоции (couldn't be happier, the seventh heaven of...);
2. внешнее проявление эмоции счастья (sing like a lark);

3. разностороннее, комплексное воздействие чувства счастья, которое может заставить забыть обо всем (happiness takes no account of time);

4. намек на превратности судьбы, которые могут стать причиной прекращения чувства счастья (count no man happy till he dies, call no man happy till he dies).

Анализ семантических коннотаций эмоции радости в осетинской фразеологии выделил ряд различий и сходств с английскими ФЕ. Как и английские, осетинские фразеологизмы могут быть классифицированы на такие группы, как:

1. собственно номинация радости, счастья (уæларвмæ хауын, фырцинæй цъырцъырагау зары*);

2. степень интенсивности радости:

а) наивысшая степень – счастье (арвмæ сырæзын, фурцийнæй зæнхæ дæр нæбал уинуй *, арвы цъупмæ стæхын*);

б) восторг (фырцинæй нæ куыдзыл дыккаг къæдзил разад*);

в) приподнятое/хорошее настроение (абон йæ рахиз къахыл лæууы (рабадт) *, цард йæ уды бацыд*);

г) удовольствие (хъустæ хæрдмæ хауынц);

3. активно переживаемая радость, которая находит внешнее проявление:

а) веселость (циндзинад къепи кæнын*);

б) ликование (фырцинæй кафын*, фырцинæй базыртæ разад*);

4. легкое, беззаботное состояние, вызванное отсутствием омрачающих эмоций или обстоятельств:

а) беззаботность (рог зæрдæимæ цæуын*);

б) удовлетворенность (диссаджы райгонд дæн*);

5. внешний источник возникновения эмоции (искæй зæрдæ барухс кæнын*);

б) притворная, чрезмерно наигранная радость (æвзагæй стæрын);

7. внешние проявления эмоции:

а) смех (доны хæл-хæлау худын*, тъæнгтæ скъуыдтæ фæуын);

б) пение (фырцинæй булæмаргъау зары*, Фырцинæй цъырцъырагау зары*);

в) танец (фырцинæй кафын*, фырдисæй йæхи нал æмбары*, фыр цинæй уæрыккау кафын*);

г) специфические ощущения в груди (зæрдæйы судзы арт, зæрдæ цæхæр фестын, зæрдæйы туг хъазын);

д) блеск в глазах (цæстытæй арт æфтауын, цæстытæй зынджытæ хауын);

е) неадекватное поведение (ныхас дзыхы нæ рæхсын, фырцинæй маймулиау йæхи дары*);

ж) временная потеря рассудка (æрра куыдзау хъæлдзæг*).

Несмотря на существенные сходства в том, как счастье и радость интерпретируются англичанами и осетинами, в ходе анализа выявились и некоторые различия. Так, способность счастья оказывать на субъекта, испытывающего его, настолько сильное влияние, что он забывает обо всем, не нашла

отражения в осетинской лингвокультуре. Связь радости с чертами характера и темпераментом человека ее испытывающего также не отразилась в изученном нами осетинском материале.

В то время как большинство английских ФЕ овнешняют радость и различные ее степени, подавляющее большинство осетинских фразеологизмов репрезентируют внешние проявления, а также ощущения, сопровождающие данную эмоцию.

Нас немало поразило тот факт, что в английской фразеологии никак не отразились запечатленные в осетинской ЯКМ важные и заслуживающие внимание грани радости и счастья: злорадство (сæкæры къæртты ахæрды хуызæн уын, къах æркъуырын) и безграничное счастье (æнæкæрон амонд*, йæ циндзинадæн кæрон нæй*).

Примечания:

1. Дзабиты З.Т. Ирон æвзадзы фразеологион дзырдурат – Цхинвал, 2003.
2. <http://psywindow.ru/?p=618>

Л. В. ДЗАССОХОВА,
соискатель СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

СИСТЕМА ОТРИЦАНИЯ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Автор раскрывает особенности системы отрицания осетинского языка, используя различные методы исследования, в том числе и сравнительно-сопоставительный; анализу подвергаются монологативный и полинегативный типы отрицания.

Ключевые слова: отрицание, осетинский язык, монологативность, полинегативность.

The author reveals the characteristics of Ossetian negation system, using different methods of investigation, including comparative one; the mono-negative and poly-negative types of negation are analyzed here.

Keywords: negation, Ossetian language, mono-negativity, poly-negativity.

Общее отрицание в одних языках выражается *полинегативно*: в них обобщающие отрицания всегда сопровождаются обязательным глагольным отрицанием, в других же языках – *монологативно*, при помощи одного обобщающего отрицания [6, 355].

В полинегативных предложениях может использоваться два или более отрицания, в зависимости от наличия обобщающих местоимений и наречий, которые все могут быть отрицательными.

Самым распространенным способом выражения отрицания в осетинском языке является отрицательная частица **нæ** «не». Ее еще называют глагольной отрицательной частицей. Глагольная отрицательная частица придаёт сказуемому отрицательное значение: **Уый нæ зоны/ Он не знает/He has not know**. Общее отрицание, выраженное одной только глагольной отрицательной частицей, называют глагольным отрицанием [1, 17].

Другие средства выражения отрицания – отрицательные местоимения, наречия и союзы. Отрицание в русском **Никто не видит** можно выразить, употребив лишь два отрицательных элемента, что же касается английского, то глагольное отрицание отсутствует – **nobody sees** «никто видит». В осетинском языке, если в предложении уже есть отрицательное местоимение или наречие, то глагольное отрицание опускается: **Ничи уыны** «никто видит». Из этого следует, что различия выражаются в количестве использования элементов отрицания.

Глагольное отрицание во всех индоевропейских языках одинаково. Но «...при наличии в общеотрицательном предложении других средств выражения общего отрицания...языки делятся в зависимости от этого на монологативные и полинегативные [1, 17-18].

А. М. Пешковский считает, что русские отрицательные предложения отличаются от подобных романских, германских и других индоевропейских языков. Их главная особенность заключается в том, что в одном и том же предложении русского языка очень часто бывает несколько отрицательных частиц и отрицательных членов, например, «**Я нигде никогда не видел ни его, ни его брата**» [4, 13].

Вероятно, монологативный тип был свойственен всем индоевропейским языкам, в том числе и русскому, о чем свидетельствуют некоторые предложения монологативного типа со словами «**вовек**», «**отродясь**», «**сроду**» и т.п., значение которых заключает в себе отрицание **никогда** [2, 18]. Формально эти слова положительные, однако семантика слов отрицательна. Вытесняя старые формы, новые формы в течение долгого времени сосуществовали. Изменения в синтаксисе процесс долгий, так и развитие отрицательной системы занимает довольно длительный промежуток времени. Например, английский язык когда-то был полинегативным, впоследствии перейдя на монологативный строй. Этот вопрос обсуждали такие ученые, как Ф. Миклошич, О Есперсен, Г. Суит, В. Хорн и др. Считается, что германские языки изначально были полинегативными. Монологативность приобрели искусственно, и произошло это под влиянием латинского языка, которому в то время стали обучать в школах.

Существует также логическая или рационалистическая точка зрения на развитие монологативности в изначально полинегативных языках. Однако этот фактор не считается единственным. По мнению русских лингвистов, латинская школа могла ускорить процесс перехода из одной системы в другую, однако это не единственный фактор навязывания незнакомой языку системы отрицаний.

Многочленное отрицание становится обычным только в тех языках, где отрицательный элемент имеет сравнительно малый фонетический вес. Они легко притягиваются к различным словам, и невесомость этих начальных звуков или слабуюдарных слогов вызывает желание увеличить их число в предложении, чтобы они не остались незамеченными. Когда говорящий хочет быть совершенно уверен в том, чтобы отрицательный смысл предложения был воспринят его слушателями, он присоединяет отрицания не только к глаголу, но и к любому другому члену предложения, который можно легко связать с отрицанием. Вместо того, чтобы сосредоточить отрицание в одном месте, он как бы покрывает все предложение слоем отрицаний. Например, в современном английском и в современном немецком языках повторение отрицаний стало встречаться реже, чем прежде. Одна из причин, вероятно, состоит в том, что фонетически невесомые **ne** и **en** были замещены в этих языках более полными **not** и **nicht**.

В настоящее время английский язык является монологичным, однако полинегативность не сдала полностью свои позиции и всё же продолжает проявляться в разговорной речи.

Когда в предложении только лишь одно отрицание, то это требует больше умственного напряжения, так как говорящий и слушатель должны помнить это отрицание в течение всего высказывания. Намного легче для восприятия повторять отрицание при каждом удобном случае и таким образом придавать отрицательную окраску всему предложению [5, 87].

Множественность, как и единичность отрицания на уровне высказывания управляется грамматическими нормами языка. Грамматика одних языков принимает наличие только одного синтаксического отрицания, грамматика других – разрешает, а чаще – предписывает использование множественного отрицания. Заметим, что эти грамматические требования обусловлены особенностями выражения мыслительного процесса во время выражения отрицания в конкретном языке. Построение отрицательных высказываний в языках с единичным и множественным отрицанием оказывается логически различной.

Что же касается осетинского языка, то отрицательная система в нём, как известно, монологичная. В связи с тем, что древних памятников письменности и письменных источников у него не сохранилось, приходится рассматривать наиболее близкие к осетинскому языковые системы – иранские языки, для которых характерно использование монологичной системы в выражении отрицания. Исходя из того, что осетинский язык до сих пор сохраняет монологичность, можно утверждать, что он не претерпевал в этом отношении изменений, подобно немецкому или английскому языкам.

В осетинском языке многократное, или кумулятивное, отрицание не только вполне допустимо, но и весьма распространенное явление:

Афæдзы æрдæг агурын æмæ нукуы ницы арын (НК, т. IV, 154)/ Полгода ишу и нигде ничего не нахожу.

Айхъуыста фæйнæрдæм – нукуы-ницы, æмæ та æрхуыссыд (НК, т. IV, 170)/ Послушал по сторонам – нигде-ничего, и обратно прилег.

В осетинском языке встречаются предложения с так называемым двойным отрицанием, которое и является отличающей особенностью полинегативных языков. Двойное отрицание в осетинском языке – это сочетание отрицательного местоимения или наречия с отрицательным глаголом, то есть глаголом с отрицательной частицей.

В русском языке это явление совершенно естественная и даже необходимая для коммуникации норма: **Он ничего не знает....** В английском языке это будет звучать следующим образом: **He knows nothing ...** (букв. **он знает ничего**). В грузинском языке: **Араперс ар ицис....** В осетинском языке: **Уый ницы зоны...** (букв. **Он ничего знает**).

Данная синтаксическая особенность «является влиянием грузинского языка, который, в свою очередь, усвоил её, надо полагать, из русского языка...»[3, 66].

Никæй не 'ндавы мæ сагъæс, никæй нал хъæуы мæ сæр [ШР, 49]/ Никого не трогает моя печаль, никому не нужна моя голова.

В разговорной речи двойное отрицание встречается на порядок чаще, чем в письменной форме. Надо полагать, что это, скорее всего, связано с эмоциональным аспектом речевого процесса. Наиболее часто наблюдается оно в экспрессивных выражениях, когда субъекту хочется подчеркнуть негативную семантику своего высказывания.

Полинегативные и мононегативные языки различаются не семантикой, а формой предложения. Смысл у обоих видов предложений будет один, отличаются они лишь формальными способами выражения отрицания. Определяется эта формальная разница только при наличии в предложении не только одного лишь глагольного отрицания, т.е. отрицательной частицы, но и отрицательного местоимения, наречия или отрицательно-разделительного союза. В этом случае можно говорить об определении типа языка, относится ли он к мононегативным или же к полинегативным.

В ходе исторического развития наблюдается переход некоторых мононегативных языков в полинегативные и наоборот. Смена систем отрицания происходила постепенно, вот почему в отдельных языках могли определённое время сосуществовать как мононегативные, так и полинегативные построения.

Примечания

1. Багаева Л. К. Отрицательные конструкции в английском, русском и осетинском: Учеб. пособ./ Под ред. канд. филол. наук, доц. Л. М. Делиевой; Сев.-Осет. гос. ун-т. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1992.

2. Булах Н. А. К вопросу о выражении грамматической категории отрицания в индоевропейских языках: Уч. записи Ярославского пединститута. Вып.30. Ярославль, 1957.

3. Калоев С. Некоторые особенности языка южных осетин / Журнал «Мах дуг». № 10. 1977.

4. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Гос. учпед. изд-во, 1935.

5. Хабекирова З. С. Морфологические способы выражения отрицания в разносистемных языках: На материале русского, английского и адыгейского языков: дис. ... кандидата филологических наук: 10. 02.19. – Майкоп, 2003.

6. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.

Список сокращений

НФ – Ног фæдзæхст: Библийы тæлмацы институт. – Стокгольм, 2004.

НК – Нарты кадджытæ / Джыккайтæ Ш. ред. – Дзæуджыхъæу 2007.1-4 т.

ШР – Шота Руставели. Стайы цармдарæг. – Цхинвал, 1986.

Т. В. СЕМЕНОВА,
аспирант СОГУ им. К. Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

ИДИОСТИЛЬ ПОЭТА КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

В статье, посвященной проблематике, связанной с понятием индивидуально-авторской картины мира, активно разрабатываемой в рамках современной теории языка, рассматривается понятие идиостиля автора художественного произведения. Приводятся мнения отечественных ученых и исследователей-когнитивистов на рассматриваемую проблематику. На основании подробного изучения различных точек зрения констатируется, что авторское мировосприятие основывается на характеристиках его языковой личности, которая обладает рядом концептуальных и стилистических особенностей. В результате проведенного анализа делается вывод о том, что индивидуально-авторское миромоделирование художника слова выявляется в текстах, которые строятся на основании идиостилистических особенностей творческой личности.

Ключевые слова: художественная картина мира, индивидуально-авторская картина мира, концептуальная картина мира автора, языковая личность, идиостиль автора, доминантный личностный смысл.

In the article, devoted to the problematic, connected with the individual picture of the world of the author, which is actively developed within the scope of the modern language theory, the notion of idiostyle of the author of the work of art is considered. The opinions of the native scientists and cognitive researchers on the observable problematic are given. On the basis of the detailed studies of different points of view it is stated that the author's mentality arises from the characteristics of his language personality, which obtains a series of conceptual and stylistic features. As a result of the given analysis, one can reach the conclusion, that the individual world modeling of the author emerges in his texts, which are created on the basis of the idiostylistic features of the creative personality.

Keywords: artistic picture of the world, individual world building the author, conceptual picture of the world of the author, language personality, author's idiostyle, dominant personal meaning.

Гуманитарная наука в последние десятилетия заметно активизировала исследование проблемы картины мира. Данной проблеме посвящены труды Ю. М. Лотмана, В. И. Постоваловой, Н. П. Скурту, Г. В. Колшанского, Б. А. Серебренникова, Е. С. Кубряковой, Е. С. Яковлевой, а также статьи Г. А. Брутяна,

М. М. Маковского, Т. Ф. Кузнецовой, О. В. Магировской, Т. Г. Утробинной и других. Тем не менее, как подчеркивают исследователи, многие вопросы, связанные с картиной мира языковой личности, еще только поставлены на повестку дня и довольно далеки от однозначного решения. Так, в частности, как указывает Дж. М. Дреева, проблема манифестации картины мира поэта в языке его художественных произведений, обладающая, бесспорно, высоким эвристическим потенциалом, только начала разрабатываться в последние десятилетия с началом антропологической переориентации филологических исследований [1, 131].

В рамках **данной статьи** предпринимается попытка определения границ понятия *идиостиль автора*, рассматриваемого в качестве основополагающего элемента индивидуально-авторской картины мира поэта.

Понятие **картины мира** относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия. В. И. Постовалова определяет термин «картина мира» как целостный глобальный образ мира, который является итогом всей духовной активности человека, возникающий у него в ходе взаимодействия с миром [2, 19]. Картина мира может быть как целостным концептуальным образованием – мифологическая, религиозная, философская, физическая картины мира, так и отражать определенный фрагмент мира, т.е. быть локальной.

Среди множества различных картин мира исследователи выделяют *языковую картину мира*, которая является совокупностью зафиксированных в единицах языка представлений народа о реальности на определенном этапе его развития. При этом считается, что информация о мире, отраженная в системных значениях языковых знаков, представляет собой языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений [3, 43].

В рамках языковой картины мира выделяют *художественную картину мира*, – это вторичная картина мира, подобная языковой. Она возникает в сознании читателя при восприятии им художественного произведения [3, 45]. В художественной картине мира, несомненно, отражаются особенности национальной картины мира, например, национальные символы, национально-специфические концепты.

Определяя *индивидуально-авторскую картину мира* внутри художественной, Ю. М. Лотман говорит о контурах мира, воплощенного в пространственных формах в произведении искусства, которые находятся в зависимости от характера модели, то есть некоей схемы мира, существующей в сознании автора. Эти контуры мира, запечатленные в словесной форме – в виде текста, и понимаются Ю. М. Лотманом как картина мира литературного произведения [4, 49].

Автор художественного текста своим собственным образом переосмысливает элементы наблюдаемого мира и создает «новую» реальность, творчески пропуская через своё сознание явления мира и создавая им индивидуальные образы. Процесс создания художественного текста начинается с ограничения материала. Воспринимая мир действительности одновременно

в его континуальности и структурности, автор выражает свои представления об устройстве и организации мира в характере воплощаемых в тексте эпизодов, событий, фрагментов. Целенаправленно и осознанно он вычленяет нечто, с его точки зрения, важное и необходимое для изображения.

И. А. Тарасова характеризует индивидуально-авторскую картину мира как психическое отображение действительности через призму сознания субъекта, следовательно, художественному тексту приписывается статус «субъективного образа объективного мира», индивидуальной, опосредованной картины мира, выраженной языковыми средствами [5, 12].

Понятие индивидуально-авторской картины мира неразрывно связано с выделением *языковой личности автора*. Согласно Ю. Н. Караулову, языковая личность – это личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств [Караулов, с. 38]. Ученый предполагает описание языковой личности, характеризуя семантико-строевой уровень ее организации, реконструируя языковую модель мира, или тезаурус, данной личности на основе произведенных ею текстов, и выявляя ее жизненные или ситуативные доминанты, установки, мотивы, находящие отражение в процессах порождения текстов и их содержания, а также в особенностях восприятия чужих текстов [6, 43].

Рассматривая данные характеристики, В. П. Григорьев понимает под *идиостилем* автора глубинные, порождающие текст механизмы создания текстового пространства определенным автором, отличающие его от других [7, 68]. В более узком плане идиостиль связан с системой лингвостилистических средств, характерных для творческой манеры языковой личности.

Проблематика изучения идиостилевых особенностей автора затрагивается многими лингвистами, в том числе В. В. Виноградовым, Р. О. Якобсоном, Ю. Н. Тыняновым, М. М. Бахтиным, Ю. Н. Карауловым, А. К. Жолковским, В. П. Григорьевым и др.

В. В. Виноградов не раз подчеркивал, что принципы и законы словесно – художественного построения образа автора следует искать в тексте самого художественного произведения. «Диалектика писательского «Я» предполагает «широкое право перевоплощения и видоизменения действительности» [8, 128].

По В. П. Григорьеву, «описание идиостиля должно быть устремлено к выявлению глубинной семантической и категориальной связности его элементов, воплощающих в языке творческий путь поэта, к сущности его явной и неявной рефлексии над языком» [7, 68]. Ученый предполагает, что идиолект, как множество связанных между собой языковых факторов, собирается в «языковую память» и «генетику лингвистического мышления» автора, результатом чего становится полученная иерархическая система инвариантов, организующих так называемый «поэтический мир» автора.

Для вычленения обозначенного В. П. Григорьевым поэтического мира в творчестве определенного автора выделяются тексты, между которыми устанавливается отношение семантической эквивалентности по разным тексто-

вым параметрам: структуре ситуации, единству концепции, композиционных принципов, подобию тропической, звуковой и ритмико-синтаксической организации, что является анализом авторского идиолекта [9].

По мнению психолога Д. А. Леонтьева, трактовки художественного произведения как отражения реальности, и как отражения самой личности автора не являются точными. Он утверждает, что фактически мы имеем дело с трансформированным миром в образе мира автора и его дальнейшего преломления через систему выразительных средств, художественных канонов и традиций в тексте художественного произведения: мир – образ мира – изображение образа мира (текст). Соответственно и художественное произведение может рассматриваться в трех аспектах: аспекте мира (истинности), аспекте образа мира (как выражение личности автора) и собственно изобразительном аспекте, под углом стиля [5, 17].

Ю. М. Лотман связывает понятие идиостиля с посреднической функцией между семиотической и внесемиотической реальностью. «В равной степени он посредник между синхронией текста и памятью культуры. Роль его – роль семиотического конденсатора» [10, 225].

Того же мнения придерживается В. П. Григорьев, говоря о принадлежности автора к эпохе, как одному из основных положений при формировании идиостиля поэта. Ученый считает, что извод традиции при прикреплении поэта к определенной школе, течению, направлению может иметь не только индивидуальный отпечаток, но и сохранять какие-то существенные черты индивидуальной поэтики, быть ее закономерным развитием. В результате он приходит к заключению, что следует выделить так называемый макротекст, который отражает поэтический язык эпохи, и микротекст – индивидуальный поэтический текст [7, 69].

В связи с изучением понятий идиостиль и идиолект ученые вводят понятия доминанты, под которыми понимается «фактор текста и характеристика стиля, изменяющая обычные функциональные отношения между элементами и единицами текста. Предполагается, что поэтический идиолект может быть описан как система связанных между собой доминант и их функциональных областей» [9].

Развивая мысль В. А. Пищальниковой о понятии доминантного личностного смысла как единиц концептуальной системы субъекта, его концептуальной картины мира, И. А. Тарасова считает, что «установление системы доминантных смыслов, присущих концептуальной системе автора, выявляет его пристрастие к отражению тех или иных реалий объективной действительности и характера их отношений, что определяет содержательную сторону идиостиля (образ мира, реализующийся в рамках идиостиля)» [5, 11].

Говоря о доминантном подходе, И. А. Тарасова исследует идиостиль как единство ментального и языкового уровней в структуре творческой личности создателя текстов в направлении от мысли – к слову, от концепта – к поэтическому словообразу, от когнитивных феноменов – к способам их вербализации. Согласно такому представлению, ментальная основа поэти-

ческого идиостиля делится на два уровня, где на нижнем ярусе располагаются концепты как базовые единицы индивидуально-авторского сознания, на втором уровне они объединяются в когнитивные структуры, являющиеся результатом взаимодействия концептов, формой их ментальной организации [5, 50-51].

В осетинской филологической науке попытка осмысления авторской картины мира предпринята в монографическом труде И.В. Мамиевой [11] и в ряде статей [12; 13; 14], посвященных творчеству К.Л. Хетагурова, трактуемому исследователем как «важный источник информации не только по специфическому идиостилю, ключевым идеям мировидения и мироощущения Первого поэта Осетии, но и в целом по состоянию культуры народа на определенном историческом этапе ее развития» [11, 17].

Итак, рассмотренные выше положения доказывают, что:

1. Индивидуально-авторская картина мира является отражением общезыковой художественной картины мира как инвариантной единицы восприятия действительности.

2. Индивидуально-авторская картина строится на основе понятия языковой личности, выраженной в языке (текстах) и через язык.

3. Опираясь на понятие языковой личности, мы можем говорить об авторском идиостиле, который является с одной стороны, совокупностью языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, с другой, выявлением глубинной семантической и категориальной связности элементов, воплощаемых в языке.

4. Идиостиль, как единство ментального и языкового уровней в структуре творческой личности создателя текстов также основывается на концептуальной картине мира автора и реализуется в текстах, являясь результатом взаимодействия концептов, формой их ментальной организации.

Примечания

1. Дреева Дж. М. Ироническая картина мира Г. Гейне // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. №1.

2. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988.

3. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М: АСТ: «Восток-Запад», 2007.

4. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: «Искусство – СПб», 1998.

5. Тарасова И. А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте [Электронный ресурс]. М.: Флинта, 2012.

6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Едиториал УРСС, 2004.

7. Григорьев В. П. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста. М.: Наука, 1990.

8. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971.
9. Фатеева Н. Идиостиль (индивидуальный стиль) // Энциклопедия Кругосвет. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: [http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/IDIOSTIL_INDIVIDUALNI_STIL.html]
10. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб., 2002.
11. Мамиева И.В. Поэтическая вселенная К.Л. Хетагурова в словарном измерении («Осетинская лира»). Владикавказ, 2013. 510 с.
12. Мамиева И.В. Поэма К. Хетагурова «Фатима» сквозь призму интертекстуальных включений // Литература в диалоге культур – 6 Материалы международной научной конференции. Южный федеральный университет; ответственный редактор: Е.В. Григорьева. 2008. С. 143-144.
13. Мамиева И.В. «Осетинская лира» К.Л. Хетагурова как отражение национального образа мира // Перспективы и особенности интеграционных процессов Северной и Южной Осетии Материалы международной конференции. 2014. С. 109-116.
14. Мамиева И.В. Художественный концепт ЗÆРДÆ/СЕРДЦЕ и его лексико-семантическая репрезентация в поэзии К.Л. Хетагурова // Коста и мировой историко-культурный процесс Сборник материалов Международной конференции, посвященной 155-летию со дня рождения К.Л. Хетагурова. 2014. С. 127-145.

К. В. ЯДАНОВА,
кфн, снс, НИИА им. С. С. Суразакова,
(г. Горно-Алтайск)

МОТИВ ПРОКЛЯТИЯ В ГЕРОИЧЕСКОМ СКАЗАНИИ «КОЗЫН-ЭРКЕШ» Н. У. УЛАГАШЕВА

В научной статье рассматривается мотив проклятия в героическом сказании «Козын-Эркеш» Н.У. Улагашева и сравниваются тексты сказания в различных издательских редакциях. Автор приходит к выводу, что в результате литературной обработки текста сказания в некоторых изданиях убраны эпизоды о проклятии матери сына, это привело к искажению содержания текста и к ослаблению конфликта матери с сыном. По мнению автора, эпизоды взаимных проклятий сына и матери не мотивированы. Вероятно, в изначальных вариантах древнего сказания эпизод проклятия принадлежал другим героям, в других мотивированных ситуациях.

Ключевые слова: алтайский фольклор, героическое сказание, «Козын-Эркеш», Н.У. Улагашев, сказитель – кайчы, мотив проклятия, батыр, Республика Алтай.

The article discusses the motif of curse in the heroic epos «Kozin-Erkesh» of N. U. Ulagashv and compares the texts in various publishing editions. The author concludes that as a result of a literary text processing of epos in some editions have been removed episodes of the curse of mother to son and others. This led to the distortion of the text and to the weakening of the conflict between mother and son. The author believes that episodes of mutual curses the son and mother are not motivated. Probably, the episode of curse in the original version of the ancient epos belong to other heroes, in other motivated situations.

Keywords: altain folklore, the heroic epos, «Kozin-Erkesh», N. U. Ulagashev, storyteller – kaichi, motif of curse, batir (hero), Republic of Altai.

Героическое сказание «Козын-Эркеш» записано в 1939 г. от знаменитого алтайского сказителя Николая Улагашевича Улагашева поэтом, прозаиком, собирателем фольклора, Павлом Васильевичем Кучияком [1, 45]. Сказание «Козын-Эркеш» на сегодняшний день известно только в репертуаре Н.У. Улагашева. Версией эпоса «Козын-Эркеш» является более распространенное среди алтайских сказителей героическое сказание «Кӧзӱйке и Байан» (Козуйке и Байан). «Кӧзӱйке и Байан» исполнял и Н.У. Улагашев [4, 159-200]. Кроме Н.У. Улагашева, «Козуйке и Байан» знали сказители старшего поколения: Кабак Тадыжеков, Кыдыр Отлыков, Сабак Бочонов, которых Улагашев считал своими учителями [3, 92; 2, 74].

Алтайские героические сказания «Козын-Эркеш», «Көзүйке и Байан» по сюжету близки к казахскому эпосу «Козы-Корпеш и Баян-Слу», к башкирскому «Кузы-Курпеш и Маян-хылу», к эпосу сибирских татар «Козы-Курпеш и Баян-Сылу» и к сказаниям других тюркских народов.

Впервые сказание «Козын-Эркеш» опубликовано на языке оригинала в 1941 г. в сборнике героических сказаний, записанных от Н. У. Улагашева, «Чёрчөктөр» («Сказки»). Текст сказания был литературно обработан П. В. Кучияком [4, 1941].

В том же году вышел сборник героических сказаний Н. У. Улагашева «Алтай-Буучай» в переводе на русский язык, под редакцией А. Коптелова. [5, 1941]. На первый взгляд это тот же сборник сказаний «Чёрчөктөр», только на русском языке. В примечании в конце сборника «Алтай-Бучай» приводятся сведения о сказании «Козын-Эркеш»: «поэма записана Павлом Кучияком, подстрочный перевод – А. Каланакова, поэтический перевод Евг. Березницкого. На алтайском языке опубликована в сборнике Н. Улагашева, изданном в 1941 г., на русском языке печатается впервые» [5, 384]. Судя по примечанию, в сборнике «Алтай-Буучай» представлен перевод текста «Козын-Эркеш», опубликованного в 1941 г. в сборнике «Чёрчөктөр».

Перевод сказания «Козын-Эркеш» в некоторых местах произведен не точный, постоянные эпические формулы, использованные в алтайском тексте, в тексте-переводе во многих местах опущены или переведены не полностью. Например, Козын-Эркеш, собираясь в поиски суженой, обращается к матери: «*Јастанарга јенг эледи, / Јабынарга тон эледи, / Элден-јоннон эш бедирейдим*» – «[Вместо подушки] под голову подкладывать – рукав изнашивается, / [Вместо одеяла] укрываться – шуба обветшала, / Из народа-племени невесту поищу» [4, 122]. В переводе этот фрагмент вовсе отсутствует.

В героическом сказании «Козын-Эркеш» нас заинтересовал мотив проклятия. В результате сверки двух текстов сказания «Козын-Эркеш»: текста на алтайском языке, опубликованного в сборнике «Чёрчөктөр» (1941), и текста в переводе на русский язык, вышедшего в сборнике «Алтай-Бучай» (1941), нами обнаружены некоторые расхождения в их содержаниях. Мать Козын-Эркеша всячески пытается отговорить сына от поездки во владения Караты-каана, три раза перебегает ему дорогу, каждый раз превращаясь в различных зверей: в черную выдру, в черную лису, в пестрого тигра. Козын-Эркеш не прислушивается к уговорам матери, нарастает конфликт сына с матерью. В тексте-переводе Козын-Эркеш, сильно рассердившись на мать, проклинает ее:

«Никогда не сердившийся Козын-Эркеш рассердился:

«Стыда у тебя, старая, вовсе нет.
С мужем ты всю жизнь прожила,
Теперь сына от себя не отпускаешь,
Хочешь, чтобы я с тобой состарился?!
Пусть вся скотина твоя издохнет!
Пусть весь народ твой погибнет!».
Козын-Эркеш матери в лицо плюнул,

Обратно к аилу ее швырнул.
 Красно-бурого коня плетью ударил.
 Где конь стоял – там следы остались,
 Куда ускакал – следов не видно.
 Ак-Баш, мать богатыря,
 О железную коновязь ударились;
 Семь дней, не переставая, плакала;
 Семь дней, не просыпаясь, спала.
 На восьмой день она увидела:
 Десять мертвых богатырей
 У очага лежат,
 Шестьдесят мертвых богатырей
 За дверьми аила лежат.
 В живых ни одного человека не осталось,
 Ни одной скотины не сохранилось» [

5, 207-208].

После того, как проклятие сына исполнилось, мать проклинает сына. А.Л. Коптелов об этом эпизоде пишет: «В нашей поэме мать, боясь потерять сына, пыталась остановить его и удержать от этой, по ее мнению, безумной затеи. Жестоко оскорбленная сыном, она произносит свое проклятие. Это едва ли не единственный в ойротском (в алтайском – К. Я.) фольклоре обо-странный конфликт между матерью и сыном. Как правило, богатыри относятся к своим родителям с большой любовью, уважением, преданностью» [5, 385].

В алтайском тексте эпизод проклятия Козын-Эркешем матери отсутствует, вместо этого *батыр* говорит:

«Ат өлбөскө, алтын эмес,
 Эр өлбөскө, мөнкү эмес!
 Караты-кааннын колынан өлзөм,
 Кунукпагар, энем,
 Кайран слерге ойто келзем,
 Азырап отургайым жажына.
 Яш менин жолымды
 Ненин учун бектедигер?
 Жангыс баланын санаазын
 Не бүдүрбеске туругар?
 Катап жолымды бектебегер,
 Каргап жаман айтпагар» –
 Калганчыда Козын-Эркеш
 Энезине онойдо айдала,
 Кызыл-конгыр адына минди.
 Турган изи бар болды,
 Барган жери жок болды.

«Конь не золото, чтобы не умирать,
 Мужчина не вечен, чтобы не умирать!
 Если от руки Караты-каана я умру,
 Не печальтесь, матушка моя,
 Если с милой к вам назад я вернусь,
 То вас всю жизнь буду кормить я.
 Молодому мне путь
 Почему преградили?
 Желание единственного дитя
 Почему не хотите исполнить?
 Снова мой путь не преграждайте,
 Проклиная, плохого не говорите» –
 Напоследок Козын-Эркеш
 Матери так сказав,
 На красно-рыжего коня своего сел.
 [На месте], где стоял, следы остались,
 В какую землю уехал, неизвестно было.

[4, 123-124. Перевод К. В. Ядановой].

Возникает вопрос: почему текст оригинала и текст перевода в этом месте расходятся? А. Коптелов в примечании к тексту сказания упоминает, что от Н. У. Улагашева записан вариант эпизода и приводит фрагмент из алтайского текста, переведенный на русский язык (отрывок из текста оригинала представлен нами выше). Исследователь далее пишет: «Но при этом варианте становится не понятным крайний гнев матери, завершившийся проклятием своего сына» [5, 385].

Не имея под рукой рукописного текста на языке оригинала, записанного П. В. Кучияком от Н. У. Улагашева, трудно что-либо предположить о тексте сказания. По-видимому, текст эпоса, опубликованный на алтайском языке, был литературно обработан П. В. Кучияком, поэтому имеются расхождения с текстом-переводом. Вероятно, П. В. Кучияк решил в алтайском тексте убрать эпизод проклятия Козын-Эркешем матери и заменить на другой более смягченный вариант конфликта сына с матерью. Очевидно, А. Каланаковым сделан подстрочный перевод литературно не обработанного рукописного текста сказания, который затем был переложен на поэтический лад Е. Березницким. Поэтому в переводе сохранился эпизод о проклятии *батыра* матери, который в литературно обработанном тексте на языке оригинала был убран и заменен на более «смягченный» вариант.

Эпизод проклятия матери сына присутствует в обеих редакциях:

Уулынын кийнинен тенип басты.	Ак-Баш вслед за сыном пошла.
Јети ۆзөктин белтирине	Около устья семи рек,
Јеекен арал деп аралга једеле,	На опушке густого леса
Кара көмүр табал,	Черный уголь отыскала,
Эмчегинин сүдин саайла,	Молоком из груди своей
	Черный уголь она смочила,
Уулынын кийнинен каргап чачты:	На дорогу сына бросила.
«Барган изин бар болзын,	«Удаляющийся след пусть останется
Ойто изин јок болзын.	Обратного следа пусть не будет.
Караты-Кааннын колынан өл,	От руки Караты-кана умри,
Кара кускуннын јеми бол!»	Пищей черного ворона стань».
Онон ары Ак-Баш эмеген	Ак-Баш, старая мать,
Јеекен аралга тенип берди.	В густой лес, шатаясь, пошла,
Јерден, суунан јемзене берди...	Кореньями трав питаться стала,
	Холодную воду стала пить.

[4, 124]

[5, 208].

В этом фрагменте описан древний обряд, который проводился для эффективности проклятия. Н. Шатинова, рассматривая разновидности заклинаний в алтайском фольклоре, отмечает, что с целью усиления действенности слов женщина подкрепляла проклятия брызганьем молока из своей груди в сто-

рону недруга. Вероятно, женскому молоку придавалось сверхъестественное значение [6, 99].

Эпизод проклятия матери сына всплывает в конце сказания, в сцене оживления героя, который имеется в обеих редакциях. Пастух, *батыр* Караты-каана, Кодур-Уул, убивает Козын-Эркеша; Байым-Сур хитростью расправившись с Кодур-Уулом, пытается оживить Козын-Эркеша. Не в силах воскресить любимого, Байым-Сур, потеряв покой, днями и ночами стенает в отчаянии. Вдруг появляется седой старик – отец *батыра*, пытается воскресить сына, но безуспешно. Седой старик сообщает: «проклятье матери видно сильно». Появляется старушка-мать, повторно проклинает сына и исчезает. Байым-Сур оживляет Козын-Эркеша с помощью ножа, с которым связана жизнь героя [4, 150-151; 5, 233-234].

В сказании «Козын-Эркеш» конфликт матери с сыном сильно заострен, мать становится заклятым врагом сына. На наш взгляд, эпизоды взаимных проклятий сына и матери не мотивированы. Вероятно, в изначальных вариантах древнего сказания эпизод проклятия принадлежал другим героям, в других мотивированных ситуациях. По-видимому, в алтайском сказании «Козын-Эркеш» древний мотив проклинания сохранился, но был привнесен в конфликт матери с сыном. Для уяснения причины мотива проклятий необходим подробный сравнительно-сопоставительный анализ всех известных на сегодняшний день в фольклоре тюркских народов вариантов и версий сказания «Козын-Эркеш».

В конце сказания Козын-Эркеш с прекрасной Байым-Сур и братом Бачыкай-Кара, уничтожив войска Караты-каана и победив злобного хана, забирает весь его скот и народ, чудесным способом помещая их в карман. По дороге Козын-Эркеш, берет горсть песка и, бросая в сторону владений Караты-каана, произносит заклинание: «*Кара сагышту Караты-Кааннын / Јерин, јуртын јаба тјш, / Тынду неме артырба! / Ончо јерин бөктөн кой!*». – «С черными мыслями Караты-каана / К земле, к становищу пристань, / В живых никого не оставляй! / Всю землю покрой!» [4, 156. Перевод наш – К. Я].

В тексте-переводе слова заклинания не приведены, только говорится, что «Козын-Эркеш богатырь / Горсть песка взял, / Через плечо далеко бросил» [5, 239].

Таким образом, героическое сказание «Козын-Эркеш» насыщено древними формами заклинаний, проклятий. По-видимому, редакции сказания на алтайском и русском языках готовились по рукописному тексту на языке оригинала. К сожалению, нам неизвестно о судьбе рукописного архива П. В. Кучияка.

Примечания:

1. Каташ С. С. «Козын-Эркеш» и «Козы-Корпеш и Баян-Слу» (К вопросу сопоставительного изучения алтайского и казахского эпоса). Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Вып. 2. Горно-Алтайск, 1958.

2. Каташ С.С. Алтайские варианты казахского эпоса «Козы-Корпеш и Баян-Слу» // Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Вып. 4. Горно-Алтайск, 1961.

3. Каташ С.С. Алтайские варианты эпоса «Козы-Корпеш и Баян-Слу» // Народный эпос «Кузы-Курпес и Маян-Хылу». (Сборник статей) / Под ред. А. Н. Киреева и А. И. Харисова. Уфа, 1964.

4. Улагашев Н.У. Чёрчөктөр. Ойрот албатынын эпозы. Ойрот-Тура, 1941. 239с. – на алт. яз.

5. Улагашев Н.У. Алтай-Бучай. Ойротский народный эпос / Под ред. А. Коптелова. Новосибирск, 1941. 407 с.

6. Шатинова Н. Об одной разновидности заклинаний в алтайском фольклоре. (К постановке вопроса) / Улагашевские чтения. Вып. 1. Горно-Алтайск, 1979.

И. С. ДЗАГОЕВА,
соискатель СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКЕ ЗООНИМА АРС «МЕДВЕДЬ» В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

*В статье рассматривается этнокультурная специфика зоонима **арс** «медведь» в осетинской лингвокультуре.*

*Лингвокультурологический анализ выявил двадцать концептов, значения которых используются для обозначения внутренних и внешних качеств человека и его образа жизни, связанных с зоонимом **арс** «медведь».*

***Ключевые слова:** **арс** «медведь», зооморфный код, доминантная характеристика, национально-специфическая особенность.*

*The paper considers the ethnic and cultural specifics of zoonym **ars** «bear» in Ossetian linguistic culture.*

*Linguistic and cultural analysis showed twenty concepts, which meanings are used to describe the internal and external human qualities and his lifestyle related to zoonym **ars** «bear».*

***Keywords:** **ars** «bear», zoomorphic code, the dominant characteristic, national specifics.*

Стереотип-образ, как известно, отражает наиболее характерный, легко осмысливаемый для данного животного, насекомого или птицы признак. Употребление названий животного, насекомого или птицы используется в языке для определения оценочных свойств человека и его поведения; их ценность в том, что они «вводят в язык непрерывное множество частнооценочных концептов» и обогащают его образными метафорами [1].

Зооморфный код культуры, выявляя систему символов и эталонов национальной культуры, тем самым способствует выяснению специфики мировосприятия носителя языка и культуры. При наличии и сохранении универсальных черт зооморфные коды определяют также их национальное своеобразие.

Вызывает интерес выявление соотношения универсального и национального при анализе зоонима *арс* «медведь».

Для носителей как осетинского языка и культуры, так и русского языка и культуры *арс* «медведь» – крупное, сильное и неуклюжее животное; характеризует человека с этих позиций; употребляется также для описания грубого, невоспитанного, малокультурного человека. Заметим, что пережитки культу

этого животного сохранялись и у осетин, и у русских до недавнего времени; проявлялись в особом отношении к медведю: в выделении среди прочих зверей наличием у него души, признанием существом, близким к человеку [2,168-174].

Рассмотрим на конкретном примере специфику формирования образно-ассоциативного комплекса, лежащего в основе оценочно-экспрессивной метафоры у носителей осетинской и русской лингвокультур. Анализ ФЕ с зоолексемой *арс* «медведь» даёт возможность выявить доминантные характеристики медведя как животного, чьи черты и повадки используются для обозначения внутренних и внешних качеств человека, его образа жизни,

I. ФЕ, с аналогичными значениями в осетинском и русском языках:

1. «неуступчивость»:

Дыууæ арсы иу хуынчъы нæ бафидаудзысты – **русск.: два медведя в одной берлоге не уживутся.**

Не может быть двух хозяев в одном доме, главных в одном деле, когда оба они претендуют в равной мере на первенство.

2. «нетерпеливость»:

Арс нæма амард, афтæмæй йын йæ царм бастыгътой – букв.: медведь еще не умер, а с него уже шкуру содрали; **русск.: медведь в лесу, а шкура продана.**

Нетерпеливый человек, опережающие события.

3. «уязвимость; заинтересованность»:

Арсау мыд хæры – букв.: подобно медведю, ест мёд; **русск.: медведь всегда к мёду тянется; у медведя девять песен, и все про мёд.**

У кого что болит, тот о том и говорит.

4. «сплочённость»:

Дыууæ æфсымæргæй арс дæр тæрсы – букв.: двух братьев даже медведь боится; **русск.: брат с братом на медведя ходят.**

Авд æфсымæры цы хæдзары уой, уырдагм арс дæр нæ уæнды – букв.: в дом, где семь братьев, даже медведь не осмеливается.

О значении сплочённости и лады в жизни людей.

II. ФЕ с совпадающими значениями в осетинском и русском языках:

5. «осмотрительность»:

Арс донмæ нæ цыди, кæсаг та – сурмæ – букв.: медведь к воде не подходил, а рыба к суше; **русск.: бережёного бог бережёт.** О человеке осмотрительном, осторожном, которому легче избежать опасностей.

6. «нетерпение»:

Арсы фæрсыс, фæлæ æрсгæсы нæ фæрсыс – букв.: медведя спрашиваешь, а того, кто смотрит за медведем, не спрашиваешь; **русск.: вперед батьки в пекло не лезь.**

О поспешном человеке, у которого дело требует повышенного риска или опыта, то есть дать возможность более опытному человеку справиться с делом.

7. «власть, властность»:

Арс цы зæгъа æмæ æрсгæс цы зæгъа, уыдон иу не сты – букв.: что скажет медведь, и тот, кто за ним смотрит, это не одно и то же.

Арс æмæ æрсгæс иу фæнд нæ кæнынц – букв.: у медведя и того, кто за ним смотрит, желания не совпадают; **русск.: чья власть, того и закон.**

О человеке, который пытается контролировать и управлять другими людьми, стоящем выше по карьерной лестнице; его желания не совпадают с желаниями его подчиненных.

8. «неверие»:

Чидæр арсæн йæхи уыдта æмæ ма йын йæ фæд агуырда – букв.: кто-то медведя воочию видел и ещё след его искал; **русск.: Фома неверующий.**

О человеке, постоянно сомневающемся, которого трудно заставить поверить чему-либо.

9. «единство»:

Иу арс кæрдо нæ цæгъды – букв.: один медведь не трясёт грушу;

Иу арс рыг нæ кæны – букв.: один медведь не пылит;

обоим соответствует: **русск.: один в поле не воин.**

Одному человеку трудно победить, выстоять, добиться чего-либо.

10. «беспечность»:

Арсы зæрдæ – букв.: медвежье сердце; **русск.: ни дров, ни лучины, а живёт без кручины.**

О человеке беспечно, беззаботном.

11. «осуждение»:

Арс усы хъуынджынæй фаудта, фæлæ йæхи нæ уыдта – букв.: медведь медведицу волосатой считал, а себя не видел;

Арс усы хъуынджынæй фаудта – букв.: медведь медведицу попрекал тем, что она волосатая;

обоим соответствует: **русск.: в чужом глазу соринку видит, в своем даже бревна не замечает.**

О человеке, который у окружающих замечает мелкие недостатки, а у себя и больших не видит.

III. ФЕ осетинского языка, не имеющих эквивалента в русском языке:

12. «ум»:

Уый зондæй арсау у, арсау – букв.: ум у него, словно у медведя.

Умный человек знает, как правильно совершить точное действие, верит в свои силы, с уверенностью принимает решение.

13. «неуклюжесть»:

Арскъухæй фос дарæн нæй – букв.: медвежьими руками нельзя держать скот.

О человеке, который не любит трудиться, уклоняется от своих обязанностей.

14. «пресыщение»:

Фырхæрд арсæн дæр нæ тайы – букв.: пресыщение даже медведем не переваривается.

Арс мыдæй куы бафсæст, уæд ын маст ад ыскодта – букв.: когда медведь насытился медом, тогда он стал горчить.

О человеке, который ни в чем не знает меры.

15. «неразборчивость»:

Арсау æмбыдхор – букв.: словно медведь, едок гнили.

О человеке, который ничем не брезгует.

16. «ненависть»:

Арс дæр ма йæ хъæбулы уарзы – даже медведь любит свое дитя.

О человеке, который не проявляет ласку, любовь, доброе отношение к ребенку.

17. **«мудрость»:**

Арсæй зондджындæр – букв.: умнее медведя.

О человеке, толковом и смышлёном.

18. **«слабость»:**

Арсимæ кæрдо цæггъдын – букв.: трясти грушу с медведем.

О слабом человеке, который набрался смелости меряться силой.

19. **«сила»:**

Арс сæ кæрдо цæггъдын нæ уæнды – букв.: медведь не осмеливается трясти их грушу.

О значении силы, мужественности.

20. **«полнота»:**

Арсы сæр хуынккомæ нæ баласын – букв.: голову медведя не затащить в берлогу.

О человеке полном, крупном.

21. **«ограниченность»:**

Чидæр у хатт арс федта æмæ алы бон арс, арс кодта – букв.: кто-то один раз медведя видел и каждый день про медведя говорил.

Человек, который мало видел в своей жизни, когда-то что-то увидел и каждый раз об этом говорил, чтобы не выглядеть среди других неучем.

Собранный языковой материал показывает 12 совпадений концептов русского и осетинского языков, причём в четырех наблюдается аналогия ФЕ, а в восьми – совпадающие значения ФЕ, а в 10 – национально-специфическое осетинских ФЕ.

Как видим, ассоциативно-символическая связь зоонима *арс* «медведь» в сознании осетин и русских состоит в передаче внутренних и внешних качеств человека, его поведения и образа жизни через характеристику животного.

Лингвоанализ выявил, что говорить о преобладании положительных или отрицательных качеств человека нельзя, скорее человек нам видится с разных сторон: он и сильный, и властный, и мудрый, и полный, и в тоже время слабый, неразборчивый, беззаботный, неуклюжий и пр.

Примечания

1. Гукетлова Ф. Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале кабардино-черкесского, русского и французского языков). – М.: ТЕЗАУРУС, 2009.

2. Чибиров Л. А. О некоторых пережитках зоолатрии у осетин // Материалы по этнографии Грузии XVI-XVII вв. – Тбилиси: Мецниереба, 1972.

Источники

1. Ирон æмбисæндтæ / Сар. Гуытъяты Хъ. – Дзæуджыхъæу, 1976.

2. Дзабиты З. Т. Ирон æвзаджы фразеологион дзырдурат // Дзабиев З. Т. Фразеологический словарь осетинского языка. – Цхинвал, 2004.

3. Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. – М., 1967.

V. ПОЛИТОЛОГИЯ

А.Э. АЙЛАРОВ,
аспирант СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕСТВО НЕМЦЕВ «ВОЗРОЖДЕНИЕ» РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ- АЛАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье рассматривается история формирования немецкой диаспоры в Осетии, адаптация немецкого населения к местной экономике и культуре. Выявляются основные вехи и события, оказывавшие влияние на процессы консолидации, интеграции в принимающее общество, а также дезинтеграционные процессы, связанные с мировыми войнами и политическими событиями, в которые оказалось включено немецкое население. Исследованы формы организации современной диаспорной жизни, в частности, деятельность национально-культурного общества немцев «Возрождение».

Ключевые слова: диаспора, немецкое население, принимающее общество, поселения, социальный состав, вехи истории, современная жизнь.

The article discusses the history of the formation of the German community in South Ossetia, the adaptation of the German population to the local economy and culture. Major milestones and events that influence on the processes of consolidation and integration

into the host society, as well as the disintegration processes associated with world wars and political events, in which the German population turned on are identified here. Forms of organization of the modern diaspora live, in particular, the activities of the national-cultural society «Revival» of the Germans are also studied here.

Keywords: *Diaspora, the German population, host society, settlements, social structure, history milestones, modern life.*

Первым поселением немцев в Северной Осетии стала Владикавказская немецкая колония. В 1860 году во Владикавказ прибыли поверенные от несколько десятков немецких семейств из Саратовской губернии. Земли на левом берегу Камбилеевки предложил граф Н. Евдокимов, но князь А. Барятинский предложил место для поселения на северной окраине города, на правом берегу Терека. К концу 1861 года из Саратовской губернии прибыли 27 немецких семьи, кроме того, стали приезжать немецкие семьи из других колоний Северного Кавказа.

В километре от города на его северной окраине была основана колония, где к 1865 году обосновалось 43 семьи. Каждая семья при поселении получила от правительства 100 руб. безвозмездной помощи. В связи с преобразованием Владикавказской крепости в город, колония была в 1866 г. перемещена к т.н. Потемкинскому военному посту в 9-ти верстах от города. По указу наместника Михаила Николаевича Романова она была преобразована в селение и получила наименование: Михайловское (Michaelsdorf). Справочники дают о селении следующие данные: земли – 1250 десятин (выгонной – 118, усадебной – 23, огородной – 10, пахотной – 632, сенокосной – 440 и т.д.) Жители занимались молочным животноводством, маслоделием, овощеводством и цветоводством. Имелись три кузницы, паровые мельницы И. А. Мейера и П. П. Нейбергера, Потребительское общество (1912) «Экономия» [1,117].

В 1839 г. казна выкупила у кабардинского князя Бековича-Черкасского в урочище Скут-Кох участок в 2800 десятин, которым был наделен в общинное владение тагаурский алдар Алхаст Кундухов за преданную службу России его сыновей, самым известным из которых был генерал Мусса Кундухов. Имено аул Скут-Кох, а также соседние аулы стали укрепленными позициями, мешавшими имаму Шамилю совершать набеги на Военно-Грузинскую дорогу и совершать рейды на западный Кавказ в места проживания адыгских племен. В 1865 году Мусса Кундухов возглавил переселение более 3000 семей мусульман из Осетии, Ингушетии и Чечни в Турцию и земли аула Скут-Кох опять перешли казне. Земли селения Скут-Кох были отмежованы соседним селениям Заманкул и Батакюрт, а 950 десятин были выделены в качестве казенной дачи начальнику Осетинского, позже Владикавказского округа подполковнику Александру Францевичу Эглау [1,121]. Этот пост он занимал с 1863 по 1874 г. При его участии состоялось переселение осетин в Кубанскую область.

А. Эглау, будучи генерал-майором и атаманом 2-го военного отдела Терской области, уйдя в отставку в 1888 г., пригласил на свои частно-владельческие земли 19 семей немецких колонистов из соседних колоний.

В 1897 г. колония была переименована из Скут-Коха в Эммаус. Старостой (шультцем) колонии был Иоганн Реттенбахер. Колонисты по новому обустроили селение, отстроили себе каменные и саманные дома (25 дворов). В колонии была одна мужская и одна женские школы. Эммаус утопал в зелени. Колонию окружал фруктовый сад на 6-ти десятинах, в северной части села выращивался виноград, с северо-востока была высажена большая ореховая роща; большая часть этих садов была вырублена в годы войны. Была создана система водоснабжения и орошения угодий. В анархию Первой русской революции в 1904 году колония была разграблена, жители переселились в Кабарду. Число жителей в 1889 году – 186 человек, в 1896 – 160 человек [2, 97].

В 1905 году колония была упразднена. В ходе столыпинских реформ при содействии Крестьянского поземельного банка, землю в 1907 году приобрел хутор Куртатинского товарищества, состоявший из 55-ти дворов осетин. Во время коллективизации в 1930-х годах селение переименовали в Раздзог. Но до сих пор местные жители называют его Эммаус.

В 1887 г землевладелец Дударов сдал в аренду за $\frac{1}{4}$ часть урожая 300 дес. земли 15-ти немецким семьям из Бессарабии, Таврии и Ставрополя. Колонисты имели 88 лошадей, 52 единиц рогатого скота. Так в 5-ти верстах от ст. Беслан был образован хутор Дзанхотов-Ларс. Этот хутор просуществовал до 1918 года, позже колонистов переселили в Михайловское, а на месте хутора появилось селение Новый Батакоюрт из беженцев со Старого Батакоюрта, разгромленного белогвардейцами.

В 1902-1903 гг. образовалось 6 немецких хуторов на землях, которые помещики Тугановы продавали через Крестьянский поземельный банк и эти земли были куплены русскими и немецкими поселенцами. Большая часть немцев-переселенцев обосновалась в Моздокском округе. В 1914 году в колонии Каново было 272 немецких двора, всего 1990 человек. В начале 20 века в Моздокском отделе было основано 10 немецких хуторов – Матиса, Вобий, Фаммана, Целера, Раймера, Фишера, Цвайгера, Луковича, Говета и Ново-Немецкое [2, 101].

Немцы-горожане – жители города Владикавказа были главным образом представителями интеллигенции – врачи, фармацевты, учителя. Военные-офицеры, служившие в полках Кавказской Армии, были первыми немцами крепости Владикавказ. В 1894 году насчитывалось 214, а в 1910 году – 568 человек немецкой национальности. Колонисты становились рабочими городских предприятий. Немцы оставили свой след в истории города и Осетии. Барон Василий Штейнгель построил в городе водопровод, его сын Рудольф – железную дорогу Ростов-на-Дону – Владикавказ, внук барона, Владимир Рудольфович Штейнгель был владельцем кирпичного завода и подарил городу свой особняк, в котором до революции стала размещаться городская управа. Заметный вклад в историю и культуру Осетии внесли инженер Беме, архитектор П. Шмидт, генерал-майор А. Эглау, помощник начальника Терской области генерал К. Гинниус, наказной атаман Терского казачьего войска генерал С. Флейшер.

Во Владикавказе немцы просили разрешить сбор добровольных пожертвований на строительство молитвенного дома еще в ноябре 1861 года. В 1864 г. уже велись переговоры с городской администрацией по поводу земельного участка для будущей церкви. Городской архитектор выделил участок земли с тем, чтобы главный фасад храма был расположен против улицы, идущей мимо госпитальных зданий.

В 1865 г. Президентом Владикавказского немецкой общины был избран аптекарь Ф. Лоренц, попечителями будущей церкви – подполковник А. Эглау, надворный советник Кизер, портной Вузе. Церковный совет Евангелическо-лютеранского прихода в г. Владикавказ представил проект лютеранской церкви в строительный отдел. Проект был одобрен и рекомендован к представлению генерал-губернатору на утверждение. Немецкая община проводила различные акции для сбора средств на строительство церкви, особенно активно в начале XX века, когда заканчивалось ее строительство. 27 марта 1911 г. «Терские ведомости» сообщили об освещении вновь построенной евангелическо-лютеранской церкви. В городе эту церковь называли немецкой кирхой. В праздничные и воскресные дни она собирала немцев горожан на обедни [3].

С марта 1909 года пастором Евангелическо-лютеранской кирхи г. Владикавказ был русский поданный со дня рождения Эдуард Иванович Аксельм. Родился он в 1876 г. в Аренсбурге, Лифляндской губернии. Там же окончил классическую гимназию и университет в Германии. По окончании образования в течение 6-ти лет служил пастором в Английской колонии в Канаде и два года в немецкой колонии в Закавказье – Анненфельд Елисаветпольской губернии.

Немецкая церковь заботилась об образовании детей. В 1863 г. была открыта школа в Михайловской колонии. В 1867 г. это было одноклассное училище для детей обоего пола с обучением на русском и немецком языках, в котором значилось 687 учеников (345 мальчиков и 342 девочки). Немецкие школы были открыты также в с. Эммаус, в колонии Каново. Это были одноклассные школы с тремя ступенями. Детей обучали чтению, письму, арифметике, закону Божьему. Учителями были вначале священники и писари. Одаренные ученики за счет общины обучались в немецких учительских семинариях. Во Владикавказе с 1882 г. действовала начальная школа при евангелическо-лютеранской церкви. Она располагалась в народном доме немецкой общины.

К началу 20 века отмечены интеграционные процессы, которые стали возможны потому, что немцы – выходцы из российских губерний – знали русский язык и в определенной степени были приобщены к русской культуре. Так же отсутствие языкового барьера ускоряло межэтнические контакты не только с русскими, но и с осетинами, в связи с тем, что в то время многие осетины знали русский язык. К предпосылкам, способствующим адаптационным процессам, следует отнести отсутствие возможности общения с прародиной и прекращение миграционных новых процессов на Северном Кавказе. Ходатайства немецких колонистов о разрешении новым выходцам из Германии

поселиться в Терской области были отклонены как военным министерством, так и командующим Кавказским военным округом. Причинами отказа были недостаток земельных угодий, наличие среди переселенцев представителей сект, которые распространяли свое вероучение, а также замкнутость немецких колоний, их нежелание делиться хозяйственными навыками с местным населением. Стали появляться смешанные русско-немецкие браки.

Последующие события в этом веке стали тяжелым испытанием для российских немцев. В годы I мировой войны, несмотря на то, что в русской армии служило около 300 тыс. немцев, в основном на русско-турецком фронте, в России по понятным причинам в условиях военного времени нарастали антинемецкие настроения [4, 207]. В учреждениях и школах был запрещен немецкий язык, разрушительную силу имел закон о ликвидации землевладения и землепользования. В Осетии не стало ряда колоний и хуторов. После революции в ходе раскулачивания пострадали и немецкие крестьяне, особенно зажиточные колонисты, имевшие крепкие хозяйства. В середине 30-х российские немцы оказались более уязвимы в ходе прошедших репрессий.

С начала Великой Отечественной войны немецкое население, в т.ч. в Осетии, было выселено в пустынные районы Казахстана и Средней Азии. В Северную Осетию немцы стали приезжать после 1956 г., и среди них большую часть составляли люди, не жившие раньше в Осетии. В мотивации выбора Северной Осетии местом постоянного проживания имело значение агитация колонистов из Осетии, их теплые воспоминания о республике.

К концу 1914 года администрация Терской области получила циркуляр, по которому все немецкие общества признавались угрозой общественному порядку. В 1916 году «Терские ведомости» сообщали, что «в целях установления надзора за деятельностью немцев-колонистов и пресечения им возможности проявления вредной деятельности в условиях военного времени, во все колонии на Кавказе назначаются правительственные старшины и писари. Жалование им выделяется за счет населения колонии» [3].

В конце 1920-х – начале 1930-х годов в процессе раскулачивания пострадали и немецкие крестьяне, особенно зажиточные колонисты, имевшие крепкие хозяйства. Также немцев коснулись и социальные явления, которые потрясли всю страну в конце 30-х гг.: среди них было «обнаружено» много «врагов народа», в число которых в первую очередь попали священники, пасторы немецких кирх. В 1937 году церкви были закрыты. Социально-политический дискомфорт усугублял этническую замкнутость немцев и активизировал этническое самосознание. Эти явления наиболее ярко выразились во время Великой Отечественной войны. 28 августа 1941 года вышел указ за подписью М. И. Калинина, который постановлял выселить навечно немцев-жителей Поволжья в пустынные районы Казахстана и Средней Азии, Алтая и Западной Сибири как пособников германских диверсантов и шпионов. Но депортации подверглись и немцы из других регионов, в том числе и из Осетии. Через 14 лет, в 1955 году было издано постановление «О снятии ограничений в правовом положении немцев и их семей, находящихся на спецпоселении». В

1964 году последовала официальная реабилитация, а 1972 году – снятие ограничений в выборе места жительства.

В Северную Осетию немцы стали приезжать летом 1956 года. Следует отметить то обстоятельство, что из числа вернувшихся большую часть составляли немцы, не жившие ранее в Осетии. Это были выходцы из Украины, Поволжья и некоторых других российских регионов, отбывавшие ссылку в Средней Азии. Среди немцев были широко распространены слухи о создании немецких колоний на Северном Кавказе и в частности, в Осетии. У многих колонистов здесь остались родственники, которые приглашали их с обещанием помощи в обустройстве. Остаться в Средней Азии немцы не хотели из-за тяжелых бытовых условий – отсутствовало электричество, газ и даже чистая вода.

Северная Осетия была одной из немногих республик, предоставивших колонистам, как прежние места поселения, так и новые. Около трех тысяч человек поселились во Владикавказе, Михайловском, Беслане, селении Раздзог (бывший Эммаус), селении Октябрьском. Миграционные волны немецкого населения продолжались несколько лет. Вновь этим людям предстояло пережить сложные адаптационные процессы. Многие из прибывших немцев поначалу жили в дощатых бараках. Был определен стандарт на строительство дома – не более 30 кв.м. Государство выделяло средства на приобретение строительных материалов.

8 марта 1994 года во Владикавказе был основан «Немецкий культурный центр» и с самого начала он стал входить состав общественного движения «Наша Осетия» наряду с другими национально-культурными обществами, функционирующими в нём как равноправные структуры. «Идея диалога как фундаментальной ценности общества была неоспорима и ранее, но особенно актуальна она сегодня, в атмосфере кризиса понимания – джинна зла, вырвавшегося на свободу в условиях политических и социальных трансформаций на постсоветском пространстве. В этом плане Республика Северная Осетия-Алания представляет собой уникальную модель межэтнического согласия, взаимопомощи и взаимоуважения» [5, 44].

Немецкий культурный центр ставит перед собой такие задачи, как объединение людей в рамках внутриэтнического общения, сохранение самобытной культуры, организация изучения языка и истории немецких поселений. Обществом организован хор немецкой песни «Лорелей», который пользуется большой популярностью, а также национально-инструментальный ансамбль. На базе одной из городских школ функционирует воскресная школа, где дети изучают язык, культуру. Представители этой группы не утратили интереса к национальной культуре и испытывают потребность в этнически окрашенной информации.

Основную часть объединения составляли жители с. Михайловского, бывшей немецкой колонии Северной Осетии. Центр объединил немцев в рамках внутриэтнического общения, сохранения самобытной культуры, изучения языка и истории российских немцев. Действовал хор немецкой песни «Лоре-

лей». При немецком культурном центре была образована Евангелическо-лютеранская община. Работу в ней до начала 2000 г. проводил приезжавший из Германии пастор Альфред Мютце.

В 1999 году Немецкий культурный центр был преобразован в Региональную национально-культурную Автономию российских немцев Республики Северная Осетия-Алания и является структурным подразделением Федеральной Немецко-культурной автономии [6, 26]. Таким организациям придается большая значимость в национальной политике России [7; 8].

С 2011 года автономия получила новое название в соответствии с Законом РФ об общественных организациях – Региональная общественная организация Национально-культурное общество немцев «Возрождение» Республики Северная Осетия-Алания. В 1989 году по данным Всесоюзной переписи в Северной Осетии насчитывалось 3099 немцев, из них 1823 назвали родным языком немецкий. К середине 90-х годов 317 семей, более 2 тыс. человек выехало в Германию. Среди российских немцев исчезли иллюзии по поводу восстановления Республики Немцев Поволжья, обиды старшего поколения были реализованы в молчаливой эмиграции, а оставшимся пришло понимание того, что каждый человек держит свою судьбу в своих собственных руках.

Изменения произошли и среди немцев Северной Осетии. Перестал существовать хор первого состава, заметно изменился и численный состав автономии. На начало 2000 г. в Северной Осетии перепись показала наличие 900 человек российских немцев. В настоящее время в организации насчитывается 73 человека. Повседневную работу в автономии ведет Совет, который избирается на отчетно-выборном собрании раз в три года. Члены Совета РНКА РН принимают участие в обсуждении проблем российских немцев на совещаниях, конференциях, съездах. При обществе работает молодежная секция, женсовет и клуб сеньоров – пожилых членов автономии. Действует детский и взрослый хор, исполняющий песни на разных языках народов республики. Работает два кружка по изучению немецкого языка.

28 августа 2011 года российские немцы отметили трагическую дату своей истории – 70 лет депортации. Национально-культурное общество немцев Возрождение РСО-А ставит своей целью сохранить в молодом поколении понимание вклада старшего поколения в историю России и жить так, чтобы быть достойными гражданами Российской Федерации.

Примечания

1. Канукова З.В., Федосова Е.В. Осетия – перекресток народов и культур. Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства РСО-А. Владикавказ, 2011.

2. Канукова З.В., Федосова Е.В. Этнокультурное пространство Северной Осетии. Учреждение Российской академии наук, Северо-Осетинский ин-т гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания. Владикавказ, 2011.

3. Терские ведомости, 1916. № 89.
4. Чеджемов А. Ю., Гутиева Э. Ш. Кавказский фронт и тыл во время Первой мировой войны (на примере Северной Осетии) // Кавказ в годы Первой мировой войны: героика и повседневность. Владикавказ, 2014. С. 203-209.
5. Мамиева И. В. Баку – Владикавказ: к вопросу о сегментах культурно-исторического диалога // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2014. № 2. С. 38-44.
6. Канукова З. В. Диаспора: функциональный анализ термина в российском историографическом контексте // Вестник Владикавказского научного центра. 2011. Т.11. № 4. С. 23-28
7. Плиева З. Т. К истории вопроса формирования российской национальной политики // Научный поиск в современном мире. Материалы 4-й международной научно-практической конференции. 2013. С. 21-24.
8. Плиева З. Т. Центр и Северный Кавказ – к вопросу о генезисе российской национальной политики // Научное мнение. 2013. № 11. С. 170-173.

Б. А. СИНАНОВ,
кин, нс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ВОЗРОЖДЕНИЕ СИСТЕМЫ ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

В предлагаемой статье рассматривается возрождение системы духовного образования в историческом очаге христианства – Северной Осетии. Анализируется процесс возрождения образовательной деятельности Владикавказского православного духовного училища. Осуществлен исторический экскурс, подчеркивающий преемственность духовного образования и его значение для народов Осетии.

Ключевые слова: Северная Осетия, духовное образование, Русская Православная Церковь, Владикавказское православное духовное училище, осетинская интеллигенция.

This article discusses the process of the revival of the theological education in North Ossetia as the historic hearth of Christianity. Process of revival and educational activities of the Vladikavkaz Orthodox Theological College is analyzed here. It carried out a historical excursion, underlining the continuity of the theological education and its importance to the Ossetian people.

Keywords: North Ossetia, theological education, Russian Orthodox Church, Vladikavkaz Orthodox Theological College, Ossetian intelligency.

На протяжении более 25 лет видимым признаком возрождения религиозной жизни в России стало возобновление деятельности старых и открытие новых духовных учебных заведений. Массовое появление духовных школ всех основных, представленных в России, конфессий явилось, с одной стороны, ответом на всплеск интереса верующих к изучению своей религиозной традиции, а с другой стороны, острой необходимостью подготовки квалифицированных кадров духовенства и церковнослужителей. Особенно ярко данные процессы проявились на Северном Кавказе. Однако, если в республиках Северного Кавказа высшие и средне-специальные мусульманские учебные заведения стали появляться еще в начале 1990-х гг., то попытка воссоздания системы пастырско-богословского образования в исторически христианской Северной Осетии была предпринята только в 2010 г.

Владикавказское православное духовное училище (ВПДУ) является одним из самых молодых учебных заведений Русской Православной Церкви (РПЦ).

6 октября 2010 г. на заседании Священного Синода РПЦ (Журнал Священного Синода № 106) было положительно рассмотрено прошение архиепископа Ставропольского и Владикавказского Феофана (ныне митрополит Казанский и Татарстанский) об открытии в Республике Северная Осетия-Алания (РСО-А) духовного училища «с целью ускоренной подготовки церковно- и священнослужителей из числа осетин для дальнейшего служения в осетиноязычных приходах» [1]. Решение открыть во Владикавказе духовное училище имело историческое значение. Оно продемонстрировало стремление Православной церкви осуществлять миссию всем народам на понятном, родном языке, и вместе с тем, очередной раз подчеркнуло особый статус Осетии как исторического очага христианства на Северном Кавказе.

Комментируя решение Священного Синода об открытии во Владикавказе духовной школы, доктор исторических наук, профессор Р.С. Бзаров отмечает, что «восстановление Владикавказского духовного училища – отнюдь не рядовое и вовсе не церковное только событие... Это давно ожидаемый и совершенно необходимый, фундаментальный шаг на пути нашего возрождения к естественному и гармоническому строю народной жизни» [2, 16].

Первым ректором ВПДУ стал архиепископ Феофан. С образованием в 2011 г. Владикавказской кафедры ректором духовного училища стал архиепископ Владикавказский и Аланский Зосима.

Несмотря на столь молодой возраст учебного заведения, духовное образование в Осетии имеет глубокие корни. Известно, что ведущую роль в системе народного образования дореволюционной Терской области играли духовные учебные заведения. В сентябре 1836 г. во Владикавказе было открыто духовное училище для детей «осетинских владельцев, старшин и некоторых сирот». Оно должно было готовить священников для приходов Осетии, которые могли бы стать и учителями в духовных училищах и приходских школах. Уже в первый год деятельности Владикавказского духовного училища в нем обучалось 34 ученика – 33 осетина и один ингуш. Для обучения имелось 50 экземпляров осетинского букваря и катехизиса. Смотрителем и учителем осетинского языка и Закона Божия духовного училища был назначен благочинный Осетинской духовной комиссии протоиерей Шио Двалишвили [3, 107].

Еще в 1835 году экзарх Грузии архиепископ Евгений (Баженов) поделился с академиком А. М. Шёгреном важной новостью об открытии во Владикавказе духовного училища и высказал интерес в создании академиком осетинского алфавита и грамматики на основе кириллицы. В дальнейшем учитель осетинского языка Григорий Мжедлов (Мчедлишвили) вел регулярную переписку с А. М. Шёгреном по поводу перевода Евангелия и Псалтыря на осетинский язык [4, 98-111]. Составленная Г. Мжедловым «Осетинская азбука», а также его переводы «Краткой Священной истории с Кратким катехизисом» использовались в образовательном процессе духовного училища.

Выпускники Владикавказского духовного училища, стали первыми представителями осетинской интеллигенции: священник Соломон Жускаев – первый осетинский этнограф; протоиерей Аксо (Алексий) Колиев – основопо-

ложник женского образования; Николай Берзенов – писатель, сотрудник газеты «Кавказ» и др.

К сожалению, по жалобе воспитанников Кавказскому наместнику на плохое бытовое состояние училища, оно в 1863 г. было закрыто. Этот факт архимандрит Иосиф (Чепиговский) назвал самым печальным событием за все время своей деятельности в Осетии, полагая закрытие училища ужасной ошибкой [3, 168].

В 1834 году духовное училище открылось в Моздоке. В первый же год в нем обучалось 25 учеников. В 1887 г. духовное училище было переведено из Моздока во Владикавказ. Непосредственное и деятельное участие в его переводе принимал епископ Владикавказский Иосиф (Чепиговский) и смотритель училища Д.С. Луговенко. В училище принимались дети всех сословий православного исповедания, причем дети духовенства зачислялись бесплатно. Говоря о воспитанниках училища, следует отметить, что здесь учились дети большинства духовенства Владикавказской епархии.

В том же 1887 г. в селении Ардон было открыто Александровское осетинское духовное училище. Если училище во Владикавказе преимущественно было рассчитано на обучение детей священно-церковнослужителей русских приходов, то училище в Ардоне – на осетинских детей. После выделения Владикавказской епархии из состава Грузинского экзархата, указом Синода от 20 сентября 1895 года оно было преобразовано в Александровскую миссионерскую духовную семинарию. С этого времени Ардонская семинария стала главным центром просвещения в Осетии, кузницей кадров не только осетинской интеллигенции, но и окрестного казачьего населения.

Уже в начале XX века в Осетии повсеместно в сельских школах работали выпускники Ардонской семинарии, а по всей Владикавказской епархии служили священники, окончившие семинарию.

В течение своей недолгой истории Александровская миссионерская духовная семинария была важнейшим центром духовного образования и просвещения Осетии. Ее выпускники внесли неоценимый вклад в духовное и культурное развитие не только Осетии, но и всего Кавказа.

Среди ректоров Ардонской духовной семинарии было много выдающихся деятелей Церкви: первый ректор семинарии архимандрит Иоанн (Алексеев) – впоследствии епископ Пермский; архимандрит Димитрий (князь Давид Ильич Абашидзе) – впоследствии схиархиепископ Антоний, местночтимый святой Киевской епархии; архимандрит Пимен (Белоликов) – впоследствии епископ Семиреченский и Верненский, канонизирован в сонме Новомучеников и Исповедников Российских и многие другие.

Говоря о роли Церкви в создании системы образования в XIX – начале XX вв., философ и религиовед Т.Е. Дзеранов отмечает, что «именно в системе духовных учебных заведений впервые было введено обучение на родном языке... В Осетии наиболее плодотворной оказалась политика «христианского просвещения», проводимая Православной Церковью и получившая поддержку народа и деятелей национальной культуры» [5, 145-146].

В наши дни образовательный процесс во Владикавказском духовном училище осуществляется на основе учебных программ и учебных планов, утвержденных Учебным комитетом РПЦ, и включает в себя 3 курса. На весь период обучения студентам очного отделения предоставляется бесплатно общежитие и питание, кроме того, студенты очного отделения получают стипендию, размер которой зависит от успеваемости. С первых дней своего существования училище предоставляет своим студентам возможность постигать богословские и иные дисциплины в преломлении к особенностям национальной духовной культуры и языковой среды. Ведь в городах и селах епархии строятся новые храмы, а значит, есть потребность в проповеди и совершении богослужений и на осетинском языке.

С сентября 2012 г., при ВПДУ действуют регентские курсы, которые в следующем планируется преобразовать в отделение.

Профессорско-преподавательский состав представлен священнослужителями и мирянами, среди которых, два преподавателя имеют звание профессора и три – звание доцента (2 доктора наук и 7 кандидатов наук).

Владикавказское духовное училище развивает научные контакты с ведущими научными и образовательными центрами республики, в первую очередь, с Северо-Осетинским государственным университетом им. К.Л. Хетагурова (СОГУ), Северо-Осетинским институтом гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева (СОИГСИ), Институтом истории и археологии РСО-А (ИИА РСО-А) и Архивной службой РСО-А. Сотрудничество со светскими научными и образовательными центрами выражается, в том числе, в проведении совместных научных мероприятий. Так, ежегодно с 2012 г. ВПДУ, совместно с СОГУ и ИИА РСО-А, является организатором масштабных церковно-научных форумов – Всероссийских Кирилло-Мефодиевских и Епархиальных Свято-Георгиевских чтений. Данные конференции, организуемые совместными усилиями Церкви и светского научного сообщества, выступают открытыми площадками для научного диалога и совместного изучения актуальных вопросов церковной истории и филологии. В работе чтений принимают участие преподаватели высших светских и духовных учебных заведений, ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля, Мурома, Нальчика, Пятигорска, Ставрополя, Владикавказа, представители духовенства, органов законодательной и исполнительной власти РСО-А. Регулярно по итогам работы научных форумов издаются сборники трудов конференции.

Важной составляющей воспитательного процесса в духовном училище является приобщение студентов к благотворительности и социальному служению. Студенты, совместно с преподавателями, организуют благотворительные акции. Ежегодно проводится акция «Рождественский подарок», в ходе которой на собранные училищем средства для больниц и детских домов Владикавказа приобретаются партии матрасов, памперсы, мягкие игрушки и детское питание.

Библиотека духовного училища на сегодняшний день обладает крупнейшей коллекцией православной литературы в РСО-А. Регулярное пополнение

библиотечного фонда позволяет полноценно осуществлять учебный процесс. По состоянию на декабрь 2015 г. библиотечный фонд ВПДУ насчитывает более 7000 экземпляров книг и продолжает пополняться.

17 июня 2014 г. в ВПДУ состоялся первый выпуск студентов. Из 20 студентов, числившихся на третьем курсе училища, дипломы об окончании полного курса получили 16 выпускников, из которых 7 уже имеют высшее светское образование. Также сертификаты об окончании регентских курсов при ВПДУ получили 7 выпускниц.

На торжественной церемонии вручения дипломов первым выпускникам ВПДУ архиепископ Зосима подчеркнул: «Духовное образование является сферой особой ответственности для всей нашей Церкви. От того, насколько качественное образование получают учащиеся духовных школ, зависит будущее всего нашего церковного организма» [6, 12].

В 2014/2015 учебном году 7 выпускников духовного училища были зачислены на третий курс заочного отделения Ставропольской духовной семинарии; 3 человека поступили на третий курс заочного отделения Белгородской православной духовной семинарии и один человек на второй курс очного отделения Донской духовной семинарии.

5 июля 2015 г. в духовном училище состоялся второй выпуск студентов. Из 11 студентов, числившихся на третьем курсе, дипломы об окончании полного курса обучения получили пять выпускников. Сертификат об окончании регентских курсов при ВПДУ получила 1 выпускница. Двое выпускников поступили в духовные семинарии Нижнего Новгорода и Пензы.

Таблица 1

Количество выпускников ВПДУ (2014-2015 гг.)

Годы	Кол-во студентов на последнем курсе	Получили диплом	Продолжили обучение в семинариях	Приняли священный сан (в том числе во время учебы)
2014	20	16	11	4 (3 свящ., 1 диакон)
2015	11	5	2	2 диакона
Итого за 2 года	31	21	13	6 (3 свящ., 3 диакона)

На сегодняшний день 4 выпускника духовного училища приняли священный сан (2 священника и 2 диакона), и еще один студент рукоположенный во священника и один во диакона продолжают обучение на выпускном курсе (всего: 6 человек в сани: 3 священника и 3 диакона). Они несут послушание в храмах Владикавказа, а также в селении Старое Батако. С 2015/2016 учебного года преподавателем психологии в духовном училище назначен выпускник 2014 года священник Игорь Кусов, который имеет соответствующее высшее образование. Кроме того один из выпускников духовного училища работает преподавателем Основ православной культуры в средней школе п. Калинин-

ского Моздокского района, еще двое несут послушание в Аланском Свято-Успенском мужском монастыре и в Александро-Свирском мужском монастыре Ленинградской области.

Таблица 2

Количество студентов ВПДУ (2011/2012-2015/2016 уч. гг.)

Учебные годы	Количество студентов
2011/2012	21
2012/2013	34
2013/2014	41
2014/2015	23
2015/2016	27

По состоянию на 2015/2016 учебный год студентами ВПДУ являются 27 человек: 1 курс – 12 человек; 3 курс – 15 человек. Практически все студенты духовного училища представляют Владикавказскую и Аланскую епархию – 26 человек; один человек направлен на обучение в ВПДУ от Махачкалинской и Грозненской епархии.

За последние два года внутрицерковный статус ВПДУ претерпел ряд изменений. В рамках реформы духовных учебных заведений РПЦ, постановлением Синода от 16 июля 2013 г. (Журнал № 79 п.7) духовным училищам, готовящим кадры духовенства, предписано «предоставить трехлетний срок для преобразования в духовные семинарии либо в образовательные учреждения (центры), готовящие приходских специалистов в области миссии и катехизации, молодежной и социальной работы» [7]. Исходя из этого, решением Епархиального совета Владикавказской и Аланской епархии от 24.10.2013 (Протокол № 4 (12) п.10) с 2014 года в ВПДУ было поручено «организовать обучение специалистов в области миссии и катехизации, молодежной и социальной работы по программам среднего профессионального церковного образования» [8].

По согласованию с Учебным комитетом РПЦ, на основе «Примерного учебного плана по подготовке катехизаторов» духовным училищем разработан новый Учебный план, в который также были включены дисциплины в объеме первых двух курсов семинарии (на примере учебного плана по направлению подготовки 48.03.01 Теология, профиль «Практическая теология Православия» Московской духовной семинарии). В вариативную часть цикла вошли предметы, относящиеся к региональному компоненту: осетинский язык, история Осетии, история христианства в Алании, традиции и культура народов Осетии. В развитие регионального компонента в системе духовного образования определенный вклад вносит и заметно активизировавшийся в последние годы процесс перевода богослужебных текстов на осетинский язык [9].

В декабре 2015 г. последовали новые решения Епархиального совета, согласно которым, духовную школу планируется преобразовать в высшее учебное заведение – семинарию, так как, по мнению членов Епархиального

совета, «статус семинарии более адекватно отвечает реалиям нынешнего времени и потребностям подготовки духовенства для служения на приходах Владикавказской епархии» [10].

Таким образом, за пять лет своего существования, Владикавказское православное духовное училище зарекомендовало себя как активно развивающийся центр духовного образования в Северной Осетии. Испытывая неминуемые в период становления трудности, духовное учебное заведение уже успело осуществить два выпуска студентов и подготовить первых священно- и церковнослужителей Владикавказской епархии.

Примечания

1. Официальный сайт Московского патриархата: [сайт]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1292007.html>.

2. Бзаров Р.С. Духовное крыло национальной интеллигенции стоит перед непечатым краем работы // Чырыстон Ир. 2014. № 2 (3). С. 16.

3. Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. М.: Наука, 1992. 192 с.

4. Гостиева Л.К. Православие в Осетии: очерки о православном духовенстве второй половины XIX – начала XX в.». Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН, 2014. 557с.

5. Дзеранов Т.Е. Христианское просвещение в Осетии // Православная Церковь в социально-культурных процессах России: история и современность: материалы I Всероссийской научно-практической конференции (23-24 мая 2012 г.). Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2013.

6. Владикавказское православное духовное училище // Чырыстон Ир. 2014. № 2 (3).

7. Официальный сайт Московского патриархата: [сайт]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3102896.html>

8. Официальный сайт Владикавказской и Аланской епархии: [сайт]. URL: <http://www.blagos.ru/dokumenty/item/1812-protokol-%E2%84%96-4-12-zasedaniya-eparxialnogo-soveta-vladikavkazskoj-i-alanskoj-eparxii>

9. Мамиева И. В. Национальная картина мира и проблема переводимости текстов Священного Писания (из опыта редактирования перевода Бытия на осетинский язык) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. 2015. № 1. С. 138-143.

10. Официальный сайт Владикавказской и Аланской епархии: [сайт]. URL: <http://www.blagos.ru/vse-novosti/item/3656-vo-vladikavkaze-sostoyalos-zasedanie-eparxialnogo-soveta>

Б. М. БИРАГОВА,
к.полит.н., нс
СОИГСИ им. В. И. Абаева (г. Владикавказ)

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ РЕСУРС (К ВОПРОСУ О КАЧЕСТВЕ ПОДГОТОВКИ И ВОСТРЕБОВАННОСТИ ПОЛИТОЛОГОВ В РЕСПУБЛИКЕ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ)

В статье рассматривается современное состояние политологического образования в Республике Северная Осетия-Алания, анализируется качество подготовки политологов, а также уровень востребованности специалистов с политологическим образованием в системе государственного и муниципального управления региона.

Ключевые слова: политологическое образование, политология, имиджелогия, политический PR, GR, брендинг территории, политолог, политический консультант, политический технолог, РАПН

The article discusses the current state of political education in the Republic of North Ossetia-Alania, analyzes the quality of training of political scientists, as well as the level of demand for specialists with political education in the system of state and municipal management of the region.

Key words: political education, political science, image making, political PR, GR, territory branding, political scientist, political consultant, political technologist, RPSA

Становление и развитие политологического образования в стране происходило в фарватере становления и развития новой российской государственности. Динамичные модернизационные процессы, затронувшие все уровни жизнедеятельности российского социума, включая, прежде всего, сферу государственного управления, спровоцировали запрос на профессионалов, обладающих специальными компетенциями для анализа, объяснения и регулирования происходящих изменений в целях обеспечения стабильного функционирования политической системы.

Произошел резкий качественный и количественный рост различных политологических центров, аналитических фондов и экспертных клубов. Сегодня профессия политолога считается престижной и в некотором смысле элитарной. Мнение политологов, политэкспертов, политконсультантов и политтехнологов как ретрансляторов научных оценок, прогнозов и рейтингов стало особой коммуникативной единицей медиаполитического пространства.

Однако если образовательные ресурсы крупнейших российских вузов позволяют обеспечивать высокий уровень подготовки политологов, которые, в свою очередь, имеют широкие возможности реализации практических навыков в государственных учреждениях, различных исследовательских, аналитических, консалтинговых центрах, НКО, экспертных ассоциациях, то, к примеру, в республиках Северного Кавказа до сих пор практически не пройдена стадия полноценной имплементации политологического образования как управленческого ресурса, инструмента политической социализации и воспроизводства политической системы. Этот «пробел» приобретает стратегическое значение, так как процессы на Северном Кавказе всегда имели и имеют не только внутривнутриполитическую, но и геополитическую значимость.

С 2000-х гг. в контексте объявленной президентом России В.В. Путиным борьбы с терроризмом и, по сути, мобилизации российского общества перед лицом глобальной угрозы, а также жесткого постулирования геополитической значимости Северного Кавказа как неотъемлемой части российского политического и цивилизационного пространства после волны националистических антикавказских митингов 2010-2011 гг., начался новый этап в научном осмыслении северокавказской проблематики.

Первостепенной задачей ученых и общественных деятелей стало стремление развенчать негативные стереотипы вокруг Северного Кавказа как «горячей точки» и криминально-маргинализированной общности, годами внедрявшиеся в массовое сознание россиян средствами массовой информации, восстановить межрегиональные связи и этнокультурный баланс в рамках полиэтничного и поликонфессионального российского социума.

За короткое время информационная открытость дала понимание, что в глобальном информационном обществе СМИ и Интернет обладают приоритетной ролью в формировании имиджа (позитивного или негативного) того или иного этноса, влияя как на его самосознание, так и на представления о нем других этносов, т.е. – его международную репутацию. На этом фоне перспективными научными направлениями для Северного Кавказа обозначили себя политология, имиджелогия, политический PR, GR, брендинг территории и т.д. Появилась объективная необходимость в профессиональных политологах, политических консультантах и политических технологах, знающих специфику региона.

Однако восполнить обозначенный пробел оказалось сложно. Во-первых, в национальных университетах на Северном Кавказе, поглощенных борьбой за выживание на фоне процессов оптимизации и сокращения штатов, нет самостоятельных факультетов политологии: курс политологии, как правило, весьма скромный, закреплен за кафедрами истории или философии. Во-вторых, существует объективный недостаток преподавателей с политологическим образованием. В-третьих, в национальных республиках, где традиционно низкая социальная и профессиональная мобильность, на государственном уровне отсутствует запрос на экспертов-политологов. Как следствие, отсутствует база для создания серьезных политологических ис-

следовательских центров, заинтересованных в специалистах данного профиля. В-четвертых, в национальных республиках отсутствует полноценный проблемный общественно-политический дискурс, обусловленный низкой общественно-политической активностью, слабостью «третьего сектора», а также незаинтересованностью региональной власти [1]. В результате любые значимые общественные дискуссии либо иницируются «сверху», приобретая протокольный характер, либо переходят в пространство социальных сетей, где любые мнения и оценки могут быть анонимны и безапелляционны. Виртуализация общественно-политического дискурса привела к тому, что в северокавказских республиках стало популярным высказывать «экспертные» точки зрения на политические темы, не обладая для этого соответствующим политологическим образованием. В-пятых, кадровая политика в области государственной гражданской службы в республиках не ориентирована на рекрутирование потенциальных лидеров с профессиональным политологическим образованием, что, безусловно, в определенном смысле девальвирует само понятие политической элиты. В-шестых, в условиях слабой политической конкуренции и введения института «непрямых» выборов в большинстве субъектов СКФО, крайне низка заинтересованность в услугах политконсультантов, политтехнологов, специалистов по политическому PR и GR. Наряду с этим очевидны отсутствие серьезных профильных научных школ и недостаточная представленность данных дисциплин в образовательных программах высших учебных заведений республик.

Обозначенные проблемы особенно остро проявили себя с образованием в 2010 году Северо-Кавказского федерального округа, давшего старт множеству модернизационных процессов в регионе, а именно: проекты по развитию туристического кластера, оптимизация внутрирегиональной политической коммуникации с участием глав субъектов СКФО, активизация гражданского общества, регулирование молодежной политики и т.д.

Одним из важнейших направлений деятельности аппарата полномочного представителя Президента РФ в СКФО стало «реанимирование» «третьего сектора». Реализация амбициозных проектов требовала общественной поддержки, а значит, мощного информационно-коммуникационного сопровождения, которое последовало в виде учреждения Общественного совета при Полномочном представителе Президента РФ в СКФО, Совета старейшин, Совета по молодежной политике, собственных СМИ, интернет-ресурсов, специализированного аналитического Центра современной кавказской политики «Кавказ», Ассоциации СМИ Северного Кавказа и кавказской интернет-премии «Прометей», молодежного форума «Машук». Все эти преобразования происходили при участии политологов и политтехнологов, делегированных на Северный Кавказ из Москвы и Санкт-Петербурга.

Центр современной кавказской политики «Кавказ» (г.Пятигорск) создан в 2013 году по инициативе Администрации Президента РФ группой политологов, социологов и политтехнологов из Москвы и Санкт-Петербурга, специализируется на актуальных экспертных исследованиях различных сфер жизни

всего географического региона Кавказа и нацелен «положить конец «экспертной вакханалии» в отношении Кавказа, поставить заслон дилетантам, непрофессионалам и просто самозванцам, зачастую использующим СМИ в своих манипулятивных целях» [2].

По инициативе ЦСКП «Кавказ» в короткие сроки в республиках СКФО была создана сеть экспертных клубов: «Казбек» (Республика Северная Осетия-Алания), «Эльбрус» (Кабардино-Балкарская Республика), «Грозный» (Чеченская Республика), «Джейрах» (Республика Ингушетия), «Архыз» (Карачаево-Черкесская Республика), «Седой Каспий» (Республика Дагестан), «Машук», «Ставропольский экспертный клуб» (Ставропольский край), в состав которых вошли ученые и общественные деятели. В их задачи входит анализ актуальной проблематики республик СКФО и выработка рекомендаций для ее решения. Знаковым нововведением в русле популяризации политологического образования и эволюции политологической экспертизы на Северном Кавказе стало создание первой в истории региона экспертной площадки – Гражданского форума «Архыз-XXI».

Таким образом, ЦСКП «Кавказ» удалось объединить все «политологические силы» региона, ранее пребывавшие «в тени», в единый экспертный пул. Однако в задачу Центра не входит стимулирование политологического образования в регионе, а предложение Молодежного парламента РСО-А создать молодежные аналоги действующих в республиках экспертных клубов не нашло поддержки, тогда как молодежь СКФО демонстрирует зачастую тотальную аполитичность и отсутствие политической культуры [3], и создание молодежного экспертного клуба регионального формата могло бы оказать стимулирующий к более активному освоению политических знаний эффект.

В процессе анализа состояния политологического образования в республиках СКФО необходимо учитывать, что наряду с общей проблематикой: сложная социально-экономическая ситуация, зависимость от федеральных дотаций, высокий уровень безработицы и трудовой миграции и т.д., существует и ряд особенностей в актуализации повестки дня в каждой из республик: в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии – сохранение единства и стабильности в условиях «двусоставной республики», достижение консенсуса в «черкесском вопросе»; в Чечне – соотношение светскости и религиозности, вопрос приоритета российского законодательства, проблемы домашнего насилия и прав человека; в Дагестане – «клановые войны», борьба с терроризмом и радикализмом и т.д. Все это обуславливает различия в характере общественно-политической дискуссии и экспертной рефлексии.

К примеру, Республика Северная Осетия-Алания, которой суждено было пережить несколько межнациональных конфликтов (ингушко-осетинский, грузино-югоосетинский) и зловещих терактов, сегодня справедливо считается одним из самых «спокойных» субъектов [4]. Однако традиционно являясь регионом с высоким научным и культурным потенциалом, Северная Осетия, по мнению ряда экспертов, в последнее время теряет статус российского «форпоста». «В течение многих десятилетий Осетия по праву считалась ад-

министративным, общественно-политическим и социально-экономическим центром региона. Она заслуженно гордилась званием форпоста России на Кавказе. Однако в последнее время некоторые представители осетинской молодежи, похоже, начали тяготиться высоким статусом. В Интернете и социальных сетях все громче звучат призывы отказаться от громкого титула, «налаживать повседневную жизнь», утонуть в рутинных, бытовых проблемах. Останется ли Осетия геополитическим центром Кавказа или уступит это место кому-то из соседей, активно претендующих на роль первой скрипки в СКФО и на всем Большом Кавказе?» – вопрошалось в анонсе круглого стола «Осетия в системе региональных и международных отношений: новый взгляд», состоявшемся во Владикавказе 29 мая 2015 г. [5]

Данный провокационный, по сути, посыл обнажает существующий вакуум в общественно-политической рефлексии в республике, в которой долгое время культивировалась парадигма «ноль проблем», что привело к стагнации «третьего сектора», отсутствию публичных дискуссий и, как следствие, невосребованности аналитических, консалтинговых и прогностических услуг политологов, размытию самого понятия экспертного сообщества.

Стоит отметить, что некорректным является само восприятие понятия «политолог» в медиаполитическом пространстве. В настоящее время в текстах СМИ политологами принято называть ученых, журналистов, общественных деятелей и в целом спикеров, высказывающих свои мнения относительно злободневных внутривнутриполитических и внешнеполитических проблем, но не обладающих политологическим образованием. Налицо произвольное и весьма широкое трактование понятия «политолог», употребляемого в качестве синонима понятий «политтехнолог», «политконсультант», «политический аналитик», «политический эксперт» и т.д. Учитывая разноплановость политологического знания, один из создателей современной российской политической науки А. М. Салмин предложил классифицировать политологию следующим образом:

- 1) академическая политология с подразделением на университетскую и теоретическую;
- 2) политология консультантов, представляющая «политические технологии»;
- 3) политология советников, носителей политологического знания, участвующих в принятии политических решений;
- 4) политология советчиков, или «всех тех, кто публично рассуждает о политике и дает советы власти без явно выраженной просьбы с ее стороны и, соответственно, без какой-либо ответственности за свои предложения» [6].

Если в основу типологизации политологов положить фактор наличия/отсутствия академического политологического образования, можно предложить следующую классификацию:

- 1) политолог как академическая специальность (политолог-ученый, исследователь) – профессиональное политологическое образование обязательно;

2) политолог как политический аналитик, политический эксперт – профессиональное политологическое образование может быть, может и не быть;

3) политолог как политтехнолог, политконсультант – профессиональное политологическое образование необязательно.

Все эти формы реализации политологического знания сегодня представлены в медиаполитическом пространстве, часто выступают как взаимозаменяемые, и тем не менее, обладают каждая по отдельности своей спецификой.

В настоящее время центром политологического образования в РСО-А является кафедра всеобщей истории и политологии Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. На базе кафедры в 2007 г. открыта аспирантура по специальности: 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии»; в 2012 г. – по специальностям: 10.01.10 – Журналистика (филологические и политические науки) и 23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика. В целом в вузах республики работают 5 докторов политических наук (2 из которых входят в Диссертационный совет Д 212.193.03 при ФГБУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет») и 6 кандидатов политических наук (1 из которых представлен в структурах региональной власти). Формально в республике функционирует региональное отделение Российской ассоциации политической науки, не проявляющее, вместе с тем, никакой активности в рамках деятельности ассоциации.

Важно отметить, что достаточно широко представлены специализированные научные издания, в которых отражаются результаты исследований политологов со всего Северного Кавказа: «Вестник СОГУ», «Известия СОИГСИ» (входят в перечень рецензируемых журналов ВАК), «Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых», «Проблемы всеобщей истории и политологии».

Политологические исследования осуществляет отдел социально-политических исследований Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева – филиала ФГБУН ФНЦ «Владикавказский научный центр Российской академии наук». На базе СОИГСИ функционирует «Научно-исследовательский центр – Кавказ: История, Политика, Культура».

Политологическое сообщество Северной Осетии представлено также в рамках деятельности ряда экспертных площадок, созданных по частной инициативе. Однако многие из них, заявляя о себе как об общественно-политической дискуссионной площадке, вскоре маргинализируются и исчезают, так как организаторы подобных мероприятий не обладают специальным политологическим образованием, постоянным местом дислокации и необходимым финансированием.

В настоящее время наиболее активно политологические дискуссии, пользующиеся экспертным вниманием, проводятся на базе «Кавказского геополитического клуба» и «Медиаклуба».

«Кавказский геополитический клуб» под руководством бывшего ведущего научного сотрудника Российского института стратегических исследований

Я. А. Амелиной, базирующийся во Владикавказе, позиционирует себя как многопрофильную площадку, призванную объединить ведущих экспертов Северного Кавказа и Закавказья в сфере геополитики, общественно-политической и религиозно-идеологической проблематики. Среди важнейших направлений экспертно-аналитической работы «КГК» – прикладные вопросы глобализации, СКФО-ЮФО-Закавказье, Крым, Турция, Иран, радикальный исламизм и др. [7]

«Медиаclub» – дискуссионная площадка, созданная по инициативе Молодежного парламента РСО-А на базе СОИГСИ для формирования полноценного диалога политически активной молодежи и экспертного сообщества путем организации открытых лекций, семинаров, мастер-классов на актуальные научные и общественно-политические темы с участием экспертов в различных областях, молодежных активистов и студентов. Задачи «Медиаclubа»: расширение базы знаний и повышение информированности молодежи о текущих политических процессах и актуальных общественно-политических проблемах; повышение интереса молодежи к научно-исследовательской, аналитической и проектной деятельности; развитие у молодежи гражданского и политического сознания, культуры гражданского диалога и искусства полемики; налаживание вертикальных – «эксперты-молодежь» и горизонтальных – «молодежь – молодежные организации» связей; формирование позитивного этнокультурного климата в молодежной среде.

Несмотря на ряд успешных частных начинаний в области выведения актуальной повестки на уровень качественной экспертной дискуссии, их объективно недостаточно в условиях динамично изменяющейся социально-политической реальности. Очевидно, что подходы к политологическому образованию в РСО-А, как и в других республиках СКФО в целом, нуждаются в коррекции. Перспективными подходами представляются: стимулирование профессионального политологического образования как управленческого ресурса, общественный и государственный запрос на политологов, не понаслышке знающих специфику региона, и их активное вовлечение в управленческую, экспертно-аналитическую и проектную деятельность.

Примечания

1. Бирагова Б. М. Позитивизация имиджа Северного Кавказа как медиаполитическая стратегия // Вестник СОГУ им. К. Л. Хетагурова. 2014. №4. С.47-51.
2. Центр современной кавказской политики «Кавказ». Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL:<http://politkavkaz.ru/about/>.
3. Амелина Я. Молодежь для «галочки». [Электронный ресурс]. URL:<http://www.apn.ru/publications/article31871.htm>.
4. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России. Весна-осень 2014 года. Исследование уровня межэтнической напряженности в регионах России проводилось сотрудниками Центра изучения национальных конфликтов и «Клуба Регионов» в период с апреля по сентябрь 2014 г. [Электронный ресурс]. URL:http://politkavkaz.ru/expert_club/comments/rating-of-

inter-ethnic-tensions-in-the-regions-of-russia/? sphrase_id=5001; Межэтнические и конфессиональные отношения в Северо-Кавказском федеральном округе. Экспертный доклад / Под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2013. 98 с.

5. Круглый стол «Осетия: новый взгляд» // Кавказский геополитический клуб. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL::<http://kavkazgeoclub.ru/content/kruglyy-stol-osetiya-novyy-vzglyad>

6. Салмин А. М. Политическое развитие России и актуальные проблемы политологии // Полис. 1998. № 3. С.220.

7. Кавказский геополитический клуб. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://kavkazgeoclub.ru/>.

Д. С. ДЖАНТЕЕВА,
к.и.н., доцент КЧИГИ
(КЧР, Черкесск)

ОСОЗНАННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ ЖУРНАЛИСТА КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНЫХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Автор статьи рассматривает осознанную социальную позицию журналиста как один из факторов эффективных этнополитических коммуникаций на Северном Кавказе. Акцентируется внимание на специфике профессиональной деятельности политических журналистов в этносоциальной среде.

Ключевые слова: социальная позиция журналиста, Северный Кавказ, этнополитические коммуникации

The author of article considers a conscious social position of the journalist as one of factors of effective ethno-political communications in the North Caucasus. Attention is also focused on specifics of work of political journalists and the practical principles of their professional activity in the ethnosocial environment.

Keywords: social position of the journalist, North Caucasus, ethno-political communications.

Научное осмысление феномена осознанной социальной позиции журналиста в контексте этнополитических коммуникаций на Северном Кавказе приобретает особую актуальность в условиях трансформации политической системы, развития политического плюрализма, а также продолжающейся медиатизации этнополитических процессов в стране и регионе на фоне «спонтанного развития журналистики» [1; 27]. К тому же, от социальной позиции журналиста зависит стабильность этноконтрактной ситуации на Северном Кавказе – регионе, который отличается геополитичностью и цикличностью этнополитических проблем.

В свою очередь, на социальную позицию журналиста, живущего на Северном Кавказе, наряду с общей профессиональной подготовкой, влияет его этнополитическая культура, формируемая под воздействием специфичной этносоциальной среды, характеризующейся традиционализмом, особенностями этнического самосознания и распространением особых обычаев и норм.

Эти объективные факторы также усложняют процесс понимания журналистом специфики актуальной социально-политической ситуации без чего

невозможно выполнение им профессиональных задач, направленных на установление эффективных этнополитических контактов. Вот почему важно, чтобы социальная позиция журналиста была осознанной и отражала интересы, способствующие формированию толерантных взаимоотношений в этносоциальной среде. К тому же, с журналиста не снимается ответственность за неосознанную социальную позицию в актуальной ситуации. Как верно отмечает В. А. Сидоров, «журналисты несут особую моральную и социальную ответственность, касающуюся их деятельности и сделанных ими умозаключений (добытых сведений)».

Говоря о социальной позиции журналиста, следует уделить особое внимание соблюдению им принципов профессиональной деятельности, которые основаны на гуманизме и отображены в морально-этических кодексах. В этом плане примечательно образование в апреле 2014 года Ассоциации СМИ СКФО, которая приняла Кодекс СМИ Северного Кавказа. Руководители 23 СМИ региона, подписавшие документ, заявили о готовности декларировать единую позицию журналистского сообщества региона по актуальным вопросам в тех случаях, когда это необходимо. Так, 5-й пункт Кодекса СМИ СКФО гласит: «Мы берём на себя ответственность за выражение и донесение до общественности консолидированной позиции журналистов Северного Кавказа по вопросам и проблемам, требующим формирования такой позиции». Понятно, что не может быть абсолютно идентичной позиции журналиста и всего журналистского сообщества на определенные социально-политические процессы в регионе. Поэтому, надо полагать, что Ассоциация СМИ СКФО, реализуя 5-й пункт Кодекса СМИ Северного Кавказа, будет последовательно представлять позицию большинства.

При освещении этнополитических проблем в СМИ невозможно оправдать информационные запросы всех этнических групп только потому, что межэтнические противоречия основаны на бинарной системе («свои» – «чужие»). Это не означает, что внутри этнической группы наблюдается полное взаимопонимание. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на характер этнополитических коммуникаций в моноэтнических образованиях СКФО, где наблюдаются межклановые войны с использованием элементов информационных войн. Политические оппоненты руководителей этих субъектов в ряде случаев используют потенциал зарубежных журналистов, не обремененных политкорректностью и ответственностью за свободу слова.

Между тем, эфемерность свободы слова и свободы российских журналистов на Северном Кавказе отражается на их массово-информационной деятельности. Зависимость журналистов от учредителя СМИ, редакторской политики и этнополитической группы, во многом определяют его позицию к политической проблеме. Именно потому, что «свои» журналисты страстно интерпретируют актуальные события с участием «Мы-группы», подготовленные ими сообщения оказывают неограниченное медиавоздействие на широкую аудиторию. В первом случае политические сообщения «своего» журналиста суггестивно воздействует на «Мы-группу» и способствуют эффек-

тивным внутригрупповым этнополитическим коммуникациям. Вместе с тем, эти же политические сообщения оказывают аналогичное воздействие в обратном направлении на «чужих», что приводит к кризисным (конфликтным) этнополитическим коммуникациям на межгрупповом уровне с преследованием журналистов. Вот почему важно журналисту изначально определить свою гражданскую и профессиональную позицию в информационном сопровождении этнополитических коммуникаций. Тем более, в зависимости от ситуации журналист выступает в роли репортера или аналитика, и тогда он воспринимается аудиторией как ангажированный определенной этнополитической группой. «Социальная позиция современных отечественных журналистов продиктована пониманием своей роли в социальных взаимодействиях в каждой социально-стратифицированной группе потребителей медийной продукции» [2; 91].

Во избежание конфликтных сценариев важно, чтобы журналист абстрагировался и от искушения манипулирования этнополитическим сознанием референтной группы и проявил высокую степень когнитивной вовлеченности в вопросы этнополитики, которые он освещает. Как отмечает В. К. Малькова, «журналистам, вольно или невольно формирующим представления людей в области межэтнических отношений, всегда необходимо осознавать свою роль и гражданскую ответственность перед обществом». Иными словами журналист должен знать и понимать этнополитическую проблему, о которой говорит или пишет. Не случайно сегодня журналисты, освещающие этнические проблемы, получают дополнительное этнологическое образование. Даже если журналист придерживается теории фактов, а не мнений и, соответственно, не комментирует этнополитическое событие, он может не так его обосновать, что определенным образом проявляется на восприятии информации публикой и преобразовании ее во мнение.

В периоды актуализации определенных этнополитических проблем, аудитория этносоциальной среды сегментируется по этническим основаниям и тогда восприятие политических сообщений сильно зависит от информационных запросов этнических групп. Если рассуждать более обобщенно, восприятие актуальных политических медиатекстов не очень зависит от их происхождения (источника), если они отвечают этнополитическим интересам аудитории. Учитывая состав, ориентиры и приоритеты аудитории на Северном Кавказе, журналисты не должны раскрывать этнополитические проблемы региона через противопоставление позиций этнических групп. В противном случае информация будет отвергнута той этнической группой, чьи позиции ни так представлены в данном сообщении. Тогда никакие аргументы не могут убедить членов данной группы адекватно понять позицию журналиста, который с их точки зрения проявляет интолерантность и недостаточно осведомлен о проблеме. Подобные сценарии, когда не журналисты, а этническая группа обладает большей осведомленностью о «своей» политической проблеме и располагает контекстной информацией о ней, нередки в современных этнополитических коммуникациях Северного Кавказа. Умело

идентифицировать контекстную информацию, куда входят и сведения о заинтересованных этнополитических группах и национальных лидерах, критикующих определенные идеи, способны политически подготовленные представители этнических групп. Именно они реагируют первыми на медиатексты, не соответствующие предопределенным этнополитическим интересам группы в актуальной ситуации. Сказанное не означает, что вся этническая группа идентично подходит к оценке этнически спроецированных политических медиатекстов, т.к. в действительности имеют место такие явления как интенсивность восприятия информации и отношение к проблеме и ее последствиям. Оба параметра напрямую зависят от степени включенности в ситуацию или полного дистанцирования от нее представителей этнической группы, их социального положения и, соответственно, реальных возможностей объективно оценить происходящее.

Безусловно, для деятельности журналиста, освещающего этнические аспекты общественно-политической жизни, важны такие факторы как этнический состав населения в регионах СКФО, количественное соотношение представителей разных этнических групп, их половозрастная и социальная структура, давность и перспективы их проживания на данной территории, степень их интеграции в принимающее сообщество, этнокультурные интересы и т.п. Причем каждый из этих факторов имеет свои особенности и по-разному проявляется в каждом регионе. Многие из них могут преподноситься как база для возбуждения этнической вражды. Например, давность проживания или социальная структура. И это не говоря о том, что «сегодня есть журналисты, готовые на выгодных для себя условиях выражать позицию определенной этнополитической группы при любых обстоятельствах, пусть даже на свой страх и риск. При этом совпадение этнической идентичности журналиста и этнополитической группы не обязательно. Скорее наоборот, гораздо лучше, если интересы этнополитической группы будет представлять в нужном контексте иноэтничный журналист с высоким уровнем квалификации» [3; 475].

Таким образом, осознанная социальная позиция журналиста, определяющая состояние и направленность этнополитических коммуникаций в Северо-Кавказском регионе, выступает очевидным фактором их эффективности. В периоды актуализации этнополитических проблем СМИ становятся не только средством распространения этнически спроецированной политической информации, но и средством выражения суждений и оценок заинтересованных групп. С этой точки зрения роль журналистики нельзя оценить однозначно. С одной стороны, журналисты формируют медиа-повестку дня при тесном сотрудничестве с органами власти, а с другой стороны, они корректируют политическую медиа-повестку дня, приводя ее в соответствие с общественной повесткой дня. В обоих случаях четко определить социальную позицию журналиста невозможно, хотя она и определяется определенными факторами объективного характера, в числе которых мы выделили: состояние политической системы государства и региона, политическую культуру общества

и журналиста, его социальный статус, форму собственности СМИ, редакторскую политику, а также авторскую позицию на ту или иную этнополитическую проблему. Независимо от этих факторов с профессиональной точки зрения журналист должен проявлять высокую степень когнитивной вовлеченности в вопросы этнополитики с тем, чтобы подготовленные им медиатексты были адекватно восприняты большинством аудитории и конвертированы во мнение общества.

Примечание

1. Корконосенко С.Г. Теория журналистики: моделирование и применение: учебное пособие. М.: Логос, 2010.

2. Мезенцева А.В. Социальная позиция современного российского журналиста: диверсификация профессиональной функции// Альманах современной науки и образования. 2015.№ 10 (100).

3. Политическая роль журналистики на Российском Кавказе// Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения: Научное издание / Под общ. ред. Р.Г. Абдулатипова, А.-Н.З. Дибирова. Издательство «Аспект Пресс», 2015.

Ф. С. КУДЗИЕВА
(г. Владикавказ)

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ ИЗУЧЕНИЯ ПЕНСИОНЕРОВ КАК ОСОБОЙ СОЦИАЛЬНО- ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

В данной статье рассматриваются различные подходы к исследованию феномена старости. Приведен краткий исторический анализ критериев наступления старости, выявлены особенности субкультуры пожилых людей. Также проведена параллель между особенностями социального самочувствия пенсионеров в современной России и за рубежом. Основным критерием наступления старости в современном обществе считается переход через возрастной порог, формализованный и законодательно оформленный, после чего человек получает право на пенсионное обеспечение.

Ключевые слова: пенсионеры, старость, возрастная дифференциация, субкультура, «третий возраст», «молодые старики».

This article discusses various approaches to the study of aging phenomenon. A brief historical analysis of the criteria of old age, the peculiarities of the elderly subculture. Also held parallel between the features of the social well-being of pensioners in modern Russia and abroad. The main criterion for the onset of old age in modern society is considered to be the crossing of the threshold of age, formal and legally executed, after which the person is entitled to a pension.

Keywords: retirees, old age, the age differentiation, a subculture of elderly people, "the third age", "young elderly".

Значительной социально-демографической тенденцией в современном мире становится увеличение числа пожилых людей среди населения. Пенсионеры во всем мире составляют особую социально-демографическую группу населения. В России в эту группу согласно нормам законодательства входят мужчины старше 60 лет и женщины старше 55 лет.

Пенсионный возраст сопровождается процессом старения, поэтому анализ специфики пенсионеров как социально-демографической группы требует рассмотрения старости как социального феномена.

Древние мыслители Запада и Востока – Анаксимандр, Гераклит, Платон, Демокрит, Аристотель, Сенека, Фалес, Конфуций делали попытки выделить значение и наиболее существенные характеристики старости. Особый вклад

внес М. Т. Цицерон, проанализировавший в своем философском трактате «Катон Старший о старости» различные аспекты бытия человека на финальном этапе его жизни [1]. Старость в воззрениях античных философов являлась важнейшим этапом жизнедеятельности человека и перехода его к подлинному бытию.

Философы Средневековья Фома Аквинский, Августин Блаженный, Р. Бэкон, Авиценна возводили в приоритет осмысление старости как этап бытия человека, когда он в наибольшей степени соответствует идеалам религиозных воззрений. Старики своей мудростью и невозмутимостью демонстрируют человечеству его истинное предназначение.

Труды мыслителей Нового времени Ф. Бэкона, М. Монтеня, Ш. Монтескье, Ж. А. Кондорсе, Ж. Ж. Руссо, Вольтера были ориентированы на оценку роли старых людей в развитии общества и определение их влияния на различные аспекты функционирования общества.

XIX и начало XX столетия ознаменовались трактовкой старости в пределах разрабатываемых социогеронтологических теорий. Подобный подход дал возможность философам определить наиболее значимые социальные грани старости как явления, органически присущего социуму. Н. Я. Данилевский, А. Тойнби, К. Н. Леонтьев рассматривали старость в контексте исторического развития различных типов и форм общества.

Основным критерием наступления старости в современном обществе считается переход через возрастной порог, формализованный и законодательно оформленный. После этого человек получает право на пенсионное обеспечение. Сложности в определении прежде всего связаны с тем, что старение является длительным и плавным процессом, без границы, отделяющей старость от среднего возраста.

Неоднозначно и отношение ученых к феномену старения. По мнению К. Джини, старение населения – это источник появления существенных конфликтов, так как пожилые люди профессионально пассивны. Поэтому с экономической точки зрения постепенно становятся тяжелой обузой для народа.

Современная культура характеризуется ярко выраженным слоем нововведений, постоянно взламывающими и перестраивающими культурные устои, тем самым затрудняя процесс социализации и адаптацию человека к неустойчивым условиям и требованиям жизни. При этом социокультурная реальность сопровождается ломкой норм и традиций, влияя на мироощущение пожилых людей. В. С. Говоров подчеркивает, что старение – внутренне противоречивый процесс: одновременно с деградацией угасания возникают и некоторые приспособительные механизмы. В. В. Фролькинс, российский геронтолог, отмечает в старении два антагонистических процесса: 1) сокращение возможностей приспособления резервов организма; 2) ограничение механизмов саморегуляции, нарушение функций обмена в организме [2, 38-43].

Биологический подход по К. Виктору фокусирует внимание на физиологическом аспекте старости, психологический – на психических и мыслительных старения. Социальный же рассматривает старость в социальном

контексте по направлениям индивидуальных переживаний пожилого человека, его места в обществе; проблемам старости и разрешения на уровне государственной политики.

Современная западная культура «ликвидировала» концепт «старость» – сегодня это «очень хорошо сохранившийся» или «человек солидного возраста». В американском обществе даже избегают слова «пожилой», заменив его термином «третий возраст». Пожилые люди ухожены и хорошо выглядят, много путешествуют и ведут насыщенную активную жизнь. Старение личности может проявляться в принятом зарубежными авторами синдроме «неприятности старения». Противоречие между количеством прожитых лет и внутренним настроем может приводить к разным формам социально-психологической дезадаптации и фрустрации личности пожилого человека («молодые старики» – люди, достигшие возраста 65 лет, ни внешне, ни по состоянию здоровья, ни по каким-либо иным критериям нельзя отнести к числу стариков [2]. Предложенная английским демографом П. Ласлеттом концепция рассматривает жизненный цикл современного человека в четырех стадиях, включающих понятия «третий возраст» – продукт успешного демографического и экономического развития, щедрой социальной политики и «четвертый возраст» – лица старше 75 лет. «Молодые старики» активны и энергичны. Многие тратят дар свободного времени на путешествия или общественную деятельность. Стиль и образ жизни их не соответствует приписываемым старикам стереотипным ролям.

Ю.Б. Тарнавский предложил дифференциацию периода позднего возраста на отдельные группы:

- 1) пожилой возраст (предстарческий или инволюционный) – 50-65 лет;
- 2) старческий возраст – 65 лет и выше [3, 54].

Е.С. Авербухом условно выделен возраст 45-60 лет – пострепродуктивный период; 60-75 лет – пожилой (предстарческий); 75-90 лет – старческий возраст; старше 90 лет – долгожители [4, 47].

Д. Бромлей приводит следующую классификацию: внутриутробный период, периоды детства, юности, взрослости, старости. В классификации Э. Эриксона выделяются прописаны возрастные этапы, соответствующие стадиям психосоциального развития:

- 1) рождение – 1 год (орально-сенсорная стадия или младенчество);
- 2) 1-3 года (мышечно-анальная стадия или раннее детство);
- 3) 3-6 лет (локомоторно-генитальная стадия или возраст игры);
- 4) 6-12 лет (латентная стадия или школьный возраст);
- 5) 12-19 лет (возраст подростковый и юношеский);
- 6) 20-25 лет (ранняя зрелость);
- 7) 26-64 лет (средняя зрелость);
- 8) от 65 лет (поздняя зрелость) [5, 78-79].

На основе данного анализа видим, что не существует единого мнения при выделении возраста наступления старости, однако отечественная наука придерживается следующей схемы возрастной периодизации: 1) пожилой воз-

раст: мужчины 60-74 года, женщины – 55-74 года; 2) старческий возраст: мужчины и женщины – 75-90 лет; 3) долгожители: мужчины и женщины – 90 лет и старше. Данная возрастная классификация будет основополагающей в нашем исследовании.

Таким образом, не следует соотносить напрямую понятия «пожилой человек» и «пенсионер». Однако современное общество, как правило, объединяют их в одну возрастную группу, часто называемую «третий возраст» или «население третьего возраста». Эксперты ВОЗ склонны ссылаться на решение ООН от 1980 г. – «возраст 60 лет рассматривать как границу перехода в группу пожилых». В 1982 г. ВОЗ определила 65 лет в качестве индикатора пожилого возраста и еще и группу «престарелых людей» – 80 лет и старше.

«Безболезненное», нормальное старение возможно только если сохраняется прежнее положение одновременно в нескольких сферах деятельности и адаптации к новым условиям в разных аспектах. По мнению теоретика субкультур А. Роуза, людям легче выдержать переход к старости в случае общения к «субкультуре пожилых» – в случае сохранения пожилыми людьми уже сложившихся дружеских связей и появления у них новых друзей может складываться определенная субкультура, что способствует сохранению чувства психологической и социальной стабильности. А. Роуз считает, что чувство принадлежности к определенной группе особенно ценно, когда достигнутые человеком в прошлом статусы утрачены или ослаблены [6, 44-46].

Отсутствие изоляции благодаря приобщению к новой субкультуре может повысить самоуважение пожилого человека. Существует предположение, что дискриминация по отношению к лицам старшего возраста и их чувство общности являются основанием для появления субкультуры старости, т.е. старость выступает основным звеном трансмиссии культуры. Каждая возрастная группа имеет свою субкультуру и определенные ценности. Пожилым людям нравится общение со сверстниками, так как им импонирует общность взглядов и интересов. Субкультурой в социологии называются социальные образования внутри общества, отличные от нормативной и преобладающей культуры по некоторым культурным признакам, стилем поведения, обычаями или ценностными ориентациями. Данная теория, таким образом, на самом деле способна объединять людей в определенные группы, имеющие привычные нормы морали и поведения, традиции, духовные ценности. Но группы, предшествующие стареющей, не имеют единой культуры, и перенос в эту группу какой-то единой культуры невозможен. С другой стороны – развитие культуры является прерывно-непрерывным процессом и потому культура больше способствует объединению различных поколений, чем их разобщению. Теория субкультур не всегда находит подтверждение на практике, так как имеют место реальные факторы, тормозящие создание субкультурных групп для пожилых людей. Этими факторами могут быть нежелание человека, выходящего на пенсию, считать себя неспособным трудиться либо просто ухаживать за собой. Также формирование такой субкультуры может быть заторможено и намечающимися в последнее время тенденциями укрепления семейных

связей (особенно при болезни старого человека или его инвалидности). Реальные семейные обстоятельства и отсутствие возможности трудоустройства для людей пожилого возраста говорят о том, что существуют определенные возможности и потребности для развития субкультуры пожилых. Однако практика показывает, что создание такой субкультуры отнюдь не панацея для их социальной «включенности», так как практическая реализация данной теории может привести к нарушению преемственности поколений и выхолащиванию определенных ценностей, (сопереживание, сопричастность, забота о ближнем) у последующих поколений, которым перспектива старения ошибочно представляется отдаленным будущим.

Теорией маргинальности старость представлена состоянием девиантности, то есть положение пожилых людей – это положение изгоев, уделом которых являются ограниченные возможности и низкие доходы. Согласно этой теории, активная и трудоспособная часть социума должна разрабатывать социальные программы для улучшения жизни пассивного слоя, коим являются старики. Пассивное состояние пожилых людей, их уход в себя и социальное отчуждение рассматриваются как разновидности отклоняющегося поведения. Старость – социальная девиация, возникающая в итоге реакции на социальное давление. Например, по выходе индивида на пенсию он подпадал под определение «пожилой», поэтому предполагалось, что его поведение будет соответствующим, без претензии на трудовую деятельность.

Теория социальной изоляции фокусирует свое внимание на переменах в социальном самочувствии пожилого человека. Это, прежде всего, связывают с выходом на пенсию (характерно сворачивание коммуникаций и социальных связей). Также это связывают с отделением от детей, ставших самостоятельными, утратой знакомых и близких людей, урбанистическим стилем жизни и изменением возрастных требований в семье. Возникает необходимость в новых адаптационных стратегиях на данном отрезке жизни для овладения социально-психологическими механизмами, способными блокировать отрицательные последствия критических моментов жизни стариков. Теория изоляции, как и теория маргинальности подчеркивает обособленность пожилых людей как социально-демографической группы. При этом анализируется позиция и социокультурные ориентации каждого человека, стиль его жизни, проводится анализ индивидуальных реакций. Сохранение жизненной активности при этом считается позитивным фактором и отмечается, что люди с активной жизненной позицией готовы к изменениям, рассматривая как вызов своим возможностям, а не в качестве угрозы.

Некоторые исследователи посвящают свои исследования анализу ценностных возрастных асимметрий в обществе – таких как «открытость» социальных позиций, позволяющих воздействовать на различные общественные процессы, размеры и способы получения дохода. Пожилые люди отдалены от богатства, престижа и власти, занимают маргинальную позицию. В общественном сознании возрастная асимметрия проявляется как смена приоритетов. Пенсионеры в развитых странах – это наиболее платежеспособная груп-

па, имеющая самый большой расходный капитал. Она занимает значительное место в политике, имеет возможность путешествовать. На современном Западе существуют магазины, салоны красоты, кафе, клубы, владельцами которых являются пожилые люди – то есть рынок учитывает интересы и потребности возрастающего количества пожилых людей.

Теория взаимоотношения модусов времени выдвигает парадигму существования человека в трех измерениях – прошлом, настоящем и будущем. С возрастом жизнь человека постепенно меняется, ее ритм приобретает плавный характер, всякие действия планируются, а факты жизни становятся событиями. Психологическая неудовлетворенность становится результатом любых нарушений; характерна прозрачность временных перегородок. Исследователи отмечают: 1) нередко пожилые люди склонны переоценивать и пересматривать свою прожитую жизнь; 2) у стариков часто и спонтанно в сознании всплывают эпизоды прошлого.

Теории стигмы интерпретируют проблемы старости как следствие ее неадекватного восприятия или «навешивания ярлыков», как то: слабый, беспомощный, зависимый, больной, бедный. Привыкая к ним, человек строит свою жизненную стратегию согласно стигме.

Некоторые авторы считают наиболее плодотворной теорию возрастной стратификации, предполагающую возрастную дифференциацию параллельно с социальной, разделяя людей на группы по их материальному положению и образу жизни. Данная теория способствует объяснению характерных особенностей различных поколений, также делая упор на образ жизни и общие характерные особенности. Это указывает на уникальность каждого поколения людей старшего возраста, обладающего опытом, присущим только ему одному.

Таким образом, представленный анализ показывает, что каждая из приведенных теорий рассматривает лишь одну определенную сторону образа жизни пенсионеров и комплексной универсальной теории не существует.

Примечания

1. Цицерон М. Т. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1423060633> (дата обращения 20.01.2016).

2. Авербух Е. С. Расстройства психической деятельности в позднем возрасте / Е. С. Авербух: М. – 2012.

3. Фролькис В. В. Регулирование, приспособление и старение. – Л.: Наука, 1970.

4. Тарнавский Ю. Б. Чтобы осень была золотой. М. 1988.

5. Эриксон Э. Г. Детство и общество / Пер. [с англ.] и науч. ред. А. А. Алексеев. – СПб.: Летний сад, 2000.

6. Роуз А. Теория субкультуры. М., 2009.

**М. А. АЛИГАДЖИЕВА,
соискатель ЮРИУ РАНХиГС
(г. Махачкала)**

ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

Настоящая статья основана на выявлении специфических особенностей религиозного экстремизма в республике Дагестан, влияющие на дестабилизацию обстановки в Дагестане.

Ключевые слова: экстремизм, причины, особенность, ценности.

The present article is based on detection of specific features of religious extremism in the Republic of Dagestan, the situations influencing destabilization in Dagestan

Keywords: extremism, reasons, feature, values.

Религиозные процессы, происходящие в Дагестане, имеют свою специфику, которую необходимо учитывать.

Для этого необходимо выявить причины религиозного экстремизма в республике Дагестан [1]. Основной причиной экстремизма в России и, особенно на Кавказе, на мой взгляд, служит размывание традиционного общества приводящее к разрушению духовных, материальных, культурных ценностей, в целях создания хаоса внутри страны и формирование модернизированного, ориентированного на либеральные ценности общества, которая в последующем может послужить решением политических, территориальных и др. проблем Запада.

Специфической особенностью в Республике Дагестан является то, что официальными властями называется разветвлённой террористической сетью, которая, опираясь на пособническую базу из числа приверженцев экстремистских идей, занимается противоправной деятельностью, в народе именуется повстанчеством, активно пополняющим свои ряды новыми адептами в мечетях и вузах. Один из примеров свидетелем, которого стал сам автор в мае 2014 г. Селение Согратль Гунибского района, как говорят и сами жители 90%, сторонники фундаментального ислама, но себя радикалами они не считают. Тем не менее, когда произошла перестрелка, недалеко от Согратля, в котором было убито трое и ранено 8 полицейских никто из односельчан боевиков не сдал.

Современный вооружённый конфликт в Дагестане имеет ярко выраженный религиозный оттенок. Фундаментальный ислам, или ваххабизм, прочно утвердился в республике. Во многих районах республики ваххабизм имеет огромное влияние на жизнь местного населения. Укоренилось и действует вооружённое подполье, что влияет на дестабилизацию обстановки в Дагестане. Члены подполья, осознавая, что ждёт их в случае попадания в руки органов правопорядка, предпочитают умереть, чем сдаться, из-за чего многие преступления остаются нераскрытыми, что, в свою очередь, подрывает доверие общества к представителям власти.

Другой особенностью является религиозная неграмотность, из-за которой население, легко ввести в заблуждение от истинной сути дела, позволяющая терроризму с лёгкостью проявить себя под прикрытием религии. Отличительным является и то, что большое значение они придают атрибутике, нежели духовному очищению человека.

Из практики общения с представителями «чистого ислама» было понятно, что они легко получают ответы на очень сложные вопросы, которые они ставят перед своими наставниками. Это говорит еще и об отсутствии в республике грамотных религиоведов.

На мой взгляд, главным и важнейшим условием противодействия религиозному экстремизму является грамотные ученые-религиоведы, которые будут обучать население, грамотно донесут до общества то, что все религиозные учения обладают общим набором жизненно-важных ценностей [2].

Удивительно, но факт, что вступивший однажды на путь идеологии «чистого ислама», как они себя называют, практически невозможно вернуть в традиционный ислам.

Современная молодёжь, особенно передовая часть студенчества, считает, салафизм объединительной идеологией, которая является средством сплочения молодёжной религиозной среды против куфра (отступничества от веры) направленная на насильственное изменение конституционного строя, подрыв безопасности государства, создание вооружённых формирований, разжигание национальной и религиозной розни.

Нельзя не заметить крайность их взглядов, агрессивность, которая и служит всеобщей проблемой. В последнее время все больше бросается в глаза их уверенность и сплоченность за счет все большего финансирования со стороны их благотворительных фондов и организаций.

Вместе с тем и усиливается и формирование региональных рычагов для воздействия на крупные бизнес-структуры и/или площадок для переговоров через коррумпированные органы власти.

Нельзя забывать, что еще одной причиной усиления экстремизма является коррупция, которая питает терроризм [3]. Усиливается их мониторинг окружающего информационного пространства.

Благоприятной средой для экстремистских идей служит обострение социально-политической ситуации, безработица, миграционные пробле-

мы и т.д. Таким образом, экстремизм присуще кризисным этапам, который переживает Россия в современных условиях.

События, связанные с закрытием салафитских мечетей в г. Махачкала и Хасавюрт январь 2016 г. уже вызвали массовые митинги среди салафитов, которые все больше кричат о создании хаоса в республике.

Самое популярное мнение на митинге против закрытия мечети заключалось в том, что власти закрывают только те мечети, которые их не поддерживают. По сути, прихожане даже не скрывают свое отрицательное отношение «к властям», признавая лишь одну власть над собой – религиозную [4].

В таких условиях необходима систематическая борьба с религиозно-политическим экстремизмом – это совместная работа государства с гражданским обществом, общественными и религиозными организациями с независимыми СМИ, пропаганда общепринятых ценностей может дать положительные результаты.

Примечания

1. Алигаджиева М. А. «Причины религиозного экстремизма в молодежной среде в Республике Дагестан» // VIII international Conference «Science and Education» Germany. March, 2015.

2. Алигаджиева М. А. «Роль диалога внутри конфессиональном сообществе в борьбе с религиозно-политическим экстремизмом» // Международная научно-практическая конференция. Новая наука: современное состояние и пути развития, г. Стерлитамак, 2015 г.

3. Алигаджиева М. А «Коррупция: причина нестабильности и терроризма в реалии Дагестана»// 2-я Международная научно-практическая конференция. Научная публикация: Актуальные проблемы науки XXI века, Москва. 2015 года.

4. «Дагестан восстал» <http://elise.com.ua/?p=176107> [Дата обращения: 08.02.2016 г.]

**М.Э. ДОХОВА,
аспирант КБГУ им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)**

НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛЬНО-СТАТУСНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНЩИНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Вопросы равенства / неравенства мужчин и женщин изучаются учеными различных научных направлений с давних пор и по сегодняшний день. В данной статье определяются социально-статусные особенности женщины в современной действительности.

Ключевые слова: статус, гендер, равенство, неравенство, женщина, мужчина, модель поведения.

Scientists of various scientific fields study the issues of equality / inequality between men and women for a long time and today. This article determines the women social status characteristics in contemporary reality.

Keywords: status, gender, equality, inequality, female, male, behavior model.

Один из аспектов проблемы гендерного равенства, акцентируемый в наши дни, – равенство мужчин и женщин в сфере труда и занятости, а также в профессиональной деятельности. Гендерная асимметрия в этой сфере выступает особо явно: женщины, как правило, работают в менее престижных отраслях, занимают менее оплачиваемые должности, медленно продвигаются по карьерной лестнице. Думаем, это зависит от принятых в обществе, или же отдельным человеком, представлений о природе гендерных различий и моделей гендерного поведения, а также от приятия или отторжения постулатов о «естественном предназначении», предопределяющих каждому из полов свою сферу самореализации, заложенную от природы. Стандартное представление о предназначении каждого из полов: женщина – семья, обеспечение уюта в доме, достойное воспитание потомства; мужчина – престижная работа, материальное обеспечение семьи, быть примером для детей; ср.: *Люди приходят в дом, почитая мужа, а уходят, славя жену; без мужа, что без головы; без жены, что без ума; дом без женщины, что мельница без воды.*

Какова же роль женщины в современном обществе? Этим вопросом человечество задавалось всегда. Особое почитание женщины в кабардинской культуре запечатлели многие фольклорные тексты с давних времен в Нартовском эпосе, легендах и сказаниях – в образах Сатаней, Адиюх; в пословицах и

поговорках – *Цыхубзпизрыххуцанэ* (Женщине охотничью добычу оставляют). Забота, уважение, рыцарское преклонение перед женщиной характеризуют её высокий статус в обществе, что можно рассматривать как отголоски матриархатных отношений, с одной стороны, а с другой – как стремление социума следовать рыцарскому этикету.

Концепт «женщина» в кабардинских поговорках представлен как *мать, жена, дочь, сестра, невестка, чужая женщина*. В них нет дифференциации понятий «женщина» и «жена», которые в русском языковом сознании рассматриваются как разные концепты [1, 192].

По данным ООН, проблема положения и роли женщины в современном обществе стоит на втором месте для разрешения после эколого-экономических глобальных вопросов и проблем современности. Сегодняшняя женщина – продукт женского самотворчества и самореализации. Она независима во всех сферах жизни: самостоятельно планирует собственную жизнь, получает высшее образование и право на трудовую деятельность, сама решает, выходить ей замуж или жить в гражданском браке. Женщина научилась быть еще красивее благодаря новым медицинским технологиям, она стремится идти в ногу со своей бурной эпохой, эпохой бесспорного прорыва в истории женщин. Женщина научилась быть не только мудрой, но и умной. Только в активной, производительной деятельности женщина обретает свою трансцендентность. Всё её существование стало предметом выбора, ей не запрещается ни один вид деятельности, никто и ничего не принуждает её занимать определенное место в социальной среде. В современном мире женщина – наравне с мужчиной.

Заметим, что ныне женщина все прогрессивнее приходит к тому, что воспитание детей и уборка по дому – это не смысл её существования; осознает, что тоже склонна зарабатывать деньги наравне с противоположным полом, развиваться, заниматься тем делом и в той сфере, которые ближе ей по душе. Такие женщины стремятся создать блестящую карьеру, чтобы чувствовать себя материально независимой; определяя себе роль мужчины. Женщина с удовольствием примеряет на себя новую роль, и в этом ей способствуют изменения в самом бизнесе. Долгое время руководящие посты занимали преимущественно мужчины, однако в последнее время эта тенденция стала существенно меняться. Наглядные примеры этому мы можем увидеть в самой политике. Дипломатичность, острый ум, находчивость и рассудительность женщины делают ее незаменимым лидером и успешным главой крупных фирм.

В газете «Горянка» я прочитала интервью Ольги Калашниковой со Светланой Гаднановной Азиковой [Горянка, №9 (862), от 02.03. 2016]. Азикова Светлана – депутат парламента КБР от регионального отделения политической партии «Справедливая Россия», а также председатель комитета по образованию, науке и молодежной политике. Светлана – открытая и приятная женщина. К этому выводу пришла я, узнав о том, как она рассказывает о своем воспитании, воспоминаниях детства, что, по ее словам, и послужило причиной того, что сегодня она является частью политики.

Должность депутата Парламента отнимает много личного времени и сил, но при этом Светлана Гаднановна успевает быть достойной матерью, другом своим детям, ибо *женщина без деток, что дерево без веток; хороших волов узнают в ярме, а хорошую женщину – у колыбели ребенка.*

В своем интервью Светлана Гаднановна упомянула о Татьяне Борисовне Егоровой, председателе парламента КБР. С. Азикова в интервью пишет, что ей «нравятся изменения, происходящие в Парламенте нынешнего пятого созыва. В первую очередь, это связано с личностью его нового спикера – с Татьяной Егоровой. Может, потому, что она – женщина, в работе появились некая филигранность, изысканность, интеллигентность. Приоритетом стало качество, а не количество принимаемых законов». Татьяна Борисовна является для С. Азиковой примером, у нее есть чему поучиться. Слова Светланы Гаднановны подтверждают, что женщина может, да еще и эффективно, реализовываться в такой непростой сфере как политика, ведь, *если женщина захочет – сквозь скалу пройдет* [Горянка, №9 (862), от 02.03.2016].

Подтверждением являются и слова Татьяны Егоровой о своей работе и о том, как она чувствует себя в должности председателя парламента КБР. Татьяна Борисовна отмечает, что «в Российской Федерации лишь восемь женщин возглавляют законодательные органы субъектов. При этом, в отличие от глубинной России, ей намного легче справляться с этими обязанностями, потому что традиционно на Кавказе присутствует уважительное отношение к женщине. Поэтому в Парламенте республики она не сталкивалась с мужским лобби, а коллег-мужчин назвала достойными профессиональными политиками» [Горянка, №52 (853), от 30.12.2015].

Хотелось бы отметить, что 10 марта 2016 года, в первые весенние дни, Татьяна Борисовна отметила свой юбилей. Добрые пожелания и слова в ее адрес свидетельствуют о том, что Татьяна Егорова является ярчайшим примером женщины новой, современной формации.

В очередном выпуске «Горянки» есть статья, посвященная юбилею этой уникальной женщины, где друзья и коллеги изъявили желание поздравить Татьяну Борисовну с днём ее рождения [Горянка, №10 (863), от 10.03.2016]. Председатель Союза «Объединение организаций профсоюзов КБР» Фатимат Амшокова призналась, с каким уважением относится к Татьяне Борисовне, талантливому руководителю, профессионалу своего дела, человеку, в котором сочетаются лучшие личностные качества, невероятное обаяние и сосредоточенность в деле наивысшей ответственности: «Неудивительно, что день ее рождения выпал на мартовскую декаду, когда мир поет оду женщинам. Та утонченность, чувство прекрасного, которыми она обладает, делают ее примером женщины новой формации» [Горянка, №10 (863), от 10.03.2016].

Возвращаясь к означенной проблеме, хочу отметить и Фатимат Амшокову, о которой упоминалось выше. На IX Съезде ФНПР Председатель Федерации профсоюзов КБР выступила по резолюции «Гендерный фактор в социальной политике государства». По мнению лидера профсоюзов Кабардино-Балкарии, принципы равноправия и партнерства между мужчинами

и женщинами являются такими же важными приоритетами XXI века, как демократия, устойчивое развитие, гражданское общество. Из выступления Ф. Амшковой можно вынести, что вопрос неравноправия в отношении женщин по сей день стоит крайне остро. Женщины в силу ряда социокультурных особенностей и традиций оказались в более трудном положении, чем мужчины. И хотя предшествующие времена позволяли многого достигнуть в обеспечении общественного равенства по полу, тем не менее, женщины по-прежнему остаются в ряде важнейших областей жизнедеятельности «догоняющим полом» с недостаточным объемом прав и, особенно, возможностей. Федерация независимых профсоюзов России на протяжении многих лет проводит колоссальную работу по ведению гендерной политики не только в области разработки общей стратегии, но и воплощения ее в жизнь среди профсоюзных рядов. Разработаны система проведения гендерного аудита, который стал серьезным инструментом повышения эффективности реализации равных прав и возможностей мужчинам и женщинам в членских организациях, делается все возможное для совершенствования системы профессиональной подготовки, переквалификации и непрерывного обучения женщин в целях повышения их конкурентоспособности на рынке труда, в территориальных профсоюзных организациях создаются комиссии по мониторингу присутствия женщин на руководящих постах в профсоюзных рядах. Только начав с себя, можно эффективно выстраивать гендерный баланс и ввести систему, выработанную профсоюзными лидерами. «Говоря о Кабардино-Балкарской Республике, которую я сегодня имею честь представлять, то почти 70% работающих членов профсоюза республики составляют женщины и 78% из учащейся молодежи – также девушки. Из 15 республиканских комитетов Федерации профсоюзов Кабардино-Балкарии семеро – женщины. Положительная тенденция наметилась и в области органов власти. Спикером Парламента КБР в 2014 году за всю историю законотворчества республики стала женщина – руководитель парламентского комитета по делам молодежи. Три вице-преьера, отвечающих за приоритетные социальные направления развития Кабардино-Балкарии, в сегодняшнем правительстве – также женщины. Сегодня уже не оспаривается тезис о том, что смешанная по полу команда управления более результативна, чем однополая» [Горянка, № 12 (854), от 26.02.2016].

Мы склонны согласиться с Фатимат Амшковой, что женщина уже сегодня может решать серьезные вопросы, касающиеся положения в республике или же в стране, причем вопросы не только политики, но и изменений в образовании, медицине. Клиническую больницу Кабардино-Балкарии возглавила депутат Зурият Бгажнокова. Перед ней как перед главным врачом больницы поставлены задачи: внедрение новых видов высокотехнологической помощи, открытие третьей реанимации и реабилитационного отделения в Региональном сосудистом центре, строгое соблюдение санитарно-эпидемиологического режима и распорядка работы больницы.

Проблема социально-статусных особенностей женщины современной

действительности, на наш взгляд, интересна, так как до конца не изучена, и мнения, по-видимому, всегда будут неоднозначны. Чтобы глубже понять отношение к социальному статусу женщины в КБР, мы провели небольшое анкетирование среди знакомых и незнакомых людей. Результаты показали следующее.

Респонденты-мужчины продолжают настаивать на том, что глава семьи – он, что зарабатывать деньги должен он, что лучшие руководители – мужчины. Обоснование: «им присущи такие качества, как доминирование, смелость, сдержанность, умение воздействовать, женщины же более эмоциональны, что часто мешает им в работе».

Прекрасная же часть опрошенных приятно удивляла, говоря о том, что время не стоит на месте, и практика показывает, что не всегда можно полностью доверить себя мужчине, что нет ничего постыдного зарабатывать много денег без помощи мужчины. Более того, многие утверждали, что смогут воспитывать ребенка и без поддержки мужчины.

Женщина равная противоположность мужчине. Она уважаема, свободна, перспективна. Ее роль так же велика, как и мужская; она сочетает в себе все самое необходимое, лучше переносит нагрузки, сильнее, не физически, а морально (психологически), хотя и считается слабым полом. Одновременно она неосознанно является носителем изящества, несет в мир гармонию, украшает жизненное пространство: «Быть человеком – это много, но быть женщиной – еще больше» (М. Ларин).

В этом убеждает нас и развитие современной т.н. «женской» литературы, напряженная личностная рефлексия авторов на сложнейшие темы современности. Сосредоточенность творчества северокавказских писательниц, в том числе нашей соотечественницы, кабардинки М. Хакушевой, «на деструктивных последствиях социально-политических переломов в жизни общества, на проблемах гуманизма и нравственной памяти... делают очевидными процессы модификации гендерных ролей, переход на новый уровень конструирования гендерной идентичности с усилением в нём элементов андрогинности» [2, 73].

Итак, женщина – равная противоположность мужчине, обладает социальным положением, правами, обязанностями и другими сторонами человеческой жизни. Но, несмотря на это, мужчина и женщина взаимно дополняют друг друга, взаимодействуют как в социальной, межличностной, так и в биологической форме.

Думаем, в XXI веке есть все условия и возможности реализовывать себя материально, физически, духовно, повышая свой социальный статус в обществе. Но не следует забывать, что женщина, в первую очередь, мать – трогательное, ласковое, нежное создание, а уж затем «трудоголик», идущий упорно по лестнице вверх. В современном мире сочетание профессиональной карьеры с выполнением семейных обязанностей дается куда проще, нежели пару веков назад.

Примечания

1. Балова И. М., Кремшокалова М. Ч. Философские и нравственные концепты в русских и кабардинских паремиях. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2009.
2. Мамиева И. В. Женский дискурс в северокавказской литературе // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2015. № 25. С. 68-74.
3. Газ. Горянка, №52 (853), от 30.12.2015.
4. Газ. Горянка, № 12, (854), от 26.02.2016.
5. Газ. Горянка, №9 (862), от 02.03.2016.

СТУПЕНЬ В НАУКУ

**АМИРА НАКУСОВА, АЛАНА САККАЕВА,
учащиеся ГБОУ Гимназия «Диалог»
(г. Владикавказ)**

ТАТАРТУПСКИЙ МИНАРЕТ – ВЗГЛЯД НА ПРОШЛОЕ

С 30-х годов XIII в. равнинная часть Северной Осетии (Осетинская или Владикавказская равнина), занимавшая выгодное стратегическое местоположение в центре Северного Кавказа, была подчинена татаро-монголами и включена в состав улуса Джучи – государства Золотая Орда. При этом особую роль играли так называемые «Эльхотовские ворота» в северо-западной части Осетинской равнины – место прорыва р. Терек через невысокий лесистый Терско-Сунженский хребет. Это был единственный удобный проход в хребте с севера на юг через узкое дефиле, которое можно было относительно легко перекрыть или защитить.

Поэтому здесь, на левом берегу Терека, уже в позднеаланский период, в X-XII вв., формируется крупное городище. В эпоху Золотой Орды на месте аланского городища выросло крупное ордынское городище, теперь известное как Верхний Джулат.

На территории Северного Кавказа Татартупский минарет был единственным золотоордынским зданием, дошедшим до нашего времени и простоявшим почти 600 лет. Эта особая живучесть минарета, по-видимому, объясняется его особым положением в религиозных верованиях и представлениях

местного населения, глубоко чтившего минарет и расположенную рядом гору Татартуп.

Вопрос о происхождении Татартупского минарета, научно зафиксированного здания Верхнего Джулата, принципиально важен для осмысления и исторической интерпретации как других, не полностью уцелевших архитектурных памятников городища, так и для истории Верхнего Джулата в целом. В этом смысле Татартупский минарет представляет собой ценный источник исторической информации.

Уникальный кирпичный Татартупский минарет, венчавший Верхний Джулат, существовал до июня 1981 г., когда он был обрушен при вскрытии фундамента неквалифицированными реставраторами.

Мы предполагаем, что Татартупский минарет – уникальный архитектурный и исторический объект, свидетельствующий о героической борьбе народов Северного Кавказа против татаро-монгольских завоевателей, расположенный в месте, издавна считавшемся священным для осетин, кабардинцев, балкарцев, адыгов, ногайцев и тесно связанный с историей древней Руси.

Северная Осетия изобилует археологическими памятниками. Памятники эти расположены большей частью в нагорных районах. Они очень разнообразны; здесь встречаются, например, древние подземные погребения (в склепах и каменных ящиках), архитектурные сооружения в виде жилых и боевых башен, заградительных стен, святилищ, надземных склепов и другие памятники материальной культуры. Они связаны, главным образом, с прошлым осетинского народа. В равнинной части республики они менее многообразны и представлены, преимущественно, курганными погребениями; кроме того имеются старинные городища и стоянки, надмогильные каменные вертикальные плиты и некоторые другие памятники. Архитектурные древние сооружения на плоскости очень редки. Археологические памятники этих мест имеют значение для изучения истории не только осетин, но и других народов, проживавших некогда в предгорных районах Северного Кавказа.

Многие памятники старины Северной Осетии имеют выдающееся археологическое значение и давно привлекали внимание русских и иностранных ученых; например, Кобанский могильник, датируемый концом II тысячелетия и началом I тысячелетия до н. э., погребения в селениях Камунта, Галиат, Кумбулта, Чми и других, с инвентарем алано-хазарского типа (V-IX вв.), святилище «Реком», древняя часовня в сел. Нузал и прочие памятники нагорной полосы. Менее изучены памятники предгорной части республики, хотя археологическое значение их весьма велико. К числу таких памятников принадлежит и старинный минарет, находящийся на городище, известном под различными названиями – Татартуп, Дзулат и другими. Этот минарет, сохранившийся до наших дней, возвышается среди развалин древнего города, на левом берегу Терека, против селения и железнодорожной станции Эльхотово, недалеко от моста, переброшенного через эту реку. Тут же обрываются последние отроги ближайших горных хребтов. Местность, где находится городище, называется у осетин «Арджы нараг» («Теснина Арга») [1].

Здесь побывали многие путешественники и археологи. Упоминания о Татартупе очень часто встречаются в кавказоведческой литературе и архивных источниках. К этому месту приурочены поверья и сказания осетин и других народов Северного Кавказа» – отмечал в своих работах профессор Л. П. Семёнов [2].

На склонах Эльхотовского ущелья между станицей Змейской и сел. Карджин в местах речных обнажений, а иногда и на поверхности земли археологи обнаруживают обломки керамики, другие предметы древнего быта. «Эльхотовские ворота» по праву можно называть своеобразным архивом истории.

Литературные источники и археологические памятники свидетельствуют: Эльхотовское ущелье в далеком прошлом было одним из оживленных пунктов на знаменитом «Аланском пути». Именно здесь сложился большой город, известный теперь, как городище Татартуп. Этот район и после изгнания татар из этих мест долго пользовался у народов Северного Кавказа большой известностью.

Не оставила без внимания «Эльхотовские ворота» и народная память. Она донесла до нас много чудесных легенд, в которых не только богатый поэтический вымысел, но и отзвуки подлинных исторических событий.

Татартуп и Джулат часто упоминаются в кабардинском фольклоре. «Кабардинцы имеют великое уважение к остаткам старого города Татартуп. Для скрепления братского союза и верности обета, кабардинцы отправлялись к минарету. Здесь давались клятвы верности» – Н. Семёнов [3].

Кабардинский ученый и просветитель Ш. Б. Ногмов так описывает процесс произнесения клятвы перед Татартупом: «Если между союзниками или друзьями случалась ссора, или нарушение слова, то оба отправлялись к Джулату с луками и стрелами; по прибытии туда, они становились один против другого, брали стрелу за концы и давали обещание, что между ними впредь никакой ссоры не будет; потом разламывали ее вдвое и возвращались восвояси. Этот обряд называется «жулат».

Осетины и кабардинцы вели упорную борьбу с чужеземными пришельцами, захватившими земли в районе Эльхотовских ворот. Объединившись, они разбили войска ногайского хана Жанбека, он бежал за Дон. С того времени и ведется татарская пословица: «Съели от горца тревогу и разорение»[4].

В одном из преданий, которое приводит Ш. Ногмов, нашла отражение эта самоотверженная борьба горцев с иноземными захватчиками. Вот это песенное предание: «...возникло ужасное соревнование, ко вреду общему, мы строим дома, а вражда их изгоняет нас из жилищ наших...

...Если б не отсутствовал наш князь, ... не претерпели бы мы сего ужасного кровопролития и не увидели бы богатых шатров, сооруженных из добычи, у нас похищенной...

Много было работы арбам нашим, поставленным для хоронения мертвых; они неумолимо переходили поля, как будто в день богатой жатвы...

...Двинулось многочисленное кинтово (Чингисхана) войско на Тотластовы аулы, оставив право Татартуп (Жулат на Тереке). Да защитит нас Ауси-Герге в день жестокой битвы!

Доблестные герои наши стояли твердо с кистенями, а стрельцы наши спешили, врезались в средину полчищ неприятельских.

Лишились мы прежнего могущества и богатства; при князе Корошое Тотластокове свободно кочевали с стадами нашими в степях Сотея, а теперь нас теснят все ближе и ближе к чужим...» [5].

Н. Семенов отмечает, что Татартуп упоминается в ногайской поэме «Мурза-Эдыге». В ней говорится о том, что султан Берки-хан (Алтун-Берды-Хан), «обладатель золотого лука», властвует над Татартупом и Джулатом. В той же поэме имеется упоминание о поражении, нанесенном Тамерланом могущественному хану Золотой Орды Тохтамышу.

Почитание горцами Татартупа было хорошо известно А.С. Пушкину. Он использовал предание о Татартупе в своей неоконченной поэме «Тазит».

*«В нежданной встрече сын Гасуба
Рукой завистника убит
Вблизи развалин Татартуба...»*

Сын Гасуба убит там, где человек был неприкосновенным. И когда Тазит пощадил убийцу своего брата и не выполнил адата, кровной мести, он был за это проклят и изгнан разгневанным отцом.

Татартуп упоминается и в осетинских нартских сказаниях. Так, например, в сказании «Гатаг и его сыновья» повествуется о том, что когда умирал отец Сырдона – Гатаг, то сын обещал устроить после его смерти поминки и пустить из Дзилата скачку.

Как известно, в нартском эпосе особое место занимает «Песнь об Ацамазе». Эта песнь, по утверждению В.И. Абаева, может быть названа по праву одной из жемчужин осетинской народной поэзии. В «Песне об Ацамазе» Татартуп и Теснина Арга (Æрджынарæг) упоминается неоднократно, что несомненно рисует их былое значение. Татартуп характеризовался эпитетами: «высокий», «светлый», «седоголовый». (6)

Отзвуки исторических событий времен татаро-монгольского владычества на Северном Кавказе нашли свое отражение в легенде о «Рве Тамерлана». Согласно преданию, «Ров Тамерлана» тянулся от Каспийского до Черного моря. Обо всем этом так пишет автор, записавший народное предание:

«В различных местах Чечни, за Аргуном около укрепления Воздвиженского в Малой Чечне и над Тереком, можно и теперь еще увидеть ров, уже от времени сравнявшийся с землею. Чеченцы приписывают его Тамерлану и называют его Аксак-Темир-ор, т. е. ров хромого Темира. Насчет этого рва предание говорит, что у Тамерлана пропал его сын, чтобы отыскать его, он собрал многочисленное войско и решил покорить мир, или отыскать сына.

Чтобы вернее возвратиться обратно, он копал по пройденной дороге ров; войско его было столь многочисленно, что на долю каждого воина, во время копания рва, досталось только по одной торбе земли. Ров этот простирался от Каспийского до Черного моря и шел на Русь.

Тамерлан предложил своим воинам набрать побольше земли с собой, сказав, что как взявшие с собою земли, так и не взявшие воины будут раскаи-

ваться. Воины не поняли слов Тамерлана, а потому некоторые взяли с собою земли, другие же нет. Набранная земля превратилась в золото, и вещи слова Темира исполнились. Набравшие земли воины сожалели, что взяли ее мало, не набравшие же сожалели, что не взяли ее. Потом в предании говорится, что сын его находился табунщиком у тогдашнего хана Тохтамыша. В этом табуне был конь Турпал. Сын Тамерлана сел на него, конь чутким ухом услышал шум идущего войска Тамерлана и присоединил к нему его сына. Побив татар, он вернулся обратно» [4].

По утверждению старожилов часть старинного «рва Тамерлана» проходила по левому берегу Терека, недалеко от старого эльхотовского моста.

В газете «Терские ведомости» обнаружена интересная легенда под названием «Анзор Малый» (Легенда о Тартутупе). Неизвестный автор записал ее со слов жителя сел. Эльхотово Мисоста Галауовича Ардасенова. В образе героя легенды Анзоре перед нами предстает сильный, смелый, находчивый человек, готовый отдать жизнь во имя любви к прекрасной девушке [7].

Тартутупская местность богата археологическими памятниками, связанными с различными эпохами и различными культурами» – отмечал в своих работах профессор Л. П. Семёнов.

Во все минувшие времена район Эльхотовских ворот занимал важное положение для его обитателей. Ворота служили единственным в том районе проходом через Сунженский хребет, открывающим путь на север – к нижнему Дону, а на юг – в Закавказье. Средневековые письменные источники называют этот путь «Аланским».

На этом пути, в теснине Эльхотовских ворот, в X-XI вв. возникает большое аланское поселение. Удобное расположение поселения обусловило его быстрое развитие. Исторические источники, оставленные турецким путешественником Эвлия Челеби и европейскими учеными, характеризуют этот населенный пункт как густо заселенный город со множеством каменных общественных и культовых зданий.

Некоторые исследователи высказывают предположение о том, что указанное поселение у Эльхотовских ворот является тем самым городом, который в русских летописях именуется «славный ясский город Демяков» «Славный» потому, что он был большим, сильным и хорошо известным на Руси городом. «Ясский» потому, что здесь жили аланы [8]. «Итоги археологических работ на городище «Верхний Джулат», – пишет Е. И. Крупнов, – дают все основания считать, наконец, вопрос о локализации Демякова решенным. По нашему мнению, «Верхний Джулат» – это и есть Демяков»[5]. Ученые установили, что задолго до нашествия татаро-монгольских завоевателей в городе Демякове значительное развитие получили различные ремесла – гончарное, кузнечное, кожевенное и другие.

О том, что аланы владели искусством изготовления оружия имеются письменные свидетельства. Византийский историк Халкондилас (XV в.) сообщает, что аланы делают превосходные кольчуги, а также из меди изготавливают оружие, называющееся аланским.

Как уже сообщалось выше, в 1222 году татаро-монгольские завоеватели совершили свое первое, а в 1237 году – второе нашествие в пределы Северного Кавказа. В течение сорока лет аланы оказывали упорное сопротивление завоевателям, лишь в 1278 году татаро-монголы смогли захватить крупный аланский город Дедаков. Равнинная часть Северной Осетии была включена в Монгольское государство, точнее, в его часть, названную улусом Джучи. Аланское население было вынуждено уйти в горы и вести там многовековую тяжелую борьбу за свое существование.

Татаро-монголы оценили выгодное положение Эльхотовского ущелья на важном военно-торговом пути. Они постарались превратить Татартуп в один из опорных пунктов Золотой Орды на Северном Кавказе. Монголы пригнали сюда пленных. Их руками воздвигаются мечети с минаретами. Христианское население города строит церкви. В центре города возникает вымощенная булыжником городская площадь, появляются общественные здания. В этом отношении необходимо отметить веротерпимость, или, скорее, безразличие к верованиям побеждённых народов у монголов, – в стане Чингисхана были и свои шаманы, и попы, ламы, муллы, последователи Заратустры, – монголов же заботила только покорность и своевременность выплаты дани.

Как известно, русские посещали золотоордынских властителей в Предкавказье. Они бывали и в районе Татартупа. В 1319 году сюда приехал великий князь Михаил Ярославич Тверской, который был убит здесь золотоордынским ханом Узбеком. Замечательный осетинский краевед Г. Кусов предполагает, что именно это событие связано с таким артефактом, как Заманкульский крест [10].

В литературных источниках имеется немало сведений о древнем городе Татартупе. В первой половине XVIII века здесь побывал кизлярский дворянин Алексей Тузов. Он отметил, что в Малой Кабарде, подле Татартупа, в жилище его владельца Алдигирея (А. Гилякбанова.) стоит христианская каменная церковь с обвалившимся сводом и расписными стенами. По свидетельству того же Тузова, недалеко от церкви стояла другая «часовня каменная во всякой целости».

20 мая (по старому стилю) 1829 г. это место посетил А. С. Пушкин, давший в своем сочинении «Путешествие в Арзрум» (гл. I) чрезвычайно ценные строки: «Первое замечательное место есть крепость Минарет. Приближаясь к ней, наш караван ехал по прелестной долине, между курганами, обросшими липой и чинаром. Это могилы нескольких тысяч умерших чумою. Пестрелись цветы, порожденные зараженным пеплом. Справа сиял снежный Кавказ; впереди возвышалась огромная лесистая гора; за нею находилась крепость: кругом ее видны следы разоренного аула, называвшегося Татартубом и бывшего некогда главным в Большой Кабарде. Легкий одинокий минарет свидетельствует о бытии исчезнувшего селения. Он стройно возвышается между грудями камней на берегу иссохшего потока. Внутренняя лестница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, с которой уже не раздается голос

муллы. Там нашел я несколько неизвестных имен, нацарапанных на кирпичках славоябивыми путешественниками»[11].

В 1771 году развалины древнего Татартупа осмотрел известный академик И. А. Гюльденштедт. Он оставил довольно подробное описание развалин этого городища. В 300 шагах от нынешнего минарета Гюльденштедт видел другой минарет, подобный первому, но более низкий (6,4 м), так как верхняя его часть была разрушена. Он также описал руины довольно большой мечети, находившейся недалеко от ныне существующего минарета. О размерах мечети можно судить по данным Гюльденштедта – 28 шагов на 14, высота стен – 3-4 м. Мечеть была сложена из кирпича и булыжника.

Раскопками было установлено, что площадь мечети – более 200 квадратных метров. Пол ее был выстлан крупным квадратным кирпичом со сторонами 40х40 см. Кладка стен – комбинация каменных блоков с кирпичом.

Значительный интерес представляет собой другое культовое сооружение – христианская церковь, стоящая в 300 шагах к юго-востоку от мечети. Она была сложена также из кирпича в форме четырехугольника со сторонами, равными 6,4 м. Высота церкви от основания до купола равнялась 8,5 м. Стены церкви были хорошо оштукатурены и расписаны. На северной стене, у алтаря, Гюльденштедт видел изображение головы в ореоле, лежавшей на подушке, которое представляло собой часть общей картины успения Богоматери. На другой стене виднелась голова, также в ореоле, стоявшей персоны, которая руками прижимала к груди спину черной овцы – так изображали, обычно, Иоанна Крестителя. В куполе церкви к тому времени уцелела нижняя часть фигуры человека, облаченного в черную с белыми галунами ризу и красный орарь.

Вторая христианская церковь была обнаружена Гюльденштедтом в 300 шагах к северо-западу от мечети. Она была значительно меньше по размерам и сохранилась хуже.

Существование христианских и мусульманских культовых сооружений в Татартупе свидетельствует о борьбе двух религий.

Так говорят письменные источники о Татартупе, эти данные подтверждаются новейшими археологическими разысканиями.

Археолог О. В. Милорадович в 1958-1961 гг. раскопала в районе Татартупа две мечети и одну христианскую церковь. Это как раз те мечети и церковь, о которых поведали нам А. Тузов и И. Гюльденштедт. Все они были сложены из хорошо выжженного кирпича на прочном известковом растворе. Крыши их были покрыты замечательной по своим качествам черепицей.

В шестидесятых годах археологи продолжали раскопки татартупского городища, все глубже проникая в тайны бытия древнего мира. В 1962 году В. А. Кузнецов раскопал на Татартупе еще две небольшие христианские церкви, сложенные из того же квадратного кирпича, со сторонами 23х23 см, при толщине в 4-5 см. На нескольких обломках плоской черепицы сохранились рельефные буквы – остатки грузинской строительной надписи, сделанной, наверное, руками пленных мастеров из Грузии [12].

Под алтарем одной из, церквей В. А. Кузнецов обнаружил сводчатый по-

гребальный склеп, а у боковых стен – кирпичные саркофаги, в которых были погребены знатные лица. Местность вокруг церквей была усеяна христианскими захоронениями. Планировка церквей и находки (железные кресты, мраморный кистень, кирпичи, черепица, русские средневековые замки и ключи) позволили датировать их XII-XIII вв.

Установлено, что культурный слой Верхне-Джулатского городища состоит из двух горизонтов: нижнего – аланского и верхнего – монгольского времени, размер в длину более двух километров.

В культурном слое нескольких раскопов, сделанных в 1961 году, получен ценный вещественный материал, характеризующий гончарное ремесло, земледелие, животноводство и охоту жителей в давние времена. В кладке стены одного из зданий было обнаружено изображение так называемого «Вавилона», считавшегося символом средневекового славянского зодчества – это свидетельство связей Северного Кавказа с Киевской Русью. Из отдельных находок заслуживают внимания железные лемехи, серп, железное навершие от посоха с серебряными украшениями, русские замки и др.

Отмечая важное научное значение раскопок на городище Верхний Джулат, профессор Е. И. Крупнов писал: «Они обогатили нас новыми материалами, которые значительно усиливают аргументацию в пользу признания городища «Верхний Джулат» яским городом Дедаков».

Обнаруженные при раскопках на древнем городище Татартупе археологические материалы свидетельствуют также о том, что аланский город существовал в этом месте еще за много столетий до нашествия монгольских завоевателей. Татартуп был известен не только как «путь работорговли» и «важнейший узел древних и средневековых связей и взаимоотношений народов Кавказа с окружающим миром». Сюда пригонялись пленники, которые перепродавались работорговцами в Крым, Турцию и Испанию. Татартуп считался также святыней. Из ближайших осетинских сел сюда приезжали для жертвоприношений. Под Татартупом давались клятвы, заключались братские союзы, которые, как утверждает И. Дебу, никогда почти не нарушались. «Татартуп был местом убежища скрывавшихся от преследования людей. Они пользовались здесь правом неприкосновенности. Даже кровники не смели враждовать в Татартупе» [5].

Татартуп был крупным культурно-хозяйственным центром Алании. Это был «славный яский город Дедаков», связанный экономическими узами с соседними племенами и странами.

Как известно, в 1395 году на Северном Кавказе появляется новый средневековый завоеватель эмир Тамерлан – враг Золотой Орды. Недалеко от города «Нижний Джулат» (ныне г. Майский, КБ АССР) Тамерлан разгромил золотоордынского хана Тохтамыша. Преследуя его, Тамерлан разрушал и сжигал аланские поселения. В районе Татартупа Тамерлан сделал привал, превратил древний город в груды развалин. Время и силы природы запрятали развалины Татартупа под землю. Из всех построек древнего города словно чудом уцелел только один минарет – свидетель бурных событий прошлого.

Минарет, стоящий над Тереком в Эльхотовских воротах, принято называть Татартупским. Этот был единственный в своем роде памятник архитектуры в свое время стоял у входа в большую соборную мечеть и, видно, был ее частью. Отсюда муэдзин призывал верующих к молитве. Он был построен в первой половине XIV в. неизвестными мастерами.

Судя по всему, минарет строили отличные мастера, которые простыми средствами добились оригинальности постройки, строгости композиции, гармоничной связи с окружающей природой.

Татартупский минарет был сложен из красного жженого кирпича и отличался тщательностью и прочностью кладки. Его основание было – четырехугольное (4,20х3,56 м.), корпус – цилиндрический, суженный в верхней части. Высота – 21 м. В восточной стене имеется вход прямоугольной формы. В цилиндрической части в три яруса были расположены на одной вертикали три окна. Между вторым и третьим окнами вокруг корпуса – выступы с глубокими выемками; в них заметны были следы голубой глазури; немного ниже – орнамент геометрической формы.

Высота входа в минарет 1,86 м. От входа до верха ведет узкая винтовая лестница, ступени которой в прошлом были сложены из кирпича. Общее количество ступеней 69. Освещался минарет через окна и верхнее отверстие.

Минарет реставрировался до революции, а также в наше время. Навес и перила над башней построены в начале XIX в. по частной инициативе эльхотовцев. Тогда же была возобновлена винтовая лестница. О балконе и железной решетке на вершине минарета имеется упоминание в путевых записках поэта и публициста Е. Вердеревского, он же упоминает и конкретные фамилии доброхотов.

В 1910 году на минарете висела чугунная плита с надписью: «Путь до башни от станции Эльхотова через селение Эльхотова, и на пароме через Терек (за плату 3 коп. с пешего человека)».

Археологические, литературные и фольклорные материалы, касающиеся всестороннего изучения Татартупского минарета и прилегающих районов, имеют весьма большое значение для изучения прошлого Северной Осетии, тесно связанного с историей Северного Кавказа в целом».

Профессор Л.П. Семёнов 1947 году написал статью «Татартупский минарет». Даже в эти грозные и тяжёлые для страны времена находилось время, силы и возможности для изучения истории своего народа и государства, на установление научной истины.

Сохранившийся до 1981 года минарет был построен в XIII-XIV веках из высококачественного кирпича, выдающимися мастерами, имевшими корни Апшеронского полуострова. С июня же 1981 года нет Татартупского минарета, постоявшего здесь, у Эльхотовских ворот почти шесть столетий.

В истории сохранилось много интереснейших событий, связанных с минаретом и его окрестностями. Для местных селений минарет был священным. Отсюда уходили на ратные подвиги жители близлежащих аулов и сел, на поляне и на окружающих холмах мирились кровники, сюда привозили

невест, женихов, молодых воинов перед началом службы в армии, здесь начинались встречи друзей, однополчан. У Татартупского минарета проводились праздники, конные скачки и соревнования.

Шли годы, и поклонников Татартупа и его живописных окрестностей становилось все больше и больше. Редкий прохожий не останавливался здесь, чтобы не полюбоваться им, не сфотографироваться на память... Редкий путеводитель или альбом исторических памятников не содержал фотографии этого поистине уникального чуда истории и архитектуры прошлого.

Таким пришёл Татартуп к нам, жителям сегодняшней Северной Осетии, пережив многовековую историю нескольких поколений на берегах Терека. Многие могли бы рассказать его стены, если бы они могли говорить. Например, о том, как в погоне за сиюминутной выгодой дорожные организации на незначительном расстоянии от памятника спроектировали и построили автомобильную дорогу. Вибрация не могла не вызвать изменений... минарет наклонился больше, чем было в 30-х годах при его обследовании. Надо было как-то спасать падающий Татартуп.

На помощь пришли учёные из Узбекистана, ведь именно в Самарканде была специальная мастерская по реставрации подобных памятников. Оттуда-то и приехали специалисты, которые внесли свои предложения по сохранению минарета. Но эти предложения показались дорогими и хлопотными для местных чиновников из Министерства культуры и подведомственных реставрационных мастерских. Так что специалисты-реставраторы вскоре уехали. А местные, не имея опыта проведения подобных работ, не изучив детально геологию и грунты, на которых простоял несколько веков Татартуп, начали вести работы с помощью большегрузных механизмов по вскрытию фундамента минарета.

Работа же эта, очень тонкая, ответственная, в инженерном отношении необычайно сложная. Без всякого контроля и проектного решения производились землеройные работы... И результат не замедлил сказаться: Татартупский минарет рухнул после почти шестивекового существования...

Воистину, незавидная судьба выпала на долю древнего памятника, видевшего многоликую и страшную в своей дикости Золотую Орду и беспощадные полчища кровавого хромца Тамерлана, бородатых джигитов имама Шамиля и блестящие полки русской армии, сабельные атаки конных лав в Гражданскую войну, чёрные кресты танковых армад гитлеровских варваров и бессмертный подвиг героических бойцов славной Красной Армии, остановивших и разгромивших страшного врага в теснинах Эльхотовских ворот. Многих великих, знаменитых, добрых и честных людей встречал у края древней дороги и провожал в дальний путь старинный Татартупский минарет, пока неграмотные и безответственные горе-специалисты не решили в одночасье его судьбу.

Примечания:

- 1 Татартупский минарет. Википедия – свободная электронная энциклопедия.
2. Семёнов Л. П. Татартупский минарет. – Дзауджикау, 1947.
3. Семенов Н. Туземцы сев.-вост. Кавказа. – СПб, 1895 г. С. 456.
4. Соснина Е. Загадки и тайны Кавказа. – Ессентуки, 2006. 205 с.
5. Кокиев Г. Некоторые исторические сведения о древних городищах Татартуп и Джулата // «Записки Горского ин-та». Ростов-на-Дону, 1930.
6. Сказания о нартах. – Владикавказ, 1990.
7. Ардасенов С. М. Родословная Эльхотовских Ворот. Искусство, 1974. – 142 с.
9. Кузнецов В. А. Верхний Джулат. К истории золотоордынских городов Северного Кавказа. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. 160 с.
10. Кусов Генрий. Поиски краеведа. – Орджоникидзе, 1976.
11. Пушкин А. С. Полное собр. сочинений под ред. М. А. Цявловского. «Akademla». Москва-Ленинград. 1936, IV, С. 396.
12. Кузнецов В. А. Татартупский минарет XIV в. и мечети верхнего Джулата (вопросы генезиса и времени строительства).

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

16 октября 2015г. в диссертационном совете Д 210.004.03 по специальности 17.00.02 – музыкальное искусство при Государственном институте искусствознания Министерства культуры РФ состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения младшего научного сотрудника отдела фольклора СОИГСИ **Дзерасы Майрамовны Дзлиевой** на тему «Музыкальный фольклор осетинской свадьбы. Проблемы типологии и исторического развития».

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «**Санкт-Петербургская государственная консерватория (академия) имени Н.А. Римского-Корсакова**». Научный руководитель: **Попова Ирина Степановна** — кандидат искусствоведения, доцент кафедры этномузыкологии Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова.

УЧАСТИЕ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ СОИГСИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ

В 2015 году Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева заключил договор о сотрудничестве с **Универ-**

ситетом Мачераты (Италия) – одним из старейших центров гуманитарного образования Европы и мира, основанным в 1290 году Папой Римским Николаем IV. Это позволило СОИГСИ расширить не только международные контакты, но и научные горизонты осетиноведения и алановедения.

Благодаря договору с Университетом Мачераты, предусматривающему в том числе активизацию академических связей и обмен научной информацией, ученые СОИГСИ получили возможность мобильнее включаться в мировой кавказоведческий дискурс. 19-20 ноября 2015 года в Риме, в **Университете Рома Тре** (Universita degli Studi «Roma Tre») Международная конференция **«Исследования Центральной Азии и Кавказа»**. Организаторами крупного научного форума выступили Отделение политических наук Университета Рома Тре и **Итальянская ассоциация исследователей Центральной Азии и Кавказа (ASIAC)**.

По приглашению Мачератского университета в конференции приняли участие представители СОИГСИ – **Д.В. Сокаева** (тема доклада: «Мотивационная основа устных рассказов осетин Турции») и заочно – старший научный сотрудник отдела фольклора и литературы СОИГСИ, кандидат филологических наук **Е.Б. Дзапарова** (тема доклада: «Поэма К.Л. Хетагурова «Чи дæ?» («Кто ты?») в переводе Анны Ахматовой»).

Одним из важнейших пунктов в обширной деятельности турецкого осетинского культурно-просветительского и благотворительного фонда «Алан Вакф» является сохранение и популяризация осетинского языка в своей этнической среде. За 25 лет существования Фонда его руководство реализовывало эту задачу путем приглашения специалистов-осетиноведов из

Северной Осетии. С недавних пор уроки осетинского языка турецким осетинам проводит младший научный сотрудник отдела фольклора и литературы СОИГСИ **Зарина Плаева**.

Зарина Плаева является аспиранткой Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН, лауреатом Государственной республиканской стипендии имени В.И. Абаева (2015), в настоящее время работает над диссертацией «Ацамаз в осетинском нартовском эпосе» под руководством Аллы Ивановны Алиевой - доктора филологических наук, известного исследователя фольклора адыгских народов, составителя издания «Осетинская грамматика, с кратким словарем осетино-русским и российско-осетинским» А.М. Шегрена (М.: ИМЛИ РАН, 2010).

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОРИЯ

Киреев Ф. С. ИЗ ИСТОРИИ ПРИТЕРЕЧНОГО КАЗАЧЬЕГО ОКРУГА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ	3
Огузова Д. А. ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ И ЧИСЛЕННОСТЬ АДЫГСКИХ НАРОДОВ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	9
Варивода Н. В. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛАВЯН И СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ В XVIII – НАЧАЛЕ XX В.	16
Муратова Е. Г., Конова Ж. З. ПОЛИТИКА КНЯЗЯ В. С. ГОЛИЦЫНА ПО УПРОЧЕНИЮ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ В ЦЕНТРЕ КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ В 1842-1846 гг.	23
Кармуков Р. Р. ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОМУ ВОПРОСУ В ДАГЕСТАНЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)	29
Пантюхин А. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИБЕРАЛЬНО-МОДЕРНИСТСКИХ ИДЕЙ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ ПРАВОСЛАВНОМ СООБЩЕСТВЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905-1907 гг.	34
Атабиев Х. А., Гутиева Э. Ш. ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРАМЫ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	42
Атабиев Х. А. МУСУЛЬМАНСКИЕ ПОЛКОВЫЕ МУЛЛЫ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ	48
Сенова А. Ю. АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ СТАТУС, СТРУКТУРА ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ МАЛОЙ КАБАРДЫ С 1918-1935 ГОД.	53
Шахалиева Ф. Б. АЛЬТЕРНАТИВА НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ (ФЕВРАЛЬ 1919 – ФЕВРАЛЬ 1920 г.)	59
Поматов В. И. РАБОТА КОМИТЕТОВ СОДЕЙСТВИЯ ХЛЕБОЗАГОТОВОК В НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ. НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И ИХ РОЛЬ В ПРОЦЕССЕ РАСКАЗАЧИВАНИЯ	64

II. ИСТОЧНИКИ. ИСТОРИОГРАФИЯ

Кузьминов П. А., Тахушева И. С. «ПУБЛИКАЦИИ О КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ В «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСКАХ» В КОНТЕКСТЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПОЗНАНИЯ ОТЕЧЕСТВА» (1818-1838 ГГ.)	71
Ладонина Н. А. УЧРЕЖДЕНИЯ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ПОРЕФОРМЕННОМ ВЛАДИКАВКАЗЕ КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС	80

Абаева М. Ш. ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ОБЩЕСТВА «БАЛКАР».....	90
Ахметова М. Х. АДЫГСКОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР	97
Журтова А. А. ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИОГРАФИИ РОССИЙСКО- КАВКАЗСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В XVI-XIX ВВ.	104
Муратова Е. Г., Макитова Л. Б. ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ: СТАТЕЙНЫЕ СПИСКИ XVII ВЕКА О БАЛКАРИИ И БАЛКАРЦАХ.....	111
III. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ	
Миксюк А. С. РОЛЬ ОГНЯ В АВЕСТЕ	117
Абаева Ф. О. ЛИМИНАЛЬНЫЙ МОТИВ В СВАДЕБНОМ ОБРЯДОВОМ ТЕКСТЕ ОСЕТИН И ГРУЗИН	122
Битиев Б. А. ПОХОРОННЫЕ ОБРЯДЫ В ЗАРИСОВКАХ М. С. ТУГАНОВА.....	129
Кешева З. М. ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ТРАДИЦИОННОЙ ТАНЦЕВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ КБР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	137
Кулумбегов Р. П. ФАМИЛЬНЫЕ ПРАЗДНЕСТВА – «МЫГГАДЖЫ КУЫВД», КАК СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ И ЗАКРЕПЛЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ.....	144
Дауева Т. Т. РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ОСЕТИН В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	153
Хубулова Э. В. ОБ ОДНОЙ ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ	158
IV. ФИЛОЛОГИЯ	
Дзапарова Е. Б. ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ДОСТИЖЕНИИ АДЕКВАТНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА	163
Плаева З. К. НАРТЫ АЦÆМÆЗ. КАДДЖЫТЫ СÆЙРАГ СЮЖЕТТÆ ИРОН ЭПОСЫ.....	171
Бутаева М. Б. О ТАБУИРОВАННЫХ СЛОВАХ И ЭВФЕМИЗМАХ В НАРТОВСКОМ ЭПОСЕ ОСЕТИН.....	179
Цаллагова И. Н. ПРИНЦИПЫ ФОРМАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ГОВОРАХ ДИГОРСКОГО ВАРИАНТА ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА	184

Магомедов Д. М. ПЕРСИДСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ	195
Миндзаева Д.Р. ТАКСОНОМИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ АНГЛИЙСКИХ И ОСЕТИНСКИХ ФЕ, ОБЪЕКТИВИРУЮЩИХ ЭМОЦИЮ РАДОСТИ В АНГЛИЙСКОМ И ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКАХ	202
Дзассохова Л. В. СИСТЕМА ОТРИЦАНИЯ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ.....	206
Семенова Т. В. ИДИОСТИЛЬ ПОЭТА КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА	210
Яданова К. В. МОТИВ ПРОКЛЯТИЯ В ГЕРОИЧЕСКОМ СКАЗАНИИ «КОЗЫН-ЭРКЕШ» Н. У. УЛАГАШЕВА.....	216
Дзагоева И. С. ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКЕ ЗООНИМА АРС «МЕДВЕДЬ» В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ	222

V. ПОЛИТОЛОГИЯ

Айларов А. Э. РЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕСТВО НЕМЦЕВ «ВОЗРОЖДЕНИЕ» РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	226
Синанов Б. А. ВОЗРОЖДЕНИЕ СИСТЕМЫ ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ	234
Бирагова Б. М. ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ РЕСУРС (К ВОПРОСУ О КАЧЕСТВЕ ПОДГОТОВКИ И ВОСТРЕБОВАННОСТИ ПОЛИТОЛОГОВ В РЕСПУБЛИКЕ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ).....	241
Джантеева Д. С. ОСОЗНАННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ ЖУРНАЛИСТА КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНЫХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ	249
Кудзиева Ф. С. К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ ИЗУЧЕНИЯ ПЕНСИОНЕРОВ КАК ОСОБОЙ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ГРУППЫ.....	254
Алигаджиева М. А. ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН	260
Дохова М. Э. НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛЬНО-СТАТУСНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНЩИНЫ В СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ	263

СТУПЕНЬ В НАУКУ

Накусова А., Саккаева А. ТАТАРТУПСКИЙ МИНАРЕТ – ВЗГЛЯД НА ПРОШЛОЕ	269
НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ	280

Научное издание

**ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ
ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
ВЫП. 15, 2016**

Технический редактор — *Е.Н. Маслов*
Компьютерная верстка — *А.В. Черная*
Дизайн — *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 24.06.2016
Формат бумаги 70×108 ¹/₁₆. Бум. 65 гр. Гарнитура шрифта «Myriad»
Усл.п.л. 24,5. Тираж 100 экз. Заказ №59.

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА "ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК"
e-mail: rio-soigsi@mail.ru

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, РСО-Алания, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3